

ISSN 1996-7845 (Print)
ISSN 2542-2081 (Online)

INTERNATIONAL
ORGANISATIONS
RESEARCH
JOURNAL

ВЕСТНИК
МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОРГАНИЗАЦИЙ

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Т. 17 № 1 (2022)

ТЕМА НОМЕРА:

Вызовы
и императивы
многосторонности

ВЕСТНИК МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Т. 17 № 1 (2022)

ОБРАЗОВАНИЕ • НАУКА • НОВАЯ ЭКОНОМИКА

Н а у ч н ы й п е р и о д и ч е с к и й ж у р н а л

Москва 2022

INTERNATIONAL ORGANISATIONS RESEARCH JOURNAL

 HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS
NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY

Vol. 17 No 1 (2022)

E D U C A T I O N • S C I E N C E • N E W E C O N O M Y

Q u a r t e r l y J o u r n a l

Moscow 2022

ВЕСТНИК МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

ОБРАЗОВАНИЕ • НАУКА • НОВАЯ ЭКОНОМИКА

Научный периодический журнал

ISSN 1996-7845 (Print)

ISSN 2542-2081 (Online)

Периодичность выхода — 4 раза в год

Научный периодический журнал «Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика» издается Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» с января 2006 г.

С 2009 г. публикуется ежеквартально. Каждый номер журнала является тематическим. Включен в перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (рекомендован по следующим научным специальностям: 08.00.14 — Мировая экономика (экономические науки), 13.00.08 — Теория и методика профессионального образования (педагогические науки), 23.00.04 — Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития (политические науки; с 28 декабря 2018 г.)

Миссия журнала — распространение российских и зарубежных исследований в области глобального управления, международного сотрудничества по различным направлениям социально-экономической политики, в том числе образования, науки, новой экономики; а также создание профессиональной площадки для обсуждения тенденций и прогнозов в этих сферах.

Вестник международных организаций публикует статьи и аналитические материалы российских и зарубежных авторов о деятельности многосторонних международных институтов, прежде всего «Группы восьми», «Группы двадцати», БРИКС, ОЭСР, Всемирного банка, МВФ, ВТО, ООН, и интеграционных объединений, в первую очередь Европейского союза, Евразийского экономического союза, Шанхайской организации сотрудничества и др.

Журнал рассчитан на исследователей, аналитиков, практиков в области международных отношений и мировой экономики, а также на широкий круг читателей, интересующихся политическими проблемами международных отношений и глобального развития.

Позиция редакции не обязательно совпадает с мнением авторов.

Авторские права на публикуемые материалы принадлежат редакции журнала и авторам статей. Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка обязательна.

Подписка

Подписка на журнал «Вестник международных организаций» осуществляется во всех почтовых отделениях связи:

Объединенный каталог «Пресса России»

<https://www.pressa-rg.ru>

Подписной индекс: 20054

Розничная продажа

В университетском книжном магазине «БукВышка»

Адрес: Москва, ул. Мясницкая, д. 20

Телефон: +7 495 621-49-66, 628-29-60

Научный руководитель Я.И. Кузьминов
(НИУ ВШЭ, Россия)

Главный редактор М.В. Ларионова
(НИУ ВШЭ, РАНХиГС, Россия)

Ответственный секретарь О.И. Колмар
(НИУ ВШЭ, РАНХиГС, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Э. Бейкер (Университет Шеффилда, Великобритания)

Св. Бискуп (Королевский институт международных отношений «Эгмонт», Бельгия)

Ю.А. Борко (Институт Европы РАН, Россия)

Р. Вагенаар (Университет Гренингена, Нидерланды)

Я. Ваутерс (Лёвенский католический университет, Бельгия)

Ш. Го (Шанхайский университет иностранных языков, КНР)

Л.М. Гохберг (НИУ ВШЭ, Россия)

Дж.Дж. Киртон (Университет Торонто, Канада)

А.В. Кортюнов (Российский совет по международным делам, Россия)

Дж. Найт (Университет Торонто, Канада)

Т.Г. Пархалина (Институт научной информации по общественным наукам РАН, Россия)

А.В. Соколов (НИУ ВШЭ, Россия)

И.Д. Фрумин (НИУ ВШЭ, Россия)

П. Хайнал (Университет Торонто, Канада)

В.Д. Шадриков (НИУ ВШЭ, Россия)

Л.И. Яковсон (НИУ ВШЭ, Россия)

А.А. Яковлев (НИУ ВШЭ, Россия)

РЕДАКЦИЯ

Выпускающий редактор А.В. Заиченко

Компьютерная верстка Ю.Н. Петрина

Художник А.М. Павлов

Адрес редакции

Россия, 119017, Москва,

ул. Малая Ордынка, д. 17

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

Телефон: +7 495 772-95-90 *23147 и *23149

E-mail: ioij@hse.ru

Web: <http://ioij.hse.ru/>

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, регистрационный номер ПИ № ФС 77 — 66563 от 21.07.2016

Учредитель

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

Тираж 400 экз.

© Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», 2022

INTERNATIONAL ORGANISATIONS RESEARCH JOURNAL

EDUCATION • SCIENCE • NEW ECONOMY

Quarterly Journal

ISSN 1996-7845 (Print)
ISSN 2542-2081 (Online)

International Organisations Research Journal (IORJ) is published by the National Research University Higher School of Economics since January 2006. It is published quarterly since 2009. Generally, each issue is dedicated to one theme. The Journal is on the list of reviewed scholarly journals approved by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of Russia for publishing key research findings of PhD and doctoral dissertations. The journal's main themes are: global governance and international affairs, world economy, international cooperation in education, science and innovation.

The journal's mission is to disseminate the findings of research on global governance, international cooperation on a wide range of social and economic policies, including in the sphere of education, science and new economics, as well as creating a professional framework for discussion of trends and prognoses in these areas.

International Organisations Research Journal publishes academic and analytical papers by Russian and international authors on activities of international multilateral institutions: G8, G20, BRICS, OECD, the World Bank, IMF, WTO, UN, and alliances including the European Union, Eurasian Economic Union, Shanghai Cooperation Organisation and others.

The journal is aimed at researchers, analysts, practitioners in international affairs and world economics and at a wide audience interested in political issues of international affairs and global development.

The editorial position does not necessarily reflect the authors views.

Copyrights are owned by authors and editorial office. The reproduction of materials without permission of the editorial office is prohibited. The reference to the materials is obligatory.

Subscription

To subscribe to the International Organisations Research Journal contact postal department:

Объединенный каталог «Пресса России»

<https://www.pressa-rf.ru>

Subscription index: **20054**

Sale

To purchase the International Organisations Research Journal contact specialized bookshop of the Higher School of Economics Publishing House.

1/20 Myasnitskaya Ulitsa, Moscow, Russia

Tel: +7 495 621-49-66, 628-29-60

Yaroslav Kuzminov, *Scientific Advisor*, HSE University, Russia

Marina Larionova, *Editor-in-Chief*, Professor, HSE University; Head CIIR, RANEPa, Russia

Olga Kolmar, *Executive Secretary*, HSE University, RANEPa, Russia

EDITORIAL COUNCIL

Andrew Baker (University of Sheffield, United Kingdom)

Alexander Sokolov (HSE University, Russia)

Andrei Kortunov (Russian International Affairs Council, Russia)

Andrei Yakovlev (HSE University, Russia)

Jan Wouters (KU Leuven, Belgium)

Isac Frumin (HSE University, Russia)

Jane Knight (University of Toronto, Canada)

John Kirton (University of Toronto, Canada)

Leonid Gokhberg (HSE University, Russia)

Lev Yakobson (HSE University, Russia)

Peter Hajnal (University of Toronto, Canada)

Robert Wagenaar (University of Groningen, Netherlands)

Shuyong Guo (Shanghai International Studies University, China)

Sven Biscop (Egmont – The Royal Institute for International Relations, Belgium)

Tatiana Parkhalina (Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Science, Russia)

Vladimir Shadrinov (HSE University, Russia)

Yuri Borko (Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, Russia)

EDITORIAL STAFF

Executive editor – Anna Zaichenko

Pre-Press – Yulia Petrina

Designer – Andrey Pavlov

Address

National Research University Higher School of Economics

17 Malaya Ordynka Ulitsa, 119017, Russia

Tel: +7 495 772-95-90 *23147 and *23149

E-mail: iorj@hse.ru

Web: <http://iorj.hse.ru/>

Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR)

Reg. No. PI № FS 77 – 66563 (21.07.2016)

Publisher

National Research University Higher School of Economics

400 copies

© National Research University
Higher School of Economics, 2022

Содержание

Е.Н. Грачиков, Х. Сюй

КНР и международная система: формирование собственной модели мироустройства7

П.С. Терри

Проведение в жизнь внешней политики США путем наложения односторонних вторичных санкций: работает ли право сильного в международном публичном праве? 25

У.Г. Восс

Трансграничные потоки данных, общий регламент защиты персональных данных и управление данными 56

А.В. Шелепов

Влияние политики лидеров цифровизации — членов «Группы двадцати» на механизмы международного регулирования и условия развития цифровой экономики 96

И.Э. Магадеев

Многосторонность как вынужденная необходимость? Эволюция французской политики в Субсахарской Африке: преемственность и новизна 114

А.Г. Симонов

Кооперативное соперничество — вероятная альтернатива международным организациям на глобальном энергетическом рынке: пример российско-американского противостояния на европейском рынке природного газа 129

Е.Б. Аймагамбетов, А.А. Таубаев, Г.Н. Амирова, Ю.М. Сайфуллина, Д.Н. Улыбышев

Имплементация национальной политики реиндустриализации в странах Евразийского экономического союза 142

Аналитические обзоры

В.М. Жорнист, А.Д. Несмашный, М.В. Харкевич, И.А. Сафранчук

Дифференциация государств по климатической амбициозности: влияние на мировую политику 163

М.М. Базлуцкая, Е.С. Зиновьева

Особенности цифровой публичной дипломатии международных организаций. Аналитический обзор коллективной монографии «Цифровая дипломатия международных организаций. Автономность, легитимность и конкуренция» под редакцией Р. Зайотти и К. Бйолы 183

Обзор публикаций

С.В. Михневич

Факторы и динамика взаимодействия на евразийском пространстве. Обзор книги «Возвращение Евразии. Преемственность и изменения» под редакцией Г. Дизена и А. Лукина 191

Content

E. Grachikov, H. Xu

China and the International System: The Formation of a Chinese Model
of World Order.....7

P.C. Terry

Enforcing U.S. Foreign Policy by Imposing Unilateral Secondary Sanctions:
Is Might Right in Public International Law?.....25

W.G. Voss

Cross-Border Data Flows, the GDPR, and Data Governance56

A. Shelepov

The Influence of the G20's Digitalization Leadership
on Development Conditions and Governance of the Digital Economy96

I. Magadeev

Multilateralism as Forced Necessity? Evolution of the French Policy
in Sub-Saharan Africa: Continuity and Change.....114

A. Simonov

Cooperative Rivalry – A Prospective Alternative to International Organisations
on a Global Energy Market: A Case of Russia – USA European Gas Standoff.....129

Ye. Aimagambetov, A. Taubayev, G. Amirova, Yu. Saifullina, D. Ulybyshev

Innovative Factors for the Implementation of the National Reindustrialisation Policy
in the Countries of the Eurasian Economic Union142

Analytical Reviews

V. Zhornist, A. Nesmashnyi, M. Kharkevich, I. Safranchuk

State Differentiation by Climate Ambition: Implications for World Politics163

M. Bazlutskaya, E. Zinovieva

Characteristics of the Digital Public Diplomacy of International Organizations.
Analytical Review of a Collective Monograph “Digital Diplomacy
and International Organizations. Autonomy, Legitimacy and Contestation,”
edited by R. Zaiotti, C. Bjola.....183

Article and Book Reviews

S. Mikhnevich

Factors and Dynamics of Interaction in Eurasia. Review of “The Return of Eurasia:
Continuity and Change,” edited by Glenn Diesen and Alexander Lukin191

КНР и международная система: формирование собственной модели мироустройства¹

Е.Н. Грачиков, Х. Сюй

Грачиков Евгений Николаевич — к.полит.н., доцент кафедры теории и истории международных отношений факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов (РУДН); Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2; grachikov-en@rudn.ru

Сюй Хайянь — к.полит.н., ведущий научный сотрудник Института политических наук Китайской академии общественных наук; PRC, 100028, Beijing, Shuguang xili, 28; xuhaiyan2050@sina.com

Аннотация

Китайская Народная Республика (КНР) за время своей 72-летней истории прошла сложный путь смены дипломатических стратегий взаимоотношений с внешним миром. Первый период — 30 лет с 1949 по 1978 г. — идеологический, направлялся Мао Цзэдуном и полностью игнорировал международные организации. Второй — следующие 30 лет (1978–2008 гг.) — экономический. Его определила политика реформ и открытости Дэн Сяопина и постепенное встраивание КНР в международную систему. Сейчас Китай реализует третий — политический — этап под руководством Си Цзиньпина, который поставил перед страной амбициозные задачи дипломатии великой державы и формирования новых международных структур, в которых Китай играет ведущую роль и оказывает реальное влияние на будущую модель системы международных отношений.

Образование КНР в 1949 г. и последовавшая вскоре за этим корейская война (1950–1953 гг.), в которой китайские солдаты-«добровольцы» воевали с объединенными силами ООН, на два десятилетия заблокировала возможность контактов КНР с этой универсальной международной организацией. Внутренние события, в частности «культурная революция», также не способствовали решению этой проблемы. Даже восстановление в 1971 г. прав КНР в ООН, установление дипломатических отношений с США в 1979 г. и реформы Дэн Сяопина не смогли существенно ускорить присоединение КНР к другим международным организациям. Этот процесс занял еще около 20 лет и в целом завершился лишь в 2001 г. вступлением в ВТО. В XXI в., особенно после мирового финансового кризиса 2008 г., Китай стал активно создавать со странами-партнерами международные организации, которые иногда воспринимаются как параллельные или альтернативные.

Цель статьи — анализ китайского академического дискурса по проблеме взаимоотношений КНР с международными организациями и системой в целом, где до сегодняшнего дня доминируют западные страны во главе с США, и Китай не видит для себя перспективы занять там достойное и подобающее своей комплексной мощи место. В статье исследуется история становления взаимоотношений КНР с международной системой, выявляются причины недовольства КНР своим статусом в ее структурах и прослеживается процесс создания международных организаций, в которых Китай занимает доминирующее положение и в глобальной конкуренции с США может влиять на будущую модель устройства мира.

Особенность статьи заключается в том, что в основном анализируются работы китайских авторов, которые исследуют позицию своей страны в отношении международных организаций. Делается вывод о том, что Китай активно формирует свое геэкономическое пространство, предлагая странам Гло-

¹ Статья поступила в редакцию 20.08.2021.

бального Юга, входящим в него, не только материальные дивиденды, но и свои ценности, модель развития и свой взгляд на будущую модель мироустройства.

Ключевые слова: Китай, международные организации, международная система, академический дискурс, допущения, Си Цзиньпин, структурирование международных отношений, модель мироустройства

Благодарности: статья подготовлена в рамках гранта РФФИ 20-514-93003 — совместного проекта с Китайской академией общественных наук «Россия и Китай в мировом политическом пространстве: согласование национальных интересов в глобальном управлении».

Для цитирования: Грачиков Е.Н., Сюй Х. КНР и международная система: формирование собственной модели мироустройства // Вестник международных организаций. 2022. Т. 17. № 1. С. 7–24 (на русском и английском языках). doi:10.17323/1996-7845-2022-01-01

В международных отношениях усиливающаяся тенденция «транзита власти» от США к КНР [Дегтерев, Рамич, Цвык, 2021] и взаимоотношений Китая с международными организациями, которые выступают как главный инструментарий в глобальном управлении [Grachikov, 2020], постепенно стали центральной темой академических исследований [Larionova, Sheleпов, 2021; Fried, 2021]. Как правило, они осмысливаются в рамках нескольких теоретических подходов. Так, Самуэль Ким охарактеризовал отношения Китая с международной системой как переход от подхода «преобразования системы» в период 1949–1970 гг. к подходу «реформирования системы» в 1970-х годах и «поддержанию системы и ее эксплуатации» — в 1980-х и 1990-х годах. Он также утверждал, что поведение Китая в международной системе характеризуется «макси-мини-подходом», то есть стратегией максимизации выгод от участия в системе и минимизации нормативных требований, таких как затраты и издержки, в виде зависимости и потери суверенитета [Kim, 1994].

Энн Кент обращает внимание на защитные реакции внутри Китая, которые подчеркивают, что международное сотрудничество и взаимозависимость защищают и продвигают гегемонистские интересы США. Эти реакции отражают общую амбивалентность глобализации, которая, в отличие от концепции модернизации, подвергает Китай серьезному риску потери контроля над своей политикой. Эта двойственность объясняет настойчивое требование Китая, чтобы взаимозависимость и глобализация не подрывали государственный суверенитет. Официально признавая международные организации субъектами международного права, Пекин отрицает, что они являются «наднациональными» или политическими образованиями в том же смысле, что и суверенные государства. С одной стороны, Китай рассчитывает, что международные организации придадут международный престиж, статус и внутреннюю легитимность и решат проблемы, присущие глобализации. С другой стороны, Пекин предпочитает использовать двусторонние механизмы для разрешения межгосударственных или внутригосударственных конфликтов и рассматривает международные отношения с реалистической или, как некоторые считают, культурно-реалистической, а не либеральной точки зрения [Kent, 2013, p. 132–166].

Аластейр Джонстон в своем исследовании «Социальное государство. Китай в международных институтах. 1980–2000» рассматривает эти взаимоотношения с позиций конструктивизма — как социализацию Китая в международном сообществе. Он выделяет три микропроцесса — имитирование (mimicking), социальное влияние (social influence) и убеждение (persuasion) — для анализа участия КНР в ряде международных

институтов по проблемам безопасности, таких как Конференция ООН по разоружению, Региональный форум АСЕАН и региональные многосторонние диалоги по проблемам безопасности [Johnston, 2008].

Известный китайский ученый-международник Янь Сюэту, явно не соглашаясь с подобными подходами, в статье «Анахронизм социализированного Китая: почему вовлечение совсем не то, на что рассчитывалось» утверждает, что результаты вовлечения (социализации) часто переоцениваются, потому что традиционные конструктивисты, пытаясь определить условия, при которых определенная поведенческая адаптация представляет собой изменение идентичности, имеют тенденцию затемнять некоторые вопросы теоретического и методологического характера. Во-первых, транснационализм, в том, что касается Китая, имеет плохую репутацию в инициировании и поддержании внутриполитических изменений, потому что партийное государство, которым является Китай, яростно отвергает любые внешние попытки, направленные на ослабление его «железной хватки» в отношении государственной власти. Во-вторых, международные институты не так преобразуют, как утверждают конструктивисты. Более того, склонность социализационной точки зрения к рассмотрению государства в реактивном формате может быть «аналитической смиренной рубашкой» (*analytical straitjacket*), что, в свою очередь, заставляет усомниться в ее способности отражения критически важной динамики и измерений такой великой державы, как Китай, в международной политике и глобальном управлении. Янь Сюэту призывает к более эклектичному подходу, который рассматривает Китай как активного участника в международных делах [Yan, 2017, p. 67–94].

Это резкое неприятие Янь Сюэтуном западных аналитических подходов стимулирует наш интерес к собственно китайскому контенту и академическому дискурсу о взаимоотношениях Китая и международной системы. Цель статьи — анализ академического дискурса о взаимоотношениях КНР с международными организациями и системой в целом, исследование противоречивого процесса вступления КНР в международные организации, обусловленного исторической памятью китайского народа о периоде «ста лет унижений» и полуколониальном статусе страны в международной системе, становления Китая как глобальной державы с амбициями создания собственной модели мироустройства.

Обзор литературы

Анализ исследований, посвященных Китаю, условно можно разделить на две части. В первой анализируется литература начального этапа взаимоотношений КНР и международных организаций, это 1949–2001 гг., во второй — КНР в международной системе, период с 2001 г. по настоящее время.

В исследованиях отношений Китая с международными организациями китайские ученые, как утверждает другой известный международник КНР Ван Ичжоу, не добились заметных успехов. По этой проблеме, кроме издания ряда специальных учебников, не было теоретических работ [Wang, 2015]. Предыдущие исследования о взаимоотношениях КНР с международными организациями в китайских академических кругах в основном представляют два направления: во-первых, это работы юристов-международников, в которых они знакомили китайскую аудиторию с правовыми знаниями. Особое место в этом процессе занимают коллективы ученых под руководством профессора Ван Тэя из Пекинского университета и профессора Лян Си из Уханьского университета, которые не только перевели большое количество иностранных работ,

но и познакомили своих коллег с основами международного права. Они исследовали эволюцию международной системы, а также интеграцию китайской правовой системы и правовых концепций с международной системой. Кроме того, были проведены исследования по конкретным областям механизмов и конвенций, таким как введение в международное право окружающей среды, анализ Европейского сообщества и Европейского союза и его правовой основы, обсуждение правил Всемирной торговой организации и сравнение этапов развития конвенции о международных правах человека и т.д. [Zhu, Jiang, 2000; Ma, 1994; Liu, Zhu, 2000; Liu, 1996; Zhang, 1998].

Для стимулирования исследований в области международного права с 2011 г. Сяньчжэньский университет издает всекитайский ежегодник — журнал «Международные отношения и международное право», в котором публикуются не только китайские ученые, но и исследователи из других стран².

Во-вторых, это исследования универсальных международных организаций и их международных механизмов, среди которых большая часть представлена работами Ли Течэна из Исследовательского центра ООН Пекинского университета языка и культуры [Li, 1993; 1995; Chen, Li, 1993]. Некоторые работы в области политических наук также представляют исследования ряда специализированных глобальных и региональных международных организаций и механизмов, таких как Европейский союз, АСЕАН, Варшавский договор, Организация американских государств, Лига Наций и др. [Wang, Wang, 1998]. Значительная часть контента китайских исследований — это «пересадка трансплантата», то есть копирование (западных) знаний, которое мало что дало для внутренних изменений в Китае, в первую очередь правовых, и не оказало существенного влияния на отношения Китая с международными организациями.

Отдельно следует упомянуть о книге «Международные организации и групповые исследования» под редакцией Цюй Ляна и Хань Дэ. Чжан Лили из Дипломатической академии подготовил главу «Развитие отношений Китая с международными организациями». Особенностью монографии является всестороннее освещение современного состояния и краткой истории международных организаций — как универсальных, так и региональных (политических, экономических и военных, в том числе политических партий, парламентских организаций, женских объединений и проч.) [Qu, Nan, 1989].

Логичным завершением исследования этой темы стала публикация «Введение в международные организации» под редакцией Чжан Лихуа. Во «Введении» первые несколько глав посвящены исследованию теории международных организаций, затем рассматриваются проблемы глобализации международных организаций, региональной интеграции, международные организации и государственный суверенитет, национальная безопасность, международный порядок. Последняя, 13-я, глава «Китай и международные организации» посвящена эволюции отношений Китая с международными структурами и анализу позиции КНР по проблемам международной ситуации, комплексной мощи, суверенитета, влияния идеологии и идентичности [Zhang, 2015].

Заметным изданием, исследующим взаимоотношения КНР и международной системы, стала коллективная монография «Китай и международная система: процесс и практика. Чжу Лицун и другие», в которой изучается процесс «вовлечения/вступления Китая» в такие организации, как ВТО, МВФ, ВБ, ВОЗ, институты по нераспростране-

² 国际关系与国际法 / 刘志云主编 [Journal of International Relations and International Law. Chief editor Liu Zhiyun].

нию ядерного оружия, правам человека, переговорам по изменению климата и различные структуры ООН [Zhu, 2012]. Работа Ван Минго посвящена довольно редкой теме: «Исследование причинно-следственных связей в эффективности международной системы». Автор приходит к выводу, что с 1960-х годов в международных организациях идет борьба между развивающимися и развитыми странами по «принципам технологии финансирования» (право голоса), которая привела к тому, что после мирового финансового кризиса 2008 г. Китай, Индия, Бразилия и другие страны с новой рыночной экономикой добились определенных успехов в противостоянии «гегемонистскому порядку управления» [Wang, 2014, p. 384].

Теоретические подходы

При исследовании позиции Китая в отношении международных организаций и международной системы в целом необходимо учитывать два допущения, связанных с историей Китая и его взаимоотношениями с западным миром. *Первое допущение*: до первой «опиумной» войны (1840 г.) Китай был центром межгосударственных отношений Восточной Азии и напрямую не взаимодействовал с европейской системой международных отношений [Zhang, 2015, p. 5–25; Xiong, 2014, p. 1–6; Kang, 2010; Chen, 2007, p. 1–22]. Морская агрессия Англии в виде «опиумных» войн и последовавшие за ними неравноправные договоры нарушили суверенитет, разрушили территориальную целостность и превратили Китай в полуколониальную страну [Li, 2016; Грачиков, 2015]. «Сто лет унижений» (1840–1949 гг.) — так в китайской историографии описывается подчиненное и унижительное положение страны в этот период [Zhao, Chen, 2014, p. 2–3; Zheng, 2012; Грачиков, 2021б]. Исторический опыт полуколониального положения, когда Запад вмешивался во внутренние дела Китая, на десятилетия вперед определил негативное отношение Пекина к международным организациям, контролируемым западными странами. Поэтому понятен призыв Си Цзиньпина к созданию международных организаций развивающихся стран во главе с Китаем [Xi, 2012, p. 48].

Второе допущение, которое необходимо учитывать, заключается в том, что КНР сразу после создания приняла участие в корейской войне (1950–1953 гг.), где воевала с объединенными силами ООН, что на два десятилетия заморозило отношения КНР с этой организацией. Первые три десятилетия под руководством Мао Цзэдуна Китай не демонстрировал стремления вступить в международные структуры. К тому же любые упоминания о каких-либо национальных интересах за пределами своего государства Китай рассматривал как агрессию и нарушение суверенитета других государств, похожие на то, что пережил Китай в период «ста лет унижений» (1840–1949 гг.) [Ху, 2006, p. 18–19; Грачиков, 2021а].

Как отмечается в «Практическом справочнике по международным отношениям», международная система постепенно развивалась вместе с экспансией капитализма по всему миру. Колониальное поведение капитализма связывает изначально изолированные регионы мира в международную систему, которая окончательно сформировалась в конце XIX — начале XX вв. в результате установления мировой колониальной системы. Международная система делится на два типа: уровень локальной структуры и уровень общей структуры, в зависимости от географического охвата и масштаба. Основные характеристики международной системы включают: 1) *целостность*, все государственные и негосударственные субъекты включены в международную систему; 2) *взаимосвязь*, при которой все субъекты системы неизбежно участвуют в прямом или косвенном соединении; 3) *ненаправленность против вас* — в международной системе разница

в совокупной силе между странами привела к разрыву в уровне (национальной) силы, поэтому существует неравенство между большими и малыми странами; 4) *объективность*: международная система существует объективно, и любой международный субъект должен сформулировать собственные стратегии безопасности и развития, основанные на международной системе [Huang, Yao, 2013, p. 245–246].

Теоретическим инструментарием китайских работ выступает концепция Чжу Лицона «практика участия» Китая в международной системе. В качестве формата теоретического анализа взяты такие критерии, как «практика участия» и «признание идентичности». Существуют три формы признания международной системой идентичности Китая: официальное признание, признание существа/сути и признание ценностей актора, которые являются конечным результатом практики участия, где она выступает как независимая переменная, а признание идентичности — как зависимая. Разная степень признания международной системой означает отличную от прежней новую идентичность Китая и другую степень участия. Практикующие вновь вовлекаются в практику в новом качестве и начинают новый раунд практики. Участие Китая в международной системе отражает постоянный и непрерывный новый процесс практики [Zhu, 2012, p. 2].

Процесс практики участия Китая в международной системе

В международной политической науке КНР существуют разные версии установления и развития отношений между Китаем и международными организациями. Различия касаются практически всех международных организаций, что вызвано разным осмыслением в Китае своих национальных интересов в тех или иных международных структурах. Чжан Лихуа описывает периодизацию вступления Китая в международные организации / практику участия следующим образом [Zhang, 2015, p. 235–248].

Период «относительного отклонения» (1949–1965 гг.)

В период «относительного отклонения» Китай избегал участия в международных организациях и имел очень ограниченные связи с немногими из них. Это было время, когда Китай находился вне системы ООН и подвергался идеологическому воздействию конфронтационного и антагонистического менталитета холодной войны. Китай был изолирован от международного сообщества, которое ограничивало его участие и определяло его отношение к международным организациям. Представление китайских лидеров о международных организациях на данном этапе было довольно негативным. Китай не участвовал в международных организациях в основном из-за недоверия к их руководящим принципам. Выступления премьера Чжоу Эньлая и других лидеров показали, что Китай был консервативен и осторожен в отношении ООН и других международных организаций. По мнению Китая, эти международные организации контролировались западными державами, в то время как страны третьего мира имели несущественные рычаги воздействия. Таким образом, это отражало неравенство мировой политической системы. При данных обстоятельствах у Китая был очень ограниченный выбор: возможность вступления в международные организации социалистических стран и развитие отношений с международными организациями развивающихся стран. В качестве примера можно привести Женевскую конференцию 1954 г., на которой премьер Чжоу Эньлай выдвинул «Пять принципов мирного сосуществования», а также Азиатско-африканскую конференцию в Бандунге в 1955 г., которая собрала

большинство стран третьего мира, а также тесные отношения Китая с «Группой 77» и Движением неприсоединения.

Период «активного отклонения» (1966–1970 гг.)

Период 1966–1970 гг. стал самой активной фазой «культурной революции» и «левизны» во внутренней и внешней политике КНР. Как поясняет Чжан Лихуа, разрыв союзнических отношений с СССР и межпартийных связей между КПСС и КПК нанес значительный вред отношениям Китая со странами социалистического лагеря. Тем не менее только за один год (1966–1967) Китаю удалось установить (или наполовину установить) дипломатические отношения с более чем 40 странами, с 30 из них произошли дипломатические «споры», вызванные «революционной» риторикой.

Период «ограниченного вступления (участия)» (1971–1991 гг.)

25 октября 1971 г. 26-я сессия Организации Объединенных Наций проголосовала за восстановление законных прав КНР в ООН и вывод Тайваня из организации и всех ее учреждений. В результате голосования резолюция была принята подавляющим большинством: 76 голосов «за», 35 «против» и 17 воздержавшихся.

В табл. 1 отражен процесс вступления КНР в основные универсальные международные организации.

Таблица 1. Вступление КНР в международные организации

Год вступления	Международная организация
1952	Международный Красный Крест
1971	Организация Объединенных Наций
1971	Международная организация гражданской авиации
1972	Всемирная организация здравоохранения
1976	Международный олимпийский комитет
1980	Международный валютный фонд
1980	Всемирный банк
1984	Международное агентство по атомной энергии
1984	Международная организация уголовной полиции
1991	Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество

Источник: Составлено авторами.

К 2000 г. Китай стал членом более 50 межправительственных организаций (МПО) и 275 международных неправительственных организаций (МНПО). Это контрастировало с ситуацией 1966 г., когда он был членом только одной межправительственной организации и 58 международных неправительственных организаций. По количеству МПО к 2000 г. Китай занимал 7-е место в Азиатско-Тихоокеанском регионе после Японии, Индии и Индонезии, Южной Кореи, Австралии и Малайзии. По количеству членства в МНПО Китай занял 6-е место в регионе после Австралии, Японии, Индии, Новой Зеландии и Южной Кореи [Kent, 2013, p. 132–166].

Период «активного участия» (1992–2008 гг.)

3 мая 1993 г. Бюро международных выставок согласовало резолюцию о принятии Китая в качестве 46-го государства-члена. 3 декабря 2002 г. Шанхай получил право на проведение Всемирной выставки в 2010 г.

10 ноября 2001 г. Четвертая министерская конференция Всемирной торговой организации (ВТО), состоявшаяся в Дохе (Катар), рассмотрела и приняла решение о вступлении Китая в ВТО на основе консенсуса, ознаменовав завершение 15-летнего процесса переговоров о вступлении Китая в ВТО. Китай официально стал 143-м членом ВТО. 19 ноября шесть представителей правительства Китая впервые приняли участие в работе Генерального совета ВТО в качестве полноправного члена.

5 февраля 2001 г. Совет управляющих Международного валютного фонда принял резолюцию об увеличении доли Китая в организации с 4,687 млрд СПЗ до 6,376 млрд СПЗ, подняв Китай с 11-го на 8-е место.

9 ноября 2006 г. Чень Фэнфу из Гонконга (КНР) был избран новым Генеральным директором ВОЗ и, таким образом, представитель КНР стал самым высокопоставленным лицом в агентстве ООН. 29 мая 2007 г. 75-й конгресс Международного комитета по здоровью животных (ОИЕ) подавляющим большинством — 131 голос «за», 8 «против» и 5 воздержавшихся — подтвердил, что Китай присоединился к организации как суверенное государство.

29 июня 2007 г. Целевая группа по финансовым мероприятиям (ФАТФ) — ведущая международная организация по борьбе с отмыыванием денег — дала согласие на полноправное членство КНР в организации.

Период «осознания новой роли» (2009–2012 гг.)

Китай имеет тенденцию к максимальному использованию своего статуса развивающейся страны. Так, например, хотя Китай входит в пятерку постоянных членов СБ ООН, ставка взноса Китая в регулярный бюджет организации составляет менее 1%, который в 1979 г. был уменьшен по просьбе Китая с 5,5 до 0,79%. Для сравнения, США выплачивают 25%, а Япония, которая даже не является постоянным членом СБ, 19,9%. Поскольку экономика Китая продолжала развиваться и, соответственно, его национальная мощь увеличивалась, финансовый вклад Китая в бюджет ООН также стал возрастать. Доля КНР увеличилась с 0,7% в конце прошлого века до 2,053% в 2005 г., а затем до 2,667% в 2009 г. После последней корректировки в 2010 г. нынешний коэффициент членских взносов Китая составляет 3,189%, а расходы на поддержание мира также выросли с 3,147% в 2009 г. до 3,939%. Поддерживая международный мир и безопасность, Китай является не только одним из основных поставщиков миротворческих фондов ООН, но и страной с наибольшим числом миротворцев среди постоянных членов СБ ООН. С 1990 и до конца 2009 г. Китай направил в миротворческие операции ООН в общей сложности 14 650 человек, которые принимали участие в операциях ООН в Гаити, Демократической Республики Конго, Либерии, Ливане, Судане, Кот-д'Ивуаре и Восточном Тиморе [Li, 2010].

Будучи крупной развивающейся страной, Китай всегда поддерживал организации развивающихся стран. Китай не является членом «Группы 77» и Движения неприсоединения, но всегда поддерживал хорошие отношения с этими организациями. Китай активно участвовал в деятельности «Группы 77» в качестве наблюдателя. В 1995 г. Китай официально присоединился к диалогу и стал центром развития сотрудничества Юг — Юг. С 2002 г. Китай ежегодно выделяет на эту деятельность 100 тыс. долл. США,

а с 2010 г. 200 тыс. долл. Китай также поддерживает и вносит вклад в региональные организации в Азии, Африке и Латинской Америке. Например, он долгое время оказывал помощь Африканскому союзу в различных аспектах, включая помощь в строительстве конференц-центра, финансирование для участия в Шанхайской всемирной выставке и дарение офисного оборудования.

С ростом национальной мощи и накоплением опыта увеличивается вклад Китая в международные организации и международные институты. Например, с 1990 г. Китай все чаще становится местом встречи международных организаций. В 1995 г. в Пекине состоялась Четвертая Всемирная конференция ООН по положению женщин, в которой приняли участие правительственные делегации из 189 стран, а также организации и специализированные учреждения системы ООН. XXII Конгресс Всемирного почтового союза (ВПС) в 1999 г. состоялся в Китае — впервые специализированное учреждение ООН провело полномочную конференцию в Китае.

Успех Олимпийских игр 2008 г. в Пекине значительно расширил возможности Китая и его привлекательность для международных организаций. В последние годы все больше представителей КНР занимают руководящие должности в международных организациях. Например, в 2005 г. Чжан Синьшэн был избран президентом Исполнительного совета ЮНЕСКО, в 2006 г. Чэнь Фэнфу избран генеральным директором Всемирной организации здравоохранения, в 2007 г. Ли Цзиньхуа, генеральный ревизор Национального аудиторского управления Китая, избран членом Комитета ООН по аудиту. Генерал-майор Чжао Цзинминь, чиновник Управления по поддержанию мира Министерства обороны Китая, стал первым высокопоставленным чиновником миротворческой операции ООН. В 2008 г. Лин Ифу избран вице-президентом Всемирного банка. В 2010 г. Чжу Минь стал специальным советником президента Международного валютного фонда, а Сюэ Юйцин — председателем Комиссии международного права ООН и судьей Международного Суда.

В 2013 г. тогдашний Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун назначил Сюй Хаоляна помощником Генерального секретаря ООН, помощником Администратора Программы развития ООН и директором Азиатско-Тихоокеанского бюро.

К 2007 г. в мире существовало 61 836 международных организаций. Китай был участником 4386 из них, а с 1753 подписал соглашения о вступлении [Zhu, 2012, p. 1]. В 2021 г. количество правительственных и неправительственных международных организаций в мире возросло до 66 425, а Китай стал участником 5479 из них. При этом секретариаты 251 организации располагались в КНР [UIA, 2021].

Китайская стратегия мироустройства (2013–2021 гг.)

Несогласие Китая с существующей мировой системой и отсутствие возможности нарастить свое влияние в ней стало причиной постепенного изменения существующих и создания альтернативных международных институтов (табл. 2 и 3).

По мнению китайских ученых, результатом этих изменений стало разделение нынешних международных институтов на три типа.

1. *Традиционные международные институты*, к которым относятся система ООН, Всемирный банк, Международный валютный фонд, ГАТТ и некоторые другие. Правила этих институтов разрабатывались под руководством «традиционных» сверхдержав и главным образом США. Основными бенефициарами этой системы, естественно, стали ее создатели. В данной структуре невозможно достичь равноправного диалога и сотрудничества из-за ограничений и избирательных предпочтений традиционных главных держав в управлении и решении глобальных проблем.

Таблица 2. Распределение голосов в крупных международных финансовых институтах, % от общего количества голосов в данном институте по состоянию на 31 декабря 2017 г.

Акционер	Право голоса						
	МБРР		МВФ	АБР	АфБР	МАБР	ЕБРР
	2010 г.	2017 г.					
США	16,4	16,0	16,5	12,8	6,6	30,0	10,1
Япония	7,9	6,9	6,2	12,8	5,5	5,0	8,6
Большая четверка стран Европы	15,9	14,3	16,4	9,6	12,1	6,7	34,4
Китай	2,8	4,5	6,1	5,4	1,2	0,004	0,1
Государства – заемщики МАР и МБРР	37,1	39,3	Н. д.	39,1	59,2	50,02	14,4

Источник: [Galan, Leandro, 2019].

Примечание. МБРР – Международный банк реконструкции и развития, АБР – Азиатский банк развития, АфБР – Африканский банк развития, МАБР – Межамериканский банк развития, ЕБРР – Европейский банк реконструкции и развития, МАР – Международная ассоциация развития.

Таблица 3. Относительный вес в мировом ВВП, измеренный в текущих ценах в долларах США, %, 1993–2017 гг.

Акционер	1993 г.	1997 г.	2001 г.	2005 г.	2009 г.	2013 г.	2017 г.
США	26,6	27,4	31,8	27,6	24,0	21,7	24,0
Япония	17,2	14,0	12,9	10,0	8,7	6,7	6,0
Большая четверка стран Европы	21,4	20,6	18,3	19,9	17,8	14,8	13,4
Китай	1,7	3,1	4,0	4,8	8,5	12,5	15,2
Государства – заемщики МАР и МБРР	16,5	19,2	18,9	21,6	29,2	37,0	38,0

Источник: [Galan, Leandro, 2019].

2. *Модифицированные (улучшенные) международные институты* (modified-improved international institutions), которые появились после холодной войны, или старые организации, претерпевшие существенные изменения. К ним относятся «Группа двадцати», Саммит Азия – Европа, АСЕАН + 3, ВТО и др. Их отличие заключается в том, что под давлением международного сообщества в эти структуры были включены развивающиеся страны, поэтому голос незападного мира стал более различим в международных делах.

3. *Инновационные международные институты* (innovative international institutions) – это ШОС, Банк БРИКС, саммит КНР со странами Центральной и Восточной Европы (16 + 1), АБИИ, стратегическая инициатива «Пояса и пути» и др. Они в корне отли-

чаются от институтов старого мирового порядка, поскольку созданы главными развивающимися странами для защиты собственных интересов при решении глобальных проблем мира и развития. Основанные на принципах равенства и взаимной выгоды всех членов, эти институты созданы в таких областях, которые остались вне сферы деятельности традиционных международных институтов. Их количество в глобальном управлении будет только возрастать, а роль – усиливаться [Chen, 2018, р. 112, 113]. Фактически «инновационные» означает альтернативные или параллельные структуры международной системы (табл. 4).

Таблица 4. Параллельные международные структуры, созданные Китаем

Организации и механизмы, в центре которых находится Китай	Основные характеристики	Какие международные структуры дублирует
Финансовая и валютная политика		
Новый банк развития БРИКС – BRICS New Development Bank (NDB)	Банк развития с акцентом на инфраструктурные проекты, создан в июле 2014 г.; штаб-квартира в Шанхае; первые пять лет президент банка – представитель Индии	Всемирный банк, региональные банки развития
Азиатский банк инфраструктурных инвестиций – Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB)	Инициатива объявлена на саммите АПЕК в октябре 2013 г. с первоначальным капиталом в 50 млрд долл.	Азиатский банк развития
Резервный фонд БРИКС – BRICS Contingency Reserve Arrangement (CRA)	Предполагаемый объем 100 млрд долл.; объявлено в июле 2014 г.	Международный валютный фонд
Инициатива по мультилатерализации Цин Май – Chiang Mai Initiative Multilateralization (CMIM); ASEAN+3; Asian Macroeconomic Research Office (AMRO)	Объявленный объем 240 млрд долл. («Мультилатерализация» стартовала в марте 2010 г., AMRO в апреле 2011 г.; статус международной организации получили в 2014 г.)	Международный валютный фонд
Механизмы интернационализации юаня	Десять соглашений о прямом обмене юаня с другими валютами; договоры о безналичных банках в девяти странах; семь страновых квот RQFII; 26 своп-соглашений с центральными банками	Установленные механизмы валютного рынка
Шанхай как мировой финансовый центр с фьючерсными рынками в юанях	Решение Государственного совета (2012 г.) превратить Шанхай в мировой финансовый центр; утверждение Шанхайской ЗСТ (август 2013 г.). Фьючерсные рынки в юанях на сырую нефть, природный газ, нефтехимию (август 2014 г.); платформа для торговли золотом (осень 2014 г.); шесть других международных товарных фьючерсных рынков находятся в стадии планирования	Существующие центры для финансовых, товарных и фьючерсных рынков
Китайская международная платежная система (CIPS)	CIPS для международных транзакций в юанях (апрель 2012 г.); Китайско-российские переговоры об альтернативах SWIFT (осень 2014 г.)	Созданные платежные системы (CHIPS и др.)

Организации и механизмы, в центре которых находится Китай	Основные характеристики	Какие международные структуры дублирует
Универсальная кредитно-рейтинговая группа (UCRG)	Совместный проект трех рейтинговых агентств — Dagong, RusRating, Egan-Jones (с июня 2013 г.); NDRC и МИД запускают совместный исследовательский проект по подготовке азиатской рейтинговой системы (июнь 2014 г.)	S & P, Moody's, Fitch
China Union Pay (CUP)	Ассоциация банков — эмитентов карт (с 2002 г.); в настоящее время принята в 140 странах, выпуск в 30 странах, совсем недавно: Россия (август 2014 г.), Мьянма (сентябрь 2014 г.)	VISA, Master-Card

Источник: [China Monitor. 28 October 2014. No. 18].

Китаю удалось также создать хорошо структурированную глобальную сеть партнерских (стратегических и обычных) отношений в пяти макрорегионах мира. На вершине этой пирамиды региональные форумы, в первую очередь посвященные экономике, торговле и инфраструктуре: Форум сотрудничества Китая и арабских государств, Форум сотрудничества Китая и Африки, Форум Китай — СЕЛАК (со странами Латинской Америки), Диалог по сотрудничеству в Азии, Формат 17 + 1, который превратился в 16 + 1 (после выхода Литвы в 2021 г.). В основании пирамиды — соглашения с более чем 140 странами об установлении партнерских отношений [Грачиков, 2019].

В контексте данной типологии меняется идентичность Китая в международных структурах. Первое: в традиционных институтах Китай идентифицирует себя как участник (participant) и поддерживающий (supporter). Китай «радикально» не отрицает и не выступает против существующей системы и порядка, а старается играть позитивную роль, соответствующую его мощи. Второе: в модифицированных институтах КНР видит себя в роли поддерживающего и реформатора, понимая, что вероятность стать лидером и доминантным игроком в ближайшем будущем мала. Китай может здесь также играть роль участника и созидателя (builder), по мере возможности реформируя старый порядок. Наконец, в инновационных институтах Китай позиционирует себя в качестве поддерживающего и лидера. Эти институты изначально были созданы Китаем и другими развивающимися странами, поэтому Китай играет лидирующую (leading) и направляющую (guiding) роль в этих структурах. Главное преимущество инновационных институтов, основанных на принципах совместных обсуждений, созидании и совместности, состоит в том, что они должны служить «созданию нового международного порядка» [Chen, 2018].

Заключение

Международные организации стали основной ареной мировой дипломатии и глобальной конкуренции между КНР и США. Они играют ключевую роль в глобальном управлении и предоставляют платформы для выработки совместных решений и постановки международных проблем. Китай как один из центров «новой биполярности» и структурообразующий актор международных отношений оказывает существенное влияние на институты глобального управления, от его позиции во многом зависит будущая модель мироустройства.

Активно участвуя в существующих международных организациях и пытаясь их реформировать изнутри, Китай, в соответствии со своими нормами и правилами, создает новые международные структуры, в которых играет лидирующую роль и может оказывать не прямое, а косвенное воздействие на выработку и принятие выгодных ему решений.

Новые «инновационные» международные организации КНР, как правило, не включают западные страны и поэтому могут рассматриваться как стремление Пекина форматировать новую незападную систему международных отношений или, в более широком плане, как заметил Федор Лукьянов, «коллективный Восток», куда вполне естественно можно отнести ОДКБ, ШОС, ЕАЭС, АБИИ, БРИКС и практически все региональные международные организации развивающихся стран Глобального Юга.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Грачиков Е.Н. (2015). Геополитика Китая: эгоцентризм и пространство сетей. М.: РУСАЙНС. doi:10.15216/978-5-4365-0419-3
- Грачиков Е.Н. (2019). Стратегия партнерских отношений КНР: практика и ее концептуализация (1993–2018) // Мировая экономика и международные отношения. Т. 63. № 3. С. 83–93. doi:10.20542/0131-2227-2019-63-3-83-93
- Грачиков Е.Н. (2021a). Дипломатия КНР: контекст академического дискурса // Мировая экономика и международные отношения. Т. 65. № 3. С. 33–41. doi:10.20542/0131-2227-2021-65-3-33-41
- Грачиков Е.Н. (2021б). Китайская школа международных отношений: на пути к большим теориям. М.: Аспект Пресс.
- Дегтерев Д.А., Рамич М.С., Цвык А.В. (2021). США – КНР: «властный транзит» и контуры «конфликтной биполярности» // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Международные отношения. Т. 21. № 2. С. 210–231. doi:10.22363/2313-0660-2021-21-2-21-231
- Chen L., Li T. (eds) (1993). *Lianheguo yu shijie zhixu [United Nations and World Order]*. Beijing: Peking's Language Institute Press. (in Chinese)
- Chen S. (ed.) (2007). *Zhong Guo chuantong duiwai guanxi de sixiang, zhidu yu zhengce [Ideas, Systems and Politics of Chinese Traditional Foreign Relations]*. Jinan: Shandong University Press. (in Chinese)
- Chen Y. (2018). The Changing Identity of China in Global Governance and International Institutions // *Contemporary International Relations*. Vol. 28. No. 5. P. 105–116.
- Fried J. (2021). G20 Contributions to Global Economic Governance in the Post-COVID-19 Digital World // *International Organisations Research Journal*. Vol. 16. No. 2. P. 15–19. doi:10.17323/1996-7845-2021-02-02
- Galan E.M., Leandro F.J. (2019). The Belt and Road Initiative: The Cornerstone of the New-Fangled Financial Institutionalism Led by China // *Baltic Journal of European Studies*. Vol. 9. Iss. 2. P. 153–182. doi:10.1515/bjes-2019-0018
- Grachikov E. (2020). China in Global Governance: Ideology, Theory and Instrumentations // *Russia in Global Affairs*. Vol. 18. No. 4. P. 132–153. doi:10.31278/1810-6374-2020-18-4-132-153
- Grachikov E.N. (2019). Chinese School of International Relations: How Theory Creates Diplomatic Strategies and Vice Versa // *Russia in Global Affairs*. Vol. 17. No. 2. P. 154–173. doi: 10.31278/1810-6374-2019-17-2-154-173
- Huang R., Yao Y. (eds) (2013). *Guoji guanxi shiyong shouce [Practical Handbook of International Relations]*. Tianjin People's Publishing House. (in Chinese)
- Johnston A.J. (2008). *Social States: China in International Institutions, 1980–2000*. Princeton University Press.
- Kang D.C. (2010). *East Asia Before the West: Five Centuries of Trade and Tribute*. N.Y.: Columbia University Press.
- Kang David C. (2010). *East Asia Before the West: Five Centuries of Trade and Tribute*. N. Y.: Columbia University Press. (in Chinese)

- Kent A. (2013). China's Participation in International Organisations. Power and Responsibility in Chinese Foreign Policy / Y. Zhang, G. Austin (eds). Australian National University Press. P. 132–166.
- Kim S. (1994). China's International Organizational Behavior. Chinese Foreign Policy: Theory and Practice / T.W. Robinson, D. Shambaugh (eds). Oxford: Clarendon Press. P. 401–434.
- Larionova M., Shelepov A. (2021). Emerging Regulation for the Digital Economy: Challenges and Opportunities for Multilateral Global Governance // International Organisations Research Journal. Vol. 16. No. 1. P. 29–63. doi:10.17323/1996-7845-2021-01-02
- Li C. (2016). Chinese Law in Imperial Eyes: Sovereignty, Justice, & Transcultural Politics. N.Y.: Columbia University Press.
- Li D. (2010). Zhongguo dingwei guoji zuzhi xin juece [China Defines Its New Role in International Organizations] // People's Daily. 8 November. (in Chinese)
- Li T. (1995). Lianheguo wu shi nian [Fifty Years of the United Nations]. Beijing: Chinese Shiji Press. (in Chinese)
- Li T. (ed.) (1993). Lianheguo de licheng [History of the United Nations]. Beijing: Peking's Language Institute Press. (in Chinese)
- Liu J., Zhu F. (ed.) (2000). Guoji renquan tizhi — lishi de luoji yu bijiao [International Human Rights System: Historical Logic and Comparison]. Human Rights and International Relations. Beijing: Peking University Press. (in Chinese)
- Liu X. (1996). Ougongti duiwai maoyi falu zhidu [The European Communities' Foreign Trade Legal System]. Beijing: China Legal Publishing House. (in Chinese)
- Ma X. (ed.) (1994). Guoji huangjingfa daolun [Introduction to International Environmental Law]. Beijing: Social Science Literature Press. (in Chinese)
- Qu L., Han D. (eds) (1989). Guoji zuzhi yu jituan yanjiu [International Organizations and Group Research]. Beijing: Chinese Social Science Press. (in Chinese)
- Union of International Associations (UIA) (ed.) (2021). Yearbook of International Organizations. 2021–2022. Guide to Global Civil Society Networks. Edition 58. Vol. 2. Geographical Index. Brussels: Brill.
- Wang M. (2014). Yinguo guanxi yu guoji zhidu you xi aoxing yanjiu [A Study on Causality and the Effectiveness of International Institutions]. Beijing: World Knowledge Press. (in Chinese)
- Wang S., Wang G. (eds) (1998). Cong dongmeng dao da dongmeng [From ASEAN to Greater ASEAN]. Beijing: World Knowledge Press. (in Chinese)
- Wang Y. (2002). Zhongguo yu guoji zuzhi guanxi yanjiu de ruogan wenti [Some Research Problems of China-International Organizations Relations] // Social Science Forum. No. 8. P. 4–13. Режим доступа: <http://www.aisixiang.com/data/89544-3.html> (дата обращения: 20.08.2021). (in Chinese)
- Xi J. (2014). Achieving Rejuvenation is the Dream of the Chinese People (29 November 2012). The Governance of China. Vol. I. Beijing: Foreign Languages Press.
- Xiong Z. (2014). Zhongguo jin xiandai waijiao shi [A Diplomatic History of Modern China]. Beijing: Peking University Press. (in Chinese)
- Xu J. (2006). Lun liyi bianjian yu bentu bianjian zhi guanxi [About the Relationship Between the Boundary of Interests and the Border of the Country]. China's National Interests and Influence / J. Xu (ed.). Beijing: Current Affairs Publishing House. (in Chinese)
- Yan X. (2017). The Anachronism of a China Socialized: Why Engagement Is Not All It's Cracked Up to Be // The Chinese Journal of International Politics. Vol. 10. Iss. 1. P. 67–94. doi:10.1093/cjip/pox001
- Zhang L. (ed) (2015). Guoji zuzhi gailun [Introduction to International Organizations]. Beijing: Science Press. (in Chinese)
- Zhang S. (1998). Zhongguo haiquan [Chinese Sea Power]. Beijing: People's Daily Press. (in Chinese)
- Zhang Y. (2015). Zhongguo de zhoubian quyu guan huigui yu xin zhixu goujian [Resurgence of China's Regional Conception and New Regional Order] // World Economics and Politics. No. 1. P. 5–25. (in Chinese)

Zhao J., Chen Z. (eds) (2014). *China and the International Society: Adaptation and Self-Consciousness*. World Century.

Zheng W. (2012). *Never Forget National Humiliation: Historical Memory in Chinese Politics and Foreign Relations*. N.Y.: Columbia University Press.

Zhu L. (2012). *Zhongguo yu guoji tixi [Practices of Engagement: Processes of China's Involvement in International System]*. Beijing: World Knowledge Press. (in Chinese)

Zhu Z., Jiang R. (eds) (2000). *Shijie maoyi zuzhi falu guize [Legal Regulations of the World Trade Organization]*. Beijing: Chinese Political-Legal University Press. (in Chinese)

China and the International System: The Formation of a Chinese Model of World Order¹

E. Grachikov, H. Xu

Evgeny Grachikov – PhD in Political Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and History of International Relations, Faculty of Humanities and Social Sciences, Peoples' Friendship University of Russia; 10/2 Miklouho-Maclay Ulitsa, Moscow, 117198, Russian Federation; grachikov-en@rudn.ru

Haiyan Xu – PhD in Political Sciences, Leading Research Fellow, Institute of Political Science, Chinese Academy of Social Sciences; 28 Shuguang xili, Beijing, 100028, PRC; xuhaiyan2050@sina.com

Abstract

During its 72-year history, PRC has gone through a difficult path of changing the diplomatic strategies of relations with the outside world. The first period, thirty years from 1949 to 1978, was ideological, directed by Mao Zedong and completely ignored international organizations (IOs). The second, the next 30 years (1978–2008) – economic, which was determined by Deng Xiaoping's policy of reforms and opening up, and the gradual embedding of the PRC in the IOs. Now China is implementing the third, political stage under the leadership of Xi Jinping, who set the country with the tasks of great power diplomacy and the formation of new / alternative international structures in which it plays a leading role and has a real impact on the future model of the system of international relations.

The formation of the PRC in 1949 and the Korean War (1950–1953) that followed soon after, where Chinese “volunteer” soldiers fought with the united UN forces, blocked the possibility of contacts between the PRC and this universal international organization for two decades. The country's internal problems in the form of a “cultural revolution” also did not contribute to the solution of this problem. Even the restoration of the PRC's rights in the UN in 1971, the establishment of diplomatic relations with the United States in 1979, and Deng Xiaoping's reforms could not significantly accelerate the PRC's accession to other international organizations. This process took about twenty more years and, on the whole, ended only in 2001 with the entry into the WTO. In the 21st century, especially after the 2008 global financial crisis, China began to actively use existing and create new international organizations with partner countries.

The purpose of the article is to analyze the Chinese academic discourse on the problem of relations between the PRC and international organizations and international system, where Western countries, headed by the United States, dominate to this day, and China does not see a prospect for itself to take a place worthy of its complex power. The article examines the history of the formation of relations between the PRC and international system, identifies the reasons for the dissatisfaction of the PRC with its status in its structures and traces the process of creating international organizations in which China occupies a dominant position and in global competition with the United States can influence the future model of the world.

The peculiarity of the article is that it mainly uses the works of Chinese authors who study the position of their country in relation to international system. It is concluded that China is actively formatting its geo-economic space, offering the countries of the Global South, which are part of it, not only material dividends, but also their values, development model and their view future model of the world.

Keywords: China, international organizations, discourse, assumptions, Xi Jinping, structuring of international relations

Acknowledgments: this article was prepared as part of research project #20-514-93003 “Russia and China in the Global Political Space: Harmonization of National Interests in Global Governance” supported by the Russian Foundation for Basic Research and the Chinese Academy of Social Sciences.

For citation: Grachikov E., Xu H. (2022). China and the International System: The Formation of a Chinese Model of World Order. *International Organisations Research Journal*, vol. 17, no 1, pp. 7–24 (in English). doi:10.17323/1996-7845-2022-01-01

¹ This article was submitted 28.08.2021.

References

- Chen L., Li T. (eds) (1993). *Lianheguo yu shijie zhixu [United Nations and World Order]*. Beijing: Peking's Language Institute Press. (in Chinese)
- Chen S. (ed.) (2007). *Zhong Ou chuantong duiwai guanxi de sixiang, zhidu yu zhengce [Ideas, Systems and Politics of Chinese Traditional Foreign Relations]*. Jinan: Shandong University Press. (in Chinese)
- Chen Y. (2018). The Changing Identity of China in Global Governance and International Institutions. *Contemporary International Relations*, vol. 28, no 5, pp. 105–16.
- Degterev D.A., Ramich M.S., Tsvyk A.V. (2021). U.S. – China: “Power Transition” and the Outlines of “Conflict Bipolarity”. *Vestnik RUDN. International Relations*, vol. 21, no 2, pp. 210–231. doi:10.22363/2313-0660-2021-21-2-210-231
- Fried J. (2021). G20 Contributions to Global Economic Governance in the Post-COVID-19 Digital World. *International Organisations Research Journal*, vol. 16, no 2, pp. 15–9. doi:10.17323/1996-7845-2021-02-02
- Galan E.M., Leandro F.J. (2019). The Belt and Road Initiative: The Cornerstone of the New-Fangled Financial Institutionalism Led by China. *Baltic Journal of European Studies*, vol. 9, iss. 2, pp. 153–82. doi:10.1515/bjes-2019-0018
- Grachikov E.N. (2021a). Chinese Diplomacy: Context of Academic Discourse. *World Economy and International Relations*, vol. 65, no 3, pp. 33–41. (in Russian). doi:10.20542/0131-2227-2021-65-3-33-41
- Grachikov E.N. (2021b). Kitayskaya shkola mezhdunarodnyih otnosheniy: na puti k bolshim teoriyam [*Chinese School of International Relations: Towards Big Theories*]. Moscow: Aspect Press. (in Russian)
- Grachikov E. (2020). China in Global Governance: Ideology, Theory and Instrumentations. *Russia in Global Affairs*, vol. 18, no 4, pp. 132–53. doi:10.31278/1810-6374-2020-18-4-132-153
- Grachikov E.N. (2019a). Chinese Partnership Strategy: Practice and Its Conceptualization (1993–2018). *World Economy and International Relations*, vol. 63, no 3, pp. 83–93. (in Russian). doi:10.20542/0131-2227-2019-63-3-83-93
- Grachikov E.N. (2019b). Chinese School of International Relations: How Theory Creates Diplomatic Strategies and Vice Versa. *Russia in Global Affairs*, vol. 17, no 2, pp. 154–73. doi:10.31278/1810-6374-2019-17-2-154-173
- Grachikov E.N. (2015). *Geopolitics of China: Egocentrism and Network Space*. Moscow: RuScience. (in Russian)
- Huang R., Yao Y. (eds) (2013). *Guoji guanxi shiyong shouce [Practical Handbook of International Relations]*. Tianjin: People's Publishing House. (in Chinese)
- Johnston A.J. (2008). *Social States: China in International Institutions, 1980–2000*. Princeton: University Press.
- Kang D.C. (2010). *East Asia Before the West: Five Centuries of Trade and Tribute*. New York: Columbia University Press.
- Kent A. (2013). China's Participation in International Organisations. *Power and Responsibility in Chinese Foreign Policy* (Y. Zhang, G. Austin (eds)). Australian National University Press, pp. 132–66.
- Kim S. (1994). China's International Organizational Behavior. *Chinese Foreign Policy: Theory and Practice* (T.W. Robinson, D. Shambaugh (eds)). Oxford: Clarendon Press, pp. 401–34.
- Larionova M., Shelepov A. (2021). Emerging Regulation for the Digital Economy: Challenges and Opportunities for Multilateral Global Governance. *International Organisations Research Journal*, vol. 16, no 1, pp. 29–63. doi:10.17323/1996-7845-2021-01-02
- Li C. (2016). *Chinese Law in Imperial Eyes: Sovereignty, Justice, & Transcultural Politics*. New York: Columbia University Press.
- Li D. (2010). Zhongguo dingwei guoji zuzhi xin juese [China Defines Its New Role in International Organizations]. *People's Daily*, 8 November. (in Chinese)
- Li T. (1995). *Lianheguo wu shi nian [Fifty Years of the United Nations]*. Beijing: Chinese Shiji Press. (in Chinese)
- Li T. (ed.) (1993). *Lianheguo de licheng [History of the United Nations]*. Beijing: Peking's Language Institute Press. (in Chinese)

- Liu J., Zhu F. (ed.) (2000). Guoji renquan tizhi — lishi de luoji yu bijiao [International Human Rights System: Historical Logic and Comparison]. *Human Rights and International Relations*. Beijing: Peking University Press. (in Chinese)
- Liu X. (1996). *Ougongti duiwai maoyi falu zhidu* [The European Communities' Foreign Trade Legal System]. Beijing: China Legal Publishing House. (in Chinese)
- Ma X. (ed.) (1994). *Guoji huangjingfa daolun* [Introduction to International Environmental Law]. Beijing: Social Science Literature Press. (in Chinese)
- Qu L., Han D. (eds) (1989). *Guoji zuzhi yu jituan yanjiu* [International Organizations and Group Research]. Beijing: Chinese Social Science Press. (in Chinese)
- Union of International Associations (UIA) (ed) (2021). *Yearbook of International Organizations. 2021–2022. Guide to Global Civil Society Networks*, ed. 58, vol. 2. Geographical Index. Brussels: Brill.
- Wang M. (2014). *Yinguo guanxi yu guoji zhidu you xi aoxing yanjiu* [A Study on Causality and the Effectiveness of International Institutions]. Beijing: World Knowledge Press. (in Chinese)
- Wang S., Wang G. (eds) (1998). *Cong dongmeng dao da dongmeng* [From ASEAN to Greater ASEAN]. Beijing: World Knowledge Press. (in Chinese)
- Wang Y. (2002). Zhongguo yu guoji zuzhi guanxi yanjiu de ruogan wenti [Some Research Problems of China-International Organizations Relations]. *Social Science Forum*, no 8, pp. 4–13. Available at: <http://www.aisixi-ang.com/data/89544-3.html> (accessed 20 August 2021). (in Chinese)
- Xi J. (2014). Achieving Rejuvenation is the Dream of the Chinese People (29 November 2012). *The Governance of China*, vol. I. Beijing: Foreign Languages Press.
- Xiong Z. (2014). *Zhongguo jin xiandai waijiao shi* [A Diplomatic History of Modern China]. Beijing: Peking University Press. (in Chinese)
- Xu J. (2006). Lun liyi bianjian yu bentu bianjian zhi guanxi [About the Relationship Between the Boundary of Interests and the Border of the Country]. *China's National Interests and Influence* (J. Xu (ed.)). Beijing: Current Affairs Publishing House. (in Chinese)
- Yan X. (2017). The Anachronism of a China Socialized: Why Engagement Is Not All It's Cracked Up to Be. *The Chinese Journal of International Politics*, vol. 10, no 1, pp. 67–94. doi:10.1093/cjip/pox001
- Zhang L. (ed.) (2015). *Guoji zuzhi gailun* [Introduction to International Organizations]. Beijing: Science Press. (in Chinese)
- Zhang S. (1998). *Zhongguo haiquan* [Chinese Sea Power]. Beijing: People's Daily Press. (in Chinese)
- Zhang Y. (2015). Zhongguo de zhoubian quyu guan huigui yu xin zhixu goujian [Resurgence of China's Regional Conception and New Regional Order]. *World Economics and Politics*, no 1, pp. 5–25. (in Chinese)
- Zhao J., Chen Z. (eds) (2014). *China and the International Society: Adaptation and Self-Consciousness*. World Century.
- Zheng W. (2012). *Never Forget National Humiliation: Historical Memory in Chinese Politics and Foreign Relations*. New York: Columbia University Press.
- Zhu L. (2012). *Zhongguo yu guoji tixi* [Practices of Engagement: Processes of China's Involvement in International System]. Beijing: World Knowledge Press. (in Chinese)
- Zhu Z., Jiang R. (eds) (2000). *Shijie maoyi zuzhi falu guize* [Legal Regulations of the World Trade Organization]. Beijing: Chinese Political-Legal University Press. (in Chinese)

Проведение в жизнь внешней политики США путем наложения односторонних вторичных санкций: работает ли право сильного в международном публичном праве?¹

П.С. Терри

Терри Патрик С. — декан факультета права и профессор права в Университете государственного управления в г. Кель (Германия); 1 Kinzigallee, 77694, Kehl; iorj@hse.ru

Аннотация

Вслед за односторонним выходом США из соглашения между пятью постоянными членами СБ ООН, Европейским союзом, Германией и Ираном, нацеленного на предотвращение обретения Ираном ядерного оружия, США вновь ввели и даже ужесточили свои санкции против Ирана. Отказ США от соглашения, несмотря на одобрение СБ ООН и подтвержденное соблюдение его условий со стороны Ирана, вероятно, может рассматриваться как нарушение международного права. Тем не менее США пытаются принудить и другие государства — участники соглашения (и других акторов) следовать своей политике в отношении Ирана, угрожая экономическими санкциями или даже уголовным преследованием в отношении компаний и руководителей бизнеса из соответствующих стран, чтобы заставить их разорвать коммерческие связи с Ираном.

На основе детального рассмотрения законности таких вторичных санкций с позиций международного публичного права в настоящей статье формулируется вывод о том, что вторичные санкции, введенные в последнее время США, являются незаконными. Утверждение США об экстерриториальности юрисдикции не подкрепляется ни одним из принципов юрисдикции, признаваемых в международном обычном праве. Фактически международное сообщество прямо отвергает претензии США на экстерриториальность юрисдикции. Более того, США стремятся подорвать внешнюю и торговую политику третьих государств, нацеливаясь на их граждан и бизнес. Санкционная политика США, таким образом, является попыткой установить контроль над внешней политикой других государств. Такое принуждение равносильно незаконному вмешательству во внутренние дела этих государств. Наконец, использование превосходящей экономической мощи США для принуждения других государств к отказу от их собственной внешней политики является нарушением принципа суверенного равенства.

Ключевые слова: США, санкционная политика, односторонние санкции, вторичные санкции, экстерриториальность, санкции против Ирана, санкции против Кубы

Благодарности: автор выражает признательность членам редакционной коллегии Washington International Law Journal за ценные замечания и предложения.

¹ Статья Патрика С. Терри (Patrick C. Terry) “Enforcing U.S. Foreign Policy by Imposing Unilateral Secondary Sanctions: Is Might Right in Public International Law?” переведена и опубликована с разрешения автора и Washington International Law Journal. Впервые статья была издана в Washington International Law Journal (2020, vol. 30, no 1) на английском языке. Режим доступа: <https://digitalcommons.law.uw.edu/wilj/vol30/iss1/4/>

Перевод статьи выполнен П.А. Дорониным, н.с. Центра исследований международных институтов Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС).

Для цитирования: Терри П.С. Проведение в жизнь внешней политики США путем наложения односторонних вторичных санкций: работает ли право сильного в международном публичном праве? // Вестник международных организаций. 2022. Т. 17. № 1. С. 25–55 (на русском языке). doi:10.17323/1996-7845-2022-01-02

Закон был расценен широким кругом иностранных правительств... как нежелательная и вызывающая неприятие попытка заменить внешней и торговой политикой Конгресса США соответствующую политику иностранных суверенных правительств [Davidson, 1998, p. 1432] (оценка дана в отношении Закона Хелмса — Бертон от 1996 г. о санкциях против Кубы).

Введение

Введение экономических санкций против других государств в одностороннем порядке становится все более популярным политическим инструментом во всем мире. Для данного тренда существуют две причины. Во-первых, введение многосторонних санкций в рамках мандата Совета Безопасности Организации Объединенных Наций (СБ ООН) в соответствии со ст. 41 Устава ООН происходит редко вследствие серьезных разногласий между пятью постоянными членами в оценке того, представляет ли конкретная ситуация угрозу миру [von Einsiedel, Malone, Ugarte, 2015; Wintour, 2020]. Во-вторых, считается, что экономические санкции являются более предпочтительной опцией по сравнению с применением силы, что в некоторых случаях представляется единственной жизнеспособной альтернативой экономическим санкциям [Ghodoosi, 2019, p. 102; Lew, Nephew, 2018, p. 139; Senz, Charlesworth, 2001, p. 6]. Дискуссионным остается вопрос, является ли и являлась ли когда-либо практика наложения санкций эффективным инструментом для обеспечения желаемой корректировки поведения государства — объекта санкций [Dunning, 1998, p. 191–197; Dziggel, 2016, p. 129–130, 137; Meyer, 2009, p. 915–916]. Как бы то ни было, США склонны следовать данной стратегии и регулярно прибегают к односторонним экономическим санкциям в стремлении заставить целевые страны изменить свою политику [Hoff, 2019, p. 33–34; Malloy, 2003, p. 371; Meyer, 2009, p. 912–915]².

По мере развития глобализации мир стал свидетелем подъема, наряду с США, еще нескольких крупных экономических держав, таких как Китай, Европейский союз и в определенной степени Индия [ЕС, n. d.; Goodman, 2019]. Это появление экономически многополярного мира произошло на фоне нарастающих и все более регулярных политических противоречий даже между государствами, которые были союзниками в годы холодной войны [Fitzgerald, 1998, p. 6] (по теме санкций в отношении Ирана см., например, [Emmott, Irish, Carrel, 2019]). Соответственно, способность США влиять на поведение целевых государств путем введения односторонних санкций снизилась. Вместо того чтобы следовать примеру США в отношении введения таких санкций [Dziggel, 2016, p. 150; Meyer, 2009, p. 917–24], третьи страны, скорее, стремятся воспользоваться возможностями для бизнеса, появившимися в связи с уходом США [Graves, 1998, p. 718; Meyer, 2009, p. 906]. Таким образом, не только США как государство рискуют потерпеть неудачу в достижении своих политических целей, но и американский бизнес проигрывает своим конкурентам из других стран, чьи правительства не запре-

² В настоящее время США реализуют 34 «действующие санкционные программы» [U.S. Department of the Treasury, n. d.].

щают и не ограничивают торговлю со странами, на которые нацелены санкции США [Emmenegger, 2016, p. 657; Graves, 1998, p. 716, 718, 741; Meyer, 2009, p. 906].

Вследствие этого США все чаще обращаются к введению вторичных санкций против акторов в третьих странах, которые продолжают вести торговлю с государствами – объектами санкций [de Ruyt, 2019, p. 4; Dunning, 1998, p. 184; Fitzgerald, 1998, p. 28; Geranmayeh, Rapnouil, 2019, p. 2; Hoff, 2019, p. 99; Larsson, 2011, p. 51; Lohmann, 2019, p. 4; Meyer, 2009, p. 924–925; Senz, Charlesworth, 2001, p. 3; Ziaee, 2016, p. 28]. США всегда в расширительном плане трактовали свое право регулировать поведение иностранцев в других государствах, в особенности нацеливаясь на постоянных (иностраных) резидентов, даже когда они действовали за границей [Cuban Democracy Act, 1992; Cuban Assets Control Regulations, 2020, §515.329(a); Executive Order 13382, 2005] (как Хофф, так и Дэвидсон считают подобную практику неправомерной [Davidson, 1998, p. 1426; Hoff, 2019, p. 141], противоположная позиция высказывается, в частности, Менгом [Meng, 1984, p. 753], приводятся аргументы, что подобное расширение юрисдикции является обоснованным). Но только начиная с 1980-х годов санкционная политика США становится неприемлемо навязчивой [Meyer, 2010, p. 111; Parrish, 2017]. В 1982 г. президент Рональд Рейган расширил действие санкций США против СССР, распространив их на иностранные филиалы американских компаний и на все компании, работающие по экспортной лицензии США [Dunning, 1998, p. 184–185; Graves, 1998, p. 730–731; Hoff, 2019, p. 108–109; Lowe, 1997, p. 378; Malloy, 2003, p. 376; Meng, 1984, p. 678–682; Meyer, 2009, p. 927; Nephew, 2019, p. 8–13]. Массированное давление со стороны других государств в итоге вынудило правительство США отказаться от применения этих санкций [Dunning, 1998, p. 184–185; Hoff, 2019, p. 109; Malloy, 2003, p. 376; Meng, 1984, p. 678–682; Meyer, 2009, p. 927; Nephew, 2019, p. 8–13]. Тем не менее в 1996 г. вступили в силу Закон о Кубинской свободе и демократической солидарности (Cuban Liberty and Democratic Solidarity Act) [LIBERTAD Act, 1996], более известный как Закон Хелмса – Бертона, и Закон о санкциях в отношении Ирана и Ливии [ILSA, 1996 §1701], иногда называемый Законом Д’Амато. Эти законы, нацеливаясь против бизнеса и частных лиц в третьих странах, были направлены на блокирование иностранных инвестиций в экономики Кубы, Ирана и Ливии [Dunning, 1998, p. 168, 173, 188; Lowe, 1997, p. 379–383, 385–386]. После разбирательств в рамках Всемирной торговой организации (ВТО), инициированных, в частности, Канадой и европейскими странами, США вновь пошли на компромисс [Clark, 1999, p. 87–92; Fitzgerald, 1998, p. 14; Graves, 1998, p. 721–725, 731–732; Hoff, 2019, p. 110; Meyer, 2009, p. 928–929; Nephew, 2019, p. 22; Ryngaert, 2008, p. 645–648].

В период президентства Дональда Трампа США продолжили агрессивно применять такие меры, которые приравнивали подразумеваемое право США в одностороннем порядке вводить санкции против других государств с правом принуждать третьи страны действовать аналогичным образом [de Ruyt, 2019, p. 4; Hoff, 2019, p. 99; Gordon, 2012, p. 69 (применительно к эмбарго на торговлю с Кубой, которое было впервые наложено в 1961 г.); Geranmayeh, Rapnouil, 2019, p. 2; Lew, Nephew, 2018, p. 146–147]. США в одностороннем порядке вышли из Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД – Joint Comprehensive Plan of Action, JCPOA) – соглашения между пятью постоянными членами СБ ООН, Европейским союзом, Германией и Ираном, направленного на предотвращение обретения Ираном ядерного оружия [Memorandum, 2018]. Вместо этого США вновь ввели и ужесточили свои санкции против Ирана³. Отказ США

³ Применительно к повторному введению санкций см.: [Statement by the President, 2018]; применительно к новым санкциям см., например: [Lew, Nephew, 2018, p. 146–147; Statement by the President, 2019; Wong, 2019].

от СВПД, несмотря на одобрение СБ ООН и подтвержденное соблюдение его условий со стороны Ирана [UN, 2015; Dixit, 2018], вероятно, может расцениваться как нарушение международного права [Menkes, 2018, p. 328–329, 331, 339–343, 358]. Тем не менее США пытаются заставить другие государства следовать их санкциям и внешней политике [Calamur, 2018; Deutsche Welle, 2019]. К примеру, США пригрозили компаниям из Китая, Европы и других стран, что найдут способ заставить их разорвать коммерческие связи с Ираном [Lew, Nephew, 2018, p. 146–147; Neff, 2019; Peel, 2018]. Президент Дональд Трамп также пригрозил Франции, Германии и Великобритании введением обременительных тарифов на определенные категории экспорта в США, если они не будут следовать линии США в отношении Ирана [Barrie, 2020; Charter, 2020].

В данной статье рассматривается правомерность таких вторичных санкций в соответствии с международным публичным правом. Односторонние вторичные санкции отличаются от односторонних первичных санкций тем, что вторичные санкции направлены не против государства — объекта санкций, но, скорее, против отдельных лиц и предприятий в третьих странах (а теперь, возможно, и против самих третьих стран), которые продолжают вести торговые отношения с государством — изначальным объектом санкций [Fabre, 2016, p. 1, 3; Hoff, 2019, p. 105–107; Malloy, 2003, p. 375–376; Meyer, 2009, p. 905, 926; Senz, Charlesworth, 2001, p. 9; Tirkey, 2019, p. 1; Viterbo, 2019, p. 161]. Таким образом, введение вторичных санкций имеет своей целью заставить граждан третьих стран следовать политике США, а не их собственного государства [Graves, 1998, p. 715; Meyer, 2009, p. 926; Tirkey, 2019, p. 2; Viterbo, 2019, p. 161].

Несмотря на противоречивые оценки [Larsson, 2011, p. 23–24; Viterbo, 2019, p. 157], одностороннее введение первичных санкций против целевых государств часто рассматривается как правомерное осуществление государственного суверенитета [DeFrancia, 2012, p. 749; Dunning, 1998, p. 173, 183; Fitzgerald, 1998, p. 88; Hoff, 2019, p. 126; ICJ, 1986, paragraph 245, 276; Ryngaert, 2008, p. 625; Senz, Charlesworth, 2001, p. 7]. Каждое государство вправе решать, хочет ли оно инициировать или продолжать экономические отношения с другим государством [ICJ, 1986]. Между тем вторичные санкции ставят вопрос в иной юридической плоскости. Накладывая вторичные санкции на индивидумов и компании в третьих странах, государство, применяющее санкции, заявляет о своем праве регулировать поведение акторов за пределами его территории [DeFrancia, 2012, p. 751; Larsson, 2011, p. 24]. Это, в свою очередь, заставляет задуматься, совместима ли такая претензия на экстерриториальность юрисдикции с международным правом и не является ли она нарушением суверенитета третьих стран [Harvard Law Review, 2011, p. 1228; Hoff, 2019, p. 129; Meyer, 2010, p. 145]. Более того, государство, наложившее санкции, фактически навязывает свою внешнюю политику третьим странам, принуждая граждан и бизнес третьих стран следовать политике налагающего санкции государства, а не политике собственного государства [Calamur, 2018]. Таким образом, вторичные санкции вполне могут быть расценены как нарушающие принцип суверенного равенства и представляющие собой незаконное вмешательство во внутренние дела третьего государства [Fitzgerald, 1998, p. 15, 35; Hoff, 2019, p. 132–136; Meng, 1984, p. 247–250; Tirkey, 2019, p. 2, 9].

Вторичные санкции США в действительности являются неправомерными в соответствии с международным публичным правом⁴. Заявления США относительно экстерриториальности юрисдикции не находят обоснования ни в одном из принципов

⁴ Противоположное мнение высказывается, в частности, Даннингом [Dunning, 1998, p. 184] (утверждается, что вторичные санкции не являются нарушением международного обычного права, хотя их эффективность ставится под сомнение); [Fabre, 2016].

юрисдикции, признаваемых в международном обычном праве. Фактически международное сообщество прямо отвергает претензии США на экстерриториальность юрисдикции. Более того, США стремятся подорвать внешнюю и торговую политику третьих стран, превращая их граждан и бизнес в объекты санкций. Санкционная политика США, таким образом, является попыткой установить контроль над внешней политикой других государств. Однако такое принуждение равносильно незаконному вмешательству во внутренние дела этих государств. Наконец, принуждение США с опорой на свое обширное экономическое могущество других государств к отказу от их собственной внешней политики является нарушением принципа суверенного равенства⁵.

I. Понимание США экстерриториальности юрисдикции является нарушением суверенитета третьих стран

То, как США используют вторичные санкции для управления поведением нерезидентов, на законных основаниях участвующих в деловых операциях за пределами США, нарушает суверенитет других государств. Действуя таким образом, США тем самым отменяют суверенные решения этих государств о разрешении осуществления определенных действий на своей территории. Чтобы продемонстрировать все последствия текущего понимания США возможностей экстерриториального применения их санкций, будет полезным кратко обобщить два недавних дела с участием граждан иных государств, которым власти США предъявили обвинения на основании их действий за пределами США.

Первый случай касается топ-менеджера, гражданина Турции, по имени Реза Зарраб. В 2016 г. власти США арестовали его во время отпуска во Флориде за нарушение санкционных законов США [Filkins, 2017; Lohmann, 2019, p. 6]. Резидент и гражданин Турции Реза Зарраб участвовал в предпринятой Турцией попытке совершить сделку по приобретению иранского газа с расчетами в турецких лирах, которые предполагалось перевести на счет в турецком банке [Emmenegger, Döbeli, 2018, p. 232]. Из-за санкций США правительству Ирана было трудно получить доступ к деньгам, депонированным в Турции [SDNY, 2016]. Реза Зарраб участвовал в схеме по конвертации этих денег в золото через посредников в Объединенных Арабских Эмиратах (ОАЭ), что позволило иранскому правительству получить доступ к турецким платежам за газ [Ibid., p. 16–22]. При этом Реза Зарраб не нарушал законов Турции, ОАЭ или Ирана [Emmenegger, Döbeli, 2018, p. 240]. Тем не менее суд в США постановил, что арест Резы Зарраба был законным [Ibid., p. 241–244]. В числе прочего Резу Зарраба обвинили в нарушении законов о санкциях США в связи с тем, что в ряде случаев деньги, переводившиеся между некоторыми иностранными субъектами, проходили клиринг в США, хотя предназначались они иранскому правительству. Таким образом, американские банки, в которых иностранные банки имели корреспондентские счета, непреднамеренно нарушали законы США о санкциях [Emmenegger, Döbeli, 2018, p. 235, 236–237, 240–241; SDNY, 2016, p. 29–40]. Кроме того, Реза Зарраб, активно участвуя в описанной схеме, обошел запрет США на осуществление платежей правительству Ирана и экспорт в Иран драгоценных металлов [SDNY, 2016, p. 6–9, 29–40].

Во второй, недавний, случай оказалась вовлечена гражданка Китая. В декабре 2018 г. Мэн Ваньчжоу, финансовый директор Huawei, была арестована в Канаде на ос-

⁵ В настоящей статье не рассматривается правомерность односторонних первичных санкций против целевых стран с позиций международного экономического, инвестиционного или торгового права.

новании ордера на арест, выданного США. В числе прочего власти США обвиняли Мэн Ваньчжоу в предоставлении банкам, имеющим подразделения в США, недостоверной информации относительно связей Huawei с базирующейся в Гонконге компанией Skyscom [EDNY, 2019, р. 3–4, 6–8, 10–4; Gordon, Stecklow, 2018]. Skyscom, предположительно, пыталась продавать товары американского происхождения иранским операторам мобильной связи в нарушение санкций США [EDNY, 2019, р. 5; Gordon, Stecklow, 2018]. По мнению американских властей, Skyscom на самом деле была дочерней компанией Huawei, созданной для ведения бизнеса с Ираном [EDNY, 2019, р. 2]. Утаив правду о связях Huawei со Skyscom, Мэн Ваньчжоу якобы побудила ряд банков к заключению сделок с Huawei, несмотря на то что последняя нарушала санкционные законы США [Gordon, Stecklow, 2018]. Китай осудил арест, что убедительно свидетельствует о том, что Мэн Ваньчжоу не нарушала китайских законов в рамках осуществления вызвавших разбирательство транзакций [Kim, 2020; National Post, 2020]. Тем не менее США выдвинули требование об экстрадиции Мэн Ваньчжоу из Канады, которое она оспаривает. В настоящее время дело находится на рассмотрении в канадских судах (на момент написания статьи; в сентябре 2021 г. Мэн Ваньчжоу вернулась в Китай после частичного признания вины и отзыва США запроса на экстрадицию. — *Примеч. пер.*) [Warburton, 2020].

Оба эти примера иллюстрируют, как далеко заходят США в применении своего санкционного законодательства. В обоих случаях обвинения были предъявлены лицам, не являющимся гражданами США, на основании предполагаемых преступлений, совершенных за границей в тех странах, где их поведение не считалось незаконным. Связь обоих рассматриваемых инцидентов с США в лучшем случае является умозрительной. Тем не менее США заявляют о своем праве применять принцип экстерриториальной юрисдикции в обоих случаях. Это отчасти следует из Исполнительного Указа № 13608, принятого в мае 2012 г., который запрещал «определенные сделки с», а также «въезд в страну» иностранцев, уклоняющихся от выполнения требований санкций в отношении Ирана и Сирии [Executive Order 13608, 2012]. Министерство финансов США утверждает, что Указ позволяет ему реагировать на «поведение иностранных лиц» даже «в тех случаях, когда иностранное лицо не имело физического, финансового или иного присутствия в США и не подчинялось административным процедурам США» [U.S. Department of the Treasury, 2012]. Следовательно, «подсанкционное лицо или организация» будут «отрезаны от коммерческой и финансовой систем США» [Ibid.].

Таким образом, США претендуют на право запрещать гражданам третьих государств определенное поведение, имеющее место на территории этих третьих государств, где к тому же такое поведение может быть не только не противозаконным, но и, возможно, даже поощряемым [Fitzgerald, 1998, р. 9; Hoff, 2019, р. 129; Nesbitt, 2016, р. 539, 546]. Вопрос, который возникает в данном контексте, заключается в том, нарушает ли суверенитет этих третьих государств восприятие США своей юрисдикции как обладающей предписывающей силой [Dodge, 2019, р. 7, 12; Graves, 1998, р. 733; Meyer, 2010, р. 145; Dunning, 1998, р. 908; Meng, 1984, р. 727–728; Emmenegger, 2016, р. 638; Hoff, 2019, р. 129; Harvard Law Review, 2011, р. 1228].

Несмотря на то что дать точное определение «суверенитета» в его понимании в международном публичном праве довольно трудно (см. [Craven, 2007, р. 7–92; Кнор, 2002, р. 109–211; Anghie, 2005]), сформировалось общее понимание того, что суверенитет включает право государства требовать уважения своей территориальной целостности и политической независимости [League of Nations Covenant, 1924, art. 10; UN Charter, 1945, art. 2, paragraph 4]. Уже в 1949 г. Международным Судом ООН (МС ООН) подчеркивалась важность концепции суверенитета: «...между независимыми го-

сударствами уважение территориального суверенитета является существенно важной опорой международных отношений» [ICJ, 1949, p. 35]. Суверенитет над территорией включает в себя право государства эффективно управлять ею, исключая присутствие на своей территории других государств [PCIJ, 1927, p. 18]. Следовательно, ни одно государство не вправе осуществлять государственные функции на территории другого государства без разрешения этого государства [PCIJ, 1927, p. 18–9; Buchan, 2016, p. 68–86; Morgenthau, 1948, p. 344; von Heinegg, 2012, p. 8; Wrangle, 2013, p. 5]. В рамках «Дела Лас-Пальмас» — спора между Нидерландами и США относительно суверенитета над островом — арбитр Постоянной палаты третейского суда разъяснил, что суверенитет «означает независимость»⁶. Независимость применительно к части земного шара — это право осуществлять на ней государственные функции, исключая такую возможность для любого другого государства» [Permanent Court of Arbitration, 1982, p. 838].

В 1927 г. Постоянная палата международного правосудия (ППМП) особо подчеркнула важность уважения суверенитета другого государства в контексте юрисдикции, отмечая, что «первое и главное ограничение, налагаемое международным правом на государство, заключается в том, что если нет никакой разрешающей нормы, предусматривающей иное, государство не может осуществлять свои полномочия в какой бы то ни было форме на территории другого государства» [PCIJ, 1927, p. 18–19]. Применительно к юрисдикции ППМП дополнительно разъяснила, что «государство может осуществлять ее вне своей территории лишь в соответствии с разрешающей нормой, вытекающей из международного обычая или какой-либо конвенции» [Ibid.].

В 1996 г. Межамериканский юридический комитет также подтвердил, что «государство не может осуществлять свою власть ни в какой форме на территории другого государства. В соответствии с международным правом, базовое основание для установления законодательной и судебной юрисдикции кроется в принципе территориальности» [Rubin, 1996, p. 1333].

Однако, как показывают два описанных выше случая, США все чаще обращаются к принципу экстерриториальной юрисдикции, заявляя о наличии у них права регулировать поведение, имеющее место на территории других государств. В случае Резы Зарраба тот факт, что банки США выступали в качестве банков-корреспондентов во время деловых транзакций, которые имели место за границей, был сочтен достаточным для предъявления обвинения лицу, не являющемуся гражданином США, на том основании, что было нарушено американское санкционное законодательство [SDNY, 2016, p. 29]. В случае Мэн Ваньжоу законодательство США о санкциях нарушалось вследствие продаж за границу продукции американского происхождения (предположительно) зарубежной дочерней компанией иностранной компании [EDNY, 2019, p. 1]. Возникают сомнения, может ли такое широкое трактование государством права на осуществление юрисдикции считаться совместимым с международным публичным правом.

А. Юрисдикция согласно международному обычному праву – разрешительные нормы

Хотя многие исследователи соглашались с тем, что некоторые нормы о правилах юрисдикции были включены в международное обычное право [Dodge, 2019, p. 6;

⁶ «Дело острова Пальмас» между Нидерландами и США разбиралось Постоянной палатой третейского суда. Испания передала остров США, однако Нидерланды заявили о своем суверенитете над ним. См.: [Permanent Court of Arbitration, n. d.].

Emmenegger, 2016, p. 644], точные контуры норм время от времени становятся предметом дискуссии [Emmenegger, 2016, p. 647–648, 650–651, 653]. Норма международного обычного права существует, когда она в достаточной степени представлена в практике государств, и государства подкрепляют свое поведение ссылкой на международное право (*opinio juris* (лат.) — фактически «мнение права»; выражение, которое применяется в международном праве для констатации признания субъектами право-творчества правил поведения в качестве нормы права; *opinion juris* придает обычному правилу легитимность, наделяя его авторитетом и юридической силой. — *Примеч. пер.*) [ICJ, 1969, paragraph 73–74; 1995, art. 38 §(1)(b); UN, 2018, p. 124–126; U.S. Congress, 1995, p. S15106]⁷. Международным обычным правом предусматривается, что каждое государство обладает исключительной территориальной юрисдикцией, то есть правом регулировать поведение на своей территории [Rubin, 1996, paragraph 8 (c); Al Banna, 2017, p. 62; Bialostozky, 2014, p. 617–620; Emmenegger, 2016, p. 645; Emmenegger, Döbeli, 2018, p. 247; Fitzgerald, 1998, p. 90; Hoff, 2019, p. 100–101; Larsson, 2011, p. 25–26; Meyer, 2009, p. 937, 2010, p. 123]. Это ключевая характеристика суверенитета. В соответствии с расширительным «принципом субъективной территориальности» юрисдикция государства может также распространяться на цепочку событий, частично произошедших за границей, если значительная часть этих событий произошла на территории государства [Emmenegger, 2016, p. 646–647; Emmenegger, Döbeli, 2018, p. 247; Larsson, 2011, p. 26; Rubin, 1996, p. 1333 paragraph 8 (d)].

Вместе с тем санкционное законодательство США находится за гранью даже самой вольной из имеющихся интерпретаций принципа территориальности. США прибегают к принципу территориальности, даже если их финансовая система участвует исключительно в клиринговом процессе в рамках транзакции (см., например, [de Ruyt, 2019, p. 4; Emmenegger, Döbeli, 2018, p. 249; Hoff, 2019, p. 85–87; U.S.A Patriot Act, 2001]). Однако ни взаимодействие иностранных банков с банками-корреспондентами в США в ходе сложных операций, осуществляемых за границей, ни продажа американских продуктов за границей не дают достаточных оснований для утверждений о связи с территорией США, которые могли бы оправдать применение территориальной юрисдикции [Emmenegger, 2016, p. 655–656; Emmenegger, Döbeli, 2018, p. 249; Hoff, 2019, p. 139–140; Lohmann, 2019, p. 7].

В соответствии с «доктриной последствий»⁸ государство может на законных основаниях заявлять о действии своей юрисдикции, если событие имеет прямые и существенные последствия для этого государства в независимости от того, где оно происходит [Emmenegger, 2016, p. 646–647; Emmenegger, Döbeli, 2018, p. 250; European Community, 1982, p. 9; Graves, 1998, p. 716, 734–735; Hoff, 2019, p. 162; Meng, 1984, p. 751; Meyer, 2009, p. 937, 2010, p. 147; Rubin, 1996; U.S. Congress, 1995, p. S15106]. Эта доктрина, первоначально разработанная в контексте антимонопольного законодательства США [Emmenegger, 2016, p. 648, ft 73; Graves, 1998, p. 734–735; Hoff, 2019, p. 148; Lowe, 1997, p. 378; Meng, 1984, p. 705–711; Meyer, 2010, p. 137–139; Senz, Charlesworth, 2001, p. 13]⁹, в настоящее время часто применяется как аргумент для обоснования действия юрисдикции государства [Emmenegger, 2016, p. 648–649; Raustiala, 2009, p. 111–125; U.S.

⁷ «В то время как практика государств представляет собой источник международного права, государственная практика создает право только тогда, когда она широко распространена, последовательна и соблюдается из чувства юридической обязательности».

⁸ Принцип последствий описывается как «аспект» принципа территориальности [Emmenegger, Döbeli, 2018, p. 247–248; ALI, 1987 §402 cmt. d].

⁹ Для детального изучения эволюции доктрины последствий в США см.: [Raustiala, 2009, p. 93–125].

Congress, 1995, p. S15106]. Однако вопрос о том, стала ли на самом деле «доктрина последствий» корректным основанием для заявления притязаний на действие юрисдикции в соответствии с международным обычным правом, остается дискуссионным [Al Banna, 2017, p. 62; Emmenegger, 2016, p. 648–649, 656; Emmenegger, Döbeli, 2018, p. 247; European Community, 1982, p. 9; Fitzgerald, 1998, p. 90; Hoff, 2019, p. 147; Larsson, 2011, p. 29, 52; Senz, Charlesworth, 2001, p. 13].

Вне зависимости от того, способны ли государства убедительно обосновать применение «доктрины последствий», это не оправдывает столь широкий охват действия американского санкционного законодательства. Согласно используемой США расширительной интерпретации, нарушение их законов о санкциях происходит уже тогда, когда два американских банка-корреспондента, будучи в неведении, разрешают электронный перевод денег в рамках подсанкционной коммерческой транзакции, происходящей за границей [Emmenegger, 2016, p. 636, 654; Emmenegger, Döbeli, 2018, p. 243–245; Harvard Law Review, 2011, p. 1251; Hoff, 2019, p. 87–89; IEEPA, 2007; Iranian Transactions and Sanctions Regulations, 2020]¹⁰. Однако такой электронный перевод имеет ничтожные последствия (если вообще имеет) для США [Emmenegger, 2016, p. 657; Emmenegger, Döbeli, 2018, p. 250; Harvard Law Review, 2011, p. 1251; Hoff, 2019, p. 154¹¹; Meyer, 2009, p. 941]. Веще большей степени схожую оценку можно дать и кейсу с продажей американской продукции за рубежом [Ryngaert, 2008, p. 634]. Судья Мейер¹² точно подмечает, что США, таким образом, «склонны к преувеличенным заявлениям о том, что вторичные санкции могут быть оправданы принципами защиты юрисдикции или доктриной последствий, даже если эти меры становятся мерой противодействия... поведению, которое происходит в отдаленных странах и не имеет реальной перспективы поставить под угрозу безопасность или вызвать какие-либо существенные последствия для США» [Meyer, 2009, p. 909].

Как можно увидеть из цитаты судьи Мейера, существует мнение, что американские законы о санкциях, в том числе — в их экстерриториальном действии, могут быть обоснованы *охранительным принципом* [Emmenegger, 2016, p. 651; Rubin, 1996, p. 1322, paragraph 8(f); Meyer, 2010, p. 147], который также рассматривается как связанный с принципом территориальности [ALI, 1987 §402 cmt d, f] (утверждается, что «охранительный принцип может трактоваться как частный случай применения доктрины последствий», которая сама по себе рассматривается как «аспект» принципа территориальности). В соответствии с охранительным принципом государство может заявлять о действии своей юрисдикции в отношении вопросов, представляющих существенную угрозу его национальной безопасности [Al Banna, 2017, p. 60; Bialostozky, 2014, p. 620–621, 622–23, 626, 631–36¹³; Emmenegger, 2016, p. 651–652; Emmenegger, Döbeli, 2018, p. 248; Hoff, 2019, p. 153–154; Meyer, 2009, p. 938, 2010, p. 144; Rubin, 1996, p. 1322, 8(f)]. Это, однако, не оправдывает ситуацию, когда государство заявляет о своем праве на действие юрисдикции в случаях, когда оно руководствуется исключительно своими отличающимися целями внешней политики [Dziggel, 2016, p. 144–145]. В 1982 г. это было подтверждено судом в Нидерландах при рассмотрении особенностей действия законов

¹⁰ Такая политика часто обозначается как «долларовый унилатерализм». См.: [Katzenstein, 2015, p. 351].

¹¹ В отношении Закона о санкциях против Ирана.

¹² В настоящее время судья Окружного Суда США по округу Коннектикут; ранее старший советник Независимого комитета по расследованию деятельности Программы ООН «Нефть в обмен на продовольствие» в Ираке (2004–2005 гг.), профессор права Школы права Университета Куиннипиак и приглашенный профессор права Йельской школы права. См.: [U.S. District Court of Connecticut, n. d.].

¹³ Описываются случаи злоупотребления этим принципом юрисдикции.

США о санкциях¹⁴. Хотя суд согласился с тем, что охранительный принцип позволяет государствам «распространять юрисдикцию в отношении действий, где бы и кем бы они ни совершались, которые ставят под угрозу безопасность или кредитоспособность этого государства или интересы других государств» [The Netherlands, 1983, paragraph 7.3.3, no 62], в своем решении он подчеркнул, что «такие интересы других государств не включают интересы внешней политики, на защиту которых направлена принятая США мера» [Ibid.]. Ссылаясь на охранительный принцип, государство должно быть в состоянии показать, как конкретные действия других акторов влияют на его безопасность¹⁵. МС ООН при рассмотрении «Дела Никарагуа против США» постановил, что только заявления о том, что дело обстоит именно так, недостаточно [ICJ, 1986, paragraph 282]. Более того, охранительный принцип не позволяет оправдать наложение неизбирательных санкций, запрещающих любую торговлю с государством — адресатом санкций [Emmenegger, Döbeli, 2018, p. 250–251; Meyer, 2009, p. 941]. Напротив, в соответствии с охранительным принципом государство может преследовать только те транзакции, которые на самом деле связаны с предполагаемой угрозой национальной безопасности [Ibid.].

Дискуссионным остается и вопрос о точном охвате действия охранительного принципа, а также о том, является ли он достаточным основанием для действия юрисдикции в соответствии с международным обычным правом [Bialostozky, 2014, p. 620–621, 626; European Community, 198, p. 9]. Как бы то ни было, американские законы о санкциях часто не соответствуют даже необходимому минимуму требований, чтобы они могли считаться обоснованными охранительным принципом [Bialostozky, 2014, p. 633–635; Emmenegger, 2016, p. 658; ICJ, 1986, paragraph 224; Menkes, 2018, p. 333, 355–356; Ryngaert, 2008, p. 633–634]. Например, утверждение США о том, что Куба представляет собой серьезную угрозу национальной безопасности США, является надуманным по любым объективным меркам [Hoff, 2019, p. 154; Malloy, 2003, p. 381 (применительно к тому, как другие страны относятся к заявлениям США по «национальной безопасности» и Кубе в рамках Всемирной торговой организации (ВТО); Ryngaert, 2008, p. 642]. Аргументация, связанная с обеспечением национальной безопасности, также является «притянутой» и в случае с Ираном. Предполагаемые попытки Ирана обрести ядерное оружие представляют серьезную угрозу национальной безопасности США, однако это может служить обоснованием только для тех санкций, которые направлены исключительно против транзакций, непосредственно связанных с иранской программой создания оружия массового уничтожения (ОМУ) [Emmenegger, 2016, p. 658; Emmenegger, Döbeli, 2018, p. 250–251; Ryngaert, 2008, p. 642]. Санкции США

¹⁴ Окружной суд Нидерландов рассматривал спор между французской и голландской компаниями. Голландская компания согласилась предоставить французской компании 2400 струн геофонов с запасными частями, которые предполагалось экспортировать в СССР. Голландская компания была дочерней компанией американской корпорации и впоследствии сообщила французской компании, что не станет поставлять товары в соответствии с экспортным эмбарго США против СССР, введенным администрацией Рейгана. В результате французская компания подала в суд на голландскую компанию, и Окружной Суд Гааги вынес решение в ее пользу. Подробнее см.: [The Netherlands, 1983, paragraph 1].

¹⁵ При рассмотрении «Дела Никарагуа» МС ООН продемонстрировал, что он выступает против вольной интерпретации того, что представляет собой угрозу национальной безопасности. При толковании термина «существенные интересы безопасности» (который встречается в ст. XXI (d) Договора о дружбе, торговле и мореплавании между Никарагуа и США, 367 UNTS 3 (1956)) было установлено, что заявления США о попытках Никарагуа свергнуть правительства соседних государств, которые якобы продолжались уже два года, были недостаточно обоснованными для того, чтобы полагаться на это исключение, поскольку США не показали, «каким образом политика Никарагуа фактически стала угрозой для “основных интересов безопасности”» [ICJ, 1986, paragraph 282].

против Ирана, затрагивающие третьи государства, несомненно, имеют гораздо более широкий спектр действия [Emmenegger, Döbeli, 2018, p. 251; Hoff, 2019, p. 155; Meyer, 2009, p. 941; Ryngaert, 2008, p. 643, 650–651]. Даже сами США не заявляли о наличии связи между транзакциями, находящимися под запретом в связи с санкциями США, и предполагаемыми попытками Ирана заполучить ядерное оружие [Emmenegger, Döbeli, 2018, p. 251; SDNY, 2016¹⁶; EDNY, 2019¹⁷]. Фактически США вышли из СВПД и повторно ввели санкции в отношении Ирана, затрагивающие третьи страны, в то время как Международное агентство по атомной энергии неоднократно подтверждало, что Иран придерживается имеющегося соглашения и не занимается созданием ядерного оружия [Dixit, 2018; Memorandum, 2018].

Международное обычное право признает за государством право осуществлять юрисдикцию над своими гражданами, даже когда они действуют за границей («принцип активной правосубъектности») [Al Banna, 2017, p. 62; Emmenegger, 2016, p. 649–650; Emmenegger, Döbeli, 2018, p. 248; Fitzgerald, 1998, p. 90; Hoff, 2019, p. 140–141; Meyer, 2009, p. 937, 2010, p. 144; Rubin, 1996, p. 1322, paragraph 8(f)]. Эта форма экстра-территориальной юрисдикции также не дает необходимых обоснований для санкционного законодательства США. Определение лиц, находящихся под юрисдикцией США, которое включает постоянных (иностранных) резидентов США, даже если они действуют за границей [Cuban Democracy Act, 1992; Cuban Assets Control Regulations, 2020, §515.329(a); Executive Order 13382, 2005], свидетельствует о чрезмерно расширительном толковании этого принципа [Davidson, 1998, p. 1426; Hoff, 2019, p. 141] (противоположной позиции придерживается Менг [Meng, 1984, p. 753] (приводятся аргументы, что такое расширение юрисдикции является обоснованным). Кроме того, США рассматривают иностранные юридические лица как подпадающие под действие законов США о санкциях в том случае, если они «контролируются» лицами, находящимися под юрисдикцией США [Cuban Assets Control Regulations, 2020, §515.329(d)–330(a)(4)] (как один из примеров); [Clark, 1999, p. 457–458; Dunning, 1998, p. 177, 183; Emmenegger, 2016, p. 149–150; Hoff, 2019, p. 81–82, 141–6; Iranian Transactions and Sanctions Regulations, 2020, §560.537; Lowe, 1997, p. 378; Senz, Charlesworth, 2001, p. 7–8; Viterbo, 2019, p. 160]. Такая презумпция, однако, не согласуется с «принципом активной правосубъектности». В международном сообществе широко распространено понимание того, что «национальная принадлежность» юридического лица определяется местоположением, где зарегистрирован его головной офис, или законодательством, в соответствии с которым оно учреждено, а не гражданством контролирующих его лиц [Clark, 1999, p. 65; Emmenegger, 2016, p. 649–650; European Community, 1982, p. 5–6; Hoff, 2019, p. 143–146; ICJ, 1970, paragraph 41, 70, 88; Lohmann, 2019, p. 7; Meng, 1984; Ryngaert, 2008, p. 627–629, 633; Senz, Charlesworth, 2001, p. 7–8; The Netherlands, 1983, paragraph 7.2, 7.3; Ziaee, 2016, p. 39–40; Meng, 1984, p. 754–757¹⁸; France, 1966, p. 476¹⁹]. Аналогичным образом США распространяют санкции на товары американского происхождения [Clark, 1999, p. 63–

¹⁶ США не утверждали, что действия, в совершении которых обвинялся Зарраб, были связаны с иранской ядерной программой.

¹⁷ Не заявлена связь с иранской ядерной программой.

¹⁸ Рассматриваются нюансы суждения о том, что практика принуждения США иностранных дочерних американских компаний к соблюдению целей внешней политики США не может быть согласована с международным публичным правом.

¹⁹ Решением суда французской компании Fruehauf Corporation было разрешено выполнить контракт с Китайской Народной Республикой в соответствии с французским законодательством, даже несмотря на то, что контрольный пакет акций принадлежал американской компании, а Казначейство США выпустило распоряжение о расторжении контракта.

64, 462–465; Export Administration Regulations, 2019, §746.2(a), 2020, §746.7(a); Fitzgerald, 1998, p. 43; Iranian Transactions and Sanctions Regulations, 2020, §560.205; Viterbo, 2019, p. 159], что представляется попыткой применить принцип активной правосубъектности, руководствуясь изначальной американской «национальной принадлежностью» товаров [Fitzgerald, 1998, p. 42; Hoff, 2019, p. 84; Lohmann, 2019, p. 7; Lowe, 1997, p. 378; Senz, Charlesworth, 2001, p. 8]. Однако в международном сообществе не принято присваивать «национальность» товарам и отвергаются попытки распространения юрисдикции на этом основании [European Community, 1982, p. 6; Lowe, 1997, p. 14; Meng, 1984, p. 756; Senz, Charlesworth, 2001, p. 8].

В международном сообществе отсутствует единое мнение относительно того, является ли законным основанием для распространения действия юрисдикции так называемый принцип пассивной правосубъектности [Emmenegger, 2016, p. 650; Emmenegger, Döbeli, 2018, p. 248; Larsson, 2011, p. 26; Meng, 1984, p. 253–254; Meyer, 2009, p. 938, 2010, p. 144; Ryngaert, 2008, p. 643], в соответствии с которым государство может заявлять об экстерриториальности юрисдикции в случаях, когда его гражданам был нанесен ущерб, даже если соответствующее событие произошло за границей [Emmenegger, 2016, p. 650; Emmenegger, Döbeli, 2018, p. 248; Meng, 1984, p. 253–254; Ryngaert, 2008, p. 643]. В любом случае этот принцип не оправдывает всеобъемлющий характер законов США о санкциях, поскольку они, очевидно, применяются к событиям, которые не наносят вреда гражданам США, как показывают кейсы Зарраба и Ваньчжоу [EDNY, 2019; SDNY, 2016].

«Принцип универсальности» занимает все более заметное место как новое обоснование экстерриториального действия юрисдикции, хотя пока его использование не относится к экономической сфере [Emmenegger, Döbeli, 2018, p. 251]. Согласно принципу универсальности, государства могут заявлять о действии своей юрисдикции даже в отношении тех событий, которые не имеют связи с этими государствами, однако относятся к признаваемым международным сообществом как особо тяжкие преступления, например, геноцид [Emmenegger, 2016, p. 653–654; Emmenegger, Döbeli, 2018, p. 248–249; Hoff, 2019, p. 156–157; Larsson, 2011, p. 26; Meyer, 2009, p. 938, 2010, p. 144–145], или которые считаются «универсальными преступлениями», например, пиратство [Dunning, 1998, p. 938; Emmenegger, 2016, p. 653–654; Emmenegger, Döbeli, 2018, p. 248–249; Graves, 1998, p. 736; Larsson, 2011, p. 26; Meyer, 2010, p. 144–145; Ryngaert, 2008, p. 644]. Когда США применяют свои законы о санкциях, в большинстве случаев не приводятся доказательства того, что подсанкционные операции связаны с особо тяжкими или универсальными преступлениями [Emmenegger, 2016, p. 658–659; Emmenegger, Döbeli, 2018, p. 251; Graves, 1998, p. 736 (применительно к Закону о санкциях в отношении Ирана и Ливии); Ryngaert, 2008, p. 644–645 (применительно к Акту Хелмса – Бертона)].

Таким образом, недавние случаи экстерриториального действия санкционного законодательства США не могут считаться оправданными, даже если ссылаться на расширительные трактовки оснований для экстерриториальности. Государственный департамент США пришел к аналогичному выводу в отношении Закона Хелмса – Бертона от 1996 г., который включал положения, разрешающие подачу судебных исков против иностранцев, занимающихся «торговлей» экспроприированной собственностью на Кубе, которая первоначально принадлежала гражданам США [LIBERTAD Act, 1996 §301–6]. В соответствии с заключением Государственного департамента США законопроект «затруднительно обосновать в соответствии с международным правом», поскольку «он делает <...> законодательство США применимым к <...> объектам собственности, расположенным на Кубе, в отношении которых нет никакой связи

с США за исключением нынешнего гражданства истца, заявляющего свою претензию на право собственности» [U.S. Congress, 1995, p. S15106]. Тем не менее Конгресс проигнорировал такую оценку проекта закона со стороны Государственного департамента [LIBERTAD Act, 1996 §301–6].

Принимая во внимание широту нынешних санкций в отношении Ирана и их экстерриториальное действие, оценка выдающегося британского ученого-международника Воана Лоу²⁰, данная им в отношении менее обременительных Законов Хелмса — Бертона и Д’Амато от 1996 г., применительно к нынешнему санкционному законодательству представляется более чем справедливой. По его мнению, оба закона «налагают наказания на нарушителей», несмотря на отсутствие «связи между США и предполагаемым преступником», тем самым полностью игнорируя «принципы международного права, касающиеся распределения юрисдикции между государствами [Davidson, 1998, p. 1426–1427; Lowe, 1997, p. 385–386].

В. Юрисдикция согласно международному обычному праву – запретительные нормы

Могут возникнуть контраргументы, что приведенный выше анализ разрешительных норм некорректно истолковывает правовую ситуацию в отношении юрисдикции, поскольку ППМП, вероятно, применял на практике гораздо более либеральный подход к национальному законодательству с экстерриториальным воздействием [Emmenegger, 2016, p. 644; Meyer, 2010, p. 136–137]. Так, в своем решении по «Делу Лотоса» (разбиравшееся ППМП уголовное дело о столкновении в 1926 г. французского парохода Lotus и турецкого парохода Vozkourt, в результате которого турецкое судно было разрушено и восемь пассажиров — граждан Турции — утонули. — *Примеч. пер.*) суд также подчеркнул, что он «не... исходит из того, что международное право запрещает государству осуществлять юрисдикцию на своей территории в отношении любого дела, которое касается действий, имевших место за границей, и в отношении которого оно не может полагаться на какую-либо разрешительную норму международного права»²¹. Напротив, ППМП разъясняет, что «<международное право> предоставляет <государствам>... широкую свободу действий, которая ограничивается лишь в определенных случаях запретительными нормами; что касается других случаев, то каждое государство может руководствоваться теми принципами, которые оно считает наилучшими и наиболее подходящими» [Ibid., p. 19].

Различие между двумя заключениями ППМП разительно: первое из них требует наличия разрешительной нормы в международном праве для обоснования экстерриториальности [Ibid., p. 18–19], а второе подразумевает необходимость отсылки к запретительной норме в международном праве, чтобы признать экстерриториальное применение законодательства неправомерным [Ibid., p. 19].

Это важное различие в юридическом обосновании вряд ли имеет отношение к практикам США. Уже долгие годы многие государства придерживаются мнения, что подход США к распространению своей экстерриториальной юрисдикции, особенно в случаях предполагаемых нарушений американских законов об эмбарго и санкциях, является незаконным [Larsson, 2011, p. 24–25, 27; Lew, Nephew, 2018, p. 142; Meng, 1984,

²⁰ Чичелийский профессор (почетная профессорская должность в честь Генри Чичела, английского религиозного деятеля XV в., архиепископа Кентерберийского. — *Примеч. пер.*) международного публичного права в Университете Оксфорда (в 1999–2012 гг.); Почетный профессор международного права в Университете Оксфорда начиная с 2012 г.

²¹ Суд, разделившись поровну, запросил решающий голос председателя [РСИД, 1927, p. 32].

р. 730–737; Tirkey, 2019, p. 2; Ryngaert, 2008, p. 655–657; Ziaee, 2016, p. 40]. Последовательные возражения международного сообщества против этого не только предотвратили появление разрешительной нормы, но и фактически привели к закреплению в международном обычном праве запретительной нормы [AALCO, 2019, paragraph 64–65; Al Banna, 2017, p. 68–69; Beaucillon, 2016, p. 112–118; Fitzgerald, 1998, p. 2, 86–87, 91–94²²; Franchini, 2018; Gordon, 2012, p. 72–75; Jazairy²³, 2017, paragraph 55–62; 2019, paragraph 10–11; Ryngaert, 2008, p. 655–667²⁴; Ziaee, 2016, p. 40].

В 1982 г. премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер, обычно выступавшая как верный союзник США, прокомментировала планы введения США санкций против проектируемого советского газопровода следующим образом: «...вопрос заключается в том, может ли одна очень могущественная страна помешать выполнению существующих контрактов; я думаю, что это неправильно» [Feron, 1982; Perlow, 1983, p. 252–73²⁵]. Министр торговли в ее правительстве, лорд Артур Кокфилд, высказывался более прямолинейно, описывая меры США как «неприемлемое расширение американской экстерриториальной юрисдикции, противоречащее международному праву» [UK Statement, 1982, p. 851; Davidson, 1998, p. 1429]. Многие другие европейские страны последовали примеру Великобритании и осудили санкции США [Dunning, 1998, p. 184–185]. Европейское сообщество подготовило заявление, в котором отмечалось, «что американское регулирование с внесенными в него поправками ведет к кардинальному расширению юрисдикции США, что является незаконным в соответствии с международным правом» [European Community, 1982, p. 1].

Европейский союз неоднократно заявлял о своем неприятии экстерриториальных санкций [Broczka, 2019, p. 157–162; Davidson, 1998, p. 1425–1427²⁶; Graves, 1998, p. 721–725; Harvard Law Review, 2011, p. 1246–1250; Larsson, 2011, p. 35–36]. Например, в декабре 2017 г. Европейский союз вновь заявил, что «осуждает экстерриториальное применение законодательства третьих стран, вводящего ограничительные меры, направленные на регулирование деятельности физических и юридических лиц», находящихся под юрисдикцией государств – членов Европейского союза, как нарушающее международное право» [Council of the EU, 2018].

В 2013 г. «Группа 77» – группа развивающихся государств, которая к настоящему моменту насчитывает 134 члена [G77, n. d.] – и Китай приняли «Министерскую декларацию», в которой министры иностранных дел «решительно отвергают введение законов и правил, имеющих экстерриториальное воздействие», поскольку такие меры «подрывают принципы, закрепленные в Уставе ООН и международном праве», а также «создают серьезную угрозу свободной торговле и инвестициям» [G77, 2013].

В 2016 г. Россия, Индия и Китай выступили с совместным заявлением, в котором экстерриториальные санкции также подверглись критике как «несовместимые с принципами международного права» [Foreign Ministers, 2016]. В июне 2017 г. в ответ на угрозы со стороны США ввести санкции против иностранных компаний, участвующих в проекте строительства газопровода «Северный поток – 2», с совместным заявлением выступили правительства Австрии и Германии: «Мы не можем мириться с угрозой введения экстерриториальных санкций, являющихся незаконными в соответствии

²² «Формирующееся правило».

²³ Специальный докладчик по негативным последствиям односторонних принудительных мер.

²⁴ «Аргумент допустим».

²⁵ Администрация Рейгана запретила продажу продукции США, которая использовалась бы для строительства трубопровода, и ввела санкции против СССР в ответ на предполагаемую причастность СССР к объявлению польским правительством военного положения.

²⁶ Излагается британская позиция по вопросу о законах Хелмса – Бертона и Д’Амато.

с международным правом, против европейских компаний, которые участвуют в развитии поставок энергоресурсов в Европу»²⁷.

В духе распространенного во всем мире неприятия политики применения США вторичных санкций Генеральная Ассамблея ООН с 1992 г. ежегодно принимает резолюции, осуждающие эмбарго США против Кубы, с особым упором на экстерриториальные последствия санкционного законодательства США [UN, 2019, paragraph 2–3]. Эти резолюции всегда принимаются подавляющим большинством голосов [Ibid.]²⁸.

Сами США в прошлом также отвергали легитимность вторичных санкций [Fitzgerald, 1998, p. 48–49, 92; Meyer, 2009, p. 907, 926–927, 2010, p. 112; Ryngaert, 2008, p. 640–642; Steiner, 1978²⁹]. В 1970-х годах в ответ на «арабский бойкот», в рамках которого американским компаниям было запрещено вести бизнес в арабских странах, если они также имели коммерческие связи с Израилем, государственный секретарь США Сайрус Вэнс заявлял, что «решения о том, какую торговлю американские фирмы могут или не могут вести с другими странами или с другими американскими фирмами, должны приниматься в соответствии с американской политикой, американцами и только лишь американцами» [Arab Boycott, 1977, p. 426, 437]³⁰. Он дополнительно акцентировал «право США регулировать с помощью наших законов деятельность наших граждан» [Ibid.]. Аналогичная позиция также отражена в отчете Комитета Сената США о предлагаемых поправках к Закону об администрировании экспорта, которые были призваны стать ответом на «арабский бойкот». В отчете Комитет подчеркивал, что «США не должны мириться с попытками иностранных правительств посредством вторичных или третичных бойкотов втянуть американских граждан в борьбу с другими странами» [Steiner, 1978, p. 538; U.S Senate, 1977, p. 20–21].

Принимая во внимание почти единогласный, как видно из описанного выше, консенсус, представляется справедливым вывод специального докладчика ООН о том, что «всеобъемлющие принудительные меры экстерриториального действия практически повсеместно отвергаются как незаконные в соответствии с международным правом...» [Jazairy, 2017, p. 5, paragraph 10; 2019, p. 17–20] и что «следует считать государства имеющими юридическое обязательство не признавать в качестве законных такие односторонние принудительные меры, в особенности экстерриториальные, вторичные санкции» [Ibid.].

Таким образом, существует достаточное количество аргументов в поддержку тезиса о том, что международное обычное право запрещает экстерриториальное применение односторонних санкций, основывающихся на национальном законодательстве, применительно к вопросам, которые не имеют существенной связи с принявшим соответствующий санкционный акт государством. Принятие таких актов нарушает суверенитет других государств и потому является незаконным [Dziggel, 2016, p. 130, 143; Larsson, 2011, p. 53; Tirkey, 2019, p. 2].

²⁷ США выступают против проекта «Северный поток – 2» и стремятся распространить эти санкции на вовлеченные в него компании независимо от их страновой принадлежности [Flatley, Khrennikova, 2020; German Federal Foreign Office, 2017].

²⁸ 187 стран проголосовали «за», три «против» и две воздержались.

²⁹ Описываются ожесточенные дебаты, предшествовавшие принятию Закона о борьбе с бойкотом, и приводится множество примеров того, как ведущие политики, лоббисты и представители бизнеса отвергают экстерриториальный характер действия бойкота со стороны арабских стран.

³⁰ Заявление Сайруса Р. Вэнса, государственного секретаря США.

II. Односторонние санкции, затрагивающие третьи страны, являются незаконным вмешательством во внутренние дела этих стран и нарушают принцип суверенного равенства

Международное обычное право запрещает вмешательство во внутренние дела других государств [ICJ, 1949, pp. 34–35; 1986, paragraph 202; 2005, paragraph 161–165]. Конвенция Монтевидео от 1933 г. содержит положение о том, что «ни одно государство не имеет права вмешиваться во внутренние или внешние дела другого государства» [Charter of the OAS, 1948, art. 19; Convention on the Rights and Duties of States, 1933, art. 8; The Warsaw Pact, 1955, art. 8, paragraph 7], в то время как ст. 2(7) Устава ООН от 1945 г. исключает возможность вмешательства даже ООН во внутренние дела государства-члена [UN Charter, 1945, art. 2, paragraph 7]. К 1960-м годам сложился широкий международный консенсус относительно запрета вмешательства во внутренние дела другого государства [UN, 1970 McWhinney, 2010]. В 1965 г. Генеральная Ассамблея приняла Декларацию о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, об ограждении их независимости и суверенитета 109 голосами «за» при отсутствии голосов «против» и одном воздержавшемся [McWhinney, 2010, p. 1]. Принятая Генеральной Ассамблеей в 1970 г. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами (Резолюция о дружественных отношениях), одобренная без процедуры голосования, вновь подчеркнула наличие широкого консенсуса относительно неправомерности внешних вмешательств, подтвердив, что «ни одно государство или группа государств не имеют права прямо или косвенно вмешиваться вне зависимости от причины во внутренние или внешние дела любого другого государства» [UN, 1970, p. 7].

Хотя резолюции Генеральной Ассамблеи не являлись юридически обязывающими [Roberts, Sivakumaran, 2018, p. 102–103], их принятие поддерживает тезис о том, что государства рассматривают декларации как отражение международных правовых норм³¹. В 2005 г. МС ООН подтвердил, что Резолюция о дружественных отношениях является «декларирующей международное право» [ICJ, 2005, paragraph 162]. МС ООН и сам ранее подчеркивал наличие юридических оснований для запрещения такого вмешательства: уже в 1949 г. вмешательство в дела других государств было объявлено МС ООН незаконным [ICJ, 1949, p. 34–35]. Таким образом, запрет на вмешательство во внутренние или внешние дела другого государства может быть квалифицирован как норма международного обычного права.

Решение МС ООН от 1986 г. по «Делу Никарагуа» часто цитируется при обсуждении запрета на вмешательство, поскольку суд дал частичное определение сферы его действия [ICJ, 1986]³². Подтвердив принцип невмешательства в качестве нормы международного обычного права [Ibid., paragraph 202; ICJ, 2005, paragraph 161–165], МС ООН также дал определение запрещенному вмешательству:

Соответственно, запрещенное вмешательство должно иметь отношение к вопросам, по которым каждое государство в соответствии с принципом государственного суверенитета

³¹ Представитель США при ООН в то время отметил, что резолюция «точно решает задачу провозгласить эту норму как закон» в отношении невмешательства [ICJ, 1996, p. 226, 70; Rosenstock, 1971, p. 714–715, 726–729].

³² Разбирательство было инициировано со стороны Никарагуа. Никарагуа обвинила США в том, что, оказывая поддержку повстанцам «Контрас», пытавшимся свергнуть сандинистское правительство страны, США нарушили международное право.

имеет право свободно принимать решения. Одним из них является выбор политической, экономической, социальной и культурной системы и формирование внешней политики. Вмешательство неправомерно, когда оно использует методы принуждения в отношении такого выбора, который должен оставаться свободным [ICJ, 1986, paragraph 205].

Существует мнение, что эта отсылка к «методам принуждения» ограничивает сферу применения запрета [Jamnejad, Wood, 2009]³³. В результате некоторые исследователи приходят к выводу, что экономические санкции, даже если они направлены против третьих государств, не соответствуют определению МС ООН в части наличия элементов принуждения [Ibid.; Hofer, 2017; Tzanakopoulos, 2015].

Однако МС ООН подчеркнул, что рассматривает только «те аспекты принципа, которые кажутся уместными» в контексте конкретного разбирательства [ICJ, 1986, paragraph 205]. Суд рассматривал дело о массовой поддержке США никарагуанских повстанцев «Контрас», которые пытались силой свергнуть правительство своей страны. Необходимости подробно обосновывать, имело ли в данном случае место «принуждение», не было. Роль США в оказании поддержки применению силы повстанцами, несомненно, имела характер принуждения в отношении государственной системы Никарагуа [Ibid., paragraph 241–242].

Тот факт, что МС ООН не дал более четкого определения запрещенных интервенций, не означает допустимости менее жестких мер принуждения. Скорее, разница между принудительной интервенцией и потенциально допустимым вмешательством сводится к тому, сохраняет ли государство — объект вмешательства свободу выбора в вопросах, связанных с его суверенитетом. Таким образом, вмешательство является незаконным, когда государство — объект вмешательства рискует потерять свободу действий по вопросам, касающимся его внутренних и/или внешних дел. Напротив, действия, не переходящие эту грань и направленные на убеждение, а не на принуждение, вполне могут считаться допустимыми [Fisler Damrosch, 1989³⁴].

Применение этих параметров к анализу санкционной практики США показывает, что экстерриториальное применение односторонних вторичных санкций является незаконным вмешательством [AALCO, 2019, paragraph 21–22; Fitzgerald, 1998, p. 15, 35; Hoff, 2019, p. 132–136, 170, 172; Meng, 1984, p. 747–750; Tirkey, 2019, p. 2; Ryngaert, 2008, p. 657³⁵]. Как подчеркнул МС ООН в своем решении по «Делу Никарагуа», «формулирование внешней политики» — это вопрос, «в отношении которого каждое государство имеет право, в соответствии с принципом государственного суверенитета, свободно принимать решения» [ICJ, 1986, paragraph 265]. Кроме того, тот факт, что «возможность вступать в отношения с другими государствами» широко воспринимается как неотъемлемая характеристика государственности, дополнительно усиливает аргумент о том, что способность государства проводить свою внешнюю политику свободно является жизненно важным элементом его суверенитета [Chatham House, 2008³⁶; ICJ, 1994; 2010; Convention on the Rights and Duties of States, 1933, art. 3].

Преследуя бизнес и граждан других государств, которые не соблюдают законы США о санкциях, США принуждают их к подрыву внешней политики своего родного государства [Clark, 1999, p. 63; Davidson, 1998, p. 1432–1434; Geranmayeh, Rapnouil,

³³ Обсуждается в целом труднорешаемая задача проведения различия между приемлемым «убеждением» другого государства и незаконным «принуждением».

³⁴ Обсуждается в целом труднорешаемая задача проведения различия между разрешенным вмешательством и запрещенной интервенцией.

³⁵ «Может являться нарушением международного права».

³⁶ В отношении Косово.

2019, p. 5; Hoff, 2019, p. 165–166, 172; Senz, Charlesworth, 2001, p. 10]. Это, в свою очередь, фактически вынуждает эти государства отказаться от своей внешней политики [Geranmayeh, Rapnouil, 2019, p. 5; Ryngaert, 2008, p. 626, 657; Senz, Charlesworth, 2001, p. 10; Tirkey, 2019, p. 2, 9]. Например, комментируя принятие закона Хелмса – Бертона, первый секретарь (по вопросам торговой политики) посольства Великобритании в Вашингтоне объявил этот закон «нежелательной и вызывающей неприятие попыткой заменить внешней и торговой политикой Конгресса США соответствующую политику иностранных суверенных правительств» [Davidson, 1998, p. 1432–1434³⁷]. Закон Д’Амато встретил столь же холодную реакцию, поскольку фактически предписывал президенту США «действовать в роли мирового полицейского, навязывая законы США каждому человеку в каждой точке планеты» [Lowe, 1997, p. 386].

Тенденция к вмешательству во внешнюю политику других государств очевидна и в случае с Ираном: все другие стороны – участницы СВПД заявляли о своем намерении продолжать придерживаться соглашения, из которого вышли США [BBC, 2018; de Ruyt, 2019, p. 1; Lo, 2018; Reid, 2018; Serjoie, 2018]. В этой связи Великобритания, Германия, Франция, Европейский союз, Китай и Россия призывают представителей своих деловых кругов укреплять коммерческие связи с Ираном, чтобы обеспечить дальнейшее соблюдение Ираном имеющихся договоренностей [Geranmayeh, Rapnouil, 2019; Katzman, 2019, p. 45–46, 48–49; Lew, Nephew, 2018, p. 147]. Со своей стороны США пытаются подорвать внешнеполитический выбор этих государств, угрожая их бизнесу и гражданам преследованием и пытаясь тем самым заставить их подчиняться политическим решениям США [AALCO, 2019, paragraph 21–22³⁸; Davidson, 1998, p. 1427; Geranmayeh, Rapnouil, 2019, p. 1, 5; Hoff, 2019, p. 165–166, 172; ICJ, 1986, paragraph 205; Lew, Nephew, 2018, p. 140–141]. Аналогичная ситуация складывалась и в отношении проекта строительства газопровода «Северный поток – 2», который должен обеспечить поставки газа из России в Германию по дну Балтийского моря [Nord Stream 2, 2019]. Власти США, желая добиться отказа правительства Германии от поддержки проекта, нацеливали свои санкции против немецких компаний и компаний из третьих стран, чтобы убедить их отказаться от участия в проекте [BBC, 2019; EURACTIV, 2019; Martin, 2019; UAWIRE, 2019].

Со стороны Европейского союза и других стран наблюдались запоздалые попытки принятия законов, запрещающих национальному бизнесу соблюдать санкционное законодательство США [Broczka, 2019, p. 162–184; EC, 2018, p. 1–6; European Council, 1996, p. 1–6; Lohmann, 2019, p. 3]. Однако они оказались неэффективными ввиду экономической мощи США [de Ruyt, 2019, p. 1–2; Fitzgerald, 1998, p. 47; Geranmayeh, Rapnouil, 2019, p. 3–4; Larsson, 2011, p. 52–53; Lohmann, 2019, p. 3; Tirkey, 2019, p. 9; Viterbo, 2019, p. 162; Ziaee, 2016, p. 42]. Более того, США удалось запугать руководителей иностранных компаний, которые оказались в ситуации, когда в случае несоблюдения законов США о санкциях они рискуют быть арестованными на территории США и в третьих странах³⁹. Принимая во внимание, что американские суды теперь заявляют о действии американской юрисдикции даже на зыбкой основе вовлечения на какой-либо стадии транзакции «корреспондентских счетов» в США и, следовательно, что проведение

³⁷ В отношении Законов Хелмса – Бертона и Д’Амато.

³⁸ Экстерриториальное применение односторонних экономических санкций с целью предотвратить экономическое взаимодействие третьих стран с государством – адресатом санкций является незаконным в соответствии с определением МС ООН.

³⁹ См. [SDNY, 2016] для более подробной информации о деле Резы Зарраба, который был арестован во время отпуска в США. См. [EDNY, 2019; Gordon, Stecklow, 2018] для более подробной информации о деле Мэн Ваньчжоу, которая была арестована в Канаде на основании ордера США.

операции клиринга в США между двумя иностранными банками, расположенными за границей, является достаточным основанием для уголовного преследования иностранных субъектов-нерезидентов [Emmenegger, 2016, p. 654–645; Emmenegger, Döbeli, 2018, p. 243–245; Katzenstein, 2015⁴⁰], неэффективность инструментов противодействия американским санкциям неудивительна. Таким образом, политика США не просто поставила СВПД «на грань краха» [Lohmann, 2019, p. 2]: последующее решение европейских компаний уйти из Ирана «открыло европейским политикам неудобную правду, в частности о том, что эти компании фактически регулируются в Вашингтоне» [Ibid.].

Вторичные санкции США нарушают запрет на вмешательство в дела других государств, фактически вынуждая их отказываться от собственной внешней политики [AALCO, 2019, p. 7–8; Fitzgerald, 1998, p. 15, 35; Hoff, 2019, p. 132–136, 170, 172; Meng, 1984, p. 247–250; Tirkey, 2019, p. 2, 9]. Как отмечает Остин Парриш, декан Maurer School of Law Университета Индианы, американская практика применения «односторонней экстерриториальности послужила инструментом для строительства империи» [Parrish, 2017, p. 1–2].

Помимо этого, вторичные санкции США нарушают принцип суверенного равенства государств, закрепленный в ст. 2(1) Устава ООН [AALCO, 2019, p. 6; Hoff, 2019, p. 126]. То, каким образом США применяют свои законы о санкциях, свидетельствует об их полном игнорировании права других государств проводить независимую внешнюю политику [Davidson, 1998, p. 1432–1434; Dunning, 1998, p. 168–1671, 184; Geranmayeh, Rapnouil, 2019, p. 5; Meng, 1984, p. 749; Senz, Charlesworth, 2001, p. 10]. США используют экономическую мощь, чтобы заставить другие страны следовать своей внешней политике, угрожая компаниям и частным лицам из третьих стран и тем самым сводя на нет эффективность внешней политики их стран происхождения [Clark, 1999, p. 63; Davidson, 1998, p. 1427; Dunning, 1998, p. 169–171, 184; Dziggel, 2016, p. 147; Ghodoosi, 2019, p. 104; Graves, 1998, p. 715; Larsson, 2011, p. 52–53; Lew, Nephew, 2018, p. 139; Meng, 1984, p. 749, 764; Senz, Charlesworth, 2001, p. 10]. Повторное введение санкций против Ирана наглядно показывает это: в то время как правительства Великобритании, Франции и Германии собирались придерживаться соглашения с Ираном, почти все компании из этих стран, включая крупные корпорации, вышли из переговоров или даже аннулировали ранее заключенные соглашения с иранской стороной [Dahlkamp et al., 2019, p. 76–77; DeFrancia, 2012, p. 755; Fitzgerald, 1998, p. 14; Geranmayeh, Rapnouil, 2019, p. 1–2; Katzman, 2019; Keohan, Bozorgmehr, 2018; Lohmann, 2019, p. 2; Petroff, 2018; Viterbo, 2019, p. 162; Wald, 2018]. Таким образом, правительства этих стран были вынуждены наблюдать, как рушатся планы по достижению их внешнеполитических целей [Czulda, 2018; Vaez, 2020]. Принятие на уровне Европейского союза блокирующих законодательных актов, делающих незаконным для европейских компаний соблюдение американских санкций, показывает себя как слишком топорный инструмент [Council of the EU, 2018]. Почти невозможно наверняка установить, вышла ли компания из своего бизнеса в Иране, чтобы соблюсти санкции США, или для этого существовали веские причины, связанные с самим ведением бизнеса [Cozzi, 2019]. Однако этот исход бизнеса третьих стран играет фатальную роль в подрыве внешнеполитических инициатив соответствующих стран [Geranmayeh, Rapnouil, 2019, p. 3–5; Irish, Emmott, 2018; Lohmann, 2019, p. 3; Sauerbrey, 2020]. Таким образом, санкционные законы США фактически вынуждают третьи, экономически менее могущественные государства отказаться от своей независимой внешней политики [Geranmayeh, Rapnouil, 2019, p. 5;

⁴⁰ Описывается то, как США используют статус доллара США для достижения политических целей по всему миру.

Senz, Charlesworth, 2001, p. 10]. Федерика Могерини, бывший Верховный представитель Европейского союза по иностранным делам и политике безопасности, заявила о неприемлемости такого положения дел: «Мы, европейцы, не можем мириться с тем, чтобы иностранная держава — даже наш ближайший друг и союзник — принимала решения относительно нашей законной торговли с другой страной. Это является базовым элементом суверенитета...» [ECFR, 2019].

Заключение

Законы США о санкциях и их последствия для третьих государств несовместимы с международным публичным правом. Заявляя о действии своей юрисдикции и применяя свое внутреннее законодательство в случаях, не имеющих значимой связи с США, последние нарушают нормы международного обычного права в части юрисдикции и суверенитета других государств, которые включают исключительное право государства управлять своей территорией без участия других государств. Запугивая иностранные компании и граждан, чтобы они не вступали в коммерческие сделки, которые могут нарушать законы США о санкциях, США навязывают свою внешнюю политику другим государствам. Таким образом, США незаконно вмешиваются в дела, которые, по определению МС ООН, относятся к сфере «свободного решения» каждого государства [ICJ, 1986, paragraph 205]. Используя собственную экономическую мощь для навязывания своей воли третьим государствам, США также игнорируют принцип суверенного равенства. Как отмечал один из обозревателей более 20 лет назад, санкционная политика США «вряд ли способна переубедить тех, кто считает многих членов Конгресса США совершенно не сведущими в вопросах международного права, но видящими мир как одно огромное федеративное государство, в котором США выполняют роль федерального правительства» [Lowe, 1997, p. 386]. Подобное суждение соотносится с выводом Остина Парриша о том, что США рассматривают «использование национального права, применяемого экстерриториально, как способ заменить международное право» [Parrish, 2017, p. 8].

В то время как мощь США находится в относительном упадке, вполне вероятно, что другие могущественные государства станут проводить в будущем аналогичную санкционную политику [Ibid., p. 11]. Можно только предполагать, какой будет реакция США на арест Китаем американского бизнесмена где-нибудь в Азии за участие в сделках с Тайванем, по аналогии с тем, какой линии поведения придерживались США в делах Резы Зарраба или Мэн Ваньчжоу. Памятуя об их реакции на «арабский бойкот» в 1970-х годах, представляется вероятным, что США заявят о неправомерности таких действий в соответствии с международным публичным правом. В этой связи стратегия США по навязыванию своей внешней политики другим государствам путем введения против них вторичных санкций потерпит неудачу [Lew, Nephew, 2018, p. 147–149].

Выход США из СВПД уже служит свидетельством этой неудачи: не только США сейчас изолированы в своей политике в отношении Ирана [Wintour, 2020], но и Иран добился значительного прогресса в развитии своей ядерной программы с тех пор, как США вышли из соглашения [Norman, 2020]. Урок, который необходимо из этого извлечь, по всей видимости, заключается в следующем. Между государствами — даже между союзниками — всегда будут возникать разногласия. Вместе с тем государства с большей вероятностью будут достигать своих политических целей в рамках сотрудничества, а не в противоборстве друг с другом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Al Banna M. (2017). The Long Arm of US Jurisdiction and International Law: Extraterritoriality Against Sovereignty // *Journal of Law, Policy and Globalization*. Vol. 60. P. 59–70. Режим доступа: <https://www.iiste.org/Journals/index.php/JLPG/article/view/36643/37658> (дата обращения: 06.03.2022).
- American Law Institute (ALI). (1987). *Restatement (Third) of the Foreign Relations Law of the United States*. St. Paul: American Law Institute Publishers.
- Anghie A. (2005). *Imperialism, Sovereignty and the Making of International Law*. Cambridge University Press.
- Arab Boycott: Hearings Before the Subcommittee on International Finance of the Committee on Banking, Housing, and Urban Affairs, United States Senate, Ninety-Fifth Congress, First Session, on S. 69 and S. 92, February 21, 22, and 28; and March 15, 1977. Режим доступа: <https://fraser.stlouisfed.org/title/arab-boycott-218> (дата обращения: 15.03.2022).
- Asian-African Legal Consultative Organization (AALCO) (2019). Extraterritorial Application of National Legislation: Sanctions Imposed Against Third Parties. AALCO/58/DAR ES SALAAM/2019/SD/S6. Режим доступа: http://www.aalco.int/SG_Brief%20on%20Sanctions-Revised-18.9.2019.pdf (дата обращения: 06.03.2022).
- Barrie J. (2020). Donald Trump Threatened UK, France and Germany With Tariffs to Secure Support on Iran // *INEWS*. 16 January. Режим доступа: <https://inews.co.uk/news/world/donald-trump-uk-france-germany-tariffs-cars-iran-support-nuclear-agreement-1367645> (дата обращения: 06.03.2022).
- BBC (2018). Iran Nuclear Deal: Europe Strives to Keep Agreement. 11 May. Режим доступа: <https://www.bbc.com/news/world-europe-44090948> (дата обращения: 06.03.2022).
- BBC (2019). Nord Stream 2: Trump Approves Sanctions on Russia Gas Pipeline. 21 December. Режим доступа: <https://www.bbc.com/news/world-europe-50875935> (дата обращения: 06.03.2022).
- Beaucillon C. (2016). Practice Makes Perfect, Eventually? Unilateral State Sanctions and Extraterritorial Effects of National Legislation // *Coercive Diplomacy, Sanctions and International Law* / N. Ronzitti (ed.). Brill. P. 103–126. Режим доступа: https://doi.org/10.1163/9789004299894_006.
- Bialostozky N. (2014). Extraterritoriality and National Security: Protective Jurisdiction as a Circumstance Precluding Wrongfulness // *Columbia Journal of Transnational Law*. Vol. 52. No. 3. P. 617–688. <https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2143686>
- Brocza S. (2019). The EU Legal Protection System Against the Effects of Extra-Territorial Application of Legislation Adopted by a Third Country, and Actions Based Thereon or Resulting Therefrom // *KLRI Journal of Law and Legislation*. Vol. 9. No. 1. P. 145–198. Режим доступа: <https://repositorio.comillas.edu/rest/bitstreams/295388/retrieve> (дата обращения: 06.03.2022).
- Buchan R.J. (2016). The International Legal Regulation of State-Sponsored Cyber Espionage // *International Cyber Norms: Legal, Policy & Industry Perspective* / A.-M. Osula, H. Roigas (eds). CCDCOE. P. 68–86. Режим доступа: https://ccdcOE.org/uploads/2018/10/InternationalCyberNorms_Ch4.pdf (дата обращения: 06.03.2022).
- Calamur K. (2018). Trump Goes From Threatening Iran to Threatening the World // *The Atlantic*. 7 August. Режим доступа: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2018/08/trump-iran-tweet/566948/> (дата обращения: 06.03.2022).
- Charter D. (2020). Punish Iran or Face US Tariffs, Trump Told European Nations // *The Sunday Times*. 16 January. Режим доступа: <https://www.thetimes.co.uk/article/punish-iran-or-face-us-tariffs-trump-told-european-nations-v3r5tdbrl> (дата обращения: 06.03.2022).
- Charter of the Organization of American States (OAS) (1948). Режим доступа: https://www.oas.org/en/sla/dil/inter_american_treaties_A-41_charter_OAS.asp (дата обращения: 15.03.2022).

Chatham House (2008). Kosovo: International Law and Recognition. A Summary of the Chatham House International Law Discussion Group Meeting Held on 22 April. Режим доступа: <https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/public/Research/International%20Law/il220408.pdf> (дата обращения: 14.03.2022).

Clark H.L. (1999). Dealing With U.S. Extraterritorial Sanctions and Foreign Countermeasures // University of Pennsylvania Journal of International Law. Vol. 20. Iss. 1. P. 61–96. Режим доступа: <https://scholarship.law.upenn.edu/jil/vol20/iss1/2> (дата обращения: 06.03.2022).

Convention on Rights and Duties of States (1933). Режим доступа: <https://www.oas.org/juridico/english/treaties/a-40.html> (дата обращения: 14.03.2022).

Council of the European Union (EU) (2018). Sanctions Guidelines: Update. 5664/18. Brussels. 4 May. Режим доступа: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-5664-2018-INIT/en/pdf> (дата обращения: 08.03.2022).

Covenant of the League of Nations (1924). Режим доступа: <https://www.ungeneva.org/en/covenant-lon> (дата обращения: 14.03.2022).

Cozzi F. (2019). US Secondary Sanctions and EU Blocking Statute: Will the Political Clash Have Real Impact on EU Operators? International Bar Association, 29 January. Режим доступа: <https://www.ibanet.org/Article/NewDetail.aspx?ArticleUid=785FC4D7-624B-43D4-882F-08FB123A8EE1> (дата обращения: 28.12.2020).

Craven M. (2007). The Decolonization of International Law: State Succession and the Law of Treaties. Oxford University Press.

Cuban Assets Control Regulations (2020). Office of Foreign Assets Control, 31 C.F.R Part 515. Режим доступа: <https://www.federalregister.gov/documents/2020/10/27/2020-23725/cuban-assets-control-regulations> (дата обращения: 16.03.2022).

Cuban Democracy Act (1992). 22 U.S.C Chapter 69 §6001. Режим доступа <https://uscode.house.gov/view.xhtml?path=/prelim@title22/chapter69&edition=prelim> (дата обращения: 17.03.2022).

Cuban Liberty and Democratic Solidarity (LIBERTAD) Act (1996). 22 U.S.C. Chapter 69A §6021. Режим доступа: <https://uscode.house.gov/view.xhtml?path=/prelim@title22/chapter69A&edition=prelim> (дата обращения: 16.03.2022).

Czulda R. (2018). European Failure to Safeguard Iran Deal Shows EU is Still a Paper Tiger // Atlantic Council, 14 August. Режим доступа: <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/iransource/european-failure-to-safeguard-iran-deal-shows-eu-is-still-a-paper-tiger/> (дата обращения: 08.03.2022).

Dahlkamp J., Latsch G., Schmitt J. (2019). Erleben, was trennt [Experience That Separates] // Der Spiegel, 16 March. Режим доступа: <https://www.spiegel.de/wirtschaft/erleben-was-trennt-a-ee05880b-0002-0001-0000-000162916120> (дата обращения: 08.03.2022) (in German).

Davidson N. (1998). U.S. Secondary Sanctions: The U.K. and EU Response // Stetson Law Review. Vol. 27. P. 1425–1435. Режим доступа: <https://www.stetson.edu/law/lawreview/media/u-s-secondary-sanctions-the-u-k-and-e-u-response.pdf> (дата обращения: 08.03.2022).

de Ruyt J. (2019). American Sanctions and European Sovereignty. European Policy Brief No. 54, Egmont Royal Institute for International Relations. Режим доступа: <https://www.egmontinstitute.be/content/uploads/2019/02/EPB-54-American-Sanctions-and-European-Sovereignty.pdf?type=pdf> (дата обращения: 08.03.2022).

DeFrancia C. (2012). Enforcing the Nuclear Nonproliferation Regime: The Legality of Preventive Measures // Vanderbilt Journal of Transnational Law. Vol. 45. P. 705–783. Режим доступа: <https://law.vanderbilt.edu/files/archive/DeFrancia-camera-ready.pdf> (дата обращения: 08.03.2022).

Deutsche Welle (2019). US-Botschafter Grenell droht Europäern [US Ambassador Grenell Threatens Europeans]. 2 October. Режим доступа: <https://www.dw.com/de/us-botschafter-grenell-droht-europ%C3%A4ern/a-47444986> (дата обращения: 08.03.2022) (in German).

Dixit A. (2018). Iran Is Implementing Nuclear-Related JCPOA Commitments, Director General Amano Tells IAEA Board. International Atomic Energy Agency. 5 March. Режим доступа: <https://www.iaea.org/news-center/news/iran-is-implementing-nuclear-related-jcpoa-commitments-director-general-amano-tells-iaea-board> (дата обращения: 14.03.2022).

Dodge W.S. (2019). Jurisdictional Reasonableness Under Customary International Law: The Approach of the Restatement (Fourth) of US Foreign Relations Law // Questions of International Law. Vol. 62. P. 5–18. Режим доступа: <http://www.qil-qdi.org/jurisdictional-reasonableness-under-customary-international-law-the-approach-of-the-restatement-fourth-of-us-foreign-relations-law/> (дата обращения: 08.03.2022).

Dunning T.S. (1998). D'Amato in a China Shop: Problems of Extraterritoriality With the Iran and Libya Sanctions Act of 1996 // University of Pennsylvania Journal of International Law. Vol. 19, iss. 1. P. 169–199. Режим доступа: <https://scholarship.law.upenn.edu/jil/vol19/iss1/6> (дата обращения: 08.03.2022).

Dziggel O.C. (2016). The Reagan Pipeline Sanctions: Implications for U.S. Domestic Policy and the Future of International Law // Towson University Journal of International Affairs. Vol. 21. No. 2. P. 129–154. Режим доступа: <https://cpb-us-w2.wpmucdn.com/wp.towson.edu/dist/b/55/files/2017/11/REAGAN-PIPELINE-SANCTIONS-19q6whn.pdf> (дата обращения: 08.03.2022).

Emmenegger S. (2016). Extraterritorial Economic Sanctions and Their Foundation in International Law // Arizona Journal of International & Comparative Law. Vol. 33. No. 3. P. 631–660. Режим доступа: http://arizonajournal.org/wp-content/uploads/2017/01/02_EMMENEGGER_EICFinal.pdf (дата обращения: 08.03.2022).

Emmenegger S., Thirza D. (2018). The Extraterritorial Application of U.S. Sanctions Law. US Litigation Today: Still a Threat for European Businesses or Just a Paper Tiger? / A. Bonomi, K.N. Schefer (eds). Conference Proceedings From the 29th journée de droit international privé, 23 June. P. 231–260. Режим доступа: https://www.ziv.unibe.ch/e7688/e50302/e150986/e196606/e248813/e728442/e770815/2018_Emmenegger_Doebeli_USSanctions_ger.pdf (дата обращения: 08.03.2022).

Emmott R., Irish J., Carrel P. (2019). China and India Seen as Europe's Last Hope to Save Iran Deal // Reuters. 9 May. Режим доступа: <https://jp.reuters.com/article/instant-article/idUSKCN1SF1RB> (дата обращения: 08.03.2022).

EURACTIV (2019). Germany Tells US to “Mind Its Own Business” Over Nord Stream 2. 12 December. Режим доступа: <https://www.euractiv.com/section/energy/news/germany-tells-us-to-mind-its-own-business-over-nord-stream-2/> (дата обращения: 08.03.2022).

European Commission (EC) (2018). Commission Delegated Regulation (EU) 2018/1100 of 6 June 2018, Amending the Annex to Council Regulation (EC) 2271/96 Protecting Against the Effects of Extra-Territorial Application of Legislation Adopted by a Third Country, and Actions Based Thereon or Resulting Therefrom // Official Journal of the European Union, L 199/1. Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:32018R1100> (дата обращения: 08.03.2022).

European Commission (EC) (n. d.). Globalisation and the EU Economy. Режим доступа: https://ec.europa.eu/info/business-economy-euro/economic-and-fiscal-policy-coordination/international-economic-relations/globalisation-and-eu-economy_en (дата обращения: 28.12.2020).

European Community (1982). Comments of the European Community on the Amendments of 22 June 1982 to the U.S. Export Regulations. European Community News No. 23/1982, 12 August. Режим доступа: http://aei.pitt.edu/1768/1/US_dispute_comments_1982.pdf (дата обращения: 14.03.2022).

European Council (1996). Council Regulation (EC) 2271/96 of 22 November 1996, Protecting Against the Effects of the Extra-Territorial Application of Legislation Adopted by a Third Country, and Actions Based Thereon or Resulting Therefrom // Official Journal of the European Union, L 309/1. Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:31996R2271> (дата обращения: 14.03.2022).

European Council on Foreign Relations (ECFR) (2019). Shaping Europe's Present and Future: An Interview With Federica Mogherini. 11 January. Режим доступа: https://www.ecfr.eu/article/commentary_shaping_europes_present_and_future (дата обращения: 14.03.2022).

Executive Order 13382 of 28 June, Blocking Property of Weapons of Mass Destruction Proliferators and Their Supporters (2005). Режим доступа: <https://www.federalregister.gov/documents/2005/07/01/05-13214/blocking-property-of-weapons-of-mass-destruction-proliferators-and-their-supporters> (дата обращения: 16.03.2022).

Executive Order No. 13608 of 1 May, Prohibiting Certain Transactions With and Suspending Entry Into the United States of Foreign Sanctions Evaders With Respect to Iran and Syria (2012). Режим доступа:

<https://www.govinfo.gov/content/pkg/DCPD-201200328/pdf/DCPD-201200328.pdf> (дата обращения: 14.03.2022).

Export Administration Regulations. (2019, 2020). 15 C.F.R. Chapter 7 §746. Режим доступа: <https://www.ecfr.gov/current/title-15/subtitle-B/chapter-VII/subchapter-C/part-746> (дата обращения: 15.03.2022).

Fabre C. (2016). Secondary Economic Sanctions // Current Legal Problems. Vol. 69. Iss. 1. P. 259–288. Режим доступа: <https://doi.org/10.1093/clp/cuw003>.

Feron J. (1982). Mrs. Thatcher Faults U.S. on Siberia Pipeline // New York Times. 2 July. Режим доступа: <https://www.nytimes.com/1982/07/02/world/mrs-thatcher-faults-us-on-siberia-pipeline.html> (дата обращения: 14.03.2022).

Filkins D. (2017). A Mysterious Case Involving Turkey, Iran, and Rudy Giuliani // The New Yorker. 14 April. Режим доступа: <https://www.newyorker.com/news/news-desk/a-mysterious-case-involving-turkey-iran-and-rudy-giuliani> (дата обращения: 14.03.2022).

Fisler D.L. (1989). Politics Across Borders: Nonintervention and Nonforcible Influence Over Domestic Affairs // American Journal of International Law. Vol. 83. No. 1. P. 1–50. Режим доступа: <https://doi.org/10.2307/2202789>.

Fitzgerald P.L. (1998). Pierre Goes Online: Blacklisting and Secondary Boycotts in U.S. Trade Policy // Vanderbilt Journal of Transnational Law. Vol. 31. No. 1. P. 1–97. Режим доступа: <https://ssrn.com/abstract=939790> (дата обращения: 14.03.2022).

Flatley D., Khrennikova D. (2020). U.S. Targets Insurers in Latest Round of Nord Stream 2 Sanctions // Bloomberg. 11 November. Режим доступа: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-11-11/nord-stream-2-sanctions-to-be-included-in-u-s-defense-bill> (дата обращения: 14.03.2022).

Foreign Ministers of the Russian Federation, the Republic of India and the People's Republic of China (Foreign Ministers) (2016). Joint Communiqué. Moscow, 18 April. Режим доступа: https://mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/26628/Joint_Communique_of_the_14th_Meeting_of_the_Foreign_Ministers_of_the_Russian_Federation_the_Republic_of_India_and_the_Peoples_Republic_of_China (дата обращения: 17.03.2022).

France: Note on Court of Appeals Decision in Fruehaur Corporation v. Massardy (Jurisdiction Over Subsidiaries of Foreign Companies; East-West Trade (France) (1966) // International Legal Materials. Vol. 5. No. 3. P. 476. Режим доступа: <https://www.jstor.org/stable/20690069> (дата обращения: 08.03.2022).

Franchini D. (2018). “With Friends Like That, Who Needs Enemies?”: Extraterritorial Sanctions Following the United States’ Withdrawal From the Iran Nuclear Agreement // EJIL: TALK! 29 May. Режим доступа: <https://www.ejiltalk.org/with-friends-like-that-who-needs-enemies-extraterritorial-sanctions-following-the-united-states-withdrawal-from-the-iran-nuclear-agreement/> (дата обращения: 14.03.2022).

Geranmayeh E., Rapnouil M.L. (2019). Meeting the Challenge of Secondary Sanctions // European Council on Foreign Relations Policy Brief, 25 June. Режим доступа: https://ecfr.eu/publication/meeting_the_challenge_of_secondary_sanctions/ (дата обращения: 14.03.2022).

German Federal Foreign Office (2017). Foreign Minister Gabriel and Austrian Federal Chancellor Kern on the Imposition of Russia Sanctions by the US Senate. Press Release. 15 June. Режим доступа: <https://www.auswaertiges-amt.de/en/newsroom/news/170615-kern-russland/290666> (дата обращения: 14.03.2022).

Ghodoosi F. (2019). The Trump Effect: Assertive Foreign Policy through Extraterritorial Application of Laws // The George Washington International Law Review. Vol. 51. P. 101–107. Режим доступа: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3423332 (дата обращения: 14.03.2022).

Goodman P.S. (2019). Globalization is Moving Past the U.S. and Its Vision of World Order // New York Times, 19 June. Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2019/06/19/business/globalization-us-world-order.html> (дата обращения: 14.03.2022).

Gordon C.J. (2012). The U.S. Embargo Against Cuba and the Diplomatic Challenges to Extraterritoriality // Fletcher Forum of World Affairs. Vol. 36. No. 1. P. 63–79. Режим доступа: <https://digitalcommons.fairfield.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1019&context=philosophy-facultypubs> (дата обращения: 14.03.2022).

Gordon J., Stecklow S. (2018). U.S. Accuses Huawei CFO of Iran Sanctions Cover-up; Hearing Adjourned // Reuters. 7 December. Режим доступа: <https://www.reuters.com/article/us-usa-china-huawei/u>

s-accuses-huawei-cfo-of-iran-sanctions-cover-up-hearing-adjourned-idUSKBN1O60FY (дата обращения: 14.03.2022).

Graves C.T. (1998). Extraterritoriality and Its Limits: The Iran and Libya Sanctions Act of 1996 // *Hastings International and Comparative Law Review*. Vol. 21. No. 3. P. 715–741. Режим доступа: https://repository.uchastings.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1476&context=hastings_international_comparative_law_review (дата обращения: 14.03.2022).

Group of 77 (G77) (2013). Ministerial Declaration. New York. 26 September. Режим доступа: <http://www.g77.org/doc/Declaration2013.htm> (дата обращения: 14.03.2022).

Group of 77 (G77) (n. d.). The Member States of the Group. Режим доступа: <https://www.g77.org/doc/members.html> (дата обращения: 15.03.2022).

Harvard Law Review (2011). Developments in the Law: Extraterritoriality // *The Harvard Law Review*. Vol. 124. P. 1226–304. Режим доступа: <https://www.jstor.org/stable/25800158> (дата обращения: 15.03.2022).

Hofer A. (2017). The Developed/Developing Divide on Unilateral Coercive Measures: Legitimate Enforcement or Illegitimate Intervention? // *Chinese Journal of International Law*. Vol. 16. Iss. 2. P. 175–214. <https://doi.org/10.1093/chinesejil/jmx018>

Hoff L. (2019). Transaktionen in US-Dollar und Sekundäre Sanktionen, ist die US-Amerikanische Praxis mit dem Völkerrecht vereinbar? [U.S. Dollar Transactions and Secondary Sanctions: Is U.S. Practice Consistent With International Law?]. Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft (in German).

International Court of Justice (ICJ) (1949). *Corfu Channel (U.K. v. Alb.)*, Merits, 1949 I.C.J. 4, at 35 (Apr. 9). Режим доступа: <https://www.refworld.org/cases,ICJ,402399e62.html> (дата обращения: 22.03.2022).

International Court of Justice (ICJ) (1969). *North Sea Continental Shelf Cases (Federal Republic of Germany/Denmark; Federal Republic of Germany/Netherlands)*. Judgment of 20 February. Режим доступа: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/52/052-19690220-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 14.03.2022).

International Court of Justice (ICJ) (1970). *Case Concerning the Barcelona Traction, Light and Power Company, Limited (New Application: 1962) (Belgium v. Spain) Second Phase*. Judgement of 5 February. Режим доступа: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/50/050-19700205-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 14.03.2022).

International Court of Justice (ICJ) (1986). *Case Concerning Military and Paramilitary Activities in and Against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America)*. Judgement of 27 June. Режим доступа: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/70/070-19860627-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 14.03.2022).

International Court of Justice (ICJ) (1994). *Written Statement of the Government of the United States of America: Advisory Opinion on the Question of the Legality Under International Law and the World Health Organization Constitution of the Use of Nuclear Weapons by a State in War or Other Armed Conflict*. 10 June. Режим доступа: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/93/8770.pdf> (дата обращения: 14.03.2022).

International Court of Justice (ICJ) (1995). *Statute of the International Court of Justice*. Режим доступа: <https://www.icj-cij.org/en/statute> (дата обращения: 14.03.2022).

International Court of Justice (ICJ) (1996) *Legality of the Threat or Use of Nuclear Weapons*. Advisory Opinion of 8 July. Режим доступа: <https://www.icj-cij.org/en/case/95> (дата обращения: 14.03.2022).

International Court of Justice (ICJ) (2005). *Armed Activities on the Territory of the Congo (Democratic Republic of the Congo v. Uganda)*. Режим доступа: <https://www.icj-cij.org/en/case/116> (дата обращения: 14.03.2022).

International Court of Justice (ICJ) (2010). *Accordance With International Law of the Unilateral Declaration of Independence in Respect of Kosovo*. Advisory Opinion of July 22. Режим доступа: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/141/141-20100722-ADV-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 14.03.2022).

International Emergency Economic Powers Enhancement Act (IEEPA) (2007). Public Law No. 110-96, 121 Stat. 1011 (codified as amended at 50 U.S.C. §1705(a)). Режим доступа: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-110publ96/html/PLAW-110publ96.htm> (дата обращения: 14.03.2022).

Iran and Libya Sanctions Act (ILSA) (1996). 50 U.S.C. Chapter 35 §1701. Режим доступа: https://home.treasury.gov/system/files/126/isa_1996.pdf (дата обращения: 17.03.2022).

Iranian Transactions and Sanctions Regulations (2020). 31 C.F.R. Chapter 5 §560. Режим доступа: <https://www.ecfr.gov/current/title-31/subtitle-B/chapter-V/part-560> (дата обращения: 17.03.2022).

Irish J., Emmott R. (2018). As U.S. Sanctions Near, Europe Fails to Protect Iran Deal // Reuters. 24 September. Режим доступа: <https://www.reuters.com/article/us-iran-nuclear-eu/as-u-s-sanctions-near-europe-fails-to-protect-iran-deal-idUSKCN1M41UO> (дата обращения: 14.03.2022).

Jamnejad M., Wood M. (2009). The Principle of Non-intervention // Leiden Journal of International Law. Vol. 22. No. 2. P. 345–381. Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.1017/S0922156509005858>.

Jazairy I. (2017). Report of the Special Rapporteur of the Human Rights Council on the Negative Impact of Unilateral Coercive Measures on the Enjoyment of Human Rights. A/72/370. Режим доступа: <https://digital-library.un.org/record/1315418?ln=es> (дата обращения: 14.03.2022).

Jazairy I. (2019). Negative Impact of Unilateral Coercive Measures on the Enjoyment of Human Rights. A/HRC/42/46. Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G19/206/24/PDF/G1920624.pdf?OpenElement> (дата обращения: 14.03.2022).

Katzenstein S. (2015). Dollar Unilateralism: The New Frontline of National Security // Indiana Law Journal. Vol. 90. Iss. 1. P. 293–351. Режим доступа: <https://www.repository.law.indiana.edu/ilj/vol90/iss1/8> (дата обращения: 14.03.2022).

Katzman K. (2019). Iran Sanctions. Congressional Research Service Report RS20871. Режим доступа: https://www.everycrsreport.com/files/20191115_RS20871_84b40bd275f6ce5988354065f35bb900c1b17c9c.pdf (дата обращения: 14.03.2022).

Keohan D., Bozorgmehr N. (2018). Threat of US Sanctions Pushes France's Total Out of Iran // Financial Times. 20 August. Режим доступа: <https://www.ft.com/content/6baba178-a459-11e8-926a-7342fe5e173f> (дата обращения: 14.03.2022).

Kim J. (2020). The Meng Wanzhou Case Speaks to China's Diplomatic Paranoia // The Diplomat. 2 June. Режим доступа: <https://thediplomat.com/2020/06/the-meng-wanzhou-case-speaks-to-chinas-diplomatic-paranoia/> (дата обращения: 14.03.2022).

Knop K. (2002). Diversity and Self-Determination in International Law. Cambridge University Press.

Larsson K. (2011). United States Extraterritorial Application of Economic Sanctions and the New International Sanctions on Iran. Master thesis, Faculty of Law, Lund University. Режим доступа: <https://lup.lub.lu.se/luur/download?fileId=1975926&func=downloadFile&recordId=1969940> (дата обращения: 14.03.2022).

Lew J.L., Nephew R. (2018). The Use and Misuse of Economic Statecraft. Foreign Affairs. November-December. Режим доступа: <https://www.foreignaffairs.com/articles/world/2018-10-15/use-and-misuse-economic-statecraft> (дата обращения: 14.03.2022).

Lo K. (2018). China Backs Iran Nuclear Deal as United States Walks Away, But Could It Be a Costly Decision? South China Morning Post. 9 May. Режим доступа: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy-defence/article/2145406/china-backs-iran-nuclear-deal-united-states-walks-away> (дата обращения: 14.03.2022).

Lohmann S. (2019). Extraterritorial U.S. Sanctions: Only Domestic Courts Could Effectively Curb the Enforcement of U.S. Law Abroad. SWP Comment 5 // Stiftung Wissenschaft und Politik. Режим доступа: <https://doi.org/10.18449/2019C05>.

Lowe V. (1997). U.S. Extraterritorial Jurisdiction: The Helms-Burton and D'Amato Acts // International and Comparative Law Quarterly. Vol. 46. Iss. 2. P. 378–390. Режим доступа: <https://doi.org/10.1017/S0020589300060474>.

Martin M. (2019). After U.S. Sanctions Threat on Nord Stream 2, Germany Rejects Extraterritorial Sanctions // Reuters. 22 May. Режим доступа: <https://www.reuters.com/article/us-usa-ukraine-perry-nord-stream/after-us-sanctions-threat-on-nord-stream-2-germany-rejects-extraterritorial-sanctions-idUSKCN1SS1E9> (дата обращения: 14.03.2022).

McWhinney E. (2010). General Assembly Resolution 2131 (XX) of 21 December 1965: Declaration on the Inadmissibility of Intervention in the Domestic Affairs of States and the Protection of Their Independence and

Sovereignty. United Nations Audiovisual Library of International Law. Режим доступа: https://legal.un.org/avl/pdf/ha/ga_2131-xx/ga_2131-xx_e.pdf (дата обращения: 14.03.2022).

Memorandum on Ceasing U.S. Participation in the JCPOA and Taking Additional Action to Counter Iran's Malign Influence and Deny Iran All Paths to a Nuclear Weapon (Memorandum) (2018). Presidential Memoranda. 8 May. Режим доступа: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/presidential-actions/ceasing-u-s-participation-jcboa-taking-additional-action-counter-irans-malign-influence-deny-iran-paths-nuclear-weapon/> (дата обращения: 17.03.2022).

Meng W. (1984). Völkerrechtliche Zulässigkeit und Grenzen wirtschaftsverwaltungsrechtlicher Hoheitsakte mit Auslandswirkung [Permissibility Under International Law and Limits of Economic Administrative Law Sovereign Acts With Foreign Effect] // Max-Planck-Institut Zeitschrift für Ausländisches Öffentliches Recht und Völkerrecht. Vol. 44. P. 675–783. (in German)

Menkes M.J. (2018). The Legality of US Investment Sanctions Against Iran Before the ICJ: A Watershed Moment for the Essential Security and Necessity Exceptions // Canadian Yearbook of International Law. Vol. 56. No. 56. P. 328–364. Режим доступа: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=7216245> (дата обращения: 14.03.2022).

Meyer J.A. (2009). Second Thoughts on Secondary Sanctions // University of Pennsylvania Journal of International Law. Vol. 30. Iss. 3. P. 905–968. Режим доступа: <https://scholarship.law.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1151&context=jil> (дата обращения: 14.03.2022).

Meyer J.A. (2010). Dual Illegality and Geoambiguous Law: A New Rule for Extraterritorial Application of U.S. Law // Minnesota Law Review. Vol. 95. P. 111–186. Режим доступа: <https://scholarship.law.umn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1430&context=mlr> (дата обращения: 14.03.2022).

Michael P.M. (2003). Où est votre chapeau? Economic Sanctions and Trade Regulation // Chicago Journal of International Law. Vol. 4. No. 2. P. 371–384. Режим доступа: <https://scholarlycommons.pacific.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1237&context=facultyarticles> (дата обращения: 14.03.2022).

Morgenthau H. (1948). The Problem of Sovereignty Reconsidered // Columbia Law Review. Vol. 48. No. 1. P. 341–365. <https://doi.org/10.2307/1118308>

National Post (2020). “Pathetic Clown”: Chinese State-Backed Media Attacks Canada After Meng Wanzhou Ruling. 28 May. Режим доступа: <https://nationalpost.com/news/world/pathetic-clown-chinese-state-backed-media-attacks-canada-after-meng-wanzhou-verdict> (дата обращения: 14.03.2022).

Neff B. (2019). US-Botschafter in Berlin schreibt Drohbrieife an deutsche Firmen [U.S. Ambassador in Berlin Writes Threatening Letters to German Companies] // Neue Zürcher Zeitung. 13 January. Режим доступа: <https://www.nzz.ch/international/us-botschafter-in-berlin-schreibt-drohbrieife-an-deutsche-firmen-ld.1451130> (дата обращения: 14.03.2022) (in German)

Nephew R. (2019). Transatlantic Sanctions Policy: From the 1982 Soviet Gas Pipeline Episode to Today. Columbia School of International and Public Affairs-Center on Global Energy Policy. Режим доступа: <https://www.energypolicy.columbia.edu/sites/default/files/pictures/REPORT.pdf> (дата обращения: 14.03.2022).

Nesbitt M. (2016). Canada's “Unilateral” Sanctions Regime Under Review: Extraterritoriality, Human Rights, Due Process, and Enforcement in Canada's Special Economic Measures Act // Ottawa Law Review. Vol. 48. No. 2. P. 511–576. Режим доступа: <https://ssrn.com/abstract=2924259> (дата обращения: 14.03.2022).

Nord Stream 2 (2019). Project Background. Nord Stream 2. Режим доступа: <https://www.nord-stream2.com/en/pdf/document/4/> (дата обращения: 28.12.2020).

Norman L. (2020). Iran's Enriched Uranium Stockpile is 12 Times Nuclear Accord's Cap, U.N. Agency Says // Wall Street Journal, 11 November. Режим доступа: <https://www.wsj.com/articles/irans-enriched-uranium-stockpile-is-more-than-10-times-nuclear-accords-cap-u-n-agency-says-11605120768> (дата обращения: 28.12.2020).

Parrish A. (2017). The Interplay Between Extraterritoriality, Sovereignty, and the Foundations of International Law // Standards and Sovereigns: Legal Histories of Extraterritoriality (U. Özsü, D. Margolies, M. Pal, N. Tzouvala (eds)). Режим доступа: <https://ssrn.com/abstract=2940361> (дата обращения: 14.03.2022).

Peel M. (2018). US Warns European Companies Not to Defy Iran Sanctions // Financial Times. 6 September. Режим доступа: <https://www.ft.com/content/f6edbf88-b1ec-11e8-8d14-6f049d06439c> (дата обращения: 14.03.2022).

Perlow G.H. (1983). Taking Peacetime Trade Sanctions to the Limit: The Soviet Pipeline Embargo // *Case Western Reserve Journal of International Law*. Vol. 15. Iss. 2. P. 253–272. Режим доступа: <https://scholarly-commons.law.case.edu/jil/vol15/iss2/4> (дата обращения: 14.03.2022).

Permanent Court of Arbitration (1982). Island of Palmas Case (Netherlands v. U.S.) // *Reports of International Arbitral Awards*. Vol. 2. P. 829–871. Режим доступа: https://legal.un.org/riaa/cases/vol_II/829-871.pdf (дата обращения: 14.03.2022).

Permanent Court of Arbitration (n. d.). Island of Palmas (or Miangas) (The Netherlands/The United States of America). Режим доступа: <https://pca-cra.org/en/cases/94/> (дата обращения: 14.03.2022).

Permanent Court of International Justice (PCIJ) (1927). The Case of the S.S. “Lotus” (France v. Turkey) Judgment. Publications of the Permanent Court of International Justice, Series A. No. 10. 7 September. https://www.icj-cij.org/public/files/permanent-court-of-international-justice/serie_A/A_10/30_Lotus_Arret.pdf (дата обращения: 14.03.2022).

Petroff A. (2018). Siemens CEO: We Can’t Do New Deals With Iran. CNN, 14 May. Режим доступа: <https://money.cnn.com/2018/05/14/investing/iran-sanctions-siemens-europe/index.html> (дата обращения: 14.03.2022).

Raustiala K. (2009). *Does the Constitution Follow the Flag? The Evolution of Territoriality in American Law*. Oxford University Press.

Reid D. (2018). Russia Slams US Sanctions Against Iran, Promises to Save Nuclear Deal // *CNBC*. 7 August. Режим доступа: <https://www.cnn.com/2018/08/07/russia-slams-us-sanctions-against-iran-promises-to-save-nuclear-deal.html> (дата обращения: 14.03.2022).

Roberts A., Sivakumaran S. (2018). *The Theory and Reality of the Sources of International Law* // *International Law* / M.D. Evans (ed.). 5th ed. Oxford University Press. Режим доступа: <https://doi.org/10.1093/he/9780198791836.003.0004> (дата обращения: 15.03.2022).

Rosenstock R. (1971). The Declaration of Principles of International Law Concerning Friendly Relations: A Survey // *American Journal of International Law*. Vol. 65. P. 713–735. Режим доступа: <https://doi.org/10.2307/2199354>.

Rubin S.J. (1966). Organization of American States: Inter-American Juridical Committee Opinion Examining the U.S. Helms- Burton Act // *International Legal Materials*. Vol. 35. No. 5. P. 1322–1334. Режим доступа: <https://www.jstor.org/stable/20698613> (дата обращения: 15.03.2022).

Ryngaert C. (2008). Extraterritorial Export Controls (Secondary Boycotts) // *Chinese Journal of International Law*. Vol. 7. Iss. 3. P. 625–658. Режим доступа: <https://doi.org/10.1093/chinesejil/jmn032>.

Sauerbrey A. (2020). The Failure of Europe’s Feeble Muscle Flexing // *New York Times*. 10 February. Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2020/02/10/opinion/europe-iran-nuclear-deal.html> (дата обращения: 15.03.2022).

Senz D., Charlesworth H. (2001). Building Blocks: Australia’s Response to Foreign Extraterritorial Legislation // *Melbourne Journal of International Law*. Vol. 2. No. 1. P. 69–121. Режим доступа: https://law.unimelb.edu.au/__data/assets/pdf_file/0019/1680004/Senz-and-Charlesworth.pdf (дата обращения: 15.03.2022).

Serjoe K.A. (2018). “The Americans Cannot Be Trusted”: How Iran Is Reacting to Trump’s Decision to Quit Nuclear Deal // *Time*. 9 May. Режим доступа: <https://time.com/5270821/iran-nuclear-deal-trump-ayatollah-khameini-hassan-rouhani/> (дата обращения: 15.03.2022).

Statement by the President (2018). Statement on the Reimposition of United States Sanctions With Respect to Iran, 6 August. DCPD-201800523. Режим доступа: <https://www.govinfo.gov/app/details/DCPD-201800523> (дата обращения: 15.03.2022).

Statement by the President (2019). Statement on Imposing Sanctions with Respect to the Iron, Steel, Aluminum, and Copper Sectors of Iran. 8 May. DCPD-201900282. Режим доступа: <https://www.govinfo.gov/app/details/DCPD-201900282> (дата обращения: 15.03.2022).

Steiner H.J. (1978). Pressures and Principles: The Politics of the Antiboycott Legislation // *Georgia Journal of International and Comparative Law*. Vol. 8. No. 3. P. 529–558. Режим доступа: <https://digitalcommons.law.uga.edu/gjicl/vol8/iss3/3/> (дата обращения: 15.03.2022).

The Netherlands: District Court at the Hague Judgement in *Compagnie Européenne des Pétroles S.A. v. Sensor Nederland B.V.* (Extraterritoriality of U.S. Export Administration Regulations; Contractual Obligations) (The Netherlands) (1983) // *International Legal Materials*. Vol. 22. No. 1. P. 66–74. Режим доступа: <https://www.jstor.org/stable/20692540> (дата обращения: 15.03.2022).

Tirkey A. (2019). *US Secondary Sanctions: Framing an Appropriate Response for India*. Orf Issue Brief No. 273, Observer Research Foundation. Режим доступа: <https://www.orfonline.org/research/us-secondary-sanctions-framing-an-appropriate-response-for-india-47232/> (дата обращения: 15.03.2022).

Treaty of Friendship, Co-operation and Mutual Assistance Signed at Warsaw, 14 May 1955 (The Warsaw Pact) (1955). Режим доступа: <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%20219/volume-219-I-2962-Other.pdf> (дата обращения: 15.03.2022).

Tzanakopoulos A. (2015). The Right to be Free From Economic Coercion // *Cambridge Journal of International and Comparative Law*. Vol. 4. P. 616–633. Режим доступа: <https://ssrn.com/abstract=2633065> (дата обращения: 15.03.2022).

U. S. Senate (1977). Report of the Committee on Banking, Housing, and Urban Affairs to Accompany S. 305, Together with Additional Views. No. 95–114. Режим доступа: <https://www.justice.gov/sites/default/files/criminal-fraud/legacy/2010/04/11/senaterpt-95-114.pdf> (дата обращения: 15.03.2022).

U.S. Congress (1995). *Congressional Record*. Vol. 141. No. 158. Режим доступа: <https://www.congress.gov/congressional-record/1995/10/12/senate-section/article/S15106-1> (дата обращения: 15.03.2022).

U.S. Department of the Treasury (2012). FAQ 192: Iran Sanctions, Executive Order 13608. Режим доступа: <https://home.treasury.gov/policy-issues/financial-sanctions/faqs/192> (дата обращения: 13.08.2020).

U.S. Department of the Treasury (n. d.). Sanctions Programs and Country Information. Режим доступа: <https://www.treasury.gov/resource-center/sanctions/Programs/Pages/Programs.aspx> (дата обращения: 31.08.2020).

U.S. District Court for the Eastern District of New York (EDNY) (2019). Superseding Indictment, *United States v. Huawei Techs. Co.* (Superseding Indictment against Meng). No. 18 Cr 457 (AMD) (E.D.N.Y., 24 January 2019). Режим доступа: <https://www.justice.gov/opa/press-release/file/1125021/download> (дата обращения: 17.03.2022).

U.S. District Court for the Southern District of New York (SDNY) (2016). Superseding Indictment, *United States v. Zarrab* (Superseding Indictment Against Zarrab). No. 15 Cr 867 (RMB) (S.D.N.Y. 16 June 2016). Режим доступа: <https://www.justice.gov/usao-sdny/press-release/file/994976/download> (дата обращения: 17.03.2022).

U.S. District Court of Connecticut (n. d.). Biography: District Judge Jeffrey Alker Meyer. Режим доступа: <http://www.ctd.uscourts.gov/biography-district-judge-jeffrey-alker-meyer> (дата обращения: 18.12.2020).

UAWIRE (2019). *Swiss Allseas Withdraws Pipe-Laying Vessels From Nord Stream 2 Construction Zone Following US Sanctions* // Uawire. 23 December. Режим доступа: <https://uawire.org/swiss-allseas-withdraws-pipe-laying-vessels-from-nord-stream-2-construction-zone-following-us-sanctions> (дата обращения: 15.03.2022).

United Kingdom Statement and Order Concerning the American Export Embargo With Regard to the Soviet Gas Pipeline (UK Statement) (1982) // *International Legal Materials*. Vol. 21. Iss. 4. P. 851–852. <https://doi.org/10.1017/S0020782900058186>

United Nations (UN) (1970). Declaration on Principles of International Law Concerning Friendly Relations and Co-operation Among States in Accordance With the Charter of the United Nation (A/8082). General Assembly Resolution 2625 (XXV). Режим доступа: [https://undocs.org/en/A/RES/2625\(XXV\)](https://undocs.org/en/A/RES/2625(XXV)) (дата обращения: 14.03.2022).

United Nations (UN) (2015). Security Council Resolution S/Res/2231 (2015). Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/225/27/PDF/N1522527.pdf?OpenElement> (дата обращения: 15.03.2022).

United Nations (UN) (2018). Draft Conclusions on Identification of Customary International Law, With Commentaries. Report of the International Commission, A/73/10. Режим доступа: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/commentaries/1_13_2018.pdf (дата обращения: 15.03.2022).

United Nations (UN) (2019). Necessity of Ending the Economic, Commercial and Financial Embargo Imposed by the United States of America Against Cuba. General Assembly Resolution A/Res74/7. Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N19/356/71/PDF/N1935671.pdf?OpenElement> (дата обращения: 14.03.2022).

United Nations (UN) Charter (1945). Режим доступа: <https://www.un.org/en/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 15.03.2022).

Uniting and Strengthening America by Providing Appropriate Tools Required to Intercept and Obstruct Terrorism (U.S.A Patriot Act) (2001) Public Law No. 107–156. Режим доступа: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-107publ56/pdf/PLAW-107publ56.pdf> (дата обращения: 15.03.2022).

Vaez A. (2020). Europe Is Running Out of Time to Save the Iran Deal // Foreign Policy. 16 January. Режим доступа: <https://foreignpolicy.com/2020/01/16/europe-is-running-out-of-time-to-save-the-iran-deal/> (дата обращения: 15.03.2022).

Viterbo A. (2019). Extraterritorial Sanctions and International Economic Law. Building Bridges: Central Banking Law in an Interconnected World. ECB Legal Conference December. Режим доступа: <https://iris.unito.it/retrieve/handle/2318/1722072/561263/2019%20Viterbo%20-%20Extraterritorial%20Sanctions%20-%20ECB%20Legal%20Conference.pdf> (дата обращения: 15.03.2022).

von Einsiedel S., Malone D., Ugarte B.S. (2015). The UN Security Council in an Age of Great Power Rivalry. United Nations University Working Paper No. 04. Режим доступа: <https://collections.unu.edu/eserv/UNU:6112/UNSCAgeofPowerRivalry.pdf> (дата обращения: 15.03.2022).

von Heinegg W.H. (2012). Legal Implications of Territorial Sovereignty in Cyberspace // Fourth International Conference on Cyber Conflict / C. Czosseck, R. Ottis, K. Ziolkowski (eds). NATO CCD COE Publications. Режим доступа: https://www.ccdcoe.org/uploads/2012/01/1_1_von_Heinegg_LegalImplicationsOfTerritorialSovereigntyInCyberspace.pdf (дата обращения: 15.03.2022).

Wald E.R. (2018). 10 Companies Leaving Iran as Trump's Sanctions Close // Forbes. 6 June. <https://www.forbes.com/sites/ellenrwald/2018/06/06/10-companies-leaving-iran-as-trumps-sanctions-close-in/?sh=421b3f30c90f> (дата обращения: 15.03.2022).

Warburton M. (2020). Timeline: Key Events in Huawei CFO Meng Wanzhou's Extradition Case // Reuters. 3 December. Режим доступа: <https://www.reuters.com/article/us-huawei-tech-usa-events-timeline/key-events-in-huawei-cfo-meng-wanzhou-extradition-case-idUSKBN27C3C9?il=0> (дата обращения: 15.03.2022).

Wintour P. (2020). UN Security Council Rejects US Attempt to Extend Iran Sanctions // The Guardian. 25 August. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2020/aug/25/iran-sanctions-trump-administration-un-security-council> (дата обращения: 15.03.2022).

Wong E. (2019). Trump Imposes New Sanctions on Iran, Adding to Tensions // New York Times. 24 June. <https://www.nytimes.com/2019/06/24/us/politics/iran-sanctions.html> (дата обращения: 15.03.2022).

Wrange P. (2013). Intervention in National and Private Cyber Space and International Law. Presented at the Fourth Biennial Conference of The Asian Society of International Law, New Delhi, 14–16 November.

Ziaee S.Y. (2016). Jurisdictional Countermeasures Versus Extraterritoriality in International Law // Russian Law Journal. Vol. 4. No. 4. P. 27–45. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/jurisdictional-countermeasures-versus-extraterritoriality-in-international-law> (дата обращения: 15.03.2022).

Enforcing U.S. Foreign Policy by Imposing Unilateral Secondary Sanctions: Is Might Right in Public International Law?¹

Patrick C. Terry

Patrick C. Terry – Dean of the Faculty of Law and a Professor of Law at the University of Public Administration in Kehl; Germany, Kinzigallee 1, 77694 Kehl; iorj@hse.ru

Abstract

Following the United States' unilateral withdrawal from the agreement between the five permanent UN Security Council members, the European Union, Germany, and Iran, that intends to stop Iran from acquiring nuclear weapons, the United States has re-imposed and tightened its sanctions against Iran. The United States' renunciation of the agreement, despite the agreement's UN Security Council approval and verified Iranian compliance, arguably violated international law. Nevertheless, the United States is attempting to compel the other state parties (and others) to follow its policy on Iran by threatening those states' companies and business executives with economic or even criminal sanctions to force them to cut commercial ties with Iran.

Based on an in-depth discussion of the lawfulness of such secondary sanctions under public international law, this article concludes that secondary sanctions, as imposed by the United States more recently, are unlawful. The United States' assertion of extraterritorial jurisdiction is not justified under any principle of jurisdiction recognized in customary international law. In fact, the international community explicitly rejects the United States' claims to extraterritorial jurisdiction. Furthermore, the United States seeks to undermine third states' foreign and trade policies by targeting their citizens and businesses. United States' sanctions policy is thus an attempt to assert control over other states' foreign policies. This coercion amounts to an unlawful intervention into those states' internal affairs. Lastly, the use of the United States' superior economic power to strong-arm other states into abandoning their own foreign policy is a violation of the sovereign equality principle.

Keywords: USA, sanctions policy, unilateral sanctions, extraterritoriality, sanctions against Iran, sanctions against Cuba

Acknowledgements: Author would like to thank the editorial staff at the *Washington International Law Journal* for their helpful suggestions.

For citation: Terry Patrick C. (2022). Enforcing U.S. Foreign Policy by Imposing Unilateral Secondary Sanctions: Is Might Right in Public International Law? *International Organisations Research Journal*, vol. 17, no 1, pp. 25–55 (in Russian). doi:10.17323/1996-7845-2022-01-02

¹ The article “Enforcing U.S. Foreign Policy by Imposing Unilateral Secondary Sanctions: Is Might Right in Public International Law?” by Patrick C. Terry is translated and published with permission of the author and *Washington International Law Journal*, vol. 30, no 1, 2020, where it was originally published in English. Available at: <https://digitalcommons.law.uw.edu/wilj/vol30/iss1/4>.

Translated by P.A.Doronin, Researcher, Centre for International Institutions Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA).

Трансграничные потоки данных, общий регламент защиты персональных данных и управление данными¹

У.Г. Восс

Восс У. Грегори — доцент Тулузской бизнес-школы; Тулуза, Франция; iorj@hse.ru

Аннотация

Сегодня трансграничные потоки данных являются важным компонентом международной торговли и элементом моделей цифровых услуг. Однако им препятствуют ограничения на трансграничную передачу персональных данных и законодательство о локализации данных. В статье основное внимание уделяется этим проблемам и влиянию нового законодательства Европейского союза (ЕС) по защите персональных данных — GDPR. Потоки данных обсуждаются в контексте экономической и геополитической ситуации, включая анализ результатов отсутствия международной гармонизации права в этой области. В связи с этим становятся актуальными вопросы пересечения правил и конкуренции стандартов. Затем представлен анализ правовых мер, которые заполнили пробел, связанный с отсутствием международного регулирования и неспособностью гармонизировать право: экстерриториальных законов ЕС (региональное законодательство) и США (законодательство штатов), а также законов о локализации данных Китая и России. Подробно рассматриваются специальные положения в законодательстве ЕС, ограничивающие трансграничную передачу персональных данных, а также международные соглашения, которые сыграли неоценимую роль в обеспечении потоков данных между США и ЕС — сначала «Безопасная гавань», а теперь Privacy Shield. Наконец, исследуется роль управления данными и в контексте ответственности контролеров данных за действия других участников глобальных цепочек поставок в соответствии с законодательством ЕС, и в соответствии с Privacy Shield. Таким образом, статья выходит за рамки анализа непосредственно законодательства и рассматривает соответствующие требования в контексте глобализированного делового мира потоков данных, предлагая компаниям способы улучшения своей позиции по соблюдению требований законодательства во всем мире.

Ключевые слова: трансграничные потоки данных, GDPR, управление данными, законодательство о защите данных, международные соглашения о трансграничных потоках данных

Для цитирования: Восс У.Г. Трансграничные потоки данных, общий регламент защиты персональных данных и управление данными // Вестник международных организаций. 2022. Т. 17. № 1. С. 56–95 (на русском языке). doi:10.17323/1996-7845-2022-01-03

¹ Статья В.Г. Восса (W. Gregory Voss) “Cross-Border Data Flows, the GDPR, and Data Governance” переведена и опубликована с разрешения автора и Washington International Law Journal. Впервые статья издана в Washington International Law Journal (2020, vol. 29, no 3) на английском языке. Режим доступа: <https://digitalcommons.law.uw.edu/wilj/vol29/iss3/7>.

Перевод выполнен А.В. Шелеповым, с.н.с. Центра исследований международных институтов Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС).

I. Введение: экономический и геополитический контекст

«Итак, мы говорим о регулировании, о GDPR, об экстерриториальном охвате, когда в Европе действуют американские компании, а в Калифорнии — компании из Алабамы. ИТ-специалисты признают: “Боже, у нас долги. Я не знаю, где данные”» [Asbury et al., 2019, p. 1071].

Крис Торгерсон, директор по информационным технологиям
Окриджской национальной лаборатории

Данная статья посвящена трансграничным потокам данных, влиянию на них регулирования Европейского союза (ЕС) по защите данных, роли международных соглашений в этом контексте и вытекающим из этого требованиям к управлению данными. Структура статьи такова: после Введения обсуждаются ограничения на трансграничную передачу персональных данных в законодательстве ЕС, а затем роль международных соглашений — как с точки зрения регулирования трансграничных потоков данных, так и с точки зрения учета определения «адекватности» в понимании ЕС. Затем следует анализ требований к управлению данными в соответствии с GDPR. Исследуемая среда по своей природе является международной, в ней свою роль играют и экономика², и геополитика, включая вопросы «конкурирующих стандартов»³ или, как выразился один ученый, «транснационального конфликта и взаимозависимости регулирования»⁴ и «пересечения правил», устанавливаемых экстерриториальными законами⁵, особенно между США и ЕС.

² Дж. Коэн (J.E. Cohen) [Cohen, 2019, p. 214–215] описывает экономических субъектов, получающих прибыль от услуг, предоставляемых «через цифровые информационные и коммуникационные сети», заинтересованных в трансграничных потоках данных: «Новые субъекты информационной экономики, получающие прибыль от этих услуг, включая глобальные платформенные компании и фирмы, предоставляющие финансовые услуги, а также любые фирмы, занимающиеся офшорингом таких функций, как поддержка клиентов и предоставление человеческих ресурсов, заинтересованы в определении и контроле собственных глобальных операций способами, которые могут включать передачу данных для обработки, облачное хранение, охватывающее несколько юрисдикций, и трансграничное предоставление услуг конечным пользователям. Потоки данных между сетевыми устройствами — от персональных устройств связи до промышленных датчиков — являются центральной задачей процессов управления Интернетом.

³ Для обсуждения аспекта «конкурирующих стандартов» международного законодательства о конфиденциальности данных см. [Drezner, 2007, p. 103–106] (конкурирующие стандарты обсуждаются так: «...[р]азличные группы стран будут создавать альтернативные наборы регулятивных стандартов, пытаясь ослабить легитимность конкурирующих стандартов»).

⁴ Шаффер (G. Shaffer) [2000, p. 4] говорит о «транснациональном регулятивном конфликте и взаимозависимости», где поле битвы не является исключительно международным («Война за стандарты конфиденциальности идет не только между Европой и США. Это также гражданская война, которая ведется внутри самих США, а европейское право меняет баланс сил на полях, где сталкиваются группы интересов из США»).

⁵ Политологи Фаррелл и Ньюман (H. Farrell, A.L. Farrell) [2019, p. 27–28] резюмируют существенные аспекты «пересечения правил» в книге, в которой анализируются локальные и глобальные политические действия различных акторов, таких как многонациональные фирмы, в таком контексте: «Глобализация не характеризуется в первую очередь отсутствием правил и норм. Скорее, процесс обеспечения открытости — в торговле, финансах, производстве и информации — порождает ряд накладывающихся друг на друга притязаний на влияние со стороны местных и международных акторов. О важности пересечения правил свидетельствуют продолжающиеся глобальные споры в таких разнообразных областях политики, как антимонопольное законодательство, налогообложение, банковский надзор и конфиденциальность данных».

Фаррелл и Ньюман применяют свою аналитическую основу «нового подхода взаимозависимости» (NIA), «чтобы объяснить динамику мировой политики в эпоху глобализации», сосредотачиваясь на процессах и динамике в мировой политике [Farrell, Newman, 2019, p. 26]⁶. Аналогичным образом Шаффер обсуждает процесс использования стандартов конфиденциальности данных для получения преимуществ в рамках действий различных субъектов [Shaffer, 2000, p. 4]⁷. Хотя эти исследования не лежат в основе данной статьи, они обеспечивают базовое понимание и показывают динамический эффект действий различных заинтересованных сторон, таких как правительства, торговые ассоциации, сторонники идей конфиденциальности данных, помогая объяснить, почему международная торговля данными находится в положении, описанном в настоящей статье, и понять последствия для международных цепочек поставок, основанных на данных. В настоящем Введении демонстрируется растущая важность трансграничных потоков данных, затем обсуждаются отсутствие гармонизации законодательства о конфиденциальности данных и различные модели регулирования со стратегическим эффектом и, наконец, определяются цели статьи.

А. Растущее значение трансграничных потоков данных

Трансграничные потоки данных описываются как способствующие торговле «признаки глобализации XXI в.» [Manyika et al., 2016, p. 30] и как «соединительная ткань, скрепляющая мировую экономику» [Lund et al., 2019, p. 25]. По одной из оценок, трансграничные потоки данных прибавили 2,8 трлн долл. к мировому ВВП в 2014 г. [Ibid., p. 74]. Они включают потоки как личной, так и профессиональной информации, а также потоки цифрового мультимедийного контента [Manyika, 2016, p. 32]. Два правительственных агентства в составе Министерства торговли США — Управление экономики и статистики и Национальное управление по телекоммуникациям и информации — распределяют такие потоки по четырем категориям. Таким образом, обеспечивая детализацию, они не ссылаются конкретно на личные данные, которые предоставляются для получения того, что они описывают как «рыночную цену в размере ноль долларов США». Указанные категории включают:

- 1) *некоммерческий трафик данных*, в том числе правительственную и военную связь;
- 2) *потоки данных о транзакциях между покупателями и продавцами по рыночной цене*, включая прямые сделки между покупателями и продавцами, например, в онлайн-банкинге или рекламе, а также транзакции в сфере услуг, которые включают цифровые платформы, выступающие в качестве посредников между покупателями и продавцами;
- 3) *обмен коммерческими данными и услугами между фирмами или другими связанными сторонами или внутри них по нулевой рыночной цене*, включая информацию о цепочках поставок, персонале или дизайне;

⁶ Особенно актуально для читателя обсуждение Фарреллом и Ньюманом политических действий в связи с различными вопросами конфиденциальности данных и пересечение правил в сфере безопасности.

⁷ Утверждается, что в целях избежания торгового конфликта регулирующие органы США продвигают усиленное «саморегулирование» конфиденциальности данных компаниями. Чтобы избежать ограничений ЕС на передачу данных, компании США внедряют новые внутренние методы обеспечения конфиденциальности данных с учетом критериев ЕС. Благодаря огласке Директивы ЕС американские сторонники конфиденциальности требуют от компаний принятия более строгих внутренних методов, а от законодателей — принятия дополнительных законов.

4) *цифровые данные и услуги, предоставляемые конечным пользователям и ими по рыночной цене 0 долл. США*, включая бесплатную электронную почту, результаты поиска, карты и услуги по построению маршрутов, а также передачу информации через социальные сети [U.S. Department of Commerce, 2016, p. 3].

Кроме того, интернет-посредники, которые «получили большую часть ценности от сбора персональных данных, когда субъекты данных получили доступ» [Voss, 2017, p. 472] к ним, предоставляют трансграничные «бесплатные» цифровые услуги, например, относящиеся к четвертой категории из указанных выше. По оценкам, эти услуги внесли вклад от 240 млрд до 3,2 трлн долл. США в торговлю услугами в 2017 г. [Lund, 2019, p. 51]⁸.

Такие потоки повсеместны, а с развитием Интернета вещей (IoT) будут осуществляться огромные объемы международной передачи данных без вмешательства человека [Kuner, 2013, p. 3]. Они позволяют малым и средним предприятиям (МСП) расширять свой бизнес по всему миру и получать доступ к цифровым онлайн-сервисам, которые могут помочь им повысить производительность [Meltzer, 2014, p. 3]. Однако национальные (и региональные) субъекты не обеспечили гармоничного регулирования этих потоков или, в более общем смысле, конфиденциальности данных.

В. Отсутствие международной гармонизации права и различия моделей регулирования со стратегическим эффектом

Глобализация торговли цифровыми данными и услугами не сопровождалась ни общей гармонизацией интернет-права [Voss, 2019, p. 408], ни подлинной конвергенцией законов о защите данных и конфиденциальности данных. Этот факт иллюстрируется расхождением между двумя крупными западными блоками: США и ЕС [Ibid., p. 408]. Это расхождение существует, несмотря на растущее влияние модели защиты данных ЕС во всем мире [Ibid., p. 458], связанное с недавним принятием Общего регламента по защите данных (GDPR) [2016]. Кроме того, в трансатлантическом контексте существуют определенные препятствия для гармонизации законодательства о конфиденциальности данных между ЕС на региональном уровне и США на федеральном уровне [Voss, 2019, p. 431–542]⁹.

Существуют трансатлантические различия. Но в международном масштабе также существуют различные правовые стандарты, используемые в рамках управления Интернетом, возможно, в стратегических целях. Китай, помимо других целей, использует регулирование, инновации и внешнюю политику, чтобы получить большее влияние в системе управления Интернетом. В то же время его граждане мало чего ожидают в плане конфиденциальности от правительства (хотя, возможно, и больше со стороны бизнеса) [Segal, 2018, p. 10]. Китай стремится к «киберсуверенитету» и принял модель

⁸ Разница между двумя числами объясняется следующим образом: «Нижняя оценка основана на ценах-субститутах, тогда как более высокая основывается на показателях готовности потребителей платить за определенные услуги. Этот очень широкий диапазон отражает неопределенность в отношении того, сколько потребители будут платить за набор бесплатных цифровых услуг, которые они потребляют, а также в отношении бизнес-моделей и пакетных услуг, которые могли бы появиться, если бы компании взимали плату за эти услуги. Реальный показатель, вероятно, находится где-то между этими двумя оценками. Однако в любом случае это значительное дополнение к глобальным потокам торговли услугами».

⁹ Эти препятствия описываются как неолиберализм США и политика невмешательства, лоббирование и различные конституционные положения по обе стороны Атлантики. См. [Voss, 2019, p. 431–452].

регулирования Интернета, которая делает акцент на национальных интересах, а не на корпоративных [Segal, 2018, p. 11–12]. Таким образом, регулирование Интернета имеет стратегическое значение.

Европа, приняв GDPR, также поставила перед собой стратегическую цель — создать онлайн-доверие в сфере цифровых услуг, необходимое для укрепления экономик ЕС [Dixon, 2018, p. 28, 30], и законодательство, которое приобретает практически евангельский вид, как в высказывании Хелен Диксон, главы надзорного органа Ирландии [DPC, n. d., a]¹⁰ — страны, в которой расположены основные организационные единицы в ЕС многих интернет-гигантов США¹¹:

ЕС открыл новую главу в истории Интернета, создав план, который другие государства и организации будут внимательно изучать, поскольку они также стремятся должным образом сбалансировать права отдельных лиц на защиту данных с другими их правами и законными интересами бизнеса и правительства. Правительства стран мира должны начать сближение в части законов о защите данных, в идеале опираясь на GDPR. В противном случае выиграют авторитарные режимы и недобросовестные технологические гиганты, а проиграют демократические государства и простые люди [Dixon, 2018, p. 28–29].

Хорана и Восс описывают европейскую Стратегию единого цифрового рынка, важным элементом которой является GDPR, как способную «восприниматься как неотъемлемая часть возможностей Европы проявлять свою рыночную власть. Экстернализируя рыночную социальную и экономическую политику и меры регулирования, ЕС, по сути, конкурирует с другими торговыми партнерами в экспорте своих стандартов на международном уровне и в определении международных стандартов» [Khorana, Voss, 2018, p. 389].

Используя термин «эффект Брюсселя», Ану Брэдфорд описывает ЕС как институт, устанавливающий глобальные правила в ряде областей регулирования: антимонопольном законодательстве, конфиденциальности, охране здоровья (через регулирование оборота химических веществ), защите окружающей среды и безопасности пищевых продуктов [Bradford, 2012]. Сфера защиты конфиденциальности [Ibid., p. 22–26], где, по словам Брэдфорда, Европа задает тон [Ibid., p. 22], является центральной для данной статьи. Брэдфорд считает, что законодательство ЕС в этой области влияет на зако-

¹⁰ Комиссия по защите данных (DPC) — это надзорный орган Ирландии, определяемый как «независимый государственный орган, созданный государством-членом в соответствии со ст. 51» GDPR [2016, art. 4(21)]. В просторечии надзорные органы иногда называют «органами по защите данных» или «ОЗД». Структуру DPC во главе с Хелен Диксон (в качестве уполномоченного по защите данных) можно увидеть на веб-сайте Комиссии. См. DPC [n. d., b].

¹¹ Ирландия «является европейской штаб-квартирой жадных до данных компаний, включая Airbnb, Apple, Facebook, Google, Twitter и Microsoft, которой принадлежит LinkedIn» [Satariano, 2018]. Надзорный орган государства-члена, в котором расположено основное учреждение контролера деятельности по обработке данных в ЕС, действует в качестве ведущего надзорного органа для этой компании [GDPR, art. 56(1)]. «Контролер» — это «физическое или юридическое лицо, государственный орган, учреждение или другой орган, который самостоятельно или совместно с другими определяет цели и средства обработки персональных данных» [Ibid., art. 4(7)]. «Основной организационной единицей» контролера является, для контролеров с присутствием более чем в одном государстве — члене ЕС, «местоположение его центральной администрации в ЕС, а если решения о целях и средствах обработки персональных данных принимаются в другой организационной единице контролера в ЕС и данная единица имеет право требовать исполнения таких решений, то основной организационной единицей считается единица, принимающая такие решения» [GDPR, art. 4(16)(a)]. Таким образом, для каждой из крупных компаний, перечисленных в этой сноске, ирландский DPC, вероятно, является ведущим надзорным органом.

ны территорий за пределами его границ, за исключением США [Bradford, 2012]. Более того, несмотря на различия с законодательством США, законодательство ЕС в области конфиденциальности влияет на деловую практику американских фирм посредством судебных исков против них в судах ЕС [Ibid., p. 23]¹² либо за счет принятия фирмами политики конфиденциальности, соответствующей законодательству ЕС [Ibid., p. 24], или вследствие добровольного обязательства соблюдать принципы международных соглашений между ЕС и США, таких как Рамочное соглашение «Безопасная гавань» для трансграничной передачи данных [Ibid., p. 24–25].

В США Интернет с ранних этапов развития получал значительные выгоды — как в финансовом плане, так и с точки зрения его нормативно-правовой базы — от правительства, в частности, за счет государственных субсидий и политики «открытого и свободного Интернета» [Kornbluh, 2018, p. 33]¹³. Политические решения в регулировании телекоммуникаций и раздел 230 Закона о благопристойности в коммуникациях, исключаящий ответственность интернет-посредников за контент третьих лиц, также помогли сформировать среду для развития интернет-компаний США [O'Mara, 2018, p. 330]¹⁴. Это существенно снизило риски для Кремниевой долины с точки зрения возможных правонарушений и ответственности за соблюдение авторских прав в отношении такого контента [Chander, 2014, p. 642]. Более того, исторически Кремниевая долина почти не регулировалась в плане конфиденциальности данных, а нормы в отношении правонарушений, связанных с конфиденциальностью, мало помогают в защите личной информации¹⁵. Таким образом, существуют значительные различия между американским подходом невмешательства, акцентом ЕС на личных правах и фокусом Китая на национальных интересах.

¹² Это влияние было отмечено несколькими годами ранее Грегори Шаффером [2000, p. 4]. Он считает, что «в глобализирующейся экономике европейское регулирование забрасывает сети на территории шире, чем Европа».

¹³ См. также R. Radu [2019, p. 61]. «В дополнение к устойчивому финансированию со стороны Министерства обороны и Национального научного фонда развитию Интернета в американском контексте способствовала идеология минимального государственного вмешательства, доминировавшая в то время. В 1988 г. Федеральная комиссия по связи (FCC) создала специальную категорию «услуги с добавленной стоимостью», в результате чего компьютерная информация практически не регулировалась правительством».

¹⁴ Первоначально Закон о благопристойности в коммуникациях (CDA) рассматривался в суде, при этом наиболее ограничительные положения CDA были признаны недействительными, но раздел 230 остался, что позволило CDA иметь «огромное влияние... освобождающее веб-платформы от ответственности за контент на их сайтах, загруженный третьими лицами, решение Верховного суда стало не только крупной победой для технологических компаний эпохи доткомов, но и крупной победой для платформ-гигантов в области социальных медиа впоследствии». См. Kornbluh [2018, p. 34] и Radu [2019, p. 84]. («США первыми ввели защиту от ответственности для онлайн-платформ и зарекомендовали себя как убежище для интернет-услуг, привлекая большинство поставщиков. Результатом этой благоприятной правовой среды стало превращение Кремниевой долины в крупный центр инноваций в области высоких технологий».)

¹⁵ По словам профессора Чандера [Ibid., p. 664–665], «закон о конфиденциальности США предлагает ограниченные барьеры для американских интернет-предпринимателей. Каждый из хваленых деликтов о конфиденциальности по общему праву довольно узок по своему охвату и в основном бесполезен для пользователей Интернета, обеспокоенных защитой личной информации. Деликты не очень хорошо подходят для решения типичной проблемы конфиденциальности в отношении социальных сетей, мало что делают для предотвращения использования личной информации для маркетинга или дальнейшего обмена личной информацией неожиданным образом. Законодательная защита остается довольно узкой».

Хотя существует мнение, что конкуренция в области регулирования может привести к повышению его уровня до глобальных стандартов [Chander, 2013, p. 167]¹⁶, между национальным законодательством Китая, региональным законодательством ЕС и федеральным законодательством США отсутствует согласованность¹⁷. Более того, США рассматривают определенные типы иностранных законов, такие как упомянутые выше, действующие в Китае и ЕС, как барьеры или препятствия для цифровой торговли¹⁸. Этого можно было ожидать, учитывая американскую политику невмешательства¹⁹.

С. Цели

Важность международной торговли данными быстро повышается — как с точки зрения объема потоков данных, так и с точки зрения их финансовой ценности. На фоне развития этого элемента глобализации страны не гармонизировали законы о конфиденциальности данных, в результате чего существует несколько различных моделей управления со стратегическим эффектом. Целью данной статьи является информирование компаний не только о сложностях, с которыми они столкнутся в контексте трансграничных потоков данных, но и о том, как требования и передовой опыт в области управления данными ограничены влиянием законов ЕС о защите данных и связанных с ними международных соглашений. Статья также призвана побудить компании к рассмотрению трансграничных потоков данных как части международной цепочки поставок персональных данных и помочь им осознать важность управления такими цепочками поставок в соответствии с законодательством о защите данных.

II. Законодательные меры: законы о конфиденциальности данных с экстерриториальным действием; законы о локализации данных

Национальные государства и регионы не предприняли действий для обеспечения международной гармонизации законодательства о конфиденциальности данных, приняв различные модели регулирования со стратегическим эффектом. ЕС и некоторые

¹⁶ Несколькими годами ранее Грегори Шаффер предсказал ужесточение стандартов США в результате принятия законодательства ЕС. См. Shaffer [2000, p. 80]. («Тем не менее конфликт между США и ЕС по поводу защиты конфиденциальности данных демонстрирует, что в условиях глобализации экономики уровень социальной защиты в США не обязательно снижается».)

¹⁷ Об отсутствии согласования между федеральным законодательством США и законодательством ЕС см. Voss [2019, p. 417–427]. Более раннее исследование, сравнивающее китайский режим с европейским, показало, что «оценка режима защиты данных в Китае была бы невыполнимой задачей, потому что... его не существует» [de Hert, Papakonstantinou, 2015, p. 24]. Ср., однако, с L. Lucas [2018] (цитируются слова адвоката Ричарда Бёрда о том, что Китай «в некоторых отношениях является страной, которая самым непосредственным образом приняла GDPR, но очень по-китайски», включая требование локализации данных и формирование системы социальных кредитов, основанной на личных данных).

¹⁸ Эти барьеры или препятствия были классифицированы по следующим категориям: барьеры локализации, конфиденциальность и защита данных, проблемы, связанные с интеллектуальной собственностью, онлайн-цензура и традиционные препятствия. ЕС особо упоминается в категории конфиденциальности и защиты данных. См. USITC [2013, p. xxi].

¹⁹ Обсуждение американской политики невмешательства и неолиберализма см. в: Voss [2019, p. 432–436].

страны приняли законодательство, которое влияет на международный бизнес и потоки данных за пределами их границ.

А. Законы о конфиденциальности данных с экстерриториальным действием: GDPR и другие

Законы о конфиденциальности данных с экстерриториальным применением приняты или находятся в стадии принятия в разных регионах мира, в частности в Европе (GDPR)²⁰ и в США (законодательство штатов).

1. Экстерриториальное действие GDPR

GDPR ЕС применяется в случае обработки²¹ персональных данных²² и соблюдения соответствующих материальных и территориальных положений.

Материальная сфера действия GDPR включает обработку персональных данных, по крайней мере частично, с помощью автоматизированных средств либо данных, формирующих часть системы данных или предназначенных для того, чтобы стать ее частью [Ibid., п. 2(1)]²³. Однако Регламент не распространяется на обработку данных в ходе действий, не входящих в сферу применения права ЕС [Ibid., п. 2(2)(a)], например, деятельности, связанной с национальной безопасностью [Ibid., recital (16)]. Он также не распространяется на деятельность государств-членов, «связанную с общей внешней политикой и политикой безопасности» ЕС [Ibid., п. 2(2)(b), recital (16)]. Кроме того, Регламент не охватывает обработку персональных данных «физическим лицом в рамках исключительно личной или бытовой деятельности» [Ibid., п. 2(2)(c)]²⁴. Обработка дан-

²⁰ Относительно экстерриториального действия GDPR см. [Houser, Voss, 2018a, p. 60–63].

²¹ Персональные данные широко определяются в GDPR как «любая информация, относящаяся к “субъекту данных”, то есть идентифицированному или поддающемуся идентификации физическому лицу; поддающееся идентификации физическое лицо — это лицо, которое можно прямо или косвенно идентифицировать, в частности, посредством ссылки на идентификатор: имя, идентификационный номер, данные о местоположении, онлайн-идентификатор, либо на один или несколько факторов, специфичных для физической, физиологической, генетической, умственной, экономической, культурной или социальной идентичности этого физического лица» [GDPR, 2016, art. 4(1)]. Важно, что субъект данных не обязательно должен быть идентифицирован данными, а может быть потенциально идентифицируемым. Примером могут служить динамические адреса интернет-протокола (IP), которые при определенных обстоятельствах могут считаться персональными данными в ЕС, даже если они не идентифицируют напрямую субъекта данных, но при этом его или ее может идентифицировать с их помощью, например, интернет-провайдер или компетентный орган. См. [Houser, Voss, 2019, p. 318–320].

²² «Обработка» также широко определяется в GDPR как «любое действие (операция) или совокупность действий (операций), совершаемых с персональными данными с использованием средств автоматизации или без использования таких средств, включая сбор, запись, организацию, структурирование, накопление, хранение, адаптацию или изменение, загрузку, просмотр, использование, раскрытие посредством передачи, распространение или иной вид предоставления доступа, сопоставление или комбинирование, сокращение, удаление или уничтожение» [GDPR, 2016, art. 4(2)].

²³ «Система данных» — «это упорядоченный набор персональных данных, доступных по определенным критериям, независимо от того, является ли этот набор централизованным, децентрализованным или распределенным функционально либо географически» [Ibid., art. 4(6)]. Однако «файлы или наборы файлов, а также их титульные страницы, которые не структурированы в соответствии со специальными критериями, не должны подпадать под действие настоящего Регламента» [Ibid., recital (15)].

²⁴ Это относится к обработке, не связанной с профессиональной или коммерческой деятельностью, и такая обработка может включать «переписку и хранение адресов, или взаимодействие в со-

ных компетентными органами для «предотвращения, расследования, выявления или судебного преследования уголовных преступлений или исполнения уголовных наказаний, включая предотвращение и защиту от угроз общественной безопасности», регулируется другим правовым актом и, следовательно, исключается из сферы действия GDPR [Ibid., p. 2(2)(d)]²⁵. Кроме того, обработка персональных данных учреждениями ЕС также регулируется другим законодательным актом и исключается из сферы действия Регламента²⁶. GDPR обеспечивает защиту физических лиц «независимо от их национальности или места жительства» в отношении обработки их личных данных. Однако обработка персональных данных, касающихся юридических лиц, «включая название и форму юридического лица, а также контактные данные юридического лица», не подпадает под действие GDPR [Ibid., recital 14], равно как и обработка персональных данных умерших лиц [Ibid., recital 27]²⁷.

Любопытно, что территориальный охват GDPR простирается за пределы ЕС. В-первых, GDPR применяется к обработке персональных данных «в контексте деятельности организационной единицы контролера или процессора в <Европейском союзе>, независимо от того, происходит ли обработка в <Европейском союзе> или нет» [Ibid., p. 3(1)]. Хотя GDPR определяет термин «основная организационная единица» [Ibid., p. 4(16)]²⁸, он не дает определения самого понятия «организационная единица», хотя преамбулы отчасти решают эту проблему. В них организационная единица описывается как подразумевающая «эффективное и реальное осуществление деятельности постоянных структур. Правовая форма таких структур, будь то филиал или правосубъектное дочернее предприятие, при этом не является определяющим фактором» [Ibid., recital (22)]²⁹. Основываясь на преамбулах, Восс и Вудкок описывают «организационную единицу» как «место, где происходит «эффективное и реальное осуществление деятельности» контролером, который имеет «необходимые человеческие и технические ресурсы» для предоставления определенных услуг посредством «постоянных структур» [Voss, Woodcock, 2016, p. 224]³⁰. Прецедентное право Суда Европейского союза (СЕС) может оказаться полезным для толкования части этого положения, требующей определения того, вовлечено ли в процесс учреждение из ЕС или нет, даже когда прецедент связан с предшественницей GDPR, Директивой 1995 г. Однако для определения того, осуществляется ли обработка в связи с деятельностью такой организационной едини-

циальных сетях и онлайн-операции, осуществляемые в контексте такой деятельности». Однако профессиональные или коммерческие организации, предоставляющие средства для такой обработки, будут подпадать под действие GDPR [Ibid., recital (18)].

²⁵ Этим правовым актом является Директива (EU) 2016/680 Европейского парламента и Совета [Ibid., recital (19)].

²⁶ Другим законодательным актом является Регламент (ЕС) № 45/2001 [Ibid., art. 2(3)].

²⁷ Настоящий Регламент не применяется к персональным данным умерших лиц. Государства-члены вправе принять нормы, касающиеся обработки персональных данных умерших лиц.

²⁸ Для контролера, обладающего организационными единицами в более чем одном государстве — члене ЕС — «местоположение его центральной администрации в ЕС, а если решения о целях и средствах обработки персональных данных принимаются в другой организационной единице контролера в ЕС и данная единица имеет право требовать исполнения таких решений, то основной организационной единицей считается единица, принимающая такие решения» [Ibid., recital (18)].

²⁹ «Организационная единица подразумевает эффективное и реальное осуществление деятельности постоянных структур. При этом правовая форма таких структур, будь то филиал или правосубъектное дочернее предприятие, не является определяющим фактором» [Ibid., recital (18)].

³⁰ Хотя Восс и Вудкок ссылались на Директиву 1995 г., то же самое значение может применяться к термину «организационная единица», используемому в GDPR.

цы или нет, необходим анализ каждого конкретного случая [Jerker, Svantesson, 2020, p. 87]³¹.

Например, одно дело, рассмотренное в соответствии с Директивой 1995 г., дает представление о направленности решений в соответствии с данной концепцией организационной единицы. В широко известном деле Google Spain [Case C-131/12, 2014] Марио Костеха Гонсалес подал жалобу в испанский надзорный орган, чтобы добиться удаления веб-страниц испанской газеты La Vanguardia, посвященных принудительной продаже недвижимости для удовлетворения требований по долгам перед системой социального обеспечения за несколько лет до этого. Кроме того, он добивался исключения результатов поиска, включающих такие страницы, из поисковой системы Google [Voss, 2014a, p. 3–4]. В этом случае СЕС определил, что Google Spain SL является организационной единицей Google Inc. в Испании. Суд также установил, что американская компания подпадала под действие Директивы 1995 г., поскольку деятельность ее испанской организационной единицы, включая рекламу, обеспечивала финансирование поисковой системы американской компании [Ibid., p. 4]³². В отношении последующего дела Велтиммо [Case C-230/14, 2015] Европейский совет по защите данных (EDPB) резюмировал решение СЕС о том, что «понятие организационной единицы распространяется на любую реальную и эффективную деятельность, даже минимальную, осуществляемую посредством постоянных структур» (то есть порог для «постоянных структур» довольно низок) [EDPB, 2019a, p. 6].

Далее, и, возможно, еще более примечательно, GDPR применяется к определенным компаниям, даже если они не имеют организационных единиц в ЕС.

Статья 3(2) предусматривает следующее:

Настоящий Регламент применяется к обработке персональных данных субъектов данных, находящихся в ЕС, контролером или процессором, не имеющими организационной единицы в ЕС, если процессы обработки данных касаются:

- (a) предложения товаров и услуг субъектам данных, находящимся в ЕС, независимо от того, требуется ли от них оплата, или нет;
- (b) мониторинга их поведения, если такое поведение происходит в ЕС [GDPR, 2016, p. 3(2)].

Кроме того, если контролер зарегистрирован в ЕС, но в соответствии с международным публичным правом применяется законодательство государства — члена ЕС, то также применяется GDPR [Ibid., p. 3(3)]. Если контролер или процессор не имеет организационной единицы в ЕС, но на него распространяется GDPR в силу ст. 3(2), он должен в письменной форме назначить представителя в ЕС [Ibid., p. 27(1)], если не применяется исключение [Ibid., p. 27(2)]³³. Этот представитель должен быть учрежден в одном из государств-членов, где находятся субъекты данных, чьи данные обрабаты-

³¹ Европейский совет по защите данных также предоставляет примеры анализа различных дел в соответствии со ст. 3(1). См. EDPB [2019a, p. 5–13].

³² Обратите внимание, что “SL” в названии подразделения Google Spain SL относится к его корпоративной форме — *sociedad limitada*. См. Real Decreto 1784/1996 [art. 177(1)]. *Sociedad limitada* является одной из двух самых популярных форм коммерческих компаний в Испании для ведения бизнеса, наряду с *sociedad anónima* [de las Heras, 2010, p. 106].

³³ Исключение будет применяться, если обработка носит нерегулярный характер, не включает обработку в большом масштабе специальных категорий данных или данных, касающихся судимостей и правонарушений, и «с малой долей вероятности может... привести к риску для прав и свобод физических лиц», или контролером или процессором является государственный орган или учреждение.

ются [Ibid., p. 27(3)]³⁴. Субъекты данных и надзорные органы могут обращаться к этому представителю либо наряду, либо вместо контролера или процессора [Ibid., p. 27(4)].

Исключения возможны в тех случаях, когда обработка носит эпизодический характер и не включает широкомасштабную обработку конфиденциальных данных (то есть данных особых категорий) или данных, касающихся уголовных преступлений, и «маловероятно, что обработка может привести к риску для прав и свобод физических лиц» принимая во внимание ее характер, контекст, масштаб и цели» [Ibid., p. 27(2)(a)], или если контролером или процессором данных является государственное учреждение или орган [Ibid., p. 27(2)(b)].

Однако ЕС — не единственная юрисдикция с законом о защите данных, имеющим экстерриториальное действие. Далее в статье рассматривается действующее и предлагаемое законодательство штатов США с экстерриториальным действием.

2. Экстерриториальное действие нового и предлагаемого законодательства штатов США

Далее рассматриваются новые и предлагаемые законы штатов США, имеющие экстерриториальное действие, включая Калифорнийский закон о конфиденциальности потребителей и предлагаемый Вашингтонский закон о конфиденциальности.

а. Закон штата Калифорния о конфиденциальности потребителей

В 2018 г. был принят Закон штата Калифорния о конфиденциальности потребителей [ССРА, 2020].

Закон описывался как первый шаг к предоставлению потребителям в Калифорнии прав, аналогичных правам европейцев [le Stujon, 2020, p. 41]³⁵. ССРА применяется ко многим предприятиям, не имеющим физического присутствия в Калифорнии, при условии, что они соответствуют определенным пороговым значениям и ведут бизнес в этом штате (в их число могут быть включены и предприятия, которые осуществляют коммерческую деятельность только через Интернет), в результате чего можно сказать, что закон имеет экстерриториальное действие [Illman, Temple, 2020, p. 1640]³⁶. Определение «предприятие» включает юридические лица, которые функционируют «для

³⁴ «Представитель должен базироваться в одном из государств-членов, где находятся субъекты данных, чьи персональные данные обрабатываются в связи с предложением товаров или услуг, или чье поведение наблюдается».

³⁵ «Калифорнийский документ представляет собой начало широкого осознания в США необходимости защиты личных данных граждан в эпоху цифровых технологий. Это первый шаг к обеспечению преэминенции GDPR».

³⁶ Хотя экстерриториальный охват не является новой концепцией конфиденциальности, ССРА менее четко определяет его географические границы, чем некоторые другие правила конфиденциальности. Например, GDPR прямо применяется к обработке персональных данных в контексте деятельности в ЕС, независимо от того, происходит ли обработка в ЕС. С другой стороны, хотя широкое определение «бизнеса» в ССРА не ограничивает его местом регистрации или физическим присутствием, закон также прямо не применяется к компаниям за пределами Калифорнии. Однако, учитывая приведенное выше определение «ведения бизнеса», в результате ССРА будет иметь экстерриториальное влияние на компании, которые не имеют физического присутствия в Калифорнии [Ibid., p. 1640–1641]. Одна юридическая фирма предупреждает своих клиентов из Великобритании, что «сфера действия ССРА выходит за пределы Калифорнии и США; он может применяться к предприятиям, базирующимся в Великобритании, в зависимости от уровня взаимодействия с жителями Калифорнии и их личной информацией» [Timmons, Chabinsky, Pittman, 2020]; см. также L. Determann [2018]: «С 1 января 2020 г. компании по всему миру должны соблюдать дополнительные правила, связанные с обработкой персональных данных жителей Калифорнии».

получения прибыли» и собирают личную информацию потребителей (в соответствии с широким определением ССРА), либо такая информация собирается от их имени, при том что они самостоятельно определяют или участвуют совместно со сборщиком информации в определении целей и средств обработки такой информации [Ibid., p. 1638–1639]³⁷. Для применения ССРА предприятия должны соответствовать одному или нескольким из следующих пороговых значений:

- а) иметь годовую валовую выручку, превышающую 25 млн долл. США, скорректированную в соответствии с п. (5) подраздела (а) раздела 1798.185;
- б) ежегодно покупать, получать для коммерческих целей, продавать или передавать в коммерческих целях, самостоятельно или совместно с другими юридическими лицами, личную информацию 50 тыс. или более потребителей, домохозяйств или устройств;
- с) получать 50% или более своей годовой выручки от продажи личной информации потребителей [ССРА, 2020 §1798.140(с)(1)].

Таким образом, при достижении хотя бы одного из вышеуказанных пороговых значений ССРА применяется к предприятиям, описанным выше, даже если они не имеют физического присутствия в Калифорнии.

б. Предлагаемый Закон о конфиденциальности штата Вашингтон

Хотя на данном этапе это всего лишь законопроект, штат Вашингтон также рассматривает предложение по нормам конфиденциальности данных с экстерриториальной сферой действия — Второй замещающий законопроект Сената 6281 [2020], кратко называемый «Вашингтонский закон о конфиденциальности» [Ibid., §1]. Предлагаемый Вашингтонский закон о конфиденциальности будет применяться к юридическим лицам, которые ведут бизнес в штате Вашингтон или «производят товары или услуги, предназначенные для жителей Вашингтона» [Ibid., §4(1)], при условии соблюдения одного или нескольких из следующих условий:

- а) в течение календарного года контролирует или обрабатывает персональные данные 100 тыс. или более потребителей;
- б) получает более 50% валовой выручки от продажи персональных данных и обрабатывает или контролирует персональные данные 25 тыс. потребителей или более [Ibid., §4(1)(a)–(b)].

Интересно отметить, что влияние GDPR упоминается в законодательных выводах Вашингтонского закона о конфиденциальности:

Общий регламент ЕС о защите данных продолжает влиять на политику конфиденциальности данных и практику тех компаний, которые конкурируют на мировых рынках. В связи с отсутствием федеральных стандартов Вашингтон и другие штаты США анализируют элементы GDPR, чтобы ввести в действие нормативные меры по защите конфиденциальности данных на уровне штатов [Ibid., §2(3)].

Таким образом, ЕС и некоторые штаты США приняли или принимают законы о конфиденциальности данных с экстерриториальным действием, расширяя сферу действия своего законодательства за пределы собственных границ. Штаты США находят-

³⁷ Требование о том, чтобы компании определяли цели и средства обработки, почти соответствует определению «контролера» в GDPR, заменяя «персональные данные» на «персональную информацию потребителей» [GDPR, 2016, art. 4(7)].

ся под влиянием GDPR. При этом дополнительную сложность создают другие страны, которые приняли законы о локализации данных.

В. Законы о локализации данных

Применяя другой подход, некоторые страны решают вопрос регулирования потоков данных, вводя требования к локализации данных. Особенно это касается Китая и России.

1. Закон Китая о кибербезопасности

Китай ввел требование о хранении данных в пределах своих границ для компаний [Segal, 2018, p. 12]. Отражая приоритет, отдаваемый локализации Пекином, ст. 37 Закона о кибербезопасности, который вступил в силу 1 июня 2017 г. [Sacks, 2017], гласит:

Операторы критической информационной инфраструктуры, которые собирают или производят личную информацию или важные данные во время операций на материковой территории КНР, должны хранить их [Ibid.]. Если из-за потребностей бизнеса действительно необходимо делать это за пределами материка, они должны следовать мерам, совместно сформулированным государственными органами по кибербезопасности и информатизации и соответствующими департаментами Государственного совета, для проведения оценки безопасности; если законами и административными положениями предусмотрено иное, необходимо следовать им [Creemers, Triolo, Webster, 2018]³⁸.

Юйси Вэй утверждает, что принятие этих положений о локализации данных следует рассматривать как указание на то, что «все иностранные компании обязаны сотрудничать с китайскими центрами обработки данных в части хранения данных» [Wei, 2018].

Закону Китая предшествовал закон его крупного евразийского соседа — России.

а. Российский закон о локализации данных

Другие страны, помимо Китая, также приняли требования к локализации персональных данных. В частности, в России принят закон, требующий, чтобы все базы, в которых хранятся персональные данные российских граждан, физически находились в России [Ibid.]. Он предусматривает:

При сборе персональных данных, в том числе посредством информационно-телекоммуникационной сети Интернет, оператор обязан обеспечить запись, систематизацию, накопление, хранение, уточнение (обновление, изменение), извлечение персональных данных граждан Российской Федерации с использованием баз данных, находящихся на территории Российской Федерации, за исключением случаев, указанных в пп. 2, 3, 4, 8 ч. 1 ст. 6 настоящего Федерального закона [Федеральный закон № 242-ФЗ, 2014].

В определенной степени раскрытие Эдвардом Сноуденом программ массовой слежки Агентства национальной безопасности США мотивировало призывы к введению таких требований [Hon, 2017, p. xii]³⁹, как и продвижение работы по принятию

³⁸ Этот текст взят из неофициального перевода Закона о кибербезопасности Китая, предоставленного аналитическим центром New America.

³⁹ «Призывы к новым и более строгим законам о локализации данных были вызваны, в частности, разоблачениями Эдварда Сноудена в 2013 г. («разоблачения Сноудена») о массовом сборе и пере-

GDPR [Voss, 2014b, p. 20]⁴⁰. Более того, В. Куан Хон описывает ограничение ЕС на передачу персональных данных (в версии Директивы 1995 г.) как «используемое для регулирования физического местонахождения персональных данных как такового, а не для обеспечения того, чтобы передаваемые персональные данные обрабатывались в соответствии с основными принципами [Директивы 1995 г.]» [Ibid., p. 318].

С. Заключение относительно мер законодательных органов

Законодательные меры в связи с отсутствием согласованных на международном уровне законов о конфиденциальности данных привели к принятию различных законов с экстерриториальным действием, в частности в ЕС и Калифорнии, а также законов о локализации данных, в частности в Китае и России. Эти изменения в законодательстве привели к тому, что было названо термином «сплинтернет», описывающим тенденцию к фрагментации Интернета и предупреждающим о риске экономического ущерба, препятствий для цифровых инноваций и ограничения свободы слова [The Economist, 2016]. Этот контекст требует изучения недавних проблем и рисков и анализа формируемых ими уроков для бизнеса. Иностранное регулирование и геополитические соображения, иногда отражающие иностранные стратегические цели, являются элементами геополитической среды международных трансграничных потоков данных. Компании должны понимать эти сложные вопросы, чтобы соблюдать законы о конфиденциальности данных, которые применяются при движении как вверх, так и вниз по цепочке поставок потоков данных. Важно отметить, что они также должны понимать и соблюдать ограничения ЕС на трансграничную передачу персональных данных и любые соответствующие международные соглашения, относящиеся к вопросам трансграничных потоков данных.

III. Ограничение ЕС на трансграничную передачу персональных данных и связанные с ним международные соглашения

Как действующее, так и более раннее законодательство ЕС о защите данных включает трансграничное ограничение на передачу персональных данных при определенных обстоятельствах, хотя Комиссия заключила международные соглашения для обеспечения сохранения потоков данных. В данном разделе анализируется ограничение на трансграничную передачу персональных данных в законодательстве ЕС и международных соглашениях. (Предварительно.)

А. Ограничение на трансграничную передачу персональных данных в законодательстве ЕС

Законодательство ЕС о защите данных, предшествовавшее GDPR, а именно Директива ЕС 95/46/ЕС [Директива 1995 г.], в своей первой статье ставит двойную цель:

- 1) В соответствии с настоящей Директивой государства-члены должны защищать основные права и свободы физических лиц и, в частности, их право на неприкосновенность частной жизни в отношении обработки персональных данных.

хвате Агентством национальной безопасности США (АНБ), разведывательным агентством Великобритании (GCHQ) и другими правительственными структурами цифровых данных граждан многих стран».

⁴⁰ «Раскрытие информации Сноуденом, вероятно, сыграло роль в голосовании Комитета по гражданским свободам, юстиции и внутренним делам (LIBE) в парламенте и продвижении GDPR».

2) Государства-члены не должны ни ограничивать, ни запрещать свободный поток персональных данных между государствами-членами по причинам, связанным с защитой, предоставляемой в соответствии с §1 [Ibid., p. 1]⁴¹.

В то время как фундаментальные права указаны первыми, вторая цель не менее важна и направлена на развитие единого рынка ЕС. Новая пятая свобода — свободное перемещение персональных данных [Lynskey, 2015, p. 50]⁴² — должна присоединиться к существующим четырем свободам: свободному перемещению товаров, услуг, капитала и граждан [Fuster, 2014, p. 134]⁴³.

Идея состояла в том, чтобы еще больше усилить интеграцию того, что ранее было известно как общий рынок, позволяя компаниям передавать персональные данные в пределах этого экономического пространства в связи с деятельностью, осуществляемой за пределами национальных границ, а также в научных и других целях, при этом гармонизируя законодательство по защите данных государств-членов [Lynskey, 2015, p. 49], поскольку Директива 1995 г. должна была применяться через национальное законодательство. Орла Лински поясняет, что в европейских договорах не было оснований для устранения препятствий для свободного потока таких данных, поэтому ЕС вместо этого решил использовать для законодательства о защите данных основание улучшения функционирования внутреннего рынка [Ibid., p. 50]⁴⁴.

Хотя Директива 1995 г. была направлена на то, чтобы позволить персональным данным свободно перемещаться в пределах границ ЕС, она ввела ограничение на трансграничную передачу персональных данных в определенных случаях в страны за пределами ЕС. Требовалось, чтобы принимающая страна (называемая «третьей страной») обеспечивала «адекватный уровень защиты» таких персональных данных [Директива 1995 г., p. 25(1)]. Адекватность защиты должна была «оцениваться в свете всех обстоятельств, связанных с операцией или набором операций по передаче данных», включая «правовые нормы, как общие, так и отраслевые, действующие в данной третьей стране, а также профессиональные правила и меры безопасности, которые соблюдаются в этой стране» [Ibid., p. 25(2)].

Ограничение на передачу было предназначено для того, чтобы компании не пытались уклониться от Директивы 1995 г., участвуя в операциях по обработке за пределами ЕС [Drezner, 2007, p. 104]. Оно оказало влияние, поскольку несколько стран изменили

⁴¹ Соответствующие положения GDPR аналогичны положениям Директивы 1995 г. с добавлением вводной фразы, касающейся предмета GDPR. Они таковы: «Настоящий Регламент устанавливает правила защиты физических лиц в связи с обработкой персональных данных и правила свободного перемещения персональных данных. Настоящий Регламент защищает фундаментальные права и свободы физических лиц, в частности, их право на защиту персональных данных. Свободное движение персональных данных в рамках ЕС не должно быть ни ограничено, ни запрещено по причинам, связанным с защитой физических лиц в отношении обработки персональных данных» [GDPR, 2016, art. 1].

⁴² «ЕС решил обеспечить свободный поток данных за счет положительной интеграции, создав гармонизированную правовую среду посредством Директивы [1995], чтобы устранить все несоответствия, которые могли бы создать препятствия для свободного потока персональных данных».

⁴³ «Принципы свободного перемещения товаров, граждан, услуг и капитала всегда считались крайне важными для права Сообщества». Фустер описывает связь между свободным потоком личных данных и этими четырьмя свободами, указывая, что «тем не менее остается неясным, служит ли свободный поток (или движение) данных свободному перемещению товаров, граждан, услуг или капитала» [Ibid., p. 135] (цитата опущена).

⁴⁴ Действительно, Лински отмечает, что «из-за отсутствия у ЕС компетенции принимать законодательство об основных правах», Суд Европейского союза (СЕС) «первоначально подчеркивал цель рыночной интеграции защиты данных, но с осторожностью относился к аспекту основных прав» [Ibid., p. 47].

свое законодательство, пытаясь выполнить требования адекватности. Однако США, напротив, поощряли меры саморегулирования [Ibid.],⁴⁵ что согласуется с саморегулируемым характером американской федеральной политики в области конфиденциальности данных [Voss, 2019, p. 435].

Считалось, что США не обеспечивают адекватный уровень защиты [Bessette, Naufler, 2001, p. 81]⁴⁶, опасаясь «потенциально пагубного воздействия ограничения на передачу данных на деловые интересы [США]». Торговый оборот на сумму до 120 млрд долл. США оказался под угрозой [Bygrave, 2014, p. 194], и в результате ЕС и США заключили международное соглашение, известное как «Безопасная гавань» [Ibid., p. 195]. Это соглашение и его преемник, Privacy Shield, обсуждаются ниже. Важно отметить, что до завершения работы над Privacy Shield ЕС принял GDPR, который 25 мая 2018 г. отменил и заменил Директиву 1995 г. [GDPR, 2016, arts. 94, 99].

Хотя GDPR содержит изменения по сравнению с Директивой 1995 г., он является скорее эволюцией предыдущего закона, а не «радикальным отходом» от прежнего подхода, особенно в области передачи персональных данных в третьи страны [Kuner et al., 2020, p. 775]. GDPR устанавливает общий принцип, согласно которому передача персональных данных, подвергающихся обработке (или подлежащих обработке после передачи), либо за пределы ЕС, либо в международную организацию, должна соответствовать положениям главы V Регламента. GDPR требует такого соответствия, для «обеспечения того, чтобы уровень защиты физических лиц, гарантированный <GDPR>, не подрывался» [GDPR, 2016, p. 44]⁴⁷. Дальнейшие передачи данных также подпадают под это требование [Ibid.].⁴⁸ Хотя термин «последующие передачи» не определен, он относится к дальнейшим передачам в другую страну за пределами ЕС (или Европейской экономической зоны) или другую международную организацию, которые являются распространенной практикой [Kuner et al., 2020, p. 763]⁴⁹.

Передача может осуществляться на основании решения Европейской комиссии об адекватности, в рамках которого Еврокомиссия «установила, что третья страна, территория или один, или несколько определенных секторов этой третьей страны или соответствующей международной организации обеспечивает адекватный уровень защи-

⁴⁵ Эта угроза оказалась достаточно серьезной, чтобы Австралия, Канада и страны Восточной Европы пересмотрели свои законы в попытке соответствовать предпочтениям ЕС. Однако в ответ США призвали американские транснациональные корпорации к созданию механизмов саморегулирования, которые соответствовали бы стандартам ЕС. Были разработаны наборы добровольных принципов, таких как предоставленные TRUSTe и BBBOnline.

⁴⁶ «США настойчиво утверждали, что личная информация, передаваемая в США, будет должным образом защищена саморегулированием отрасли. ЕС последовательно отказывался признать американскую систему как обеспечивающую адекватную защиту конфиденциальности в соответствии с Директивой о данных. Американские переговорщики несколько раз возвращались к попыткам изменить свои предложения, по-прежнему придерживаясь саморегулирования как основного принципа защиты конфиденциальности».

⁴⁷ Это обязательство распространяется и на контролеров, и на процессоров. Следует отметить, что, в отличие от GDPR, CCPA не содержит ограничений на трансграничную передачу данных. См. [Illman, Illman, 2019/2020, p. 1646].

⁴⁸ «В том числе... дальнейших передач данных из третьей страны или международной организации в другую третью страну или в другую международную организацию».

⁴⁹ «Последующие передачи распространены на практике, поскольку данные часто реэкспортируются третьим лицам импортером данных. Примером может служить аутсорсинг базы данных импортеру данных в третьей стране, который затем передает обслуживание базы данных на аутсорсинг сторонней компании».

ты» [GDPR, 2016, p. 45(1)]⁵⁰. Решения об адекватности приняты в отношении Андорры, Аргентины, Канады (для коммерческих организаций), Фарерских островов, Гернси, Израиля, острова Мэн, Японии, Джерси, Новой Зеландии, Швейцарии, Уругвая и США (но исключительно в рамках Privacy Shield), а переговоры с Южной Кореей по этому вопросу продолжаются [ЕС, n. d.]. Это далеко не большинство не только из 194 стран мира, но и от их числа без учета государств — членов ЕС [World Atlas, n. d.]⁵¹.

Для остальных стран, в отношении которых не принято решение Еврокомиссии об адекватности, должны существовать другие основания для трансграничной передачи персональных данных — то, что в GDPR называется «надлежащими гарантиями» [GDPR, 2016, p. 46(1)]. Эти надлежащие гарантии предназначены для «компенсации отсутствия защиты данных» в стране назначения [Ibid., recital 108] и могут включать «имеющий обязательную юридическую силу и обязательный к исполнению инструмент между органами государственной власти или ведомствами» [Ibid., p. 46(2)(a)], обязательные корпоративные правила (ОКП) [Ibid., art. 46(2)(b)]⁵², стандартные условия о защите данных, принятые Еврокомиссией [Ibid., p. 46(2)(c)]⁵³ или принятые надзорным органом и утвержденные Еврокомиссией [GDPR, 2016, p. 46(2)(d)]⁵⁴, утвержденный кодекс поведения [Ibid., art. 46(2)(e)] или утвержденный механизм сертификации [Ibid., art. 46(2)(f)] вместе с «обязательными и обладающими силой принудительного исполнения обязательствами контролера или процессора в третьей стране применять надлежащие гарантии, в том числе в отношении прав субъектов данных».

⁵⁰ «Международная организация» — это «организация и ее подчиненные органы, действующие на основе международного публичного права, или любой другой орган, учрежденный соглашением между двумя или более странами или на основе такого соглашения» [Ibid., art. 4(26)]. GDPR устанавливает критерии, которые необходимо учитывать при оценке адекватности уровня защиты, такие как верховенство закона, соблюдение прав человека, соответствующее законодательство, «в том числе правила дальнейшей передачи персональных данных в другую третью страну...» [Ibid., art. 45(2)(a)]. Кроме того, среди критериев фигурируют наличие и функционирование независимого надзорного органа и международные обязательства в отношении защиты персональных данных [Ibid., art. 45(2)(b)–(c)]. Однако для того, чтобы считаться адекватным, уровень защиты не должен быть идентичен уровню ЕС, а должен быть «эквивалентным по существу» [Voss, 2019, p. 459].

⁵¹ В мире насчитывается около 194 стран, хотя подсчеты различаются. См. также EU [n. d.] (Из этого общего числа необходимо вычесть все государства — члены ЕС — их 27 после Брексита); [EU, n. d.] (из примерно 167 стран, которым потребуются решения об адекватности, чтобы разрешить свободный поток персональных данных граждан ЕС в такие страны, только перечисленные выше государства получили такое решение).

⁵² «Обязательные корпоративные правила» — это «политики защиты персональных данных, которые соблюдает контролер или процессор, имеющий организационную единицу на территории государства-члена, применительно к передачам или совокупности передач персональных данных контролеру или процессору, находящемуся в одной или нескольких третьих странах, внутри одной группы субъектов хозяйствования или группы предприятий, осуществляющих совместную экономическую деятельность» [Ibid., art. 4(20)]. Предприятие определяется как «физическое или юридическое лицо, осуществляющее экономическую деятельность, независимо от организационно-правовой формы, в том числе товарищества или ассоциации, систематически осуществляющие экономическую деятельность» [Ibid., art. 4(18)]. Наконец, «группа субъектов хозяйствования» включает «контролирующий субъект хозяйствования и подконтрольные ему субъекты хозяйствования» [Ibid., art. 4(19)].

⁵³ Это договорные положения, относящиеся к экспортерам данных, расположенным в ЕС, и импортерам данных в третьей стране, в которых излагаются обязательства по обеспечению определенной защиты персональных данных. Их текст стандартизирован и принят Европейской комиссией [Kuner et al., 2020, p. 799].

⁵⁴ Они аналогичны договорным положениям. Разница заключается в том, что они принимаются надзорным органом (вместо Еврокомиссии) с последующим утверждением Еврокомиссией.

Кроме того, существуют определенные «отступления» [Bridge, 1994, p. 78]⁵⁵ от ограничения на трансграничную передачу персональных данных, установленного GDPR, когда передача может быть осуществлена без решения об адекватности или надлежащих гарантий. Во-первых, отступление доступно, если субъект данных дал «явное информированное согласие на передачу» [GDPR, 2016, p. 49(1)(a)]⁵⁶. Отступление может также применяться, когда передача необходима по одной из следующих пяти причин: (1) «выполнение договора между контролером и субъектом данных» [Ibid., p. 49(1)(b)]⁵⁷; (2) «заключение или исполнение договора, заключенного в интересах субъекта данных» [Ibid., p. 49(1)(c)]⁵⁸; (3) «важные причины общественного интереса» [Ibid., p. 49(1)(d)]; (4) «установление, осуществление или оспаривание правовых требований и исков» [Ibid., p. 49(1)(e)]; (5) «защита жизненно важных интересов субъекта данных или других лиц, если субъект данных физически или юридически не способен дать свое согласие» [Ibid., p. 49(1)(f)]. Наконец, отступление возможно, если передача персональных данных осуществляется из публичного регистра, открытого для ознакомления, если в конкретном случае соблюдаются условия для ознакомления, установленные законодательством ЕС или государства-члена [Ibid., p. 49(1)(g)]⁵⁹. Существует еще одно ограниченное основание для отступления: если не применяются другие отступления и не существует никаких других оснований для передачи (таких как решение об адекватности или надлежащие гарантии). В таком случае передача может осуществляться, если она «не имеет повторяющегося характера, касается только ограниченного количества субъектов данных» и необходима для обеспечения законных интересов контролера, «которые не превалируют над интересами или правами и свободами субъектов данных» [Ibid., p. 49(1)]. В таких случаях контролер должен, помимо прочего, обеспечить надлежащие гарантии защиты персональных данных и проинформировать как надзорный орган, так и субъекта данных о передаче, а также проинформировать субъекта данных о своих легитимных интересах [Ibid.].

Концепция ограничений на трансграничную передачу персональных данных не уникальна для ЕС. Например, Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), в которую сегодня входит большинство государств — членов ЕС, США, Канада и другие развитые страны и государства с формирующимися рынками [OECD, n. d.], разработала Руководящие принципы по защите неприкосновенности частной

⁵⁵ «Отступление» (“derogation”) — это термин, используемый в ЕС, который можно перевести с французского “dérogation” как «исключение из действия положения; освобождение, изъятие».

⁵⁶ Субъект данных должен быть проинформирован «о возможных рисках такой передачи персональных данных ввиду отсутствия решения об адекватной защите и соответствующих средствах защиты».

⁵⁷ Отступление также предусматривается в случае, когда передача необходима «для осуществления преддоговорных мер, принимаемых по запросу субъекта данных».

⁵⁸ Это отступление предусматривает, что «передача необходима для заключения или исполнения договора, заключенного в интересах субъекта данных между контролером и другим физическим или юридическим лицом».

⁵⁹ «Передача ведется из регистра, который, согласно праву ЕС или государства-члена, предназначен для предоставления информации общественности и открыт для ознакомления широкой общественностью или любым лицом, которое может продемонстрировать легитимный интерес, но только в той мере, насколько в каждом отдельном случае выполняются условия для ознакомления, установленные правом ЕС или государства-члена». Однако передача, согласно этому положению, не должна включать в себя «все персональные данные или все категории персональных данных, содержащиеся в регистре», и если ознакомление осуществляется лицами, «имеющими легитимный интерес», указанные лица должны подать запрос на передачу данных или являться получателями данных [Ibid., art. 49(2)].

жизни и трансграничной передаче персональных данных (Руководящие принципы ОЭСР) [OECD, 1980]. Это не имеющие обязательной силы, но оказывающие существенное влияние руководящие принципы, которые допускают законные ограничения на свободу потока персональных данных, приведенные в приложении к данной статье. Законные ограничения были также предусмотрены в обновленном тексте Руководящих принципов ОЭСР 2013 г. [OECD, 2013], хотя они были изменены по сравнению с более ранней версией документа, что также показано в приложении.

Кроме того, как Конвенция о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных [Конвенция 108, 1981], так и Модернизированная конвенция 108 (Конвенция 108+) [COE, 2018a] допускают ограничения на трансграничную передачу персональных данных в определенных обстоятельствах. Совет Европы подготовил сравнительную таблицу соответствующих текстов Конвенции 108 с поправками и Конвенции 108+ [COE, 2018b]. Однако США не являются стороной ни одной из этих двух версий Конвенции 108 [COE, n. d., a, n. d., b], хотя Еврокомиссия и призвала их присоединиться [EC, 2018a, p. 6].

Кроме того, Еврокомиссия согласовала исключение для защиты данных из Генерального соглашения по торговле услугами (ГАТС) с целью защиты от возможного оспаривания своей политики со стороны США [Farrell, Newman, 2019, p. 32]⁶⁰. Соответствующее общее исключение из ГАТС сформулировано следующим образом:

При условии, что такие меры не будут применяться способом, который создает средства произвольной или неоправданной дискриминации между странами, где преобладают схожие условия, или скрытые ограничения для торговли услугами, ничто в настоящем Соглашении не понимается как препятствие любому члену принимать или применять меры: ... (с) необходимые для соблюдения законов или правил, которые соответствуют положениям настоящего Соглашения, включая имеющие отношение к: ... (ii) защите от вмешательства в частную жизнь отдельных лиц при обработке и распространении сведений личного характера и защите конфиденциальности сведений о личной жизни и счетов [GATT, art. XIV (c)(ii)];

Эксперты отмечают, что до сих пор не было инициировано ни одного разбирательства, в котором изъятие в целях защиты данных использовалось бы в качестве защиты [MacDonald, Streatfeild, 2014, p. 638]⁶¹. Кроме того, когда ЕС и США вели переговоры о заключении соглашения о Трансатлантическом торговом и инвестиционном партнерстве (ТТИП), защита данных была камнем преткновения, учитывая трансатлантические расхождения по этому вопросу [Burri, 2017, p. 438]⁶². Некоторые могут возразить, что «вопреки распространенному мнению, безопасность и конфиденциальность в Интернете могут способствовать свободному потоку данных и торговле цифровыми услугами, при условии, что они являются последовательными и разумными и поддерживают глобальные интероперабельные стандарты» [Mishra, 2019, p. 501]. Однако ГАТС и

⁶⁰ «Чтобы торговый режим не влиял на европейские правила конфиденциальности, Европейская комиссия договорилась об исключении в отношении конфиденциальности из Генерального соглашения о торговле услугами, которое вступило в силу в середине 1990-х годов. Это изъятие, в свою очередь, помешало будущим усилиям США по оспариванию правил ЕС о конфиденциальности как протекционистского барьера для торговли услугами» (цитата опущена).

⁶¹ «Исключение ГАТС для защиты конфиденциальности личных данных не было проверено комиссией по урегулированию споров и не вызвало особого интереса в оживленных переговорах по ГАТС» (цитата опущена). См. также [Blume, 2018, p. 819].

⁶² «Подходы США и ЕС к защите конфиденциальности на данном этапе едва ли совместимы» (цитата опущена).

предложенное ТТИП — не единственные международные соглашения, имеющие отношение к нашему обсуждению трансграничных потоков данных.

В. Роль международных соглашений

Как будет показано в данном разделе, международные соглашения помогают обеспечить трансграничную передачу персональных данных. В этой статье уже упоминалось одно существовавшее ранее международное соглашение, затрагивающее трансатлантические потоки данных: Рамочное соглашение «Безопасная гавань» между США и ЕС. Соглашение «Безопасная гавань», которое одна женщина — член Конгресса США назвала «малоизвестным торговым соглашением между США и ЕС» [Eshoo, 2015], стало результатом переговоров между Министерством торговли США и Европейской комиссией в 2000 г., вскоре после 1988 г., когда Директива 1995 г. и ее ограничение на трансграничную передачу персональных данных должны были быть отражены в национальном законодательстве государств — членов ЕС [Voss, 2016a, p. 9; Drezner, 2017, p. 104–105].

В «Безопасной гавани» участвовали компании, самостоятельно сертифицирующие соблюдение соответствующих принципов, в результате чего они считались соблюдающими Директиву 1995 г., особенно в том, что касается прав субъектов данных [Voss, 2016a, p. 9]. В свою очередь, компании могли передавать личные данные через Атлантику в США, которые в иных случаях не могли воспользоваться определением адекватности. Компании также попадали под юрисдикцию американских ведомств, главным образом Федеральной торговой комиссии, в случае нарушения обязательств [Ibid.].

Однако соблюдение США Директивы 1995 г. и соглашения «Безопасная гавань» характеризовалось как «неопределенное» [Drezner, 2017, p. 105]. Федеральная торговая комиссия не проявляла инициативы в отношении мониторинга соблюдения соглашения до 2009 г. и не обеспечивала его выполнение до 2011 г. [Voss, 2016a, p. 11; Connolly, van Dijk, 2016, p. 261, 277, 278–281⁶³]. Первые обзоры ЕС по соглашению «Безопасная гавань» выражали обеспокоенность по поводу несоблюдения требований и отсутствия правоприменения со стороны США, но в ответ Федеральная торговая комиссия и Министерство торговли США не предприняли никаких действий [Connolly, van Dijk, 2016, p. 263].

В 2013 г., после разоблачений Эдварда Сноудена, которые показали, что несколько компаний, сертифицированных в рамках «Безопасной гавани», передавали личные данные властям США, Комиссия подготовила документы, направленные на восстановление доверия к потокам данных между ЕС и США и включающие призывы к определенным действиям, направленным как на США, так и на ЕС⁶⁴. Разоблачения Сноудена также послужили основой для важного дела, рассматривавшегося СЕС, Шремс I, которое в конечном итоге привело к аннулированию соглашения «Безопасная гавань» [Case C-362/14, 2015].

В рамках этого дела гражданин Австрии по фамилии Шремс [Ibid., paragraph 26] подал жалобу на надзорный орган Ирландии за отклонение жалобы на Facebook [Ibid., paragraph 2]. Он основывал свою жалобу главным образом на претензиях к «Безопасной гавани» — механизму, с помощью которого ирландская дочерняя компания Facebook (Facebook Ireland Ltd.) могла передавать его личные данные в США [Ibid., paragraph

⁶³ Авторы говорят о «длительных периодах (2000–2008, 2010–2011 и 2012–2013 гг.) абсолютного отсутствия правоприменительной деятельности».

⁶⁴ Примеры этих призывов к действию включают, помимо прочего, требования быстрого принятия GDPR, усиления «Безопасной гавани» и обеспечения того, чтобы законодательство США защищало личные данные лиц в ЕС, а не только граждан США [Voss, Woodcock, 2016, p. 70; EC, 2013].

67]⁶⁵. Там американские власти могли получить доступ к данным, утверждал он, при отсутствии надлежащей защиты от массовой слежки [Ibid., paragraph 28]. Facebook Ireland Ltd. являлась контролером данных в соответствии с Директивой 1995 г., которая наделяла ирландский надзорный орган юрисдикцией [Voss, 2016a, p. 10]. Дело было передано в СЕС, признавший недействительным соглашение «Безопасная гавань» [Ibid.].

В условиях, когда подход «Безопасной гавани» больше нельзя было использовать, требовалось новое международное соглашение, обеспечивающее трансатлантические трансграничные потоки данных. Тысячи компаний должны были найти другое основание адекватности, чтобы отправлять персональные данные в США [Ibid., p. 10–11]. После интенсивных переговоров (и повторных обсуждений) [Ibid., p. 11–12]⁶⁶ было заключено Privacy Shield — новое рамочное международное соглашение, а Комиссией было принято соответствующее решение об адекватности [EC, 2016].

В целом Privacy Shield обеспечило дополнительную защиту субъектов данных. К ней относятся обязательства государственных органов США по поддержке мер защиты, таких как принципы защиты данных (например, ограничение цели). Кроме того, Privacy Shield включает механизмы помощи для субъектов данных, такие как использование арбитража и обращение к омбудсмену, а также определенные ограничения на хранение данных и дальнейшую передачу персональных данных [Voss, 2016b, p. 231–232]. Однако Privacy Shield по своей сути не является механизмом обеспечения соблюдения GDPR. Это соглашение скорее служит основой для выполнения требований положений GDPR о трансграничной передаче данных, что достигается за счет появления основания считать, что американские организации, сертифицированные в рамках Privacy Shield, обеспечивают адекватную защиту персональных данных Privacy Shield Framework [n. d., a]⁶⁷.

Хотя Privacy Shield является одной из форм надлежащей гарантии для трансграничной передачи персональных данных, оно также подлежит контролю в форме ежегодного обзора Комиссией⁶⁸ и через суды, когда заявляются нарушения базовых прав на неприкосновенность частной жизни и защиту данных (например, как в случае дела Шремса I, касающегося предшественника Privacy Shield, «Безопасной гавани», о котором говорилось выше). Privacy Shield прошло первые два ежегодных обзора, при этом в него были внесены определенные улучшения, но, как отметила Комиссия, остались открытыми некоторые вопросы [Houser, Voss, 2018b]. Также состоялся третий ежегодный

⁶⁵ В этом случае соглашение о «Безопасной гавани» обозначается номером решения Еврокомиссии о его адекватности: Решение 2000/520.

⁶⁶ Переданы ощущения от этого процесса.

⁶⁷ «Вопрос: будет ли Privacy Shield продолжать служить механизмом передачи данных в соответствии с Общим регламентом ЕС по защите данных (GDPR)? Важно отметить, что Privacy Shield не является механизмом соблюдения GDPR, а представляет собой механизм, который позволяет участвующим компаниям выполнять требования ЕС по передаче персональных данных в третьи страны, обсуждаемые в главе V GDPR».

⁶⁸ Ежегодный обзор Shield Framework принимает форму «Совместного механизма проверки функционирования Privacy Shield», описываемого следующим образом: «Министерство торговли, Федеральная торговая комиссия и другие агентства, в зависимости от обстоятельств, будут проводить ежегодные встречи с Еврокомиссией, заинтересованными органами по защите данных и соответствующими представителями Рабочей группы по ст. 29, на которых министерство будет предоставлять обновленную информацию о программе Privacy Shield. Ежегодные встречи будут включать обсуждение текущих вопросов, связанных с функционированием, внедрением, надзором и обеспечением соблюдения Privacy Shield, включая вопросы, адресованные министерству органами по защите данных, результаты проверок соблюдения ex officio, а также могут включать обсуждение соответствующих законодательных изменений» [EC, 2016, Annex I].

обзор, по итогам которого Комиссия отметила несколько моментов для улучшения, в том числе пункт о дальнейшей передаче данных:

В контексте процедуры выборочной проверки Министерству торговли следует оценивать соблюдение компаниями Принципа подотчетности в рамках дальнейшей передачи данных, в том числе путем использования возможности, предоставляемой Privacy Shield, для запроса краткого изложения или репрезентативной копии положений о конфиденциальной информации контракта, заключенного компанией, сертифицированной в рамках Privacy Shield, для целей дальнейшей передачи [ЕС, 2019а, р. 8].

Комиссия потребовала, чтобы Министерство торговли использовало свои полномочия для получения информации о контрактах, заключенных в целях дальнейшей передачи данных. ЕДРВ, в свою очередь, призвал к усилению соблюдения Privacy Shield. Он упомянул «отсутствие существенных проверок», особенно в области дальнейшей передачи данных, поддержав запрос Комиссии и объяснив, почему это важно:

Поскольку последующая передача может привести к передаче данных за пределы юрисдикции властей США и ЕС, туда, где, возможно, отсутствует защита данных, предусмотренная законом, крайне важно, чтобы компетентные органы США внимательно следили за практической реализацией «принципа ответственности за дальнейшую передачу» Privacy Shield [ЕДРВ, 2019b, р. 5].

Таким образом, существует потребность в более тщательном мониторинге дальнейшей передачи данных, в том числе из США в другие страны.

Кроме того, несмотря на то, что соответствующие гарантии были признаны Комиссией адекватными, это не означает, что суды будут относиться к ним так же. Это может ослабить возможности некоторых компаний для трансграничной передачи персональных данных в страны, в отношении которых не было принято другое решение об адекватности, по аналогии с принятием решения по делу Шремс I. С самого начала Privacy Shield рисковало столкнуться с такой проблемой [Voss, 2016a, р. 16], а в недавнем деле Шремс II использование стандартных положений контракта в качестве надлежащей гарантии защиты также подверглось критике [Houser, Voss, 2018b]⁶⁹. Несмотря на то что генеральный адвокат в этом деле высказался в пользу действительности стандартных положений контракта [Case C-311/18, 2019, paragraph 343]⁷⁰, его комментарий не является гарантией того, что СЕС примет решение в том же духе.

⁶⁹ «После признания соглашения о «Безопасной гавани» недействительным Шремс переформулировал свой иск (Шремс II), чтобы возразить против использования Facebook типовых договорных положений для передачи персональных данных в США по причинам, аналогичным причинам, указанным в деле Шремс I. В апреле 2018 г. Высокий суд Ирландии передал дело в Европейский суд для рассмотрения одиннадцати вопросов. Главный вопрос заключается в том, нарушает ли программа наблюдения правительства США право на защиту данных в соответствии с Хартией ЕС по правам человека» (цитаты опущены).

⁷⁰ Генеральный адвокат заявил: «Я предлагаю, чтобы Суд ответил на вопросы для предварительного решения, переданные Высоким судом Ирландии, следующим образом: анализ вопросов для предварительного решения не выявил ничего, что могло бы повлиять на действительность решения Комиссии 2010/87/EU от 5 февраля 2010 г. о стандартных договорных положениях для передачи персональных данных процессорам, созданным в третьих странах, в соответствии с Директивой 95/46/EU Европейского парламента и Совета с поправками, внесенными Исполнительным решением Комиссии (ЕУ) 2016/2297 от 16 декабря 2016 г.» (Интересно, что в предисловии, по-видимому, признавая важность будущего решения суда о трансграничных потоках данных и торговле, а также основные права, генеральный адвокат предварил обсуждение, заявив, что анализ будет «руководствоваться желанием найти баланс между, с одной стороны, необходимостью проявить “разумную степень прагма-

ЕС также стремится заключить другие международные соглашения в контексте переговоров по торговым сделкам. В январе 2019 г. Европейская комиссия приняла решение об адекватности в отношении Японии [ЕС, 2019b], разрешающее передачу персональных данных в обоих направлениях между торговыми партнерами в соответствии с «Дополнительными правилами, обеспечивающими более высокий уровень защиты прав и интересов отдельных лиц в отношении обработки личных данных, полученных из ЕС, на основании решения об адекватности», которые «обязательны для исполнения бизнес-оператором, занимающимся обработкой личной информации, который получает персональные данные, переданные из ЕС» [Ibid., p. 38]⁷¹. Обсуждение решения об адекватности было увязано с переговорами по торговому соглашению между ЕС и Японией [ЕС, 2018b]⁷². В силу важности трансграничных потоков данных для международной экономики ЕС стремится расширять сферу действия своих стандартов конфиденциальности данных параллельно с переговорами по международным торговым соглашениям. Как ранее указывала Европейская комиссия, ее намерение «после выработки правил ЕС по защите данных» заключалось в том, чтобы «разработать стратегию по продвижению международных стандартов защиты данных» [ЕС, 2017].

Решая, на какие страны ориентироваться, Комиссия рассматривает фактические или потенциальные коммерческие отношения с ними. Учитываются следующие аспекты: наличие соглашения о свободной торговле или ведение переговоров о нем со страной; потоки данных между ЕС и страной; роль, которую страна может сыграть как образец для своего региона в области конфиденциальности и защиты данных, а также политические отношения со страной [Ibid.]. В начале 2017 г. Комиссия указала, что ее цели в отношении будущих соглашений об адекватности заключаются в следующем:

Комиссия будет активно взаимодействовать с ключевыми торговыми партнерами в Восточной и Юго-Восточной Азии, начиная с Японии и Кореи, и, в зависимости от прогресса в модернизации ее законов о защите данных, с Индией, а также со странами Латинской Америки и европейскими соседями, которые выразили заинтересованность в получении «заключения об адекватности» [Ibid.].

Таким образом, в соответствии с концепцией конкурирующих стандартов [Drezner, 2007], ЕС активно продвигает свою концепцию защиты данных, включая принципы защиты для управления данными, по всему миру через международные торговые связи.

С. Заключение относительно ограничений ЕС на трансграничную передачу данных и международных соглашений

Таким образом, ЕС сохранил ограничение на трансграничную передачу персональных данных, введенное в Директиве 1995 г., в GDPR. Это положение, без каких-либо дополнительных мер, могло стать препятствием для международной передачи

тизма, чтобы обеспечить взаимодействие с другими частями мира», и, с другой стороны, необходимо утверждения фундаментальных ценностей, признанных в правовых документах Союза и его государств-членов и, в частности, в Хартии») [Ibid., paragraph 7].

⁷¹ Annex 1 — Supplementary Rules Under the Act on the Protection of Personal Information for the Handling of Personal Data Transferred from the EU Based on an Adequacy Decision.

⁷² Европейская комиссия заявила при обсуждении решения об адекватности: «Эта договоренность также дополнит Соглашение об экономическом партнерстве между ЕС и Японией, поскольку европейские компании получают выгоду от бесплатных потоков данных с этим ключевым коммерческим партнером, а также от привилегированного доступа к 127 млн японских потребителей. ЕС и Япония подтверждают, что в эпоху цифровых технологий продвижение высоких стандартов конфиденциальности и защиты персональных данных и содействие международной торговле должны и могут идти рука об руку».

персональных данных в США и другие страны, которые, как считается, не обеспечивают их надлежащей защиты. Международные соглашения, такие как Privacy Shield и Соглашение по решению об адекватности (и Дополнительные правила) с Японией, позволяют Комиссии сделать вывод об адекватности. В случае США и Японии он был сделан с учетом гарантий, предоставляемых такими странами (и компаниями в соответствии с Privacy Shield), которые позволяют считать, что страны обеспечивают адекватный уровень защиты данных. В свою очередь, вывод об адекватности разрешает передачу персональных данных в такие страны из ЕС в соответствии с GDPR. Другие соглашения и элементы соглашений, такие как ОКП и стандартные договорные положения, выполняют ту же функцию. Следует проявлять осмотрительность в связи с использованием таких инструментов из-за оспаривания действия Privacy Shield и стандартных договорных положений в судах. Необходимо также осуществлять мониторинг судебных разбирательств. Еще одна форма международного соглашения — контракты — важна для управления глобальными цепочками поставок персональных данных, особенно в контексте дальнейшей передачи в соответствии с Privacy Shield. Контракты обсуждаются подробнее в нашем анализе управления данными в соответствии с GDPR и Privacy Shield в следующем разделе.

IV. Управление данными в соответствии с GDPR и Privacy Shield

Одно из определений «управления данными», описываемое его автором как довольно узкое, — «рамки, формализующие роли, функции и процедуры таким образом, что данные организации надлежащим образом управляются и становятся стратегическим активом» [Cohn, 2015, p. 813]. Оно основано на процессах и требует глубокого понимания бизнеса компании, данных, которыми она обладает, и взаимосвязей между такими данными [Ibid., p. 814]. Процессы и политики управления данными охватывают хранение данных, их потоки и процедуры удаления [Trope, Power, 2005, p. 472]⁷³. В рамках организации должны быть четко идентифицированы конфиденциальные (чувствительные) данные и обеспечен контроль над их потоками [Power, Trope, 2006]⁷⁴. По словам одного юриста [fordhaipj@gmail.com, 2019]⁷⁵, которые соответствуют и позициям других экспертов, управление данными включает в себя защиту данных, соблюдение законодательства и «использование этих двух аспектов для установления прав на данные». Его ключевая функция — обеспечение доступности и качества данных [Engels, 2019, p. 217]. Режимы управления данными могут помочь компаниям соблюдать раз-

⁷³ Призыв к директорам и должностным лицам корпораций «сосредоточиться на политике и процедурах “управления данными”, которые касаются долгосрочного хранения, обычных информационных потоков и конечной утилизации» информационных активов, описывающий такое управление данными как комплексный процесс, который должен идти в ногу с развитием безопасности и конфиденциальности, чтобы «обеспечить соблюдение законов, положений, правил и постановлений суда».

⁷⁴ Авторы, пишущие для американского издания, используют термин «конфиденциальная информация» в целом, а не в том смысле, в каком он определяется Директивой 1995 г. или GDPR, где вместо этого используется термин «особые категории данных». Они видят необходимость идентификации таких данных «для обеспечения соблюдения соответствующих юридических обязательств по контролю и защите такой информации».

⁷⁵ Юрист, моменты выступлений которого на сессии по режимам управления данными 26-го Ежегодного симпозиума IPLJ представлены в этой части статьи — Борис Сегалис, партнер и глобальный вице-председатель подразделения Cyber/Data/Privacy компании Cooley LLP.

личные правовые режимы конфиденциальности данных [Trope, Power, 2005, p. 1105]⁷⁶. В данной статье обсуждение управления данными начинается с анализа требований GDPR, затем анализируется Privacy Shield и предлагаются выводы.

А. Управление данными в соответствии с GDPR

В соответствии с GDPR режимы управления данными должны обеспечивать контроль всей цепочки потока данных.

Первым шагом в соблюдении GDPR является идентификация обрабатываемых персональных данных, фиксация сведений об обработке и определение типов обрабатываемых данных [Voss, Houser, 2019, p. 289]. GDPR устанавливает несколько правил управления данными, многие из которых берут начало в принципах добросовестной информационной практики (FIPP) [Voss, 2019, p. 421], которые были сформулированы в отчете, подготовленном комитетом Министерства здравоохранения, образования и социального обеспечения США в 1973 г. [U.S. Department of Health, Education & Welfare, 1973]. Позже они были включены в Руководящие принципы ОЭСР по защите конфиденциальности и трансграничным потокам персональных данных (Руководящие принципы ОЭСР) [OECD, 2013]. Важность основополагающих FIPP невозможно переоценить⁷⁷, так же как и их развития в Руководящих принципах ОЭСР, которые повлияли на разработку принципов защиты данных, включенных в Директиву 1995 г., а затем и в GDPR [Voss, 2019, p. 415]. Однако более поздние инструменты дополнительно включили определенные права субъекта данных, такие как право на переносимость данных [GDPR, 2016, p. 20], право на их удаление (право на забвение) [Ibid., p. 17], а также придают большее значение подотчетности. В глобальном масштабе эти принципы защиты данных включают: качество данных, ограничение цели, целостность и конфиденциальность, прозрачность, права субъекта данных, подотчетность и законность обработки [Voss, 2019, p. 421–422].

Контролер несет большую часть ответственности за соблюдение требований по защите данных в соответствии с GDPR, хотя этот регламент также налагает определенные обязательства на процессора. В соответствии с концепцией подотчетности контролер должен «принимать соответствующие технические и организационные меры для обеспечения и получения возможности продемонстрировать, что обработка дан-

⁷⁶ О выступлении Энтони Форда, старшего советника по вопросам конфиденциальности данных в Medidata Solutions, в рамках той же сессии: «Режимы управления данными помогают поддерживать дисциплину и подотчетность компаний, отслеживая, где хранятся данные; для чего используются данные; кто имеет доступ к данным; сколько копий данных хранится: какой уровень безопасности требуется для разных данных». По словам Форда, результатом этой «разборчивости» является то, что организации получают «возможность соблюдать множество различных правовых режимов, регулирующих конфиденциальность данных».

⁷⁷ Роль FIPP признается в технологическом секторе, о чем свидетельствуют слова сотрудников корпорации Intel: Паула Брюнинг из Intel лаконично выразила важность FIPP, назвав их глобальным «общим языком конфиденциальности». Восемь FIPP ОЭСР уже более сорока лет лежат в основе законодательства о конфиденциальности, и они предлагают модель, позволяющую думать о конфиденциальности, которая намного больше, чем просто сведение к минимуму сбора и использования данных. FIPP оказались достаточно гибкими, чтобы десятилетиями применяться к технологическим инновациям, и по-прежнему адаптируются к нашей текущей среде. См. [Hoffman, Rimo, 2018, p. 555] (цитата опущена) (соавтор Дэвид А. Хоффман — заместитель главного юрисконсульта и сотрудник по вопросам глобальной конфиденциальности в корпорации Intel).

ных выполняется в соответствии» с GDPR [п. 24(1)]⁷⁸. Утвержденные кодексы поведения могут использоваться в качестве элемента демонстрации соблюдения принципов [Ibid., п. 24(3)]. Если контролер использует процессоров для выполнения обработки данных от своего имени, он «должен использовать только тех из них, которые обеспечивают достаточные гарантии по осуществлению соответствующих технических и организационных мер таким образом, чтобы обработка отвечала требованиям [GDPR] и обеспечивала защиту прав субъекта данных» [Ibid., п. 28(1)]. Кроме того, обработку должен регулировать договор (или «иной правовой акт»), в котором, в частности, указывается, что процессор «обрабатывает персональные данные только на основании документированных распоряжений от контролера, включая передачу персональных данных в третью страну или международную организацию...» [Ibid., п. 28(3)]. Если процессор нанимает другого процессора для выполнения конкретной обработки данных в соответствии с запросами контролера, он должен заключить договор, содержащий те же обязательства по защите данных, что и договор между ним и контролером [Ibid., п. 28(4)]. Любой вид договора может быть основан полностью или частично на стандартных договорных положениях [Ibid., п. 28(6)]⁷⁹ и должен быть оформлен в письменной форме (в том числе электронной) [Ibid., п. 28(9)]. В договоре также должна предусматриваться обязанность процессора соблюдать требования безопасности и конфиденциальности в соответствии с законодательством о защите данных [Voss, Woodcock, 2016, p. 89]⁸⁰ («целостность и конфиденциальность» — термин, используемый для обозначения принципа защиты данных согласно GDPR) [GDPR, 2016, p. 5(1)(f)]⁸¹.

В рамках обязательств по обеспечению прозрачности контролер должен информировать субъекта данных, среди прочего: (1) о получателях или категориях получателей обрабатываемых персональных данных [Ibid., п. 13(1)(e)]; (2) о том, намерен ли он передавать данные третьей стране или международной организации; и (3) о том, применяется ли решение об адекватности, чтобы разрешить такую передачу, либо с учетом каких надлежащих или подходящих гарантий передаются данные, а также как и где получить копию таких гарантий [Ibid., п. 13(1)(f)]. Если персональные данные получены контролером от третьей стороны, он должен получить необходимую информацию и иметь возможность предоставить ее субъекту данных [Ibid., п. 14]. Такая информация включает, например, источник персональных данных, а также сведения о том, были ли они получены из общедоступных источников [Ibid., п. 14(2)(f)].

Важно отметить, что контролер несет ответственность за ответ на запрос субъекта данных по осуществлению его или ее прав в соответствии с GDPR, обеспечивая содействие такой реализации прав [Ibid., п. 14(2)] и предоставляя информацию о действиях, предпринятых в ответ на запрос субъекта данных, «без неоправданной задержки и в

⁷⁸ Требуемые «соответствующие технические и организационные меры» «должны учитывать характер, объем, контекст и цели обработки, а также риск для прав и свобод физических лиц» [Ibid., recital (74)]. Дальнейшие указания относительно вида и степени рисков, о которых идет речь, даются в п. (75) и п. (76), а в преамбуле (77) — разъяснения о применении мер.

⁷⁹ Стандартные договорные условия комиссии предусмотрены в ст. 28(7); стандартные договорные положения надзорного органа в ст. 28(8).

⁸⁰ Авторы, которые обсуждают вопрос в контексте контракта между контролером и процессором, также рекомендуют, чтобы контракт позволял проводить аудит механизмов безопасности процессора.

⁸¹ «Персональные данные должны: обрабатываться способом, обеспечивающим соответствующую безопасность персональных данных, включая защиту от несанкционированной или незаконной обработки, а также от случайной потери, уничтожения или повреждения, с помощью соответствующих технических и организационных мер («целостность и конфиденциальность»).

любых случаях в течение одного месяца с момента получения запроса»⁸². Если контролер не предпринимает запрошенного действия, он должен сообщить субъекту данных о причинах этого в течение не позднее чем одного месяца с момента запроса и предоставить информацию о возможности подачи жалобы⁸³. В том случае, если действия, принятые после запроса на осуществление права субъекта, не являются «явно необоснованными или чрезмерными», они должны быть бесплатными для субъекта [GDPR, 2016, р. 12(5)].

В дополнение к уже упомянутым в разделе IV, права субъекта данных в соответствии с GDPR включают: (1) право доступа к персональным данным [Ibid., р. 15]; (2) право на исправление неточных и дополнение неполных персональных данных без неоправданной задержки [Ibid., р. 16]; (3) право на ограничение обработки при определенных обстоятельствах (например, когда точность данных оспаривается или когда обработка является незаконной) [Ibid., р. 18]; (4) право возражать против обработки данных в определенных обстоятельствах (например, в любых случаях, когда данные обрабатываются в явных целях маркетинга); и, (5) за некоторыми исключениями, «право не подвергаться решению, основанному исключительно на автоматизированной обработке, в том числе профилированию, вызывающему для него или нее юридические последствия или похожим образом существенно влияющему на него или нее» [Ibid., р. 22(1)].

Важным инструментом для обеспечения функциональной совместимости (интероперабельности) данных и, следовательно, управления данными, являются метаданные, предусматривающие возможности обнаружения и повторного использования [Cohn, 2015, р. 821]. Эксперт по безопасности Брюс Шнайер описывает метаданные как «данные о данных — информацию, которую компьютерная система использует для работы, или данные, являющиеся побочным продуктом этой операции» [Mayer-Schönberger, Ramge, 2018, р. 66⁸⁴; Schneier, 2015, р. 17]. Метаданные помогают [GDPR, 2016, р. 17(1)]⁸⁵ при ответах на запросы субъектов данных и обеспечении соблюдения требований субъектов данных в отношении реализации своих прав, таких как «право быть забытым» [Politou, Alepis, Patsakis, 2018, р. 15]⁸⁶. Как отмечает надзорный орган Великобритании, в отношении больших данных, для которых анонимизация важна, чтобы они больше не считались персональными данными и, следовательно, не подпадали под действие GDPR [GDPR, 2016, recital (26)]⁸⁷, метаданные являются инстру-

⁸² GDPR предусматривает, что такой срок может быть продлен при необходимости еще на два месяца «ввиду сложного характера запроса или количества запросов». В таком случае субъект данных должен быть проинформирован о необходимом дополнительном времени и причинах задержки [Ibid., art. 12(3)].

⁸³ Такая жалоба должна быть подана в надзорный орган [Ibid., art. 12(4)].

⁸⁴ Майер-Шенбергер и Рамге описывают использование метаданных, позволяющее «иметь эффективный способ маркировки и классификации информации», категориями «данные о данных».

⁸⁵ Субъект данных вправе требовать от контролера удаления без неоправданной задержки относящихся к нему персональных данных, контролер обязан незамедлительно удалить персональные данные, если применяется одно из следующих оснований...

⁸⁶ «...Архитектура на основе метаданных считается полезным элементом обеспечения и поддержки “права на забвение”..., метаданные сами по себе не могут гарантировать, что будут соблюдаться указанные принципы. Тем не менее это может облегчить их соблюдение, сделав их легкодоступными...».

⁸⁷ «Принципы защиты персональных данных не следует применять к анонимной информации, а именно информации, которая не относится к идентифицированному или к поддающемуся идентификации физическому лицу, а также они не должны применяться к персональным данным, анонимизированным таким образом, что субъектов данных вообще или более невозможно идентифицировать. Настоящий Регламент не следует применять к обработке такой анонимной информации, в том числе в статистических или научных целях».

ментом, помогающим при запросах субъектов данных на осуществление их прав в соответствии с законодательством, такие как право на доступ к своим личным данным:

Существование права доступа вынуждает организации практиковать надлежащее управление данными. Им нужны адекватные метаданные, возможность запрашивать данные, чтобы найти всю имеющуюся у них информацию о человеке, и знание того, действительно ли данные, которые они обрабатывают, были анонимизированы, или их все еще можно связать с человеком [ICO, 2017, p. 46].

Хотя метаданные — это один из способов обеспечения надлежащего управления данными, технологии, используемые сегодня в бизнесе, такие как облачные вычисления, создают определенные трудности для соблюдения соответствующих требований. Когда облачные провайдеры перемещают данные «исходя из нагрузки и других факторов», местонахождение данных в любой конкретный момент времени может быть неизвестно [Yoo, Blanchette, 2015, p. 186]. Это создает трудности в части трансграничной передачи, если местонахождением является страна, по которой не было принято решение об адекватности [Ibid., p. 155].

Орган по защите данных Франции — CNIL — предложил рекомендации в отношении облачных вычислений до принятия GDPR (хотя эти пункты остаются в силе и сегодня): «четко определить данные и операции обработки, которые будут переданы в облако»; «определить собственные требования к технической и правовой безопасности»; «провести анализ рисков для определения мер безопасности, необходимых для компании»; «определить соответствующий тип облака для планируемой обработки»; «выбрать поставщика услуг, предлагающего достаточные гарантии» [CNIL, 2012]⁸⁸.

Кроме того, Рабочая группа по защите данных, влиятельная консультативная группа, созданная в соответствии со ст. 29 Директивы 1995 г. [1995 Directive, p. 29(1)]⁸⁹, (которая была заменена EDPB в соответствии с GDPR) [EC, 2018c], высказала мнение, что в соглашениях об облачных услугах должно быть указано, где и кем должны обрабатываться данные, в дополнение к обеспечению «эффективного контроля и четкого распределения ответственности за деятельность по обработке данных» [Working Party, 2012, p. 9]. Необходимо тщательно продумывать вопросы управления персональными данными при обсуждении положений и составлении контракта на предоставление облачных услуг⁹⁰.

GDPR предоставляет инструменты для обеспечения подотчетности и соответствия, которые были подробно описаны. Среди них: требования к реестрам обработки данных (за исключением некоторых малых и средних предприятий) [Voss, 2016b, p. 227], требования для многих компаний иметь сотрудников, ответственных за защиту данных [Voss, 2016c, p. 804–814], требования проводить перед обработкой с высоким уровнем рисков оценку воздействия на защиту данных [Ibid., p. 803–806]. Более того, мотивацией для соблюдения требований служит усиление санкций за нарушение принципов защиты данных, достигающих 4% годового мирового оборота компаний только за наиболее серьезные нарушения [Houser, Voss, 2018a, p. 57].

⁸⁸ Рекомендации могут быть загружены напрямую. См. [CNIL, n. d.]. Аналогично орган по защите данных Великобритании — ICO — опубликовал руководство по облачным вычислениям до принятия GDPR. См. ICO [n. d.].

⁸⁹ Обсуждение роли этой группы см. [Farrell, Newman, 2019, p. 51] («Неофициально Рабочая группа по ст. 29 стала мощным противовесом фирмам и правительствам, которые обходят или нарушают европейские правила, и ее позиция имеет значительный вес при формировании информированного мнения элиты»).

⁹⁰ Обсуждение содержания контракта на предоставление облачных услуг см. [Voss, Woodcock, 2016, p. 190].

В. Управление данными в соответствии с Privacy Shield

Положения об управлении данными касательно их дальнейшей передачи (а также положения о подотчетности в рамках GDPR) можно понимать как элементы, которые возлагают на получателей данных ответственность за действия субъектов, находящихся ниже в глобальной цепочке поставок персональных данных. К контролерам данных предъявляются требования, как правило, в соответствии с положениями об ответственности GDPR, которые обсуждались в разделе А. Это похоже на ситуацию в других сферах, таких как корпоративная социальная ответственность, где компании, ведущие международные операции, могут быть вынуждены проводить процедуры дью-дилидженс для управления как вверх, так и вниз по цепочке поставок⁹¹. В частности, в отношении дальнейшей передачи данных Privacy Shield устанавливает положения об ответственности независимо от того, осуществляется ли такая последующая передача «третьей стороне, действующей в качестве контролера», или «третьей стороне, действующей в качестве агента» [Privacy Shield Framework, n. d., b]. В случае третьей стороны, действующей в качестве контролера, они включают требования о предоставлении информации субъектам данных (физическим лицам) (которые сформулированы как «уведомление» и обычно считаются частью «прозрачности») и наличии выбора [Ibid.]⁹², при котором субъекту данных предоставляется право на отказ от обработки и, в случае обработки особых категорий данных (конфиденциальных данных), предусмотрено требование о получении согласия [Privacy Shield Framework, n. d., d]. Кроме того, в случае передачи контролеру с ним должен быть заключен контракт, в котором излагаются элементы ограничения цели и содержится требование, чтобы контролер-получатель обеспечивал «такой же уровень защиты, что и Принципы» и уведомлял организацию, «если он принимает решение о том, что больше не может исполнять это обязательство», и в этом случае такой контролер либо прекратит обработку данных, либо предпримет «другие разумные и надлежащие меры для исправления ситуации» [Privacy Shield Framework, n. d., b, n. d., e].

В случае дальнейшей передачи данных в рамках Privacy Shield агенту (процессору) организация должна выполнить несколько условий:

- (i) передавать такие данные только для ограниченных и определенных целей; (ii) удостовериться, что агент обязался обеспечить по крайней мере такой же уровень защиты конфиденциальности, который требуется Принципами; (iii) принять разумные и надлежащие меры для обеспечения того, чтобы агент эффективно обрабатывал переданную личную информацию согласно обязательствам организации в соответствии с Принципами; (iv) потребовать от агента уведомить организацию, если он решит, что больше не может выполнять свои обязательства по обеспечению того же уровня защиты, который требуется Принципами; (v) после уведомления, в том числе в соответствии с п. (iv), предпринять разумные и надлежащие шаги для прекращения и исправления ситуации с несанкционированной обра-

⁹¹ «Поэтому корпоративная социальная ответственность (КСО) все больше связана с управлением цепочками поставок и, в частности, с глобальными» [Millington, 2008, p. 363]. Как пример из Европы, Франция приняла закон, требующий должной осмотрительности не только в отношении деятельности компании и ее дочерних компаний, но и в отношении поставщиков и субподрядчиков в области прав человека, здоровья и безопасности, а также экологических рисков. См. [Wagner, 2018, p. 669].

⁹² «Чтобы передать личную информацию третьей стороне, выступающей в качестве контролера, организации должны соблюдать Принципы уведомления и выбора. Принцип уведомления включает требования в отношении информации, включающей 13 категорий, которая должна быть предоставлена субъекту данных (физическому лицу). См. [Privacy Shield Framework, n. d., c].

боткой; и (vi) предоставить Департаменту по запросу краткое изложение или репрезентативную копию соответствующих положений о конфиденциальности своего контракта с этим агентом [Ibid.].

Таким образом, в случае дальнейшей передачи персональных данных, полученных в соответствии с Privacy Shield, у американской организации, прошедшей самостоятельную сертификацию на соответствие принципам Privacy Shield, сохраняется подотчетность⁹³. Они эквивалентны требованиям по управлению вниз по цепочке поставок персональных данных в рамках того, что можно описать как управление глобальной цепочкой поставок персональных данных.

Наконец, как мы видели, включение положений об управлении данными, аналогичных положениям Директивы 1995 г. и Общего регламента по защите данных, обеспечило суть международных соглашений, заключенных для обеспечения трансграничного перемещения персональных данных, таких как «Безопасная гавань» и Privacy Shield. Действительно, принятие стандарта GDPR для управления данными может быть стратегическим выбором [Voss, Houser, 2019, p. 338]⁹⁴. Однако следует проводить мониторинг правовых изменений в отношении законодательных инструментов с экстра-территориальным действием из других юрисдикций, поскольку такие инструменты могут повлиять на требования к управлению данными, хотя в этой статье основное внимание и уделяется GDPR Европейского союза.

С. Выводы относительно управления данными

Компании, применяющие надлежащие методы управления данными, могут обнаружить, что они облегчают соблюдение различных законов о конфиденциальности данных, которые применяются к их глобальным цепочкам поставок потоков данных. Составление карты обработки данных и понимание, насколько это возможно, где находятся их данные, является первым шагом для компаний. Компании должны следовать тому, что, возможно, стало универсальным принципом — FIPP — в своих усилиях по соблюдению законов во всем мире. Поскольку GDPR будет применяться ко многим международным компаниям, им следует учитывать его положения об ответственности и оценивать свою глобальную цепочку поставок потоков данных на предмет соответствия Регламенту. В этом контексте для обеспечения соблюдения установленных требований важны контракты, а безопасность и прозрачность являются важными вопросами, которые следует учитывать в контрактах.

Кроме того, контролеры должны надлежащим образом проверять своих процессоров и могут проводить их аудит во время обработки данных. Должны оцениваться положения об осуществлении прав субъектами данных, а использование метаданных, которые могут быть легко проиндексированы, помогает найти соответствующие данные. Компании также должны проявлять особую осторожность при заключении и со-

⁹³ В случае дальнейшей передачи контролеру эта подотчетность будет обеспечиваться за счет соблюдения положений обязательного договора, рассмотренного выше. В случае дальнейшей передачи обработчику (агенту) «американская организация будет нести ответственность за обеспечение защиты, предусмотренной Принципами, путем осуществления своих полномочий по распоряжению» [ЕС, 2012, p. 6, point 31].

⁹⁴ «Технологические компании США могут использовать соблюдение GDPR для изменения и улучшения своей корпоративной культуры, что приведет к повышению доверия потребителей. Выйдя за рамки юридических требований и рекламируя такие меры, они могут получить явное конкурентное преимущество, основанное на доверии, по сравнению с фирмами, которые соблюдают закон по минимуму».

ставлении облачных контрактов. Усиление санкций в GDPR по сравнению с Директивой 1995 г. в этой связи обеспечивает стимул для исполнения требований

В соответствии с Privacy Shield существуют различные требования в отношении контрактов на дальнейшую передачу данных. Их следует воспринимать как часть управления цепочками поставок глобальных потоков данных — концепции, которая восходит к другим областям, таким как КСО, где все больше и больше компаний берут на себя ответственность за собственные международные цепочки поставок. Результатом таких усилий будет помощь компаниям в более эффективном управлении своими потоками персональных данных, избежании ответственности и повышении доверия среди ее клиентов, поставщиков и партнеров.

V. Заключение

Трансграничные потоки данных сегодня являются важным компонентом международной торговли и основой многих моделей цифровых услуг. Однако по разным причинам в условиях «конкурирующих стандартов» и «пересечения норм» экстерриториальных законов усилились ограничения на передачу персональных данных и требования по локализации данных. Поскольку эти барьеры препятствуют определенным потокам, используются международные соглашения, обеспечивающие непрерывный свободный поток персональных данных при условии обеспечения определенных мер защиты данных и их субъектов. Эти соглашения включают Privacy Shield для самосертифицированных организаций, расположенных в США, решение об адекватности и Дополнительные правила для Японии, ОКП и стандартные договорные положения в других случаях, хотя некоторые из них могут быть оспорены в судебном порядке.

Параллельно с развитием концепции управления международными цепочками поставок в других областях, таких как производство товаров в рамках корпоративной социальной ответственности, GDPR и использование механизмов трансграничной передачи в соответствии с ним требуют определенных действий по управлению международными цепочками поставок персональных данных. В анализе Privacy Shield мы увидели, что существуют требования к ответственности организаций США, сертифицированных по данной программе, за дальнейшую передачу данных. Обеспечение ответственности начинается с понимания того, какие данные собираются и обрабатываются и где они находятся. Как было показано, это важно из-за широкого охвата законодательства о защите данных как с точки зрения его предмета регулирования, так и экстерриториального действия.

Когда используются процессоры (или последующие контролеры) вниз по цепочке поставок потока данных, для контроля действий, обеспечения защиты данных и оформления любых будущих возможных дальнейших передач данных должны использоваться контракты. Это требуется независимо от того, используются ли контракты в отношениях с облачными службами, в рамках других форм обработки или дальнейшей передачи в соответствии с Privacy Shield.

Пересечение законодательства в этой области усложняет деятельность, поэтому очень важно, чтобы компании постоянно следили за законодательными и судебными изменениями. Хотя эта статья посвящена исключительно GDPR и его предшественнице, Директиве 1995 г., необходимо, чтобы компании определяли и анализировали все аспекты применяемого законодательства, особенно учитывая, что соблюдение ССРА схоже, но не полностью соответствует соблюдению GDPR. Компании должны понимать эти сложности и следить за нормативными изменениями, куда бы ни шла их глобальная цепочка поставок потоков данных (скорее всего, по всему миру) для обеспече-

ния соответствия требованиям. Несмотря на то что между различными применяемыми законами о конфиденциальности данных могут возникать противоречия, надлежащее управление данными должно способствовать обеспечению соблюдения всех законов — это дает больше оснований для его практической реализации. Компании должны применять надлежащее управление данными во всей своей глобальной цепочке поставок потоков данных.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 242-ФЗ (2014). «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части уточнения порядка обработки персональных данных в информационно-телекоммуникационных сетях». Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201407220042> (дата обращения: 04.03.2022).

Article 29 Data Protection Working Party (Working Party) (2012). Opinion 05/2012 on Cloud Computing. WP 196. 1 July. Режим доступа: https://ec.europa.eu/justice/article-29/documentation/opinion-recommendation/files/2012/wp196_en.pdf (дата обращения: 04.03.2022).

Asbury J., McClelland M., Torgerson K., Vincent I., Boling J., Sweetey A. (2019). Law and Business Technology: Cyber Security & Data Privacy Update // *Transactions: The Tennessee Journal of Business Law*. Vol. 20. No. 4. P. 1065–1089. Режим доступа: <https://trace.tennessee.edu/transactions/vol20/iss4/3> (дата обращения: 01.03.2022).

Bessette R., Haufler V. (2001). Against All Odds: Why There Is No International Information Regime // *International Studies Perspectives*. Vol. 2. Iss. 1. P. 69–92. <https://doi.org/10.1111/1528-3577.00038>

Blume J.D. (2018). Reading the Trade Tea Leaves: A Comparative Analysis of Potential United States WTO-GATS Claims Against Privacy, Localization and Cybersecurity Laws // *Georgetown Journal of International Law*. Vol. 49. P. 801–843. Режим доступа: <https://www.law.georgetown.edu/international-law-journal/wp-content/uploads/sites/21/2018/08/GT-GJIL180026.pdf> (дата обращения: 01.03.2022).

Bradford A. (2012). The Brussels Effect // *Northwestern University Law Review*. Vol. 107. No. 1. P. 19–35. Режим доступа: https://scholarship.law.columbia.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1275&context=faculty_scholarship (дата обращения: 01.03.2022).

Bridge F.H.S. (1994). *The Council of Europe French-English Legal Dictionary*. The Council of Europe.

Burri M. (2017). The Regulation of Data Flows Through Trade Agreements // *Georgetown Journal of International Law*. Vol. 48. P. 407–448. Режим доступа: https://edisciplinas.usp.br/pluginfile.php/4308963/mod_resource/content/0/SSRN-CrossBorderDataFlows-21092017.pdf (дата обращения: 01.03.2022).

Bygrave L.A. (2014). *Data Privacy Law: An International Perspective*. Oxford University Press.

California Consumer Privacy Act (CCPA) (2020). California Civil Code § [1798.100–198.199.100]. Режим доступа: https://leginfo.ca.gov/faces/codes_displayText.xhtml?division=3.&part=4.&lawCode=CIV&title=1.81.5 (дата обращения: 04.03.2022).

Case C-131/12, Google Spain SL and Google Inc v. Agencia Española de Protección de Datos (AEPD) and Mario Costeja González. Judgment of the Court (Grand Chamber) of 13 May 2014. Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A62012CJ0131> (дата обращения: 01.03.2022).

Case C-230/14, Weltimmo s.r.o. v. Nemzeti Adatvédelmi és Információszabadság Hatóság. Judgment of the Court (Third Chamber) of 1 October 2015. Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A62014CJ0230> (дата обращения: 01.03.2022).

Case C-311/18, Data Protection Commissioner v. Facebook Ireland Limited and Maximilian Schrems. Opinion of Advocate General Saugmandsgaard Øe on 19 December 2019. Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=CELEX:62018CC0311> (дата обращения: 02.03.2022).

Case C-362/14, Maximilian Schrems v. Data Protection Commissioner. Judgement of the Court (Grand Chamber) of 6 October 2015. Режим доступа: <https://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?num=C-362/14> (дата обращения: 02.03.2022).

Chander A. (2013). *The Electronic Silk Road: How the Web Binds the World Together in Commerce*. Yale University Press.

Chander A. (2014). *How Law Made Silicon Valley* // *Emory Law Journal*. Vol. 63. Iss. 3. P. 639–94. Режим доступа: <https://scholarlycommons.law.emory.edu/elj/vol63/iss3/3/> (дата обращения: 01.03.2022).

CNIL (2012). *Cloud Computing: CNIL's Recommendations for Companies Using These New Services*. 25 June. Режим доступа: <https://www.cnil.fr/en/cloud-computing-cnils-recommendations-companies-using-these-new-services> (дата обращения: 02.03.2022).

CNIL (n. d.). *Recommendations for Companies Planning to Use Cloud Computing Services*. Режим доступа: https://www.cnil.fr/sites/default/files/typo/document/Recommendations_for_companies_planning_to_use_Cloud_computing_services.pdf (дата обращения: 02.03.2022).

Cohen J.E. (2019). *Between Truth and Power: The Legal Constructions of Informational Capitalism*. Oxford University Press.

Cohn B.L. (2015). *Data Governance: A Quality Imperative in the Era of Big Data, Open Data, and Beyond* // *I/S: A Journal of Law and Policy for the Information Society*. Vol. 10. No. 3. P. 811–826. Режим доступа: <https://kb.osu.edu/handle/1811/75416> (дата обращения: 02.03.2022).

Connolly C., van Dijk P. (2016). *Enforcement and Reform of the EU – US Safe Harbor Agreement* // *Enforcing Privacy: Regulatory, Legal and Technological Approaches* / D. Wright, P. de Hert (eds). Springer. P. 278–281.

Convention for the Protection of Individuals With Regard to Automatic Processing of Personal Data (“Convention 108”), 28 January (1981) European Treaty Series No. 108. Режим доступа: <https://rm.coe.int/1680078b37> (дата обращения: 01.03.2022).

Council of Europe (COE) (2018a). *Convention 108+: Convention for the Protection of Individuals With Regard to the Processing of Personal Data*. Режим доступа: <https://rm.coe.int/convention-108-convention-for-the-protection-ofindividuals-with-regar/16808b36f1> (дата обращения: 01.03.2022).

Council of Europe (COE) (2018b). *Modernisation of Convention 108: Comparative Table: Convention for the Protection of Individuals With Regard to the Processing of Personal Data (CETS 108)* Режим доступа: <https://rm.coe.int/cahdataconvention-108-table-e-april2018/16808ac958> (дата обращения: 01.03.2022).

Council of Europe (COE) (n. d., a). *Chart of Signatures and Ratifications of Treaty 108: Convention for the Protection of Individuals With Regard to Automatic Processing of Personal Data*. Режим доступа: https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/108/signatures?p_auth=2ZBNRLeZ (дата обращения: 25.02.2020).

Council of Europe (COE) (n. d., b). *Chart of Signatures and Ratifications of Treaty 223: Protocol Amending the Convention for the Protection of Individuals With Regard to Automatic Processing of Personal Data*. Режим доступа: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/223/signatures> (дата обращения: 25 February 2020).

Creemers R., Triolo P., Webster G. (2018). *Translation: Cybersecurity Law of the People's Republic of China (Effective June 1, 2017)* New America Blog Post. 29 June. Режим доступа: <https://www.newamerica.org/cybersecurity-initiative/digichina/blog/translation-cybersecurity-law-peoples-republic-china/> (дата обращения: 01.03.2022).

Data Protection Commission (DPC) (n. d., a). *Background*. Режим доступа: <https://www.dataprotection.ie/en/about/background> (дата обращения: 20.02.2020).

Data Protection Commission (DPC) (n. d., b). *Senior Management Committee & Organisational Structure*. Режим доступа: <https://www.dataprotection.ie/en/who-we-are/senior-management-committee-organisational-structure> (дата обращения: 01.03.2022).

de Hert P., Papakonstantinou V. (2015). *The Data Protection Regime in China*. European Parliament, Directorate-General for Internal Policies. Режим доступа: [https://europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2015/536472/IPOL_IDA\(2015\)536472_EN.pdf](https://europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2015/536472/IPOL_IDA(2015)536472_EN.pdf) (дата обращения: 01.03.2022).

de las Heras T.B. (2010). *Introduction to Spanish Private Law: Facing the Social and Economic Challenges*. Routledge.

Determann L. (2018). Analysis: The California Consumer Privacy Act of 2018. International Association of Privacy Professionals Privacy Tracker. 2 July. Режим доступа: <https://iapp.org/news/a/analysis-the-california-consumer-privacy-act-of-2018/> (дата обращения: 01.03.2022).

Directive 95/46/EC of the European Parliament and of the Council of 24 October 1995 on the Protection of Individuals With Regard to the Processing of Personal Data and on the Free Movement of such Data ("The 1995 Directive") (1995) // Official Journal. L 281. P. 31–50. Режим доступа: <http://data.europa.eu/eli/dir/1995/46/oj> (1 March 2022).

Dixon H. (2018). Regulate to Liberate: Can Europe Save the Internet? // Foreign Affairs, September/October. Режим доступа: <https://www.foreignaffairs.com/articles/europe/2018-08-14/regulate-liberate> (дата обращения: 01.03.2022).

Drezner D. (2007). All Politics Is Global: Explaining International Regulatory Regimes. Princeton University Press.

Engels B. (2019). Data Governance as the Enabler of the Data Economy // Intereconomics. Vol 54. No. 4. P. 216–222. Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/334742032_Data_Governance_as_the_Enabler_of_the_Data_Economy (дата обращения: 02.03.2022)

Eshoo A.G. (2015). Safe Harbor 2.0. Congresswoman Anna G. Eshoo Op-Ed. 18 November. Режим доступа: <https://eshoo.house.gov/media/op-eds/safe-harbor-20> (дата обращения: 01.03.2022).

European Commission (EC) (2013). Communication From the Commission to the European Parliament and the Council on the Functioning of the Safe Harbour From the Perspective of EU Citizens and Companies Established in the EU. COM(2013) 847 final. Brussels, 27 November. Режим доступа: [https://www.euro-parl.europa.eu/meetdocs/2014_2019/documents/com/com_com\(2013\)0847_/com_com\(2013\)0847_en.pdf](https://www.euro-parl.europa.eu/meetdocs/2014_2019/documents/com/com_com(2013)0847_/com_com(2013)0847_en.pdf) (01.03.2022).

European Commission (EC) (2016). Commission Implementing Decision (EU) 2016/1250 of 12 July 2016 Pursuant to Directive 95/46/EC of the European Parliament and of the Council on the Adequacy of the Protection Provided by the EU-U.S. Privacy Shield and Annexes 1–7 // Official Journal of the European Union, L 207 1. Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32016D1250&from=EN> (дата обращения: 02.03.2022).

European Commission (EC) (2017). Digital Single Market: Communication on Exchanging and Protecting Personal Data in a Globalised World Questions and Answers. MEMO/17/15. 10 January. Режим доступа: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/MEMO_17_15 (дата обращения: 02.03.2022).

European Commission (EC) (2018a). Report From the Commission to the European Parliament and to the Council on the Second Annual Review of the Functioning of the EU – U.S. Privacy Shield. COM(2018) 860 final. Brussels, 23 October. Режим доступа: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/report_on_the_second_annual_review_of_the_eu-us_privacy_shield_2018.pdf (дата обращения: 01.03.2022).

European Commission (EC) (2018b). International Data Flows: Commission Launches the Adoption of its Adequacy Decision on Japan. Press Release IP/18/5433. 5 September. Режим доступа: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_18_5433 (дата обращения: 02.03.2022).

European Commission (EC) (2018c). The Article 29 Working Party Ceased to Exist as of 25 May 2018. Newsroom. 11 June. Режим доступа: https://ec.europa.eu/newsroom/article29/item-detail.cfm?item_id=629492 (дата обращения: 02.03.2022).

European Commission (EC) (2019). Commission Implementing Decision (EU) 2019/419 of 23 January 2019 pursuant to Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council on the Adequate Protection of Personal Data by Japan Under the Act on the Protection of Personal Information // Official Journal of the European Union, L 76/1. Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32019D0419&from=EN> (дата обращения: 02.03.2022).

European Commission (EC) (2019a). Report From the Commission to the European Parliament and the Council on the Third Annual Review of the Functioning of the EU – U.S. Privacy Shield. COM (2019) 495 final. Brussels, Oct. 23. Режим доступа: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/report_on_the_third_annual_review_of_the_eu-us_privacy_shield_2019.pdf (дата обращения: 02.03.2022).

European Commission (EC) (n. d.). Adequacy Decisions. Режим доступа: https://ec.europa.eu/info/law/law-topic/data-protection/international-dimension-data-protection/adequacy-decisions_en (дата обращения: 01.03.2022).

European Data Protection Board (EDPB) (2019a). Guidelines 3/2018 on the Territorial Scope of the GDPR (Article 3) 12 November. Режим доступа: https://edpb.europa.eu/our-work-tools/our-documents/guidelines/guidelines-32018-territorial-scope-gdpr-article-3-version_en (дата обращения: 01.03.2022).

European Data Protection Board (EDPB) (2019b). EU – U.S. Privacy Shield: Third Annual Joint Review. 12 November. Режим доступа: https://edpb.europa.eu/sites/edpb/files/files/file1/edpbprivacyshield3rdannualreport.pdf_en.pdf (дата обращения: 02.03.2022).

European Union (EU) (n. d.). Country Profiles. Режим доступа: https://europa.eu/european-union/about-eu/countries_en (дата обращения: 01.03.2022).

Farrell H., Newman A.L. (2019). *Of Privacy and Power: The Transatlantic Struggle Over Freedom and Security*. Princeton University Press.

fordhaipj@gmail.com (2019). The Private-Sector Ecosystem of User Data in the Digital Age // *Fordham Intellectual Property, Media & Entertainment Law Journal*. Vol. 29. No. 4. P. 1099–1115. Режим доступа: <https://ir.lawnet.fordham.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1727&context=iplj> (дата обращения: 02.03.2022).

Fuster G.G. (2014). *The Emergence of Personal Data Protection as a Fundamental Right of the EU*. Springer.

General Agreement on Trade in Services (GATT) BIS: Security Exceptions. Art. XIV (c)(ii) Режим доступа: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/26-gats_01_e.htm (дата обращения: 01.03.2022).

Hoffman D.A., Rimo P.A. (2018). It Takes Data to Protect Data // *The Cambridge Handbook of Consumer Privacy* / E. Selinger, J. Polonetsky, O. Tene (eds). Cambridge University Press. P. 546–560. <https://doi.org/10.1017/9781316831960.030>

Hon W.K. (2017). *Data Localization Laws and Policy: The EU Data Protection International Transfers Restriction Through a Cloud Computing Lens*. Edward Elgar Publishing.

Houser K.A., Voss W.G. (2018a). GDPR: The End of Google and Facebook or a New Paradigm in Data Privacy? // *Richmond Journal of Law and Technology*. Vol. 25. Iss. 1. P. 1–109. Режим доступа: <https://jolt.richmond.edu/gdpr-the-end-of-google-and-facebook-or-a-new-paradigm-in-data-privacy/> (дата обращения: 01.03.2022).

Houser K.A., Voss W.G. (2018b). The European Commission on the Privacy Shield: All Bark and No Bite? *Timely Tech*, 20 December. <http://illinoisjltpl.com/timelytech/the-european-commission-on-the-privacy-shield-all-bark-and-no-bite/>.

Illman E., Temple P. (2019/2020). California Consumer Privacy Act: What Companies Need to Know // *The Business Lawyer*. Vol. 75. P. 1637–1646. Режим доступа: <https://www.bradley.com/-/media/files/insights/publications/2020/tbl-751-014-illman--temple-cyberspace.pdf> (дата обращения: 01.03.2022).

Information Commissioner's Office (ICO) (2017). Big Data, Artificial Intelligence, Machine Learning and Data Protection. Режим доступа: <https://ico.org.uk/media/for-organisations/documents/2013559/big-data-ai-ml-and-data-protection.pdf> (дата обращения: 02.03.2022).

Information Commissioner's Office (ICO) (n. d.). Guidance on the Use of Cloud Computing, Version 1.1. Режим доступа: https://ico.org.uk/media/for-organisations/documents/1540/cloud_computing_guidance_for_organisations.pdf (дата обращения: 02.03.2022).

Jerker D., Svantesson B. (2020). Article 3. Territorial Scope. *The EU General Data Protection Regulation (GDPR): A Commentary* / C. Kuner, L.A. Bygrave, C. Docksey, L. Drechsler (eds.). Oxford University Press.

Khorana S., Voss W.G. (2018). The Digital Single Market: Move From Traditional to Digital? // *Handbook on the EU and International Trade* / S. Khorana, M. Garcna (eds). Edward Elgar Publishing.

Kornbluh K. (2018). The Internet's Lost Promise: And How America Can Restore It // *Foreign Affairs*. September/October. Режим доступа: <https://www.foreignaffairs.com/articles/world/2018-08-13/internets-lost-promise> (дата обращения: 01.03.2022).

Kuner C. (2013). *Transborder Data Flows and Data Privacy Law*. Oxford University Press.

le Stujon S. (2020). Le California Privacy Act: premier pas vers un RGPD américain? [The California Privacy Act: The First Step Toward an American GDPR?] // *Revue de l'Union Européen*. No. 634. (in French)

Lucas L. (2018). China Emerges as Asia's Surprise Leader on Data Protection // *Financial Times*. 29 May. Режим доступа: <https://www.ft.com/content/e07849b6-59b3-11e8-b8b2-d6ceb45fa9d0> (дата обращения: 01.03.2022).

Lund S., Manyika J., Woetzel J., Bughin J., Krishnan M., Seong J., Muir M. (2019). *Globalization in Transition: The Future of Trade and Value Chains*. McKinsey Global Institute. Режим доступа: <https://www.mckinsey.com/~/media/McKinsey/Featured%20Insights/Innovation/Globalization%20in%20transition%20The%20future%20of%20trade%20and%20value%20chains/MGI-Globalization%20in%20transition-The-future-of-trade-and-value-chains-Full-report.ashx> (дата обращения: 01.03.2022).

Lynskey O. (2015). *The Foundations of EU Data Protection Law*. Oxford University Press.

MacDonald D.A., Streatfeild C.M. (2014). Personal Data Privacy and the WTO // *Houston Journal of International Law*. Vol. 36. No. 3. P. 625–653. Режим доступа: <http://www.hjil.org/articles/hjil-36-3-macdonald-streatfeild.pdf> (дата обращения: 01.03.2022).

Manyika J., Lund S., Bughin J., Woetzel J., Stamenov K., Dhingra D. (2016). *Digital Globalization: The New Era of Global Flows*. McKinsey Global Institute. Режим доступа: <https://www.mckinsey.com/~/media/McKinsey/Business%20Functions/McKinsey%20Digital/Our%20Insights/Digital%20globalization%20The%20new%20era%20of%20global%20flows/MGI-Digital-globalization-Full-report.ashx> (дата обращения: 01.03.2022)

Mayer-Schönberger V., Ramge T. (2018). *Reinventing Capitalism In The Age Of Big Data*. Basic Books.

Meltzer J.P. (2014). The Importance of the Internet and Transatlantic Data Flows for U.S. and EU Trade and Investment. *Global Economy & Development Working Paper No. 79*. The Brookings Institution. Режим доступа: <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/internet-transatlantic-data-flows-version-2.pdf> (дата обращения: 01.03.2022).

Millington A. (2008). Responsibility in the Supply Chain // *The Oxford Handbook Of Corporate Social Responsibility* / A. Crane, D. Matten, A. McWilliams, J. Moon, D.S. Siegel (eds). Oxford University Press.

Mishra N. (2019). Building Bridges: International Trade Law, Internet Governance, and the Regulation of Data Flows // *Vanderbilt Journal of Transnational Law*. Vol. 52. P. 463–509. Режим доступа: <https://cdn.vanderbilt.edu/vu-wp0/wp-content/uploads/sites/78/2019/05/25131405/8.20Mishra20.pdf> (дата обращения: 01.03.2022).

O'Mara M. (2019). *The Code: Silicon Valley and the Remaking of America*. Oxford University Press.

Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) (1980). *OECD Guidelines on the Protection of Privacy and Transborder Flows of Personal Data*. Режим доступа: <http://www.oecd.org/sti/ieconomy/oecdguidelinesonthe protectionofprivacyandtransborderflowsofpersonaldata.htm> (дата обращения: 01.03.2022).

Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) (2013). *The OECD Privacy Framework: Annex: Guidelines Governing the Protection of Privacy and Transborder Flows of Personal Data*. Режим доступа: http://www.oecd.org/sti/ieconomy/oecd_privacy_framework.pdf (дата обращения: 01.03.2022).

Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) (n. d.). *Where: Global Reach*. Режим доступа: <https://www.oecd.org/about/members-and-partners/> (дата обращения: 01.03.2022).

Politou E., Alepis E., Patsakis C. (2018). Forgetting Personal Data and Revoking Consent Under the GDPR: Challenges and Proposed Solutions // *Journal of Cybersecurity*. Vol. 4. Iss. 1. P. 1–20. <https://doi.org/10.1093/cybssec/tyy001>

Power E.M., Trope R.L. (2006). The 2006 Survey of Legal Developments in Data Management, Privacy, and Information Security: The Continuing Evolution of Data Governance // *The Business Lawyer*. Vol. 62. No. 1. P. 251–294. Режим доступа: <https://www.jstor.org/stable/40688420>.

Privacy Shield Framework (n. d., a). *FAQs: General*. Режим доступа: <https://www.privacyshield.gov/article?id=General-FAQs> (дата обращения: 02.03.2022).

Privacy Shield Framework (n. d., b). *Accountability for Onward Transfer*. Режим доступа: <https://www.privacyshield.gov/article?id=3-ACCOUNTABILITY-FOR-ONWARD-TRANSFER> (02.03.2022).

Privacy Shield Framework (n. d., c). Notice. Режим доступа: <https://www.privacyshield.gov/article?id=1-NOTICE> (дата обращения: 02.03.2022).

Privacy Shield Framework (n. d., d). Choice. Режим доступа: <https://www.privacyshield.gov/article?id=2-CHOICE> (дата обращения: 05.03.2020).

Privacy Shield Framework (n. d., e). Obligatory Contracts for Onward Transfers. Режим доступа: <https://www.privacyshield.gov/article?id=10-Obligatory-Contracts-for-Onward-Transfers> (дата обращения: 05.03.2020).

Radu R. (2019). *Negotiating Internet Governance*. Oxford University Press.

Real Decreto 1784/1996, de 19 de julio, por el que se aprueba el Reglamento del Registro Mercantil [Royal Decree 1784/1996, of 19 July, Approving the Mercantile Registry Regulations], Article 177(1). Режим доступа: <https://www.boe.es/eli/es/rd/1996/07/19/1784/con> (дата обращения: 16.03.2022). (in Spanish)

Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the Protection of Natural Persons With Regard to the Processing of Personal Data and on the Free Movement of Such Data and Repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation) (2016) // Official Journal of the European Union, L 119/1. Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj> (дата обращения: 01.03.2022).

Sacks S. (2017). China's Cybersecurity Law Takes Effect: What to Expect // *Lawfare*. 1 June. Режим доступа: <https://www.lawfareblog.com/chinas-cybersecurity-law-takes-effect-what-to-expect> (дата обращения: 01.03.2022).

Satariano A. (2018). New Privacy Rules Could Make This Woman One of Tech's Most Important Regulators // *New York Times*. 16 May. Режим доступа: <https://nyti.ms/2GjRTaN> (дата обращения: 01.03.2022).

Schneier B. (2015). *Data and Goliath: The Hidden Battles To Collect Your Data and Control Your World*. W.W. Norton & Company.

Second Substitute Senate Bill 6281 (2020). State of Washington, 66th Leg., 2020 Regular Session. Режим доступа: <https://lawfileext.leg.wa.gov/biennium/2019-20/Pdf/Bills/Senate%20Bills/6281-S2.pdf#page=1> (дата обращения: 01.03.2022).

Segal A. (2018). When China Rules the Web: Technology in Service of the State // *Foreign Affairs*, September/October. Режим доступа: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-08-13/when-china-rules-web> (дата обращения: 01.03.2022).

Shaffer G. (2000). Globalization and Social Protection: The Impact of EU and International Rules in the Ratcheting Up of US Privacy Standards // *Yale Journal of International Law*. Vol. 25. No. 1. P. 1–88. Режим доступа: <http://hdl.handle.net/20.500.13051/6405> (дата обращения: 01.03.2022).

The Economist (2016). Online Governance: Lost in the Splinternet. 5 November. Режим доступа: <https://www.economist.com/international/2016/11/05/lost-in-the-splinternet> (дата обращения: 01.03.2022).

Timmons J., Chabinsky S.R., Pittman F.P. (2020). UK Business Exposure to the California Consumer Privacy Act 2018 ("CCPA") // *White & Case Client Alert*, 31 January. Режим доступа: <https://www.whitecase.com/publications/alert/uk-business-exposure-california-consumer-privacy-act-2018-ccpa> (дата обращения: 01.03.2022).

Trope R.L., Power E.M. (2005). Lessons in Data Governance: A Survey of Legal Developments in Data Management, Privacy and Security // *The Business Lawyer*. Vol. 61. No. 1. P. 471–516. Режим доступа: <https://www.jstor.org/stable/40688348>.

U.S. Department of Commerce (2016). *Measuring the Value of Cross-Border Data Flows*. Report, Office of Policy and Strategic Planning. Режим доступа: <https://www.commerce.gov/sites/default/files/migrated/reports/measuring-cross-border-data-flows.pdf> (дата обращения: 01.03.2022).

U.S. Department of Health, Education & Welfare (1973). *Records Computers and the Rights of Citizens*. Report of the Secretary's Advisory Committee on Automated Personal Data Systems No. (OS) 73-94. Режим доступа: <https://www.justice.gov/opcl/docs/rec-com-rights.pdf> (дата обращения: 02.03.2022).

U.S. International Trade Commission (USITC) (2013). *Digital Trade in the U.S. and Global Economies*, Part 1. Investigation No. 332–531, USITC Publication 4415. Режим доступа: <https://www.usitc.gov/publications/332/pub4415.pdf> (дата обращения: 01.03.2022).

- Voss W.G. (2014a). The Right to Be Forgotten in the European Union: Enforcement in the Court of Justice and Amendment to the Proposed General Data Protection Regulation // *Journal of Internet Law*. Vol. 18. No. 1. P. 3–7. Режим доступа: <https://ssrn.com/abstract=2567626> (дата обращения: 21.03.2022).
- Voss W.G. (2014b). Looking at European Union Data Protection Law Reform Through a Different Prism: The Proposed EU General Data Protection Regulation Two Years Later // *Journal of Internet Law*. Vol. 17. No. 9. Режим доступа: <https://ssrn.com/abstract=2567624> (дата обращения: 01.03.2022).
- Voss W.G. (2016a). The Future of Transatlantic Data Flows: Privacy Shield or Bust? // *Journal of Internet Law*. Vol. 19. No. 11. P. 9–18. Режим доступа: <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-02554411> (дата обращения: 01.03.2022).
- Voss W.G. (2016b). European Union Data Privacy Law Reform: General Data Protection Regulation, Privacy Shield, and the Right to Delisting // *Business Lawyer*. Vol. 71. Iss. 1. P. 221–233. Режим доступа: <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-02553947/document> (дата обращения: 02.03.2022).
- Voss W.G. (2016c). Internal Compliance Mechanisms for Firms in the EU General Data Protection Regulation // *Revue Juridique Thémis de l'université de Montréal*. Vol. 50. P. 783–820. Режим доступа: https://ssl.editionsthemis.com/uploaded/revue/article/2269_09-RJTUM-50-3_Voss.pdf (дата обращения: 02.03.2022).
- Voss W.G. (2017). Internet, New Technologies, and Value: Taking Share of Economic Surveillance // *Journal of Law, Technology & Policy*. No. 2. P. 469–485. Режим доступа: <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-02484949/document> (дата обращения: 01.03.2022).
- Voss W.G. (2019). Obstacles to Transatlantic Harmonization of Data Privacy Law in Context // *Journal of Law, Technology & Policy*. No. 2. P. 405–463. Режим доступа: <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-02482174/document> (дата обращения: 01.03.2022).
- Voss W.G., Houser K.A. (2019). Personal Data and the GDPR: Providing a Competitive Advantage for U.S. Companies // *American Business Law Journal*. Vol. 56. Iss. 2. P. 287–344. <https://doi.org/10.1111/ablj.12139>
- Voss W.G., Woodcock K. (2016). *Navigating EU Privacy and Data Protection Laws*. Cleveland: American Bar Association.
- Wagner C.Z. (2018). Evolving Norms of Corporate Social Responsibility: Lessons Learned From the European Union Directive on Non-Financial Reporting // *The Tennessee Journal of Business Law*. Vol. 19. P. 619–708. Режим доступа: <https://scholarship.law.slu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1061&context=faculty> (дата обращения: 02.03.2022).
- Wei Y. (2018). Chinese Data Localization Law: Comprehensive but Ambiguous // *The Henry M. Jackson School of International Studies*. 7 February. Режим доступа: <https://jsis.washington.edu/news/chinese-data-localization-law-comprehensive-ambiguous/> (дата обращения: 01.03.2022).
- World Atlas (n. d.). How Many Countries Are in The World? Режим доступа: <https://www.worldatlas.com/nations.htm> (дата обращения: 01.03.2022).
- Yoo C.S., Blanchette J.-F. (2015). *Regulating the Cloud: Policy For Computing Infrastructure*. MIT Press.

Приложение Руководящие принципы ОЭСР (1980 г. и модернизация 2013 г.) – основные принципы международного применения: свободный поток данных и законные ограничения

Положение	Оригинальные Руководящие принципы 1980 г., ч. III. Основные принципы международного применения: свобода потоков и законные ограничения [OECD, 1980]	Модернизированный текст 2013 г., ч. IV. Основные принципы международного применения: свобода потоков и законные ограничения [OECD, 2013, р. 16]
<i>Рассмотрение последствий внутренней обработки и реэкспорта персональных данных для других стран-членов</i>	15. Страны-члены должны учитывать последствия внутренней обработки и реэкспорта персональных данных для других стран-членов	
<i>Обеспечение бесперебойности и безопасности трансграничных потоков персональных данных</i>	16. Страны-члены должны принимать все разумные и надлежащие меры для обеспечения непрерывности и безопасности трансграничных потоков персональных данных, включая транзит через страну-члена	
<i>Подотчетность контролера данных независимо от местонахождения данных</i>		16. Контролер данных несет ответственность за персональные данные, находящиеся под его контролем, независимо от местонахождения данных
<i>Отказ от ограничений, когда другая страна-член в значительной степени соблюдает Руководящие принципы</i>	17. Страна-член должна воздерживаться от ограничения трансграничных потоков персональных данных между собой и другой страной-членом, за исключением случаев, когда последняя еще в значительной степени не соблюдает настоящие Руководящие принципы или когда реэкспорт таких данных может выходить за рамки ее внутреннего законодательства о конфиденциальности. Страна-член может также налагать ограничения в отношении определенных категорий персональных данных, для которых ее внутреннее законодательство о конфиденциальности включает специальные положения с учетом характера этих данных и для которых другая страна-член не обеспечивает эквивалентной защиты	17. Страна-член должна воздерживаться от ограничения трансграничных потоков персональных данных между собой и другой страной, если (а) другая страна в значительной степени соблюдает настоящие Руководящие принципы или (б) существуют достаточные гарантии, включая эффективные механизмы правоприменения и соответствующие меры, принятые контролером данных, чтобы обеспечить постоянный уровень защиты в соответствии с настоящим Руководством
<i>Пропорциональность</i>	18. Стране-члену следует избегать разработки законов, политик и практик во имя защиты неприкосновенности частной жизни и личных свобод, которые могут создать препятствия для трансграничных потоков персональных данных, превышающие требования по такой защите	18. Любые ограничения на трансграничные потоки персональных данных должны быть пропорциональны существующим рискам, принимая во внимание конфиденциальность данных, а также цель и контекст обработки

Cross-Border Data Flows, the GDPR, and Data Governance¹

W.G. Voss

W. Gregory Voss — Associate Professor, Toulouse Business School; Toulouse, France; iorj@hse.ru

Abstract

Today, cross-border data flows are an important component of international trade and an element of digital service models. However, they are impeded by restrictions on cross-border personal data transfers and data localization legislation. This Article focuses primarily on these complexities and on the impact of the new European Union (“EU”) legislation on personal data protection — the GDPR. First, this Article introduces its discussion of these flows by placing them in their economic and geopolitical setting, including a discussion of the results of a lack of international harmonization of law in the area. In this framework, rule overlap and rival standards are relevant. Once this situation is established, this Article turns to an analysis of the legal measures that have filled the gap left by the lack of international regulation and the failure to harmonize law: extraterritorial laws in the European Union (regional legislation) and the United States (state legislation); and data localization laws in China and Russia. Specific provisions restricting cross-border personal data transfers are detailed under EU legislation, as are the international agreements that have been invaluable in allowing flows between the United States and the European Union to continue — first the Safe Harbor, and now the Privacy Shield. Finally, in this context, the role of data governance is investigated, both in the context of data controllers’ accountability for the actions of other actors in global supply chains under EU law and under the Privacy Shield. Thus, this Article goes beyond the law itself, to place requirements in the context of the globalized business world of data flows, and to suggest ways that companies may improve their compliance position worldwide.

Keywords: cross-border data flows, GDPR, data governance, data protection legislation, international agreements on cross-border data flows

For citation: Voss W. Gregory (2022). Cross-Border Data Flows, the GDPR, and Data Governance. *International Organisations Research Journal*, vol. 17, no 1, pp. 56–95 (in Russian). doi:10.17323/1996-7845-2022-01-03

¹ The article by W. Gregory Voss “Cross-Border Data Flows, the GDPR, and Data Governance” is translated and published with permission of the author and Washington International Law Journal where it was originally published in English in volume 29, number 3, 2020. Available at: <https://digitalcommons.law.uw.edu/wilj/vol29/iss3/7>.

Translated by A.V. Shelepov, Senior Researcher, Centre for International Institutions Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA).

Влияние политики лидеров цифровизации – членов «Группы двадцати» на механизмы международного регулирования и условия развития цифровой экономики¹

А.В. Шелепов

Шелепов Андрей Владимирович – к.э.н., с.н.с. Центра исследований международных институтов Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС); Российская Федерация, 119034, Москва, Пречистенская наб., д. 11; shelopovav@ranepa.ru

Аннотация

В условиях повышения значимости цифровой экономики (ЦЭ) усиливается конкуренция за цифровые технологии и решения, влияние на нормы, стандарты и механизмы ее регулирования. Это влияние распределяется неравномерно – лидеры цифровизации, прежде всего ключевые члены «Группы двадцати», имеют существенные преимущества, наращивая потенциал регулирования ЦЭ через последовательное включение выработанных ими стандартов и норм сотрудничества в документы многосторонних институтов, таких как «Группа двадцати», ОЭСР, ВТО, ООН. Россия, напротив, в настоящее время не оказывает существенного влияния на важнейшие аспекты регулирования ЦЭ на глобальном и региональном уровне.

В статье представлены оценки влияния политики ведущих членов «двадцатки» (США, Канада, Великобритания, ЕС, Япония, Республика Корея, Китай, Индия) на условия развития и регулирование ЦЭ, на основе которых предложены рекомендации в отношении политики России по конкретным аспектам регулирования (развитие цифровой инфраструктуры, кибербезопасность, регулирование цифровых платформ, регулирование глобальных стабильных валют и выпуск цифровых валют центральных банков, регулирование потоков данных, политика в отношении искусственного интеллекта) на национальном уровне, а также участию в деятельности «Группы двадцати» и других многосторонних институтов.

Анализ показал, что рассмотренные страны – лидеры цифровизации оказывают основное влияние на развитие ЦЭ через определение условий деятельности на внутренних цифровых рынках и участие в формировании новых глобальных стандартов и правил. По направлениям создания цифровой инфраструктуры, обеспечения кибербезопасности, формирования подходов к управлению данными прослеживается тенденция усиления противоречий в подходах США, Великобритании, Японии и частично ЕС и Кореи, с одной стороны, и России, КНР и Индии – с другой. Основная рекомендация по этим направлениям связана с усилением координации в рамках БРИКС для выработки общей позиции и ее совместного продвижения в «Группе двадцати» и других институтах. Рекомендации по трем другим аспектам регулирования связаны с использованием опыта лидеров цифровизации при реализации политики России для минимизации рисков, исходящих от конкурентов, и укрепления позиций в глобальной ЦЭ.

Ключевые слова: цифровая экономика, «Группа двадцати», кибербезопасность, цифровые платформы, цифровые валюты центральных банков (ЦВЦБ), управление потоками данных, искусственный интеллект (ИИ)

¹ Статья поступила в редакцию 03.02.2022.

Благодарности: статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Для цитирования: Шелепов А.В. Влияние политики лидеров цифровизации — членов «Группы двадцати» на механизмы международного регулирования и условия развития цифровой экономики // Вестник международных организаций. 2022. Т. 17. № 1. С. 96—113 (на русском и английском языках). doi:10.17323/1996-7845-2022-01-04

Введение

В контексте усиления роли цифровой экономики (ЦЭ) в преодолении связанного с пандемией COVID-19 кризиса и обеспечении экономического роста обостряется конкуренция за цифровые технологии и решения. Одновременно растет соперничество за влияние на регулирование ЦЭ и условия ее развития в различных областях. Результаты этого соперничества за цифровое превосходство и сотрудничества в области цифрового равенства определяют баланс сил в будущем экономическом порядке.

Россия пока не оказывает значительного влияния на важнейшие аспекты регулирования ЦЭ, такие как трансграничный обмен данными, обеспечение конфиденциальности и защиты прав потребителей, обеспечение безопасности критической цифровой инфраструктуры, развитие и применение искусственного интеллекта, регулирование цифровых рынков и др. Одновременно ведущие развитые страны наращивают свой потенциал регулирования цифровой экономикой, в том числе через последовательное включение выработанных ими стандартов и норм сотрудничества в документы многосторонних организаций («Группы двадцати», ВТО, ООН), таким образом формируя глобальный рынок на основе своих стандартов и создавая дополнительные возможности для своих технологических компаний, продуктов, услуг и разработок на международном рынке. В этой связи основная цель данной статьи — оценка влияния подходов ведущих государств на условия развития и регулирование ЦЭ и выработка рекомендаций в отношении политики России по конкретным аспектам регулирования на национальном уровне, а также участия в деятельности «Группы двадцати» и других многосторонних институтов.

Исходя из данной цели была сформирована выборка экономик — лидеров цифровизации: Великобритания, США, Канада, ЕС, Япония, Республика Корея, Индия, Китай. Отбор выполнен на основании экспертной оценки потенциала влияния (в частности, в анализ были включены основные страны «Группы семи» и БРИКС, имеющие возможность согласования позиций и их дальнейшего продвижения в более представительных институтах) и совокупности данных международных рейтингов развития ЦЭ (табл. 1), как по фактическим значениям показателей, так и исходя из рейтингов с отсутствием распределения по позициям — например, в рейтинге ОЭСР Going Digital Toolkit такие страны, как Великобритания, США и Канада, находятся выше остальных государств по большинству показателей. Вместо отдельных стран Европы в анализ был включен ЕС, активно наращивающий потенциал регулирования ЦЭ на наднациональном и международном уровне.

В статье рассматриваются механизмы влияния каждой из отобранных стран и ЕС в шести приоритетных областях, которые, по нашему мнению, обеспечивают наибольшие возможности для продвижения стандартов и регулирования через многосторонние механизмы: развитие цифровой инфраструктуры; обеспечение кибербезопасно-

сти; регулирование цифровых платформ; регулирование цифровых валют, в том числе выпуска цифровых валют центральных банков; политика в отношении потоков данных; политика в области искусственного интеллекта (ИИ).

Таблица 1. Позиции стран в международных рейтингах развития ЦЭ

	США	Канада	ЕС (Германия)	Великобритания	Япония	Корея	Индия	Китай	Россия
ITU ICT Development Index	16	29	12	5	10	2	134	80	45
WBG Digital Adoption Index	27	36	6	23	8	4	92	74	28
WEF Network Readiness Index	4	11	8	10	16	12	67	29	43
IMD World Digital Competitiveness Ranking	1	13	18	14	28	12	46	15	42
UN E-Government Development Index	9	28	25	7	14	2	100	45	36
Доля сектора ИКТ в ВВП, %	5,0	3,4	3,8	4,1	5,7	8,4	5,1	4,8	2,2
Место в мире по абсолютному объему сектора ИКТ	1	11–20	3 (ЕС)	7	4	5	6	2	11–20

Источник: Составлено авторами на основе данных соответствующих рейтингов.

Влияние стран-лидеров на условия развития и регулирование цифровой экономики и рекомендации для России

Стремление к глобальному лидерству как основа влияния

Важно отметить, что большинство из стран выборки в своих стратегических документах явно ставят цели глобального лидерства в ЦЭ. Так, властями Великобритании в 2021 г. сформулированы задачи по обеспечению конкурентоспособности национальной экономики как глобального хаба цифровизации и данных в новых условиях геэкономических и геополитических сдвигов, системной конкуренции, стремительных технологических изменений, транснациональных вызовов и продолжающегося воздействия последствий пандемии [Gov.UK, 2021a]. Национальная киберстратегия США постулирует тезис о том, что «влияние Соединенных Штатов в киберпространстве связано с... технологическим лидерством» [President of the United States of America, 2018]. ЕС стремится к глобальному лидерству в сфере регулирования ЦЭ, а Япония и Корея принимают системные меры по сохранению лидерства в сфере цифровых технологий. Стратегические планы КНР также предусматривают превращение страны в глобальную кибердержаву, лидирующую в мире по ряду направлений цифровизации и способную активно влиять на международные цифровые стандарты. Для достижения этих целей указанные страны активно используют торговую и инвестиционную политику, помощь развитию, ресурс участия в деятельности стандартоустнавливаю-

щих организаций (например, Международной организации по стандартизации (ИСО) и Международного союза электросвязи (МСЭ)) и других международных институтов. В то же время такие страны, как Индия и Канада, напрямую не ставят цели международного лидерства в стратегических документах, приоритизируя решение внутренних задач цифрового развития. Соответственно, степень их влияния на глобальное регулирование ЦЭ относительно ниже, однако подходы этих стран также должны учитываться Россией при реализации проектов двустороннего сотрудничества и выработке собственного регулирования.

Развитие цифровой инфраструктуры

Приоритетом для всех рассматриваемых стран является развитие цифровой инфраструктуры. Развертывание инфраструктуры 5G (в случае ЕС также 6G) выполняется преимущественно за счет государственных ресурсов и создания стимулов для инвестиций бизнеса, а также реализации политики вторичного и совместного использования частот и свободного использования радиочастот в соответствии с рекомендациями МСЭ. Такой подход характерен для США, Великобритании, Кореи и Японии. Этот опыт может быть актуален для России, поскольку наиболее удобным с точки зрения коммерческого использования сетей 5G считается диапазон частот 3,4–3,8 ГГц, однако в России такие частоты используют силовые и оборонные структуры, что создает технические препятствия для развития новых технологий [ТАСС, 2021].

Задачи преодоления цифрового разрыва актуальны не только для стран, где эта проблема традиционно стоит остро, таких как Индия, но и для развитых государств. Так, новая администрация США акцентирует необходимость устранения цифрового разрыва с учетом того, что около 30 млн граждан страны живут на территориях, не имеющих доступа к широкополосным сетям, и присутствуют этнические и расовые диспропорции в обеспеченности населения качественным доступом в сеть [The White House, 2021]. Приоритетность развития инфраструктуры еще более выросла в период пандемии COVID-19, что подтверждается одобрением всеми без исключения рассмотренными странами новых проектов и выделением дополнительных ресурсов.

Развитые страны в условиях обострения конкуренции реализуют в области цифровой инфраструктуры подходы, предполагающие сотрудничество с единомышленниками и ограничение возможностей конкурентов. Например, принятый в Великобритании в ноябре 2020 г. Закон о безопасности телекоммуникаций ужесточил требования в части безопасности для провайдеров телекоммуникационных услуг и сетей и усилил полномочия Офиса по коммуникациям, наделив его правом принятия решений в отношении высокорисковых поставщиков [Gov.UK, 2020], к которым фактически, согласно британской позиции, относятся китайские компании. Также большинством стран «семерки» ставится задача по повышению влияния на разработку глобальных телекоммуникационных стандартов, в том числе через увеличение количества своих представителей в международных стандартоустанавливающих структурах, активизацию их работы, усиление стратегической координации между национальными акторами (включая бизнес, правительство и регуляторы) для проведения последовательной политики в международных структурах, укрепления стратегического единства с партнерами, включая формирование консенсуса относительно необходимости обеспечения интероперабельности телекоммуникационных стандартов.

Самый значительный риск для России в этой связи представляет политика ЕС, активно распространяющего свое влияние на соседей, в том числе в рамках Восточного партнерства. Главным инструментом такого влияния является программа EU4Digital

(2019–2022 гг.). Программа направлена на «распространение преимуществ Единого цифрового рынка ЕС на восточные страны — соседи ЕС, оказание им поддержки в снижении тарифов на роуминг, развитие высокоскоростного широкополосного доступа для стимулирования экономики и расширения электронных услуг, гармонизацию цифровых структур в обществе в различных областях: логистика для здравоохранения, создание кибербезопасности, развитие навыков и создание новых рабочих мест в цифровой индустрии» [EU4Digital, n. d.]. Политика ЕС затрагивает в том числе стратегических партнеров России в регионе, включая страны — партнеры по интеграции в рамках ЕАЭС.

Схожие с ЕС цели преследует и Китай, реализующий инициативу Цифрового Шелкового пути [Shen, 2018]. Цифровой Шелковый путь охватывает ряд инициатив, связанных с инфраструктурой, электронной коммерцией, исследовательским сотрудничеством и продвижением китайских стандартов и норм. Развитие инициативы ведет к укреплению позиций Китая, продвижению китайских стандартов и росту зависимости стран, затронутых проектом, от китайской цифровой инфраструктуры. Цифровой Шелковый путь и другие международные проекты КНР активно затрагивают граничащие с Россией страны, включая членов ЕАЭС, осложняя конкуренцию для российских поставщиков цифровой инфраструктуры и усиливая общую экономическую зависимость этих стран от Китая. Однако, в отличие от политики ЕС, в этом случае есть и положительное влияние, связанное с возможностями реализации совместных проектов, таких как сопряжение спутниковых систем навигации ГЛОНАСС и «Байду» и развитие инфраструктуры 5G.

Таким образом, в области формирования цифровой инфраструктуры для России целесообразно укреплять сотрудничество с Китаем с учетом цифровой повестки ЕАЭС и проекта Цифрового Шелкового пути как составной части сопряжения ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП), интенсифицировать сотрудничество с партнерами в рамках евразийской интеграции по вопросам гармонизации стандартов, создавать институциональные и правовые основы для реализации цифровой повестки ЕАЭС до 2025 г. и финансировать сокращение цифрового разрыва внутри стран (в том числе и в самой России) и между ними, ограничивая усиление позиций ЕС в регионе.

Кибербезопасность

Создание новой цифровой инфраструктуры тесно связано с вопросами безопасности и конкуренции. Обеспечение кибербезопасности, наряду с развитием инфраструктуры, является важной статьей финансирования ЦЭ для стран, претендующих на статус кибердержав. Например, в 2016–2020 гг. Великобритания выделила на реализацию Стратегии национальной кибербезопасности 1,9 млрд фунтов [NAO, 2021]. Китай ставит задачу к 2023 г. сформировать рынок продуктов и услуг в сфере кибербезопасности в объеме 40 млрд долл. США [Xiong, Zhang, 2021]. Хотя и Великобритания, и Китай ставят перед собой задачи становления как ведущих кибердержав, подходы к реализации этих задач и определению основных угроз отличаются, как и в целом между рассмотренными развитыми странами, с одной стороны, и Индией и Китаем — с другой. Так, Великобритания ставит цель утверждения стратегического превосходства на основе укрепления науки и технологий и консолидации своей позиции как ведущей мировой демократической кибердержавы. В этой связи значительное внимание уделяется киберугрозам, исходящим от других государств, и мерам реагирования на них, включая расширение суверенных возможностей реализации наступательных киберопераций [Gov.UK, 2016]. ЕС также имеет амбиции по установлению глобальных стан-

дартов кибербезопасности. Россия не входит в число политических союзников ЕС, с ее территории ожидаются кибератаки. ЕС выстраивает сотрудничество либо на своих условиях (как в ОБСЕ), либо в организациях, в которых Россия не представлена (НАТО, ОЭСР). Усиливается риск распространения интересов и ценностей ЕС, которые в последние годы все больше расходятся с российскими, в условиях отсутствия возможности влиять на процесс принятия решений. Китай, в отличие от ЕС, Великобритании и других развитых стран, ставит задачу обеспечения суверенитета над ключевыми и критически важными технологиями, не стремясь при этом к глобальному распространению своих стандартов [Government of the PRC, 2016]. Эта позиция намного более близка российской.

Попытки развитых стран «семерки» продвигать в международных организациях многосторонний подход к управлению Интернетом и усиление многосторонней модели, в противовес тем, кто продвигает альтернативное видение Интернета, контролируемого государством, и воспроизведение национальных границ в киберпространстве, отражают стремление закрепить преимущества существующей системы управления в цифровой сфере и противоречат позиции России о необходимости гарантировать всем государствам равные права на участие в управлении Интернетом [МИД России, 2020]. Более того, Россия, наряду с Китаем, напрямую упоминается в документах стран «семерки» по кибербезопасности как государство, представляющее угрозу [Gov.UK, 2021b]. Соответственно, продвижение их ценностей, норм и правил как глобального стандарта в международных организациях является прямым вызовом для России.

В условиях все большего расхождения интересов и ценностей с Великобританией, ЕС, США и Японией и с учетом их стремления к установлению глобальных стандартов кибербезопасности важно, в дополнение к реализации внутристрановых мер в соответствии со Стратегией национальной безопасности России, обеспечить многостороннее обсуждение соответствующих вопросов в рамках ООН и «Группы двадцати» как главных площадок, использовать сотрудничество в рамках БРИКС для формирования и продвижения консолидированных позиций «пятерки», несмотря на некоторые противоречия между Индией и Китаем, стремиться к усилению содержательного сотрудничества по кибербезопасности в рамках ШОС, содействовать укреплению мер доверия между странами в киберсфере.

Регулирование цифровых платформ

Активное развитие цифровых платформ способствует росту внимания к ним регуляторов всех рассмотренных стран и ЕС. Основной целью регулирования, как правило, является защита интересов локальных поставщиков и потребителей от влияния крупных игроков. Для США и Китая, помимо указанной цели, важной задачей регулирования, хотя и не всегда заявляемой эксплицитно, является ограждение национального рынка от активного выхода на него иностранных платформ, рассматриваемое как вопрос национальной безопасности. При этом одновременно регулирование в этих двух странах в значительной степени направлено и на национальные цифровые платформы, активное развитие которых создает риски для свободной конкуренции.

Доминирующий подход к регулированию цифровых платформ можно проиллюстрировать на примере ЕС. Евросоюз пытается ограничить возможности доминирующего положения крупнейших компаний, на это направлены два законопроекта: Закон о цифровых услугах (ЗЦУ) и Закон о цифровых рынках (ЗЦР). Регулирование цифровых услуг, рынков и платформ необходимо ЕС для того, чтобы контролировать деятельность компаний, которые не имеют прямого представительства в ЕС и не подчиняются

его праву, однако активно собирают и обрабатывают данные граждан, предоставляют им услуги и в целом извлекают выгоду из взаимодействия с европейскими клиентами и потребителями. ЗЦУ вводит различие между онлайн-посредниками, выделяя категорию «очень крупных платформ», определяемых как имеющие более 45 млн пользователей, или 10% населения ЕС. Компании, попадающие в данную категорию, столкнутся с дополнительными правилами в отношении модерации контента и целевой рекламы [ЕС, 2020b]. Основное бремя новых требований ложится на самых крупных глобальных игроков, которые будут классифицированы как «ворота», согласно выработанному в ЕС определению, зафиксированному в ЗЦР [ЕС, 2020c]. В результате политика ЕС является недискриминационной по отношению к малым платформам, одновременно устанавливая серьезный контроль и требования подотчетности для крупнейших компаний.

Учитывая трансграничный характер деятельности технологических компаний, ведущие развитые страны усиливают сотрудничество по их регулированию, в том числе через Многостороннюю рамку взаимной помощи и сотрудничества, а также «Группу семи», ОЭСР, Международную сеть по конкуренции (International Competition Network (ICN)), международную сеть по защите потребителя и правоприменению (International Consumer Protection and Enforcement Network (ICPEN)). В отличие от двух рассмотренных выше сфер, общность интересов может способствовать формированию согласованного регулирования цифровых платформ на международном уровне и иметь позитивный эффект для регулирования деятельности платформ в России. Примеры позитивного результата коллективного подхода к регулированию уже есть. Это, например, решение о реформе международных правил налогообложения в условиях ЦЭ, согласованное членами Инклюзивного механизма по реализации Плана «Группы двадцати»/ОЭСР по противодействию размыванию налоговой базы и выводу прибыли из-под налогообложения (BEPS). Решение предусматривает перераспределение прав на налогообложение избыточной прибыли крупнейших ТНК (20–30% прибыли, полученных свыше установленного уровня) в пользу юрисдикции, в которой осуществляется рыночная деятельность, и введение минимального глобального налога 15% на ТНК [OECD, 2021a].

В целом существует несомненный потенциал позитивного диалога и использования Россией зарубежного опыта по регулированию крупных цифровых платформ. Так, складывающаяся в ЕС схема со строгими правилами по защите прав потребителя, ограничением возможности использовать доминирующее положение на рынке и налогообложением цифрового присутствия или формируемое правительство Великобритании регулирование, включающее определение стратегического для рынка статуса компании, применение кодексов поведения, направленных интервенций в отношении таких компаний и более строгого режима слияний, механизмы мониторинга и запроса информации, наложение штрафов и решения суда [Gov.UK, 2021c], могут быть рассмотрены как функционально близкие, хотя альтернативные по механизму воплощения, требованию основания физического представительства на территории России. Учитывая общность подходов и трансграничный характер деятельности цифровых компаний, для России также важно интегрировать вопросы регулирования цифровых платформ в сотрудничество БРИКС и «Группы двадцати» по цифровой экономике.

Регулирование глобальных стабильных валют и выпуск цифровых валют центральных банков

В отношении регулирования глобальных стабильных валют (global stablecoin) и выпуска цифровых валют центральных банков (ЦВЦБ) цели центральных банков и министерств финансов России и рассмотренных стран в основном совпадают. Раз-

работка международного регулирования, мониторинга и надзора за глобальной стабильной валютой с учетом ее неизбежного развития необходима для эффективного использования преимуществ и минимизации рисков и может иметь позитивный эффект для России, хотя пока ЦБ не планирует разрешение использования такой валюты в России. В части выпуска и регулирования ЦВЦБ разработка общих подходов в рамках Совета по финансовой стабильности (СФС), Банка международных расчетов, Комитета по платежам и рыночной инфраструктуре, МВФ и «Группы двадцати» также может иметь позитивный эффект, тем более что с учетом высокой степени проработанности вопросов тестирования и внедрения цифрового рубля [Банк России, 2021] Россия могла бы стать одним из лидеров в этой области.

При этом наблюдаются отличия в конкретных страновых подходах к достижению целей регулирования цифровых финансовых активов [Шелепов, 2021]. Подходы рассмотренных юрисдикций к глобальным цифровым валютам можно условно разделить на две группы: предупредительная разработка регулирования с учетом ожидаемого быстрого распространения глобальных стейблкоинов для использования их преимуществ и минимизации рисков, с одной стороны, и введение ограничительных мер, характерное для стран с потенциалом масштабного использования собственной национальной цифровой валюты, с другой. Первый подход характерен для большинства развитых стран, а второй, в частности, для Китая [Ledger Insights, 2021]. Примером первого подхода является стратегия ЕС [ЕС, 2020a], призванная использовать возможности, предоставляемые цифровыми активами, при одновременном снижении рисков для инвесторов и финансовой стабильности. Целью европейского регулирования является обеспечение правовой определенности в отношении всех криптоактивов, независимо от того, квалифицируются ли они как финансовые инструменты или электронные деньги в соответствии с действующим законодательством или ранее не регулировались. Положение о рынках криптоактивов (MICA) будет охватывать все такие активы, которые в настоящее время не подпадают под существующее законодательство о финансовых услугах, включая глобальные стабильные валюты. Регулирование будет распространяться на весь спектр поставщиков услуг в области криптоактивов, таких как провайдеры, биржи, торговые платформы и эмитенты. Поставщики услуг в сфере криптоактивов должны будут иметь физическое присутствие в ЕС, а перед началом своей деятельности получить предварительное разрешение от национального компетентного органа. На них будут распространяться требования к капиталу, стандарты управления и обязательство отделять активы своих клиентов от собственных активов. К провайдерам криптоактивов также будут предъявляться строгие требования в области кибербезопасности. Соблюдение требований будет контролироваться национальными компетентными органами или Европейской службой банковского надзора. Дополнительные требования для эмитентов глобальных стабильных валют включают обязательство быть официально зарегистрированным, требования к качеству управления и раскрытию информации о механизме стабилизации, правила о конфликте интересов и правила инвестирования.

Что касается ЦВЦБ, их масштабного практического внедрения в рассмотренных странах и ЕС пока не произошло. Из всех этих юрисдикций лишь Китай достиг существенного прогресса в разработке ЦВЦБ, создав условия для ее быстрого запуска на территории всей страны в случае принятия властями соответствующего решения [King, 2021]. Для России актуален опыт стран с различными подходами, поскольку национальное регулирование в соответствующих областях пока формируется. При этом риски негативного влияния со стороны других стран в настоящее время минимальны.

Чтобы максимально использовать преимущества новых финансовых технологий и занять более значимое место в формирующейся системе трансграничных платежей с использованием цифровых валют, России потребуется активизировать работу по дорожной карте «двадцатки» по совершенствованию трансграничных платежей и цифровым валютам центральных банков в международных институтах. Пока лидерство по этим вопросам остается за «семеркой», а в БРИКС, несмотря на заявленные цели реформы международной валютной системы и повышения доли расчетов в национальных валютах, сотрудничество буксует. В рамках разработки национального регулирования вновь может быть полезен опыт ЕС, чей подход к использованию криптоактивов включает отказ от их категоричного запрета при одновременном обеспечении высокой степени контроля над эмитентами.

Регулирование потоков данных

В отношении регулирования потоков данных очевидны растущие межстрановые противоречия, заключающиеся в одновременном провозглашении целей трансграничного перемещения данных, прежде всего развитыми странами, и принятии ограничительных мер для защиты данных, критически важной информации и сохранения конкурентных преимуществ национальных компаний. При этом защита данных — наиболее регулируемая сфера среди рассматриваемых. Соответствующие законы приняты практически во всех странах. В Индии Закон о защите персональных данных рассматривается в парламентском комитете [Dalmia, 2021]. В Китае проходит публичное обсуждение законопроект о защите персональной информации [WilmerHale, 2021].

Рассмотренные развитые страны, аналогично сфере кибербезопасности, продвигают в отношении регулирования данных многосторонний подход, базирующийся на формировании международных режимов управления данными на основе интероперабельности стандартов, сопоставимости законодательства и сотрудничества ответственных за данные национальных органов. Это создает возможности для их «компаний работать без дополнительных барьеров на соответствующих рынках и получать преимущества от интернационализации и осуществления операций в глобальном пространстве» [OECD, 2021b]. Однако различия в подходах [Goodman, 2021] и проблемы доверия существуют не только между блоком развитых стран-единомышленников и другими государствами, включая Россию и Китай, но и внутри блока единомышленников [Swire, 2021], что подтверждается буксующей в «двадцатке» инициативой японского председательства по «свободному потоку данных с доверием».

Тем не менее между развитыми странами отмечается значительная степень стратегического единства, что определяется в том числе более чем сорокалетним сотрудничеством по защите конфиденциальности и трансграничных потоков данных в ОЭСР². Их регулирование в большинстве случаев (в частности в ЕС, Великобритании, США) имеет экстерриториальный характер, определяя общие требования для всех компаний, собирающих или обрабатывающих данные граждан страны, независимо от их местонахождения, обуславливая трансграничную передачу данных решением об адекватности или условиями осуществления надлежащих гарантий, или обязательными корпоративными правилами. В некоторых случаях передача регламентируется двухсторонними соглашениями, например, такими как Privacy Shield между ЕС и США [Privacy Shield,

² Руководство по защите конфиденциальности и трансграничных потоков личных данных 1980 г. стало первым документом в этой сфере, согласованным на международном уровне, и оказало значительное влияние на политику стран — членов ОЭСР.

n. d.]. В то же время в России, как и в других странах БРИКС, действует требование по локализации [Cory, Dascoli, 2021]. При этом устанавливающий это требование российский 152-ФЗ не имеет экстерриториального характера, не распространяется на нерезидентов, не запрещает передачу данных граждан России. Согласно ст. 12, персональные данные передаются на территории государств, являющихся сторонами Конвенции Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных, а для передачи на территории стран, не являющихся сторонами Конвенции, требуется решение об обеспечении адекватной защиты прав субъектов персональных данных³. Тем не менее зарубежные эксперты зачастую оценивают законодательство стран БРИКС как протекционистское, обосновывая призывы к формированию международного регулирования данными без участия России и Китая цифровым авторитаризмом и высокими индексами ограничения данных [Cory, Dascoli, 2021].

Стремление правительств стран «семерки» к созданию глобальной системы управления данными на основе общих ценностей и управления «злонамеренным» влиянием противников (включая Россию и КНР) повышает риски, связанные с формированием международной системы регулирования данных, в которой России будет отведено место изюга с негативными последствиями для российских компаний и граждан. В этой связи важно повышать активность и качество участия России в диалоге по регулированию управления данными, в том числе в «двадцатке», и усилить работу по достижению многостороннего консенсуса в рамках переговорного процесса ВТО с целью определения международных стандартов трансграничной передачи данных.

Искусственный интеллект

Сквозным приоритетом, связанным со всеми задачами цифрового развития, является продвижение технологий искусственного интеллекта. Великобритания [Gov. UK, 2019], Корея [Government of the Republic of Korea, 2019], Канада [CIFAR, n. d.], Китай [Government of the PRC, 2017] и Россия [Президент России, 2019] реализуют стратегические программы и планы в этой области.

Несмотря на высокую оценку уровня российских разработок в сфере ИИ и представленный в 2019 г. прогноз роста доли ИИ в ВВП России до 0,8% в 2024 г. и 3,6% в 2030 г. [Правительство России, 2019], доля России в мировом рынке ИИ незначительна. Национальная стратегия развития ИИ до 2030 г. не предусматривает мер по активизации участия России в системе международного сотрудничества по ИИ или формированию региональных и глобальных партнерств, а Федеральный проект «Искусственный интеллект» не предполагает финансирования для международного сотрудничества. Без соответствующей поддержки со стороны государства, включая обеспечение взаимодействия с Глобальным партнерством по ИИ, российским участникам формирующейся международной системы будет сложно обеспечить влияние в процессах выработки стандартов и норм и занять сколько-нибудь существенную долю рынка.

Важно также сформировать позицию России по вопросу взаимодействия с Глобальным партнерством по ИИ. Эта структура является одной из многочисленных новых инициатив, призванных способствовать ответственной разработке и использованию ИИ. Важной особенностью Партнерства, отличающей его от других подобных институтов, действующих в формате некоммерческих организаций, является межправитель-

³ Например, соответствия положениям Конвенции Совета Европы действующих в государстве норм права и применяемых мер безопасности персональных данных. См. ст. 12 указанного ФЗ [Федеральный закон № 152-ФЗ, 2021].

ственный характер взаимодействия. Партнерство было создано в 2020 г. при участии стран «семерки», Австралии, ЕС, Мексики, Новой Зеландии, Кореи, Сингапура и Индии. Несмотря на политические разногласия с большинством участников инициативы, для России существуют точки пересечения по вопросам практического сотрудничества в области ИИ. Деятельность Партнерства основывается на рекомендациях ОЭСР по ИИ [OECD, 2019], которые, по сути, поддерживает Россия, поскольку практически идентичные по формулировкам принципы были приняты «Группой двадцати». На текущем этапе деятельность Партнерства не направлена на унификацию подходов к регулированию, предполагая поддержку в первую очередь исследовательского сотрудничества и прикладных разработок. Однако в будущем оно может стать платформой для выработки глобальных правил и стандартов в области ИИ, и в этом случае для учета российских позиций важно подключиться к работе инициативы уже сейчас.

Заключение

Проведенный анализ показал, что рассмотренные страны — лидеры цифровизации оказывают влияние на развитие ЦЭ по двум основным направлениям: через определение условий деятельности на внутренних цифровых рынках и участие в формировании новых глобальных стандартов и правил. Обеспечение процесса цифровой трансформации экономики и общества России требует учета опыта этих стран и последствий их влияния. Анализ влияния стран-лидеров на условия развития ЦЭ позволил сформировать рекомендации для политики России, относящиеся к реализации мер на национальном уровне и продвижению приоритетов цифровой повестки в международных институтах.

По результатам исследования шесть основных сфер цифрового регулирования можно разделить на две группы. По направлениям создания цифровой инфраструктуры, обеспечения кибербезопасности, формирования системы управления данными прослеживается тенденция к усилению противоречий в подходах США, Великобритании, Японии и частично ЕС и Кореи, с одной стороны, и России, КНР и Индии — с другой. По вопросам формирования стандартов и норм разработки и применения ИИ, согласованного регулирования цифровых рынков на международном уровне, международного регулирования, мониторинга и надзора за глобальной стабильной валютой и выпуска цифровых валют центральных банков серьезных концептуальных противоречий между Россией и партнерами по БРИКС и ведущими развитыми странами не наблюдается.

По первой группе сфер следует усиливать координацию в рамках БРИКС с целью выработки общей позиции и ее совместного продвижения в «Группе двадцати» и других институтах. В рамках евразийской интеграции необходимо стимулировать принятие партнерами по ЕАЭС стратегий развития ЦЭ и их максимальную синхронизацию, активизировать сотрудничество по вопросам гармонизации цифровых стандартов, укреплять институциональные и правовые основы цифровой повестки, выстраивая согласованную систему регулирования цифровой среды на союзном и национальном уровнях, обеспечить достаточное финансирование повестки для сокращения цифрового разрыва внутри стран и между ними. Важно использовать синергетический эффект сопряжения проектов в рамках цифровой повестки ЕАЭС и китайской инициативы Цифрового Шелкового пути по наиболее перспективным направлениям, например развитию 5G.

России также следует продолжать продвижение идеи обсуждения и формирования глобальных подходов к кибербезопасности, прежде всего в рамках ООН, усиливать

позиции в рамках ОБСЕ и Совета Европы, используя относительно более благоприятные двусторонние отношения с отдельными членами ЕС. По вопросам управления трансграничными потоками данных важно повышать активность и качество участия России в формировании многостороннего консенсуса в рамках переговорного процесса ВТО по электронной коммерции, также используя ресурс координации со странами, позиции которых наиболее близки российским.

Что касается второй группы сфер, основные рекомендации связаны с использованием опыта рассмотренных стран при реализации политики России. Так, для формирования подхода, балансирующего предпочтения национальным компаниям и обеспечение справедливой конкуренции в области регулирования крупных онлайн-платформ, продуктивным может быть изучение подходов и взаимодействие на этой основе с ЕС. С учетом опыта ключевых партнеров России по БРИКС – Индии и Китая – «пятерка» может использоваться для координации позиций по ЦВЦБ и другим цифровым активам, способным внести вклад в реализацию более широких целей по реформированию международной финансовой системы. По приоритету развития технологий ИИ, опираясь на опыт рассмотренных стран и ЕС, необходимо предусмотреть финансирование мер по активизации участия России в системе международного сотрудничества и формированию международных партнерств, в том числе взаимодействию в Глобальном партнерстве по ИИ, что позволит не остаться в стороне от наметившегося процесса разработки глобальных принципов в данной области.

Предложенные рекомендации по отдельным направлениям должны опираться на комплекс системных мер. В частности, общей основой укрепления ЦЭ России должно стать создание условий для цифровизации бизнеса, роста цифрового сектора и его экспортного потенциала. С этой целью следует увязать приоритеты развития ЦЭ и национальных инновационных предприятий с российскими программами содействия развитию. Целесообразно усилить меры государственной поддержки вывода отечественных цифровых решений на целевые рынки, в том числе через механизмы «регуляторных экспортных песочниц», и обеспечить создание дополнительных конкурентных преимуществ через международные партнерства.

Реализация предложенных рекомендаций будет способствовать достижению национальных целей по цифровой трансформации и укреплению позиций в усиливающейся глобальной борьбе за цифровое лидерство.

Список источников

Банк России (2021). Концепция цифрового рубля. Режим доступа: https://cbr.ru/Content/Document/File/120075/concept_08042021.pdf (дата обращения: 15.12.2021).

МИД России (2020). О позиции России на 75-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. 23 июля. Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1437475/ (дата обращения: 15.12.2021).

Правительство России (2019). Дорожная карта развития «сквозной» цифровой технологии «Нейротехнологии и искусственный интеллект». Режим доступа: <https://digital.gov.ru/uploaded/files/07102019ii.pdf> (дата обращения: 15.12.2021).

Президент России (2019). Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731> (дата обращения: 15.12.2021).

ТАСС (2021). Минцифры обсуждает с Минобороны выделение частот 3,4–3,8 ГГц для 5G в Москве. 18 октября. Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/12692801> (дата обращения: 15.12.2021).

Федеральный закон № 152-ФЗ (2021). Федеральный закон от 27 июля 2006 г. (ред. от 2 июля 2021) «О персональных данных» // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты в Российской Федерации.

Режим доступа: https://legalacts.ru/doc/152_FZ-o-personalnyh-dannyh/glava-2/statja-12/ (дата обращения: 15.12.2021).

Шелепов А.В. (2021). Обзор политики по регулированию глобальных стейблкоинов и цифровых валют центральных банков в некоторых странах — членах «Группы двадцати» // Вестник международных организаций. Т. 16. № 4. С. 196–222. doi:10.17323/1996-7845-2021-04-09

CIFAR (n. d.). Pan-Canadian AI Strategy. Режим доступа: <https://cifar.ca/ai/> (дата обращения: 15.12.2021).

Cory N., Dascoli L. (2021). How Barriers to Cross-Border Data Flows Are Spreading Globally, What They Cost, and How to Address Them. Information Technology & Innovation Foundation. 19 July. Режим доступа: <https://itif.org/publications/2021/07/19/how-barriers-cross-border-data-flows-are-spreading-globally-what-they-cost> (дата обращения: 15.12.2021).

Dalmia V.P. (2021). India: Personal Data Protection Bill, 2019. Mondaq. 13 January. Режим доступа: <https://www.mondaq.com/india/data-protection/1024292/personal-data-protection-bill-2019#:~:text=The%20Personal%20Data%20Protection%20Bill,coming%20budget%20session%20of%202021> (дата обращения: 15.12.2021).

EU4Digital (n. d.). Eastern Partnership. Режим доступа: <https://eufordigital.eu/discover-eu/eastern-partnership/> (дата обращения: 15.12.2021).

European Commission (EC) (2020a). Communication From the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions on a Digital Finance Strategy for the EU. COM(2020) 591 final. Brussels. 24 September. Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52020DC0591> (дата обращения: 15.12.2021).

European Commission (EC) (2020b). Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council on a Single Market for Digital Services (Digital Services Act) and Amending Directive 2000/31/EC. COM(2020) 825 final. Brussels. 15 December. Режим доступа: https://ec.europa.eu/newsroom/dae/document.cfm?doc_id=72148 (дата обращения: 15.12.2021).

European Commission (EC) (2020c). Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council on Contestable and Fair Markets in the Digital Sector (Digital Markets Act) COM(2020) 842 final. Brussels. 15 December. Режим доступа: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/proposal-regulation-single-market-digital-services-digital-services-act_en.pdf (дата обращения: 15.12.2021).

Goodman M. (2021). Advancing Data Governance in the G7. CSIS Commentary. 2 February. Center for Strategic and International Studies. Режим доступа: <https://www.csis.org/analysis/advancing-data-governance-g7> (дата обращения: 15.12.2021).

Gov.UK (2016). National Cyber Security Strategy 2016 to 2021. Режим доступа: <https://www.gov.uk/government/publications/national-cyber-security-strategy-2016-to-2021> (дата обращения: 15.12.2021).

Gov.UK (2019). AI Sector Deal. Режим доступа: <https://www.gov.uk/government/publications/artificial-intelligence-sector-deal/ai-sector-deal> (дата обращения: 15.12.2021).

Gov.UK (2020). Telecommunications (Security) Bill. Режим доступа: <https://www.gov.uk/government/collections/telecommunications-security-bill> (дата обращения: 15.12.2021).

Gov.UK (2021a). Global Britain in a Competitive Age: The Integrated Review of Security, Defence, Development and Foreign Policy. Режим доступа: <https://www.gov.uk/government/publications/global-britain-in-a-competitive-age-the-integrated-review-of-security-defence-development-and-foreign-policy> (дата обращения: 15.12.2021).

Gov.UK (2021b). Global Britain in a Competitive Age: The Integrated Review of Security, Defence, Development and Foreign Policy: Foreword From the Prime Minister. Режим доступа: <https://www.gov.uk/government/publications/global-britain-in-a-competitive-age-the-integrated-review-of-security-defence-development-and-foreign-policy/global-britain-in-a-competitive-age-the-integrated-review-of-security-defence-development-and-foreign-policy> (дата обращения: 15.12.2021).

Gov.UK (2021c). A New Pro-Competition Regime for Digital Markets. 20 July. Режим доступа: <https://www.gov.uk/government/consultations/a-new-pro-competition-regime-for-digital-markets> (дата обращения: 15.12.2021).

Government of the Peoples' Republic of China (PRC) (2016). The 13th Five-Year Plan for Economic and Social Development of the Peoples' Republic of China 2016–2020. Режим доступа: <https://en.ndrc.gov.cn/policies/202105/P020210527785800103339.pdf> (дата обращения: 15.12.2021).

Government of the Peoples' Republic of China (PRC) (2017). Guó wù yuàn guān yú yìn fā xīn yī dài rén gōng zhì néng fā zhǎn guī huà de tōng zhī [Notice of the State Council on Issuing the New Generation Artificial Intelligence Development Plan]. Guofa [2017] No. 35. Режим доступа: http://www.gov.cn/zhengce/content/2017-07/20/content_5211996.htm (дата обращения: 15.12.2021) (in Chinese).

Government of the Republic of Korea (2019). National Strategy for Artificial Intelligence. Режим доступа: <https://oecd.ai/en/wonk/documents/korea-national-strategy-for-ai-2019> (дата обращения: 15.12.2021).

King R. (2021). Digital Revolution: Perks of a Global Chinese CBDC // Central Banking. 17 August. Режим доступа: <https://www.centralbanking.com/central-banks/currency/7867221/digital-revolution-perks-of-a-global-chinese-cbdc> (дата обращения: 15.12.2021).

Ledger Insights (2021). China Warns on Stablecoins as Digital Yuan Users Pass 10 Million. 8 July. Режим доступа: <https://www.ledgerinsights.com/china-warns-on-stablecoins-as-digital-yuan-users-pass-10-million/> (дата обращения: 15.12.2021).

National Audit Office (NAO) (2021). Progress of the 2016–2021 National Cyber Security Programme. Режим доступа: <https://www.nao.org.uk/report/progress-of-the-2016-2021-national-cyber-security-programme/> (дата обращения: 15.12.2021).

Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) (2019). Recommendation of the Council on Artificial Intelligence. OECD/Legal/0449. Режим доступа: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0449> (дата обращения: 15.12.2021).

Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) (2021a). Addressing the Tax Challenges Arising From the Digitalisation of the Economy. OECD/G20 Base Erosion and Profit Shifting Project. 21 July. Режим доступа: <https://www.oecd.org/tax/beps/brochure-addressing-the-tax-challenges-arising-from-the-digitalisation-of-the-economy-july-2021.pdf> (дата обращения: 15.12.2021).

Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) (2021b). Mapping Commonalities in Regulatory Approaches to Cross-Border Data Transfers. OECD Trade Policy Paper No. 248. doi:10.1787/ca9f974e-en

President of the United States of America (2018). National Cyber Strategy of the United States of America. Режим доступа: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2018/09/National-Cyber-Strategy.pdf> (дата обращения: 15.12.2021).

Privacy Shield (n. d.). Режим доступа: <https://www.privacyshield.gov> (дата обращения: 15.12.2021).

Shen H. (2018). Building a Digital Silk Road? Situating the Internet in China's Belt and Road Initiative // International Journal of Communication. Vol. 12. P. 2683–2701. Режим доступа: <https://ijoc.org/index.php/ijoc/article/view/8405> (дата обращения: 15.12.2021).

Swire S. (2021). U.K.'s Post-Brexit Strategy on Cross-Border Data Flows // Lawfare. 1 September. Режим доступа: <https://www.lawfareblog.com/uks-post-brexit-strategy-cross-border-data-flows> (дата обращения: 15.12.2021).

The White House (2021). Updated Fact Sheet: Bipartisan Infrastructure Investment and Jobs Act. Statements and Releases. 2 August. Режим доступа: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/08/02/updated-fact-sheet-bipartisan-infrastructure-investment-and-jobs-act/> (дата обращения: 15.12.2021).

WilmerHale (2021). China Tightens Control Over Overseas Securities Listings in Name of Data Security. Client Alerts. 12 July. Режим доступа: <https://www.wilmerhale.com/en/insights/client-alerts/20210712-china-tightens-control-over-overseas-securities-listings-in-name-of-data-security> (дата обращения: 15.12.2021).

Xiong X., Zhang H. (2021). China Launches 3-Year Draft Plan for Cybersecurity Sector After Regulatory Actions // Global Times. 12 July. Режим доступа: <https://www.globaltimes.cn/page/202107/1228461.shtml> (дата обращения: 15.12.2021).

The Influence of the G20's Digitalization Leadership on Development Conditions and Governance of the Digital Economy¹

A. Shelepov

Andrey Shelepov – Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Centre for International Institutions Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; 11 Prechistsenskaya naberezhnaya, 119034, Moscow, Russian Federation; shelepov-av@ranepa.ru

Abstract

Given the increasing importance of the digital economy, competition for digital technologies and solutions, as well as the contest to influence norms, standards, and regulatory mechanisms, is escalating. This influence is distributed unevenly – digitalization leaders, primarily the key Group of 20 (G20) members, gain significant advantages, increasing their potential for shaping digital regulation through the consistent inclusion of domestic standards and norms in the documents of multilateral institutions, including the G20, the Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD), the World Trade Organization (WTO), and the United Nations (UN). At the same time, Russia's impact on the most important aspects of digital economy regulation at the global and regional level is currently limited.

The article presents an assessment of the influence wielded by the leading G20 members (the U.S., Canada, the UK, the European Union (EU), Japan, Korea, China and India) on the digital economy's development and regulation. This assessment serves as the basis for recommendations on Russia's approaches to the specific aspects of regulation (digital infrastructure development, cybersecurity, regulating digital platforms, regulating global stablecoins and central bank digital currencies (CBDCs), data governance, and artificial intelligence (AI) policies) at the national level, as well as its engagement in the G20 and other multilateral institutions.

The analysis indicates that the leading countries affect the digital economy mainly by determining conditions for activities in their domestic digital markets and participating in shaping new global standards and rules. In the areas of digital infrastructure development, cybersecurity, and data governance, there are growing contradictions between the approaches of the U.S., the UK, Japan and partly the EU and Korea on the one hand, and Russia, China and India on the other. Recommendations in these areas are related to strengthening coordination within the BRICS group of Brazil, Russia, India, China and South Africa to develop common positions and collectively promote them in the G20 and other multilateral institutions. The main recommendations on other regulatory aspects include using the experience of digitalization leaders to minimize the risks posed by competitors and to strengthen Russian positions in the global digital economy.

Keywords: digital economy, G20, cybersecurity, digital platforms, central bank digital currencies (CBDC), data governance, artificial intelligence (AI)

Acknowledgments: the article was written on the basis of the RANEPa state assignment research programme.

For citation: Shelepov A. (2022). The Influence of the G20's Digitalization Leadership on Development Conditions and Governance of the Digital Economy. *International Organisations Research Journal*, vol. 17, no 1, pp. 96–113 (in English). doi:10.17323/1996-7845-2022-01-04

References

- Bank of Russia (2021). Digital Ruble Concept. Available at: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/120239/dr_cocept.pdf (accessed 15 December 2021).
- CIFAR (n. d.). Pan-Canadian AI Strategy. Available at: <https://cifar.ca/ai/> (accessed 15 December 2021).

¹ This article was submitted 03.02.2022.

Cory N., Dascoli L. (2021). How Barriers to Cross-Border Data Flows Are Spreading Globally, What They Cost, and How to Address Them. *Information Technology & Innovation Foundation*, 19 July. Available at: <https://itif.org/publications/2021/07/19/how-barriers-cross-border-data-flows-are-spreading-globally-what-they-cost> (accessed 15 December 2021).

Dalmia V.P. (2021). India: Personal Data Protection Bill, 2019. *Mondaq*, 13 January. Available at: <https://www.mondaq.com/india/data-protection/1024292/personal-data-protection-bill-2019#:~:text=The%20Personal%20Data%20Protection%20Bill,coming%20budget%20session%20of%202021> (accessed 15 December 2021).

EU4Digital (n. d.). Eastern Partnership. Available at: <https://eufordigital.eu/discover-eu/eastern-partnership/> (accessed 15 December 2021).

European Commission (EC) (2020a). Communication From the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions on a Digital Finance Strategy for the EU. COM(2020) 591 final. Brussels, 24 September. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52020DC0591> (accessed 15 December 2021).

European Commission (EC) (2020b). Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council on a Single Market for Digital Services (Digital Services Act) and Amending Directive 2000/31/EC. COM(2020) 825 final. Brussels, 15 December. Available at: https://ec.europa.eu/newsroom/dae/document.cfm?doc_id=72148 (accessed 15 December 2021).

European Commission (EC) (2020c). Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council on Contestable and Fair Markets in the Digital Sector (Digital Markets Act) COM(2020) 842 final. Brussels, 15 December. Available at: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/proposal-regulation-single-market-digital-services-digital-services-act_en.pdf (accessed 15 December 2021).

Federal'nyj zakon ot 27 iyulya 2006 g. (red. ot 02.07.2021) "O personal'nyh dannyh" [Federal Law of 27 July 2006 N 152-FZ (as Amended on 2 July 2021) "On Personal Data"]. Available at: https://legalacts.ru/doc/152_FZ-o-personalnyh-dannyh/glava-2/statja-12/ (accessed 15 December 2021). (in Russian)

Goodman M. (2021). Advancing Data Governance in the G7. CSIS Commentary, 2 February, Center for Strategic and International Studies. Available at: <https://www.csis.org/analysis/advancing-data-governance-g7> (accessed 15 December 2021).

Gov.UK (2016). National Cyber Security Strategy 2016 to 2021. Available at: <https://www.gov.uk/government/publications/national-cyber-security-strategy-2016-to-2021> (accessed 15 December 2021).

Gov.UK (2019). AI Sector Deal. Available at: <https://www.gov.uk/government/publications/artificial-intelligence-sector-deal/ai-sector-deal> (accessed 15 December 2021).

Gov.UK (2020). Telecommunications (Security) Bill. Available at: <https://www.gov.uk/government/collect/telecommunications-security-bill> (accessed 15 December 2021).

Gov.UK (2021a). Global Britain in a Competitive Age: The Integrated Review of Security, Defence, Development and Foreign Policy. Available at: <https://www.gov.uk/government/publications/global-britain-in-a-competitive-age-the-integrated-review-of-security-defence-development-and-foreign-policy> (accessed 15 December 2021).

Gov.UK (2021b). Global Britain in a Competitive Age: The Integrated Review of Security, Defence, Development and Foreign Policy: Foreword From the Prime Minister. Available at: <https://www.gov.uk/government/publications/global-britain-in-a-competitive-age-the-integrated-review-of-security-defence-development-and-foreign-policy/global-britain-in-a-competitive-age-the-integrated-review-of-security-defence-development-and-foreign-policy> (accessed 15 December 2021).

Gov.UK (2021c). A New Pro-Competition Regime for Digital Markets, 20 July. Available at: <https://www.gov.uk/government/consultations/a-new-pro-competition-regime-for-digital-markets> (accessed 15 December 2021).

Government of the Peoples' Republic of China (PRC) (2016). The 13th Five-Year Plan for Economic and Social Development of the Peoples' Republic of China 2016–2020. Available at: <https://en.ndrc.gov.cn/policies/202105/P020210527785800103339.pdf> (accessed 15 December 2021).

Government of the Peoples' Republic of China (PRC) (2017). Guó wù yuán guān yú yìn fā xīn yī dài rén gōng zhì néng fā zhǎn guī huà de tōng zhī [Notice of the State Council on Issuing the New Generation Ar-

tificial Intelligence Development Plan]. Guofa [2017] no 35. Available at: http://www.gov.cn/zhengce/content/2017-07/20/content_5211996.htm (accessed 15 December 2021). (in Chinese)

Government of the Republic of Korea (2019). National Strategy for Artificial Intelligence. Available at: <https://oecd.ai/en/wonk/documents/korea-national-strategy-for-ai-2019> (accessed 15 December 2021).

Government of the Russian Federation (RF) (2019). Dorozhnaya karta razvitiya “skvoznoj” cifrovoy tekhnologii “nejrotekhnologii i iskusstvennyj intellekt” [Roadmap for the Development of “Overarching” Digital Technology “Neurotechnologies and Artificial Intelligence”]. Available at: <https://digital.gov.ru/uploaded/files/07102019ii.pdf> (accessed 15 December 2021). (in Russian)

King R. (2021). Digital Revolution: Perks of a Global Chinese CBDC. Central Banking, 17 August. Available at: <https://www.centralbanking.com/central-banks/currency/7867221/digital-revolution-perks-of-a-global-chinese-cbdc> (accessed 15 December 2021).

Ledger Insights (2021). China Warns on Stablecoins as Digital Yuan Users Pass 10 Million, 8 July. Available at: <https://www.ledgerinsights.com/china-warns-on-stablecoins-as-digital-yuan-users-pass-10-million/> (accessed 15 December 2021).

Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (RF) (2020). O pozicii Rossii na 75-j sessii General'noj Assamblei OON [On the Position of Russia at the 75th Session of the United Nations General Assembly]. 23 July. Available at: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1437475/ (accessed 15 December 2021). (in Russian)

National Audit Office (NAO) (2021). Progress of the 2016–2021 National Cyber Security Programme. Available at: <https://www.nao.org.uk/report/progress-of-the-2016-2021-national-cyber-security-programme/> (accessed 15 December 2021).

Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) (2019). Recommendation of the Council on Artificial Intelligence. OECD/Legal/0449. Available at: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0449> (accessed 15 December 2021).

Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) (2021a). Addressing the Tax Challenges Arising From the Digitalisation of the Economy. OECD/G20 Base Erosion and Profit Shifting Project, 21 July. Available at: <https://www.oecd.org/tax/beps/brochure-addressing-the-tax-challenges-arising-from-the-digitalisation-of-the-economy-july-2021.pdf> (accessed 15 December 2021).

Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) (2021b). Mapping Commonalities in Regulatory Approaches to Cross-Border Data Transfers. OECD Trade Policy Paper no 248. doi:10.1787/ca-9f974e-en.

President of the Russian Federation (2019) Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 10.10.2019 g. № 490 “O razvitii iskusstvennogo intellekta v Rossijskoj Federacii” [Executive Order of the President of the Russian Federation of 10 October 2019 No 490 “On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation”]. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731> (accessed 15 December 2021). (in Russian)

President of the United States of America (2018). National Cyber Strategy of the United States of America. Available at: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2018/09/National-Cyber-Strategy.pdf> (accessed 15 December 2021).

Privacy Shield (n. d.). Available at: <https://www.privacyshield.gov> (accessed 15 December 2021).

Shelepov A. (2021). Obzor politiki po regulirovaniyu global'nyh stejblkoinov i cifrovyh valyut central'nyh bankov v nekotoryh stranah-chlenah “Gruppy dvadcati” [Regulating Global Stablecoins and Central Bank Digital Currencies in Selected G20 Countries]. *International Organisations Research Journal*, vol. 16, no 4. (in Russian). doi:10.17323/1996-7845-2021-04-09.

Shen H. (2018). Building a Digital Silk Road? Situating the Internet in China's Belt and Road Initiative. *International Journal of Communication*, vol. 12, pp. 2683–701. Available at: <https://ijoc.org/index.php/ijoc/article/view/8405> (accessed 15 December 2021).

Swire S. (2021). U.K.'s Post-Brexit Strategy on Cross-Border Data Flows. *Lawfare*, 1 September. Available at: <https://www.lawfareblog.com/uks-post-brexit-strategy-cross-border-data-flows> (accessed 15 December 2021).

TASS (2021). Mincifry obsuzhdaet s Minoborony vydelenie chastot 3,4–3,8 GGc dlya 5G v Moskve [The Ministry of Digital Development Discusses With the Ministry of Defense the Allocation of 3.4–3.8 GHz Fre-

quencies for 5G in Moscow. 18 October. Available at: <https://tass.ru/ekonomika/12692801> (accessed 15 December 2021). (in Russian)

The White House (2021). Updated Fact Sheet: Bipartisan Infrastructure Investment and Jobs Act. Statements and Releases, 2 August. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/08/02/updated-fact-sheet-bipartisan-infrastructure-investment-and-jobs-act/> (accessed 15 December 2021).

WilmerHale (2021). China Tightens Control Over Overseas Securities Listings in Name of Data Security. *Client Alerts*, 12 July. Available at: <https://www.wilmerhale.com/en/insights/client-alerts/20210712-china-tightens-control-over-overseas-securities-listings-in-name-of-data-security> (accessed 7 February 2022).

Xiong X., Zhang H. (2021). China Launches 3-Year Draft Plan for Cybersecurity Sector After Regulatory Actions. *Global Times*, 12 July. Available at: <https://www.globaltimes.cn/page/202107/1228461.shtml> (accessed 15 December 2021).

Многосторонность как вынужденная необходимость? Эволюция французской политики в Субсахарской Африке: преемственность и новизна¹

И.Э. Магадеев

Магадеев Искандэр Эдуардович — к.и.н., доцент кафедры истории и политики стран Европы и Америки факультета международных отношений Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (МГИМО МИД России); Российская Федерация, 119454, Москва, просп. Вернадского, д. 76; iskander2017@yandex.ru

Аннотация

Внешиеполитический дискурс президента Франции Эмманюэля Макрона нередко строится на идее многосторонности как организующего принципа международных отношений. Однако резоны и факторы, определявшие подобную ставку Парижа, были далеки от идеализма. Цель статьи — выявить, насколько риторика многосторонности соответствует политике Пятой республики в Субсахарской Африке в 2017–2021 гг. Автор опирается на программные документы французских ведомств, тексты законов и выступления президента Франции. Статья построена на основе анализа трех традиционных «опор» Пятой республики в Африке и эволюции подходов Парижа в их отношении. Речь идет о французском военном присутствии, системе валют стран Западной и Центральной Африки (бывший франк КФА), французской помощи развитию. Анализ политики Франции в Субсахарской Африке продемонстрировал стремление Парижа укрепить элементы многосторонности. Прежде всего речь шла о желании Макрона европеизировать и интернационализировать взаимодействие Пятой республики с Африкой за счет активизации диалога посредством ЕС, ООН, Африканского союза, других международных организаций и форматов; о проведении реформы франка КФА, в рамках которой Париж передал больше полномочий африканским странам; об эволюции политики помощи развитию, в осуществлении которой Франция шла к большему учету международных критериев и принципов, сохраняя при этом акцент на билатеральном подходе. Конкуренция за влияние с КНР, Турцией и Россией, взаимозависимость в сфере безопасности между зоной Сахеля и Европой (факторы терроризма, миграционных потоков) стимулируют власти Пятой республики уделять внимание Субсахарской Африке. Вместе с тем дефицит экономических и военно-политических ресурсов подталкивает Париж к поиску способов разделить «бремя» африканской политики со своими союзниками, а также с самими странами региона. В значительной степени многосторонность является для Парижа способом максимизировать дивиденды от африканской политики и сократить издержки.

Ключевые слова: Франция, Африка, многосторонность, международные отношения, Сахель

Для цитирования: Магадеев И.Э. Многосторонность как вынужденная необходимость? Эволюция французской политики в Субсахарской Африке: преемственность и новизна // Вестник международных организаций. 2022. Т. 17. № 1. С. 114–128 (на русском и английском языках). doi:10.17323/1996-7845-2022-01-05

¹ Статья поступила в редакцию 07.07.2021.

Введение

Риторика многосторонности (мультилатерализма) является важной компонентой внешней политики современной Франции. Обращаясь к послам Пятой республики 29 августа 2017 г., президент Эмманюэль Макрон призывал их транслировать вовне образ Франции, «желающей везде, где это возможно, нести факел мультилатерализма, политического диалога и разрешения кризисов» [Macron, 2017a]. Исследователи определяли взгляд Макрона «на перспективы развития системы международных отношений» как «инклюзивный мультилатерализм» [Обичкина, 2018, с. 141].

Цель статьи — выявить, насколько риторика многосторонности, активно используемая французской дипломатией, соответствует политике Пятой республики в Субсахарской Африке в 2017–2021 гг.

Выбор Африки южнее Сахары обусловлен тем, что Париж продолжает рассматривать многие страны субрегиона как сферу своего особого влияния. При этом международные тренды, очевидные с 1990-х годов, способствуют размыванию реального французского присутствия и заставляют руководство Пятой республики искать новые инструменты осуществления политики. Париж активно взаимодействует с африканскими странами в рамках международных организаций и других международных форматов (ООН, Международная организация Франкофонии (МОФ), саммиты Африка — Франция и др.), что усиливает интерес к изучению «вызовов многосторонности» в отношениях Пятой республики и государств Африки. При должном учете специфики и характера взаимодействий опыт африканской политики Франции может быть использован и при формулировании внешней политики России.

Текущая африканская политика Франции была объектом исследований ряда работ [Халитова, 2020; Филиппов, 2020; Gaulme, 2019]. Однако их авторы не так часто уделяли внимание вопросу о среднесрочных тенденциях в действиях Парижа, а также не всегда выявляли резоны властей Пятой республики в усилении элементов многосторонности. Акцент на указанных проблемах придает исследованию новизну.

Статья построена на основе анализа трех традиционных «опор» Франции в Африке и эволюции подходов Парижа в их отношении. Речь идет о французском военном присутствии (на Субсахарскую Африку пришлось 44% всех военных вмешательств Франции с 1962 г. до конца 2010-х годов) [Pannier, Schmitt, 2019, p. 901]; о системе валют стран Западной и Центральной Африки (бывший франк КФА²), фактически регулируемой до недавнего времени Казначейством Франции; о французской помощи развитию [Gaulme, 2019, p. 7]. Под элементами многосторонности в африканской политике Парижа понимаются три основных компонента: 1) тенденция к привлечению партнеров/союзников и желание заручиться мандатом ООН при осуществлении военных операций в Африке; 2) стремление к активизации диалога с Африкой по линии Европейского союза (ЕС), в рамках МОФ, по линии ООН — Африканский союз (АС); 3) растущая ориентация Парижа на принципы работы многосторонних институтов и международных организаций (МВФ, Всемирный банк, ОЭСР) при осуществлении помощи развитию африканским странам.

² Введен в декабре 1945 г. под названием «франк французских колоний Африки». В 1958 г. переименован во «франк Французского Сообщества в Африке», затем — во «франк Африканского финансового сообщества» (Communauté financière africaine, CFA). До 2020 г. в понятие «франк КФА», как правило, включали две валюты, эмиссию которых осуществляли различные институты: одна имела хождение в восьми странах Западноафриканского валютного и экономического союза, вторая — в шести странах Экономического и валютного сообщества стран Центральной Африки.

Стремление Эмманюэля Макрона к обновлению африканской политики Франции

Уже первые внешнеполитические действия Макрона на африканском треке демонстрировали, что он придает ему серьезное значение. Африка, вслед за Европой и Средиземноморьем, позиционировалась как один из приоритетов внешней политики [Обичкина, 2018, с. 140]. Решение Макрона от 29 августа 2017 г. о создании Президентского совета по Африке коррелировало с подобными заявлениями, а также отражало один из ударных тезисов его дипломатии — более активное привлечение к межгосударственным контактам представителей бизнеса и гражданского общества. Французские и африканские предприниматели, а также общественные активисты вошли в Совет, призванный давать рекомендации Макрону [Conseil présidentiel pour l'Afrique, 2021]. На фоне растущей критики в отношении «неоколониальной» политики Франции в Африке президент Пятой республики стремился к обновлению и увеличению эффективности применения «мягкой силы» Парижа, апеллируя к наиболее динамичным и молодым слоям обществ африканских стран.

Проявление интереса Парижа к Африке было обусловлено не только позитивными стимулами, но и опасениями. Если «коммунистическая угроза» подталкивала Париж к активной африканской политике в годы холодной войны, то возрастание в 2010-е годы влияния в Африке КНР, Турции и России с настороженностью воспринималось властями Пятой республики. 18 февраля 2021 г., вскоре после обсуждения в Национальном собрании закона о французской политике в сфере помощи развитию, министр иностранных дел Ж.-И. Ле Дриан в эфире одного из радиоканалов откровенно заявил: «Франция возвращается в игру». Политик не скрывал, что «китайский фактор» стал одним из ключевых в переориентации действий Парижа: «Мы вступили в войну за модель развития и за влияние с Китаем» [France Inter, 2021].

Выступив с программной речью в университете Уагадугу 28 ноября 2017 г., Макрон заявил о принципах, которые видел в основе своих действий в Африке [Macron, 2017c]. Президент стремился реформировать африканскую политику Франции, следуя континентальному подходу, то есть не сосредотачиваясь на взаимодействии с франкофонными странами и не проводя жестких различий между политикой к югу и северу от Сахары; он делал ставку на усиление многостороннего подхода в действиях Парижа и на взаимодействие по линии ЕС — Африка.

Акцент на многосторонности во франко-африканских отношениях дал о себе знать в призывах Макрона к проведению «афро-европейской стратегии» [Macron, 2020]. При прагматичном прочтении подобных призывов речь шла о стремлении разделить «бремя» африканской политики с европейскими партнерами. Именно «французские приоритеты в Африке» лежали в основе предложенной Макроном в речи от 26 сентября 2017 г. Европейской инициативы по вмешательству [Pannier, Schmitt, 2019, p. 910].

Выступая на Генеральной Ассамблее (ГА) ООН 20 сентября 2017 г., Макрон подчеркнул, что в «Сахеле мы едины и действуем совместно». Речь шла об «Объединенных Нациях, странах региона в рамках МИНУСМА³ и совместных силах «Сахельской

³ Многопрофильная комплексная миссия ООН по стабилизации в Мали. Учреждена согласно резолюции СБ ООН № 2100 от 25 апреля 2013 г. В июле 2018 г. Макрон не исключал, что в будущем силы АС возьмут на себя роль миссии МИНУСМА и заменят «Сахельскую пятерку» [Gaulme, 2019, p. 28].

пятерки»⁴, Европейском союзе и его государствах-членах...». Президент Франции намечал и более широкие планы: «Нам необходима артикуляция в урегулировании кризисов вместе с ЕС, АС, субрегиональными организациями, которые являются крайне важными акторами» [Macron, 2017b]. Через год Макрон призывал ГА ООН поддержать африканскую инициативу, направленную на улучшение координации между АС и ООН при проведении операций по поддержанию мира [Macron, 2018].

Схожими тезисами был проникнут «Стратегический обзор», подготовленный Министерством вооруженных сил Франции в октябре 2017 г. [Ministère des Armées, 2017, p. 22], а также его актуализация в феврале 2021 г. [Ministère des Armées, 2021, p. 12]. Оценки эксперта Ф. Гольма из Французского института международных отношений были более пессимистичными. Он полагал, что представление о «прочных многосторонних отношениях между Европой и Африкой с участием АС» характеризовалось «отсутствием реализма» [Gaulme, 2019, p. 4].

С точки зрения Макрона, поддержка Парижем процесса реформирования АС должна была способствовать диалогу Европы и Африки. Курс на реформы в АС был объявлен еще в 2016 г. и привел к ряду конкретных решений на саммитах организации в Аддис-Абебе (17–18 ноября 2018 г., 6–7 февраля 2021 г.). Речь шла об усилении исполнительного органа АС (комиссии), о более эффективной системе финансирования со стороны государств-членов, активизации политики помощи развитию [Немченко, 2019]. Кроме того, благожелательная позиция Макрона по вопросам реформирования АС должна была стимулировать нормализацию отношений между Францией и Руандой, на которых до сих пор лежала «тень» поддержки Парижем режима хуту в период геноцида тутси в 1994 г. Президент Руанды Поль Кагаме, занимавший пост председателя АС в январе 2018 г. — феврале 2019 г., выступал поборником реформы.

Сочетание социально-экономической и стратегической повестки дня в африканской политике Эмманюэля Макрона

Несмотря на декларации об отказе от традиционных «опор» в Африке, на деле речь шла о продолжении модернизации этой системы, начатой ранее. Распространенное сравнение Макрона с Валери Жискар д'Эстеном — двух самых молодых президентов Пятой республики на момент их прихода в Елисейский дворец — было вполне уместным в случае африканской политики. Центрист Макрон в своем стремлении выйти за пределы франкофонной «заповедной зоны» в Африке, а также усилить торгово-экономическое и бизнес-измерения дипломатии Парижа наследовал ряду тенденций, заметных еще во второй половине 1970-х годов [Vach, 1984].

Примечательной в этом смысле стала инициатива Елисейского дворца по созыву в Париже 18 мая 2021 г. саммита для экономического восстановления Африки от последствий пандемии COVID-19. Проходивший в гибридном формате (очное присутствие + видеоконференция), саммит принял представителей 19 африканских стран (в том числе десять нефранкофонных), пять европейских государств, ЕС, Японии, а также международных организаций и институтов (ООН, МВФ, ОЭСР, ВТО, Всемирный банк и др.). Громкое заявление, сделанное тогда Макроном о проведении «нового курса» по оказанию помощи Африке, не сопровождалось, однако, «никакими твердыми обязательствами» со стороны Франции [Vergès, 2021]. Ставка была сделана на анонсирован-

⁴ Структура межгосударственного взаимодействия, образованная в феврале 2014 г. с приоритетной целью борьбы против терроризма и нестабильности в зоне Сахеля. Включает Буркина-Фасо, Мавританию, Мали, Нигер, Чад.

ное и вступившее в силу 23 августа 2021 г. решение МВФ о выпуске специальных прав заимствования на сумму около 650 млрд долл. (около 33 млрд из них предназначались Африке).

Акцент на экономической составляющей был замечен в подходе Макрона к МОФ. Последняя, с точки зрения исследователей, интересует президента «не более чем как инструмент (причем далеко не главный) для укрепления экономических позиций страны» [Зуева, Тимофеев, 2018, с. 88–89]. Распространение французского языка должно было стать трамплином для французского бизнеса.

Сочетание преемственности и новизны особенно проявилось в рамках военной компоненты французской политики в Африке. Унаследовав от периода президентства Франсуа Олланда антитеррористическую операцию «Бархан» в Сахеле, новый глава Елисейского дворца продолжил ее реализацию, а также тенденцию к «интернационализации». Отчасти признанием значимости операции стал первый африканский визит Макрона 19 мая 2017 г. (спустя несколько дней после вступления в должность) именно на базу французских войск в Гао (Мали).

Сахель, согласно «Стратегическому обзору», рассматривался Парижем как «зона приоритетных интересов Франции в сфере борьбы с терроризмом и трафика (людей, запрещенных средств и т.д. — *И. М.*), в сфере защиты сообщества экспатов. Сахаро-сахельское пространство находится под угрозой укоренения в нем джихадистских движений» [Ministère des Armées, 2017, p. 21]. Дополнительным вызовом, о котором не говорилось в «Стратегическом обзоре», стало недовольство ряда африканцев военным присутствием Франции. Макрон, согласно мнению обозревателя, «плохо скрывал свое раздражение» и считал, что руководители ряда государств Африки вели двойную игру: разыгрывая «антиколониальную карту» в целях набрать популярность внутри своих стран, они одновременно желали, чтобы Париж продолжил обеспечивать безопасность в регионе [Pigeaud, 2020, p. 12].

Слухи о возможном сокращении французского контингента, задействованного в рамках операции «Бархан» (около 5,1 тыс. человек), которые ходили накануне саммита «Сахельской пятерки» и стран-партнеров в Нджамене (16 февраля 2021 г.), не подтвердились [Duclos, 2021]. Однако, по всей видимости, они не были беспочвенными. 10 июня Макрон заявил о грядущей «глубокой трансформации» французского военного присутствия в Сахеле и ориентации на «международный альянс с участием государств региона». Анонимные источники сообщали тогда, что речь идет о сокращении французского контингента до 3,5 тыс. человек в 2022 г. и до 2,5 тыс. человек в 2023 г. [Vincent, 2021]. Однако заявление, сделанное президентом Франции 13 июля, звучало даже более радикально: «Операция “Бархан” будет завершена в первом триместре 2022 г., но мы продолжим свои действия и дальше...» [Vernet, 2021].

Об амбивалентности французской позиции свидетельствовала реакция Парижа от 24 мая 2021 г. на сближение новых властей Мали, пришедших к власти в результате военного переворота, с Россией. После того как в сентябре стало известно о российско-малийских переговорах относительно возможной отправки подразделений российской частной военной компании в Мали, Париж выразил обеспокоенность подобным сценарием развития событий. 15 ноября, во время телефонного разговора на высшем уровне, президент Макрон вновь поднял этот вопрос, отметив, что прибытие российских подразделений будет иметь серьезные последствия [Jeune Afrique, 2021].

Вместе с тем выражение обеспокоенности и недовольство действиями новых властей Мали сопровождалось заявлениями Парижа о сокращении французского военного присутствия. 8 октября 2021 г., выступая на саммите Африка — Франция в Монпелье, Макрон анонсировал закрытие двух военных баз на севере Мали и предупредил,

что Пятая республика продолжит уход из этой африканской страны [RTL, 2021]. Это выступление можно объяснить как внутривнутриполитическими резонами — желанием нейтрализовать критику относительно расходования средств на операции в Африке, что было особенно важно в условиях приближающихся президентских выборов, — так и стремлением надавить на Бамако.

Сложность положения Франции усугублялась тем, что поддержка Парижа союзниками в этом вопросе не была стопроцентной. Если США были солидарны с Францией в критике российских действий в Мали, то заявления Макрона об ускорении вывода французских войск негативно воспринимались в Вашингтоне [Lynch, Detsch, 2021]. Таким образом, желание Парижа сохранить влияние в Субсахарской Африке на фоне усиления присутствия КНР, Турции и России сосуществует с дефицитом различных ресурсов у Пятой республики, а также с рассогласованностью действий Франции и ее союзников.

Усиление многосторонности и интернационализация мер по обеспечению безопасности в Сахеле во многом являются для Франции способом сэкономить средства и обеспечить свои интересы в рамках коллективных действий. Анализируя желание Парижа иметь союзников при проведении военных операций, эксперты справедливо подчеркивали: «Нужда — мать инноваций» [Pannier, Schmitt, 2019, p. 907]. Примером успеха на данном направлении стала Брюссельская конференция доноров операции «Бархан» в феврале 2018 г. На ней было анонсировано выделение 414 млн евро (годовая стоимость операции составляет около 400 млн евро), из которых по 100 млн обязались выделить ЕС и Саудовская Аравия, 50 млн — страны «Сахельской пятерки», 48,8 млн — США [Barbière, Flausch, 2018]. Играя решающую роль в военных операциях в Сахеле, Париж рассчитывал, что финансирование развития стран региона в немалой степени возьмут на себя Всемирный банк и ЕС. Стремление привлечь партнеров (прежде всего Германию), а также многосторонние институты к реализации проектов по развитию было одним из ключевых резонансов французской инициативы по созданию «Альянса для Сахеля» в июле 2017 г. (насчитывает 25 членов и 11 наблюдателей; в 2020 г. поддерживал проекты на общую сумму в 21,8 млрд евро) [The Sahel Alliance, 2021]. При этом французская доля (10%) в финансировании донорских программ в Мали в 2017–2018 гг. уступала доле ЕС (17%) и Международной ассоциации развития (24%). В случае Нигера диспропорции были еще более выраженными: процентное соотношение Франции, ЕС и Международной ассоциации развития выглядело так: 4,7 : 20 : 20 [Pye, 2021].

Развивая логику европеизации африканской политики Франции, Макрон делал ставку на тактические европейские силы Такуба, призванные содействовать вооруженным силам Мали в борьбе против терроризма. В этих силах, о формировании которых было объявлено 27 марта 2020 г., участвуют представители Швеции, Эстонии, Нидерландов, Португалии, Дании, Бельгии, Италии и Чехии [Ministère des Armées, 2021, p. 33]. Однако ожидания, связанные с ними, не были полностью реализованы. Заявленная Макроном на саммите в Нджамене в феврале 2021 г. цель (численность в 2 тыс. человек) оставалась далека от реализации (в июне силы насчитывали около 600 человек) [Sauvage, 2021]. Со сложностями координации многосторонних действий Париж сталкивался и в самой Африке. Попытки Макрона добиться подключения к странам «Сахельской пятерки» Сенегала — важного союзника Франции и одного из ключевых региональных игроков — натолкнулись на неприятие Мали и Мавритании и не привели к результату.

Стремление к обновлению африканской политики, с одной стороны, и континуитет стратегических интересов Франции в Африке, с другой, вступали подчас в противоречие. Тезисы Елисейского дворца о необходимости демократизации африканских

стран, хотя на публике Макрон был осторожен, не желая указывать африканцам, «каким должно быть правовое государство» [Macron, 2017с], оказались отодвинуты в сторону ввиду стратегических приоритетов. Так, далекий от демократических стандартов режим в Чаде оставался жизненно важным союзником Франции в рамках операции «Бархан» [Duclos, 2021].

Сочетание билатерализма и мультилатерализма во французской помощи развитию

Конфликтное сосуществование традиций и новизны касалось и других компонентов африканской политики Макрона. Повышенное внимание президента к социально-экономической повестке дня франко-африканских отношений и акцент на многосторонности не всегда коррелировали друг другом. В интервью от 12 ноября 2020 г. Макрон подчеркивал, что «подлинный вопрос во взаимодействии с Африкой — это ее экономическое развитие, обеспечение мира и безопасности» [Macron, 2020]. Однако французская политика по решению данных задач сохранила традиционный, преимущественно двусторонний характер.

Программный закон Пятой республики от 4 августа 2021 г. о помощи развитию наметил не только увеличение объемов помощи (0,55% от ВВП в 2022 г. по сравнению с 0,37% в 2017 г.), осуществляемой частично за счет налогов на финансовые транзакции, но и зафиксировал ряд принципиальных положений [Loi, 2021]. Часть из них вписывалась в модернизацию африканской политики Парижа, которая была начата ранее [Халитова, 2020, с. 123–130].

В программном законе от 4 августа был закреплён ряд установок на обновление. Среди них: а) акцент на необходимости сопряжения французской политики помощи и программ ООН, АС, многосторонними инициативами в сфере биоразнообразия и климата, в том числе Парижским соглашением по климату; б) обещание, что Франция «приложит усилия, дабы достичь» показателя 0,7% от ВВП, выделяемого для помощи развитию; в) ставка на взаимодействие не только с правительствами стран — получателей помощи, но и с местными органами власти, НКО и бизнесом; г) создание механизма по конфискации имущества, приобретенного иностранцами во Франции на средства, которые были получены незаконным путем, и передача стоимости этого имущества в страны происхождения; д) трансформация структуры французской помощи, которая «все больше походит на помощь других донаторов: это безвозмездные взносы, а не займы...» [Зуева, Тимофеев, 2018, с. 88].

Речь также шла о большей конвергенции между принципами французской политики и рекомендациями Комитета по помощи развитию ОЭСР. Несмотря на то что Комитет, как и штаб-квартира ОЭСР, располагается в Париже, «сменявшие друг друга правительства Пятой республики парадоксальным образом вплоть до недавнего времени мало считались с ним» [Gaulme, 2019. р. 21]. В докладе 2018 г., подготовленном Генеральным управлением по вопросам глобализации, культуры, образования и международного развития (в структуре Министерства Европы и иностранных дел Франции) подчеркивалась желательность ориентации на критерии ОЭСР при выявлении проблемных сфер в том или ином государстве и обществе, требующих содействия [Ministère de l'Europe et des Affaires étrangères, 2018, р. 8].

Вместе с тем некоторые положения программного закона от 4 августа вписывались в логику преемственности. Так, основными получателями помощи должны стать 18 африканских стран (15 из них — франкофонные) и Гаити. Схожее положение дел

наблюдалось в распределении помощи в 2019 г. со стороны правительственного Французского агентства развития (AFD). Ее главными получателями были франкофонные государства Западной и Центральной Африки (немаловажное исключение — Эфиопия, получившая 158 млн евро, около 10% от общего объема). В 2020 г. на Африку приходилось 39% от двусторонней помощи развитию, выделенной Францией (80% от африканской «квоты» — на Африку южнее Сахары) [Ministère de l'Europe et des Affaires étrangères, 2021]. Всего с 2012 г. AFD инвестировало в страны Сахеля 5,3 млрд евро, из них 471 млн евро в 2020 г. [Ministère de l'Europe et des Affaires étrangères, 2020].

Реформа франка КФА: традиции и инновации

Противоречивое сочетание новаций и преемственности присутствовало и в другом важном шаге, сделанном Макроном, — реформе франка КФА. В 2017 г. Макрон не считал этот вопрос актуальным, что усилило эффект неожиданности от соглашения о реформе, подписанного 21 декабря 2019 г. в Абиджане с президентом Кот д'Ивуара Аласаном Уаттара [Pigeaud, 2020, p. 12]. Инициатором реформы, насколько можно судить, выступил именно Уаттара. Он рассчитывал, что новая валюта, созданная вместо франка КФА, станет денежной единицей всех стран Экономического сообщества западноафриканских государств (ЭКОВАС). Это вызвало недовольство Нигерии, рассчитывавшей, что новая денежная единица будет образована на основе найры [Toulemonde, 2021].

В соглашении, подписанном в Абиджане, речь шла о совокупности мер, которые сокращали, хотя и не ликвидировали полностью французское влияние на валюту Западноафриканского валютного и экономического союза (ЗАЭВС). В дальнейшем эта валюта вместо франка КФА должна получить название «эко». Сохраняя фиксированный паритет валюты с евро (1 евро = 655,95 эко) и свободную конвертацию, гарантированную Парижем, страны ЗАЭВС освобождались от обязательства хранить 50% своих резервов в Казначействе Франции. Условие ухода французских представителей из структур Центрального банка государств Западной Африки (ВСЕАО) предполагало сохранение у Парижа рычагов влияния. С Францией согласовывалась кандидатура «независимого и квалифицированного» члена комитета ВСЕАО по монетарной политике; при наличии повышенных рисков Франция могла назначить своего представителя (с совещательным голосом) в совет директоров ВСЕАО [Bascher, 2021]. Однако в случае создания жизнеспособного механизма самостоятельного финансового регулирования в рамках ЭКОВАС будущее зоны франка в ее современном виде будет поставлено под вопрос.

У некоторых представителей французских элит, насколько можно судить, присутствовало стремление к еще большему отказу от «особых» финансовых отношений со странами Западной и Центральной Африки и к переводу их на бизнес-рельсы. В апреле 2021 г. Паскаль Бонифас, директор французского Института международных отношений и стратегии, так оценил итоги реформы: «Елисейский дворец не сумел разорвать монетарную связь со странами зоны франка, воплощенную во франке КФА. Африканские лидеры не желают пускаться в авантюру финансового суверенитета и предпочитают комфорт в виде паритета с евро, даже если Франция покинет органы управления западноафриканской валютой» [Boniface, 2021].

Таким образом, ответ на вопрос о степени новизны африканской политики Макрона серьезным образом зависит от отправной точки. Если сравнивать ее с голлистским наследием, то изменения очевидны, однако если сопоставлять действия Макрона

с предыдущими попытками модернизации франко-африканских отношений, начиная с Жискара д'Эстена, то налицо преемственность в поисках обновления. Как подчеркивал аналитик и бывший посол Мишель Дюкло, «наряду с амбициозным Макроном-новатором и сторонником глобального подхода к Африке существует классический Макрон, осторожный реалист, который проявляет себя в отношениях с Западной и Центральной Африкой...» [Duclos, 2021].

Заключение

Подводя итоги, можно констатировать, что анализ политики Франции в Субсахарской Африке в 2017–2021 гг. продемонстрировал стремление Парижа укрепить элементы многосторонности. Прежде всего речь шла о желании Макрона европеизировать и интернационализировать взаимодействие Пятой республики с Африкой за счет активизации диалога посредством ЕС, ООН, АС, других международных организаций и форматов. Данный посыл, частично воплощенный, затрагивал три «опоры» франко-африканских отношений: а) военные операции, к которым Париж стремился привлечь других членов ЕС, государства АС, а также надеялся сократить свое присутствие, укрепив силы «Сахельской пятерки»; б) франк КФА, при реформировании которого Париж передал больше полномочий странам Западной Африки; в) политика помощи развитию: в ее осуществлении Франция стремилась к большему учету международных критериев и принципов, сохраняя при этом акцент на билатеральном подходе.

Указанные тенденции, как правило, не были радикально новыми, а имели прецеденты в действиях прошлых французских президентов. В связи с этим уместно говорить не о «разрыве» с традициями африканской политики Франции, о котором в имиджевых целях упоминали многие главы Пятой республики, а о трансформациях в рамках преемственности.

К новациям подталкивали в первую очередь факторы международно-политического и экономического порядка, диктовавшие степень интереса, проявляемого Парижем к Африке. Конкуренция за влияние с КНР, Турцией и Россией, взаимозависимость в сфере безопасности между зоной Сахеля и Европой (факторы терроризма, миграционных потоков) стимулируют власти Пятой республики уделять внимание Субсахарской Африке. Вместе с тем дефицит экономических и военно-политических ресурсов подталкивает Париж к поиску способов разделить «бремя» африканской политики со своими союзниками, а также с самими странами региона. Как еще в 2010 г. отмечал британский эксперт Т. Чейфер, анализируя опыт африканской политики Парижа, «в настоящее время полагаться на двусторонний подход стало намного труднее, поскольку такая политика обходится слишком дорого. Таким образом, возникает необходимость создавать партнерства, чтобы разделить издержки и в военной сфере, и в сфере помощи развитию» [Chafer, Cumming, 2010, p. 57]. В значительной степени многосторонность является для Парижа способом максимизировать дивиденды от африканской политики и минимизировать затраты.

Список источников

Зуева К.П., Тимофеев П.П. (2018). Внешняя политика президента Франции Э. Макрона: прагматизм под маской атлантизма? // Мировая экономика и международные отношения. Т. 62. № 12. С. 83–91. doi:10.20542/0131-2227-2018-62-12-83-91

Немченко В.П. (2019). Африканский Союз на пути обновления // Азия и Африка сегодня. № 5. С. 60–61. doi:10.31857/S032150750004752-9

Обичкина Е.О. (2018). Дипломатия Эммануэля Макрона: «новый курс»? // Франция при президенте Эммануэле Макроне: в начале пути / под ред. М.В. Клиновой, А.К. Кудрявцева, Ю.И. Рубинского, П.П. Тимофеева. М.: ИМЭМО РАН. С. 140–147.

Филиппов В.Р. (2020). Турне Э. Макрона по странам Африканского Рога // Азия и Африка сегодня. № 1. С. 10–16. doi:10.31857/S032150750008159-6

Халитова А.Р. (2020). Эволюция политики Франции в странах Субсахарской Африки в XXI в.: приоритеты и практики их реализации правительствами Н. Саркози и Ф. Олланда: дисс. ... канд. ист. наук. М.: Институт Африки РАН.

Bach D. (1984). La politique africaine de Valéry Giscard d'Estaing: contraintes historiques et nouveaux espaces économiques [The African Policy of Valéry d'Estaing: Historical Constraints and New Economic Spaces]. Bordeaux: IEP. (in French)

Bascher J. (2021). Rapport au nom de la commission des finances [Report on Behalf of the Finance Committee]. 20 January. Режим доступа: http://www.senat.fr/rap/120-289/120-289_mono.html (дата обращения: 03.09.2021). (in French)

Barbière C., Flausch M. (2018). More Funds for G5 Sahel After Brussels Conference // Euractiv. 26 February. Режим доступа: <https://www.euractiv.com/section/development-policy/news/more-funds-for-g5-sahel-after-brussels-conference/> (дата обращения: 03.09.2021).

Boniface P. (2021). Le piège africain de Macron [Macron's African Trap: 4 Questions to Pascal Airault] // IRIS. 21 April. Режим доступа: <https://www.iris-france.org/156620-le-piege-africain-de-macron-4-questions-a-pascal-airault/> (дата обращения: 03.09.2021). (in French)

Chafer T., Cumming G. (2010). Cinquante ans de politique africaine de la France: Un point de vue britannique [Fifty Years of African Politics in France: A British Point of View] // Afrique Contemporaine. Vol. 3. No. 235. P. 53–62. (in French). doi:10.3917/AFCO.235.0053

de Vergès M. (2021). Au sommet de Paris sur l'Afrique, un appel à “accélérer” la vaccination sur le continent [At the Paris Summit on Africa, a Call to “Accelerate” Vaccination on the Continent] // Le Monde. 19 May. Режим доступа: https://www.lemonde.fr/afrique/article/2021/05/19/au-sommet-de-paris-sur-l-afrique-un-appel-a-accelerer-la-vaccination-sur-le-continent_6080655_3212.html (accessed 22 February 2022). (in French)

Duclos M. (2021). Les deux politiques africaines du Président Macron [President Macron's Two African Policies: Elements of an Initial Assessment] // Institut Montaigne. 3 June. Режим доступа: <https://www.institut-montaigne.org/blog/les-deux-politiques-africaines-du-president-macron-elements-dun-premier-bilan> (дата обращения: 03.09.2021). (in French)

France Inter (2021). L'Invité de 7H50 [The 7:50AM Guest]. 18 February. Режим доступа: <https://www.franceinter.fr/emissions/l-invite-de-7h50/l-invite-de-7h50-18-fevrier-2021> (дата обращения: 03.09.2021). (in French)

Gaulme F. (2019). Emmanuel Macron et l'Afrique. La vision et l'héritage [Emmanuel Macron and Africa: Vision and Legacy]. Paris: IFRI.

Jeune Afrique (2021). Russie-France: Emmanuel Macron à l'offensive pour faire barrage à Wagner au Mali [Russia-France: Emmanuel Macron on the Offensive to Block Wagner in Mali]. 16 November. Режим доступа: <https://www.jeuneafrique.com/1266594/politique/russie-france-emmanuel-macron-a-loffensive-pour-faire-barrage-a-wagner-au-mali/> (дата обращения: 21.02.2022). (in French)

Loi du 4 août 2021 de programmation relatif au développement solidaire et à la lutte contre les inégalités mondiales [Law of 4 August 2021 on Programming Relating to Solidarity Development and the Fight Against Global Inequalities] (Loi) (2021). Режим доступа: <https://www.vie-publique.fr/loi/277797-loi-4-aout-2021-programmation-aide-publique-developpement-solidaire> (дата обращения: 03.09.2021). (in French)

Lynch C., Detsch J. (2021). Washington Scrambles France's Mali Exit Strategy // Foreign Policy. 18 June. Режим доступа: <https://foreignpolicy.com/2021/06/18/biden-sahel-france-mali-exit-plan/> (дата обращения: 21.02.2022).

Macron E. (2017a). Discours à l'ouverture de la conférence des Ambassadeurs [Speech by the President of the Republic at the Opening of the Conference of Ambassadors] // Élysée. 29 August. Режим доступа: <https://www.elysee.fr/fr/discours-et-declarations/2017/29-aout-2017-discours-a-l-ouverture-de-la-conference-des-ambassadeurs>

www.elysee.fr/emmanuel-macron/2017/08/29/discours-du-president-de-la-republique-a-l-ouverture-de-la-conference-des-ambassadeurs (дата обращения: 03.09.2021). (in French)

Macron E. (2017b). Discours devant la 72e Assemblée générale des Nations Unies [Speech by Emmanuel Macron to the United Nations General Council] // Élysée. 20 September. Режим доступа: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2017/09/20/discours-d-emmanuel-macron-devant-la-72e-assemblee-generale-des-nations-unies> (дата обращения: 03.09.2021). (in French)

Macron E. (2017c). Discours à l'université de Ouagadougou [Speech by Emmanuel Macron at the University of Ouagadougou] // Élysée. 28 November. Режим доступа: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2017/11/28/discours-demmanuel-macron-a-luniversite-de-ouagadougou> (дата обращения: 03.09.2021). (in French)

Macron E. (2018). Discours devant la 73e Assemblée générale des Nations Unies [Speech by French President Emmanuel Macron at the 73rd United Nations General Assembly] // Élysée. 25 September. Режим доступа: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2018/09/26/discours-du-president-de-la-republique-emmanuel-macron-a-la-73e-assemblee-generale-des-nations-unies> (дата обращения: 03.09.2021). (in French)

Ministry for Europe and Foreign Affairs (2018). Prévention, résilience et paix durable (2018–2020) [Prevention, Resilience and Sustainable Peace (2018–2020)]. Strategic Report. Режим доступа: https://www.diplomatie.gouv.fr/IMG/pdf/meae_strategie_etatsfragiles_bd_web_cle091a27.pdf (дата обращения: 21.02.2022). (in French)

Ministry for Europe and Foreign Affairs (2020). G5 Sahel Joint Force and the Sahel Alliance. Режим доступа: <https://www.diplomatie.gouv.fr/en/french-foreign-policy/security-disarmament-and-non-proliferation/crises-and-conflicts/g5-sahel-joint-force-and-the-sahel-alliance/> (дата обращения: 15.12.2021).

Ministry for Europe and Foreign Affairs (2021). Les chiffres de l'aide française [French Aid Figures]. Режим доступа: <https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/politique-etrangere-de-la-france/developpement/les-chiffres-de-l-aide-francaise/> (дата обращения: 03.09.2021). (in French)

Ministry of the Armed Forces (2017). Revue stratégique de défense et de sécurité nationale [Strategic Review of Defence and National Security]. Режим доступа: <https://www.defense.gouv.fr/dgris/politique-de-defense/revue-strategique-2017/revue-strategique> (дата обращения: 21.02.2022). (in French)

Ministry of the Armed Forces (2021). Actualisation stratégique [Strategic Update]. Режим доступа: <https://www.defense.gouv.fr/dgris/politique-de-defense/actualisation-strategique-2021> (дата обращения: 21.02.2022). (in French)

Pannier A., Schmitt O. (2019). To Fight Another Day: France Between the Fight Against Terrorism and Future Warfare // *International Affairs*. Vol. 95. Iss. 4. P. 897–916. doi:10.1093/ia/iiz050

Pigeaud F. (2020). Présence française en Afrique, le ras-le-bol [French Presence in Africa, Fed Up] // *Le Monde diplomatique*. (March). Режим доступа: <https://www.monde-diplomatique.fr/2020/03/PIGEAUD/61500> (accessed 22 February 2022). (in French)

Presidential Council for Africa (2021). Qu'est-ce que le CPA? [What is the CPA?]. Режим доступа: <https://www.cpafrance.fr/a-propos/> (дата обращения: 03.09.2021). (in French)

Pye K. (2021). The Sahel: Europe's Forever War? Centre for European Reform Policy Brief. 31 March. Режим доступа: <https://www.cer.eu/publications/archive/policy-brief/2021/sahel-europes-forever-war> (дата обращения: 15.12.2021).

RTL (2021). Mali: la France “n’a pas vocation à rester”, dit Emmanuel Macron [Mali: France “Is Not Intended to Stay” Says Emmanuel Macron]. 9 October. Режим доступа: <https://www.rtl.fr/actu/politique/mali-la-france-n-a-pas-vocation-a-rester-dit-emmanuel-macron-7900083415> (дата обращения: 15.12.2021). (in French)

The Great Continent (2020). La doctrine Macron: une conversation avec le Président français [The Macron Doctrine: A Conversation With the French President]. 16 November. Режим доступа: <https://legrandcontinent.eu/fr/2020/11/16/macron> (дата обращения: 21.02.2022). (in French)

The Sahel Alliance (2021). Режим доступа: <https://www.alliance-sahel.org/en/sahel-alliance/> (дата обращения: 03.09.2021).

Toulemonde M. (2021). Réforme du franc CFA: qu'est-ce qui a changé? [Reform of the CFA Franc: What Has Changed?] // Jeune Afrique. 13 May. Режим доступа: <https://www.jeuneafrique.com/mag/893369/economie/reforme-du-franc-cfa-ce-qui-va-changer-en-2020/> (accessed 22 February 2022). (in French)

Vincent E. (2021). Risques et périls de la fin de “Barkhane” au Sahel [Risks and Perils of the End of “Barkhane” in the Sahel] // Le Monde. 11 June. Режим доступа: https://www.lemonde.fr/international/article/2021/06/11/risques-et-perils-de-la-fin-de-barkhane_6083674_3210.html (accessed 22 February 2022). (in French)

Multilateralism as Forced Necessity? Evolution of the French Policy in Sub-Saharan Africa: Continuity and Change¹

I. Magadeev

Iskander Magadeev – PhD (History), Associate Professor of Department of European and American Studies, School of International Relations, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University); 76 Vernadskogo Prospect, Moscow, 119454, Russian Federation; iskander2017@yandex.ru

Abstract

French foreign policy discourse during the presidency of E. Macron was often based on the idea of multilateralism as pillar of the international order. Nevertheless, the motives that governed the French approach were far from idealist. The purpose of this article is to analyze the relationship between the rhetoric of multilateralism and the practice of the Fifth Republic's policy in Sub-Saharan Africa in 2017–21. Conclusions are drawn from the documents of the French ministries, texts of French laws and the speeches of the president. The analysis proceeds by exploring the evolution of Paris' approach to the three main "pillars" of its African policy: the French military presence, the influence on the Western and Central African countries' financial system (the former CFA franc), and, finally, French aid to development. In his policy toward Sub-Saharan Africa, Macron showed a clear intention to modernize the practices of the past and to inject more multilateralism into them. The French president wanted to strengthen European and global dimensions of the relations between the Fifth Republic and Africa; he aimed to put these relations into a broader framework, including European Union (EU), the United Nations (UN), the African Union, and other international organizations and fora. Macron also pursued the reform of the CFA franc, which gave more authority to the Western African countries themselves. He validated the evolution in the sphere of aid to development, which resulted in more convergence between the French methods and the international recommendations, though at the same time Paris persisted in its preference for bilateral mechanisms of aid. In general, the emphasis put on multilateralism was a French method to maximize the benefits from its African policy and to minimize its costs.

Keywords: France, Africa, multilateralism, international relations, Sahel

For citation: Magadeev I. (2022). Multilateralism as Forced Necessity? Evolution of the French Policy in Sub-Saharan Africa: Continuity and Change. *International Organisations Research Journal*, vol. 17, no 1, pp. 114–128 (In English). doi:10.17323/1996-7845-2022-01-05

References

- Bach D. (1984). *La politique africaine de Valéry Giscard d'Estaing: contraintes historiques et nouveaux espaces économiques*, Bordeaux: IEP.
- Barbière C., Flausch M. (2018). *More funds for G5 Sahel after Brussels conference*, 26 February. Available at: <https://www.euractiv.com/section/development-policy/news/more-funds-for-g5-sahel-after-brussels-conference/> (accessed 3 September 2021).
- Bascher J. (2021). *Rapport au nom de la commission des finances*, 20 janvier. Available at: http://www.senat.fr/rap/120-289/120-289_mono.html (accessed 3 September 2021).
- Boniface P. (2021). *Le piège africain de Macron*. 21 avril. Available at: <https://www.iris-france.org/156620-le-piege-africain-de-macron-4-questions-a-pascal-airault/> (accessed 3 September 2021).
- Chafer T., Cumming G. (2010). Cinquante ans de politique africaine de la France. Un point de vue britannique. *Afrique contemporaine*, no 3, pp. 53–62. doi:10.3917/AFCO.235.0053

¹ This article was submitted 07.07.2021.

Conseil présidentiel pour l'Afrique (2021). Qu'est-ce que le CPA? Available at: <https://www.cpafrrique.fr/a-propos/> (accessed 3 September 2021).

Duclos M. (2021). Les deux politiques africaines du Président Macron, 3 juin. Available at: <https://www.institutmontaigne.org/blog/les-deux-politiques-africaines-du-president-macron-elements-dun-premier-bilan> (accessed 3 September 2021).

Filippov V.R. (2020). Turne E. Makrona po stranam Afrikanskogo Roga [E. Macron's Tour in the Countries of the African Horn]. *Aziya i Afrika segodnya*, no 1, pp. 10–16. (in Russian). doi:10.31857/S032150750008159-6

France Inter (2021). 18 février. Available at: <https://www.franceinter.fr/emissions/l-invite-de-7h50/l-invite-de-7h50-18-fevrier-2021> (accessed 3 September 2021).

Gaulme F. (2019). *Emmanuel Macron et l'Afrique. La vision et l'héritage*. Paris: IFRI.

Jeune Afrique (2021). Russie-France: Emmanuel Macron à l'offensive pour faire barrage à Wagner au Mali. *Jeune Afrique*, 16 Novembre.

Khalitova A.R. (2020). *Evolutsiya politiki Frantsii v stranakh Subsakharskoi Afriki v XXI v.: priority i praktiki ikh realizatsii pravitel'stvmi N. Sarkozy i F. Ollanda* [Evolution of the French policy in Sub-Saharan Africa in the XXI century: priorities and practices of their realisation by the governments of N. Sarkozy and F. Hollande] (PhD Thesis). Moscow: Institut Afriki RAN.

Loi de programmation relatif au développement solidaire et à la lutte contre les inégalités mondiales, 4 août [Law of 4 August 2021 on Programming Relating to Solidarity Development and the Fight Against Global Inequalities] (Loi) (2021). Available at: <https://www.vie-publique.fr/loi/277797-loi-4-aout-2021-programmation-aide-publique-developpement-solidaire> (accessed 3 September 2021).

Lynch C., Detsch J. (2021). Washington Scrambles France's Mali Exit Strategy. *Foreign Policy*, 18 June.

Macron E. (2017a). Discours à l'ouverture de la conférence des Ambassadeurs, 29 août. Available at: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2017/08/29/discours-du-president-de-la-republique-a-l-ouverture-de-la-conference-des-ambassadeurs> (accessed 3 September 2021).

Macron E. (2017b). Discours devant la 72e Assemblée générale des Nations Unies, 20 Septembre. Available at: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2017/09/20/discours-d-emmanuel-macron-devant-la-72e-assemblee-generale-des-nations-unies> (accessed 3 September 2021).

Macron E. (2017c). Discours à l'université de Ouagadougou, 28 Novembre. Available at: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2017/11/28/discours-demmanuel-macron-a-luniversite-de-ouagadougou> (accessed 3 September 2021).

Macron E. (2018). Discours devant la 73e Assemblée générale des Nations Unies. 25 Septembre. Available at: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2018/09/26/discours-du-president-de-la-republique-emmanuel-macron-a-la-73e-assemblee-generale-des-nations-unies> (accessed 3 September 2021).

Macron E. (2020). La doctrine Macron: une conversation avec le Président français. *Le Grand continent*, 16 Novembre.

Ministère de l'Europe et des Affaires étrangères (2018). *Prévention, résilience et paix durable (2018–2020)*. Paris: DGM.

Ministère de l'Europe et des Affaires étrangères (2020). G5 Sahel Joint Force and the Sahel Alliance. Available at: <https://www.diplomatie.gouv.fr/en/french-foreign-policy/security-disarmament-and-non-proliferation/crises-and-conflicts/g5-sahel-joint-force-and-the-sahel-alliance/> (accessed 15 December 2021).

Ministère de l'Europe et des Affaires étrangères (2021). Les chiffres de l'aide française. Available at: <https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/politique-etrangere-de-la-france/developpement/les-chiffres-de-l-aide-francaise/> (accessed 3 September 2021).

Ministère des Armées (2017). *Revue stratégique de défense et de sécurité nationale*. Paris: DICOd.

Ministère des Armées (2021). *Actualisation stratégique*. Paris: DICOd.

Nemchenko V.P. (2019). Afrikanskii Soyuz na puti obnovleniya [African Union on Reformist Track]. *Aziya i Afrika segodnya*, no 5, pp. 60–61. doi:10.31857/S032150750004752-9

- Obichkina E.O. (2018) Diplomatiya Emmanuelya Makrona: “novyi kurs”? [Diplomacy of Emmanuel Macron: the “New Deal”?]. *Frantsiya pri prezidente Emmanuele Makrone: v nachale puti* [France during the Presidency of Emmanuel Macron: Starting the Road] (M.V. Klinova, A.K. Kudryavtsev, Yu.I. Rubinskii, P.P. Timofeev (eds.)). Moscow: IMEMO RAN, pp. 140–147. (in Russian)
- Pannier A., Schmitt O. (2019). To Fight another Day: France between the Fight against Terrorism and Future Warfare. *International Affairs*, vol. 95, no 4, pp. 897–916. doi:10.1093/ia/iiz050
- Pigeaud F. (2020) Présence française en Afrique, le ras-le-bol. *Le Monde diplomatique* (mars). P. 12.
- Pye K. (2021). The Sahel: Europe’s Forever War? Available at: <https://www.cer.eu/publications/archive/policy-brief/2021/sahel-europes-forever-war> (accessed 15 December 2021).
- RTL (2021). Mali: la France “n’a pas vocation à rester”, dit Emmanuel Macron, 9 octobre. Available at: <https://www.rtl.fr/actu/politique/mali-la-france-n-a-pas-vocation-a-rester-dit-emmanuel-macron-7900083415> (accessed 15 December 2021).
- The Sahel Alliance (2021). Available at: <https://www.alliance-sahel.org/en/sahel-alliance/> (accessed 3 September 2021).
- Toulemonde M. (2021). Réforme du franc CFA: qu’est-ce qui a changé? *Jeune Afrique*, 13 mai.
- Vergès M. de (2021). Au sommet de Paris sur l’Afrique, un appel à “accélérer” la vaccination sur le continent. *Le Monde*, 19 mai.
- Vernet H. (2021). À la veille du 14 Juillet, Macron rend hommage au général Lecointre, chef d’état-major sur le départ. *Le Parisien*, 13 juillet.
- Vincent E. (2021). Risques et périls de la fin de “Barkhane” au Sahel. *Le Monde*, 11 juin.
- Zueva K.P., Timofeev P.P. (2018). Vneshnyaya politika prezidenta Frantsii E. Makrona: pragmatizm pod maskoi atlantizma? [Foreign Policy of the President of France E. Macron: Pragmatism behind the Mask of Atlantism?]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 62, no 12, pp. 83–91. (in Russian). doi:10.20542/0131-2227-2018-62-12-83-91

Кооперативное соперничество – вероятная альтернатива международным организациям на глобальном энергетическом рынке: пример российско-американского противостояния на европейском рынке природного газа¹

А.Г. Симонов

Симонов Александр Геннадьевич — к.э.н., доцент кафедры международных экономических отношений Российского университета дружбы народов (РУДН); Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; Simonov_ag@pfur.ru

Аннотация

В статье рассматриваются возможности установления равновесия на международном рынке газа в условиях отсутствия регулирующих международных организаций и активного использования политического инструментария нерыночной конкуренции участниками европейского газового рынка. Проводится анализ рынка с точки зрения структуры издержек и интересов основных поставщиков и потребителей. Предпринимается попытка построения модели рыночного взаимодействия при санкционных ограничениях. Моделирование интернализации политических ограничений используется для обоснования основных мотивов действия игроков и их бизнес-стратегий в новых условиях. Полученные результаты позволяют сделать ряд принципиальных выводов об экономических последствиях как для рынка в целом, так и для участников по отдельности. Математическая обоснованность полученных результатов внушает оптимизм относительно возможности принятия акторами оптимальных и эффективных решений в условиях неэкономической конкуренции и фактического провала международных институтов.

Ключевые слова: международная конкурентоспособность, европейский газовый рынок, Северный поток, СПГ, ценовая и неценовая конкуренция, экономическая и политическая конкуренция, моделирование экономико-политических систем, санкции, добавленная стоимость, энергетическая безопасность

Для цитирования: Симонов А.Г. Кооперативное соперничество – вероятная альтернатива международным организациям на глобальном энергетическом рынке: пример российско-американского противостояния на европейском рынке природного газа // Вестник международных организаций. 2022. Т. 17. № 1. С. 129–141 (на русском и английском языках). doi:10.17323/1996-7845-2022-01-06

¹ Статья поступила в редакцию 09.07.2021.

Введение: контекст и вызовы

На современном этапе развития как мировой экономики в целом, так и мировой энергетики как одной из основ всех производственных процессов (в широком смысле, в том числе обеспечение функционирования домашних хозяйств), человечество столкнулось с рядом новых вызовов и угроз. Они обусловлены не внешними факторами (силами природы, как это было раньше), но эндогенными переменными, берущими начало из особенностей и обычаев взаимодействия между собой отдельных индивидов, компаний и государств.

В качестве масштабного и доступного для всестороннего анализа примера формирования и функционирования политико-экономических систем международного уровня можно привести европейский рынок природного газа. Данный рынок выбран в качестве объекта исследования по ряду причин: он представляет собой энергосистему с большим количеством потребителей (сотни миллионов), обладающую развитой технической и финансовой инфраструктурой, сложившимися стандартами и обычаями [Andronova, Osinovskaya, 2017]. Эти обстоятельства снижают транзакционные издержки и позволяют сделать допущение о близости данной рыночной структуры к совершенной конкуренции по целому ряду параметров (особенно применительно к стороне спроса, ниже будут очерчены границы этого допущения). Важной особенностью европейского рынка природного газа является увеличивающийся дефицит внутренних поставок (рис. 1) — внутреннее производство неуклонно снижается, основная потребность удовлетворяется за счет импорта. Более того, в последние годы уровни экспорта и добычи почти сравнялись, то есть внутреннее потребление практически полностью покрывается импортными поставками.

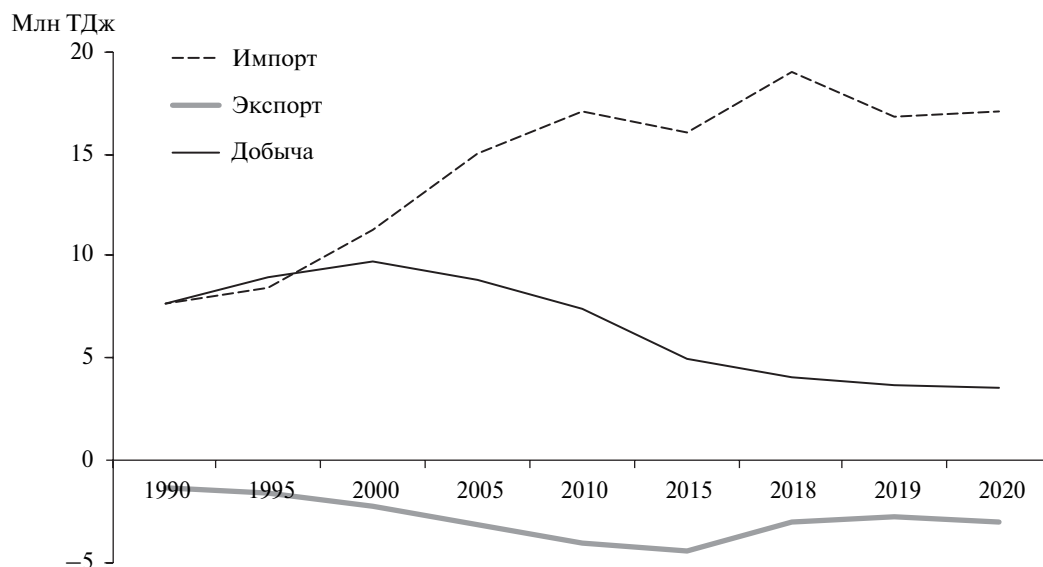

Рис. 1. Добыча, импорт и экспорт газа в ЕС-28, ТДж

Источник: Составлено автором на основе данных МЭА.

Вместе с тем на европейском рынке наблюдается доминирование небольшого количества крупных поставщиков (Россия, Норвегия, Катар, США, Ливия), исполь-

зующих разные стратегии, способы поставки и механизмы ценообразования. В то же время природный газ является относительно гомогенным товаром (различается только доля основного компонента — метана, лежащая в пределах от 80% для биогаза до 95–99% для ископаемого высококалорийного топлива), что теоретически делает ценовую конкуренцию единственным эффективным механизмом (далее это утверждение будет протестировано).

Оценка исхода ценовой конкуренции может быть произведена на базе сопоставления издержек производителей (на рис. 2 представлены издержки российских и американских поставщиков). Примечательно, что переменные затраты российских и американских поставщиков сопоставимы (российский газ немного дешевле). Однако с учетом толлинговых платежей (сжижение на СПГ-терминалах) себестоимость американского газа повышается примерно вдвое. Так как большинство терминалов США предоставляют свои мощности по предоплате, то с экономической точки зрения издержки американских поставщиков на сжижения являются невозвратными, вынуждая их ориентироваться на краткосрочную прибыль (то есть на покрытие хотя бы переменных издержек). Именно поэтому у американских экспортеров есть сильный стимул перемещаться в область неценовой конкуренции. При этом возможность одних участников рынка влиять на издержки других, в том числе транзакционные, остается малоизученным предметом в рамках экономической теории.

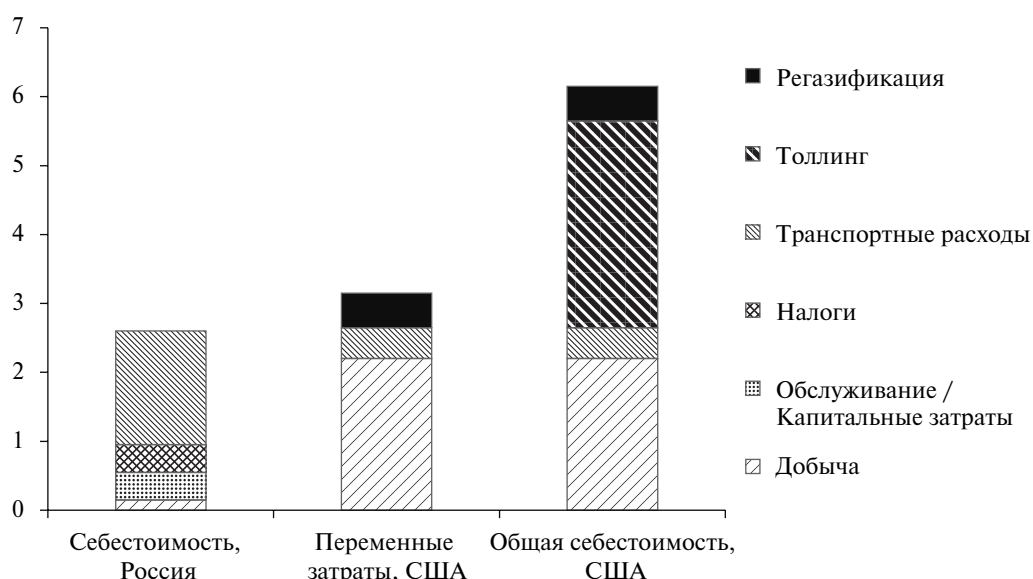

Рис. 2. Структура издержек поставщиков природного газа из России и СПГ из США, долл./MMBtu

Источник: Составлено автором на основе данных RIPA.

Высокий уровень экономического развития, повышенные требования населения к уровню жизни и развитая промышленность обуславливают высокий спрос на энергию в Европе. Ранее проведенные исследования [Лавров, Симонов, 2021] выявили вероятное отсутствие реальных субститутов для природного газа со стороны других энергоносителей (это обусловлено форсированным закрытием ряда АЭС, отказом от угольной генерации, невозможностью гарантированно покрывать повышенные сезонные и пиковые нагрузки только за счет возобновляемых источников).

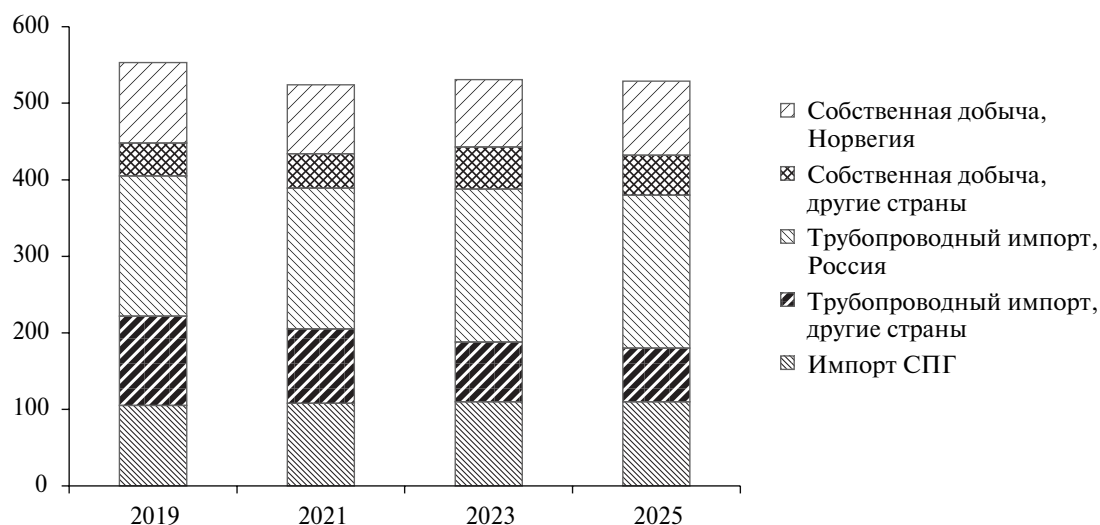

Рис. 3. Трансформация структуры поставок на европейский газовый рынок (млрд м³), 2019–2025 гг.

Источник: Составлено автором на основе данных МЭА.

Учитывая вышеизложенное, европейский рынок природного газа можно охарактеризовать как рынок гомогенного товара с большим количеством платежеспособных потребителей, развитой технической и финансовой инфраструктурой, при этом существенно зависящий от импортных поставок [Карпова, Лавров, Симонов, 2014]. Это описание во многом удовлетворяет классическому определению совершенной конкуренции, что предполагает возможность установления равновесия [Argow, Debreu, 1954]. Однако существует одно существенное обстоятельство — основными поставщиками являются крупные иностранные компании. Вследствие этого возникает значительная неопределенность, связанная, с одной стороны, со стратегией импортеров (находящейся принципиально в широком диапазоне — от возможного ценового сговора до ценовой войны), а также зависящая от политики импортирующих государств (как применительно к импортерам, так и в отношении правил функционирования всего энергетического рынка). Европейский рынок газа подвержен существенному регламентированию и регулированию как на государственном, так и на наднациональном уровне. Меры со стороны государств-импортеров могут существенно искажать конкуренцию, охватывают смежные отрасли и влияют на бизнес-модели энергетических компаний в долгосрочном периоде. Среди таких мер может быть применение фактически дифференцированного подхода к поставкам из различных источников, формирование крупных локальных посредников (например, европейские компании-дистрибьюторы) для участия в распределении маржи или же искусственное создание товаров-субститутов (например, продвижение зеленых энергоносителей и введение платежей, зависящих от нормативных параметров сопутствующих выбросов). Последнее явление можно считать хорошо изученным, если положить политические детерминанты экзогенными переменными, то замещение ископаемых источников энергии альтернативными можно представить в рамках модели пяти сил (five forces model) Портера [Porter, 1979] как угрозу со стороны продуктов-заменителей (substitutes). Теоретически энергопереход может также рассматриваться в качестве примера созидательного разрушения (creative destruction) в рамках описанной Шумпетером парадигмы [Schumpeter, 1994], однако

в силу вышеупомянутых причин развитие зеленых технологий (по крайней мере на текущем этапе) не может гарантировать лучших потребительских качеств в сравнении с традиционными источниками энергии по ключевым экономическим и технологическим параметрам.

Для целей настоящей статьи представляется целесообразным разработать подход к анализу возможностей установления равновесия на европейском рынке природного газа в краткосрочном периоде. Построение упрощенной математической модели и включение в нее политико-экономической составляющей может позволить создать инструмент для выявления путей нахождения многостороннего компромисса на базе собственных экономических интересов каждой из сторон. В случае обоснования принципа установления равновесия в отсутствие регулирующего института может быть сделан вывод о состоятельности существующего механизма конкуренции в качестве альтернативы международным организациям. Подобный результат может стать основой для проведения широкомасштабных исследований, сфокусированных на других регионах и отраслях. Это особенно важно, так как понимание путей дальнейшего развития и эволюции международных экономических отношений на фоне фактического фиаско целого ряда международных организаций (например, по мнению ряда экспертов — ООН, ВТО и др.) может, во-первых, дать новый импульс развитию мировой экономики [Ларионова, 2016], а во-вторых, стать реальным конкурентным преимуществом для тех акторов, которые первыми овладеют новым инструментарием принятия оптимальных решений без участия регулирующих институтов.

Основные концепции (понятия) и аналитическая парадигма исследования

Нефтегазовый бизнес является классическим примером положительной отдачи от масштаба (сокращение средних издержек по мере увеличения объема выпуска). Как следствие, в большинстве стран, особенно обладающих значительными запасами углеводородного сырья, сформировались крупные (зачастую единственные) компании, консолидировавшие активы в области добычи, а также транспортировки и переработки [Карпова, 2016]. Такое положение дел в сочетании с существенной зависимостью фискальной политики ряда стран от деятельности их нефтегазовых концернов приводит к размыванию границ между государством и бизнесом в этой сфере. Как следствие, на международной арене целый ряд организаций (в первую очередь ВТО) теряет возможность эффективно модерировать взаимоотношения бизнес-субъектов, которые среди прочего могут восприниматься в качестве государственных агентов [Лавров, Алексанян, 2017; Лавров, Симонов, 2021]. Аналогичная ситуация наблюдается и со стороны спроса: энергетическая безопасность лежит в основе не только экономического потенциала, но и в целом призвана гарантировать удовлетворение базовых потребностей домашних хозяйств, что усиливает стимулы для государства (и политиков по электоральным мотивам) более активно вмешиваться в вопросы энергопоставок в краткосрочном периоде и оказывать влияние на трансформацию энергетического баланса и селекцию источников энергии в долгосрочном периоде. Таким образом, возникает логичный вопрос о возможности поиска ключевых факторов установления равновесия в таких условиях, определения истинных закономерностей и правил взаимодействия, формирующихся на международных энергетических (газовых) рынках.

В рамках настоящей статьи предлагается проанализировать последствия для рынка и отдельных участников в случае принятия основными игроками решений в соб-

ственных интересах (максимизация прибылей и излишков) в краткосрочном периоде, как в рамках ценовой конкуренции, так и при допущении, что один поставщик обладает рычагом ограничения экспортных мощностей другого. Такой подход весьма актуален в силу более высоких затрат при поставках СПГ из США в сравнении с поставками трубопроводного газа. Ограничение экспортных возможностей российских поставщиков, вероятно, является единственным действенным инструментом максимизации прибыли американских поставщиков при более высоких издержках в рамках ценовой конкуренции [Simonov, Lavrov, 2022].

Методология

Предположим, что на рынке есть один потребитель и два поставщика. Рынок рассматривается в краткосрочном периоде, поэтому постоянные издержки полагаются невозвратными и не учитываются при определении краткосрочного равновесия. Функции спроса и предложения заданы линейно, при этом помимо зависимости от цены объемы поставок имеют физическое ограничение (максимальная пропускная способность газопроводов и максимально возможный объем перевозки СПГ танкерным флотом). В силу наличия политических рычагов влияния второй поставщик может, понеся некоторые издержки, оказать влияние на максимальный объем поставок по газопроводам. Выигрыш потребителя рассчитывается как величина потребительского излишка, выигрыш каждого из поставщиков – как разница между выручкой и издержками. Данная модель содержит ряд существенных упрощений, однако даже в таком виде, вероятно, может использоваться для определения ключевых особенностей нахождения равновесного(ых) состояния(ий) и определения факторов, оказывающих наибольшее влияние на результаты каждого из участников рынка. Введем математические обозначения:

предельные и средние издержки первого поставщика:

$$MC_1 = AC_1 = a;$$

предельные и средние издержки второго поставщика:

$$MC_2 = AC_2 = b;$$

объем предложения равен сумме объемов поставок первого и второго поставщика:

$$Q^S = q_1(P) + q_2(P); \quad (1)$$

общие издержки равны произведению объема поставки на средние издержки:

$$TC_i = q_i * AC_i;$$

выручка равна произведению объема поставки на цену:

$$TR_i = q_i * P;$$

линейная функция спроса потребителя:

$$Q^D(P) = c - dP; \quad (2)$$

условие рыночного равновесия:

$$Q^S(P) = Q^D(P). \quad (3)$$

Найдем равновесие в модели при условии отсутствия сговора и нормативных/политических ограничений. Каждый из поставщиков определяет объем поставки независимо, ориентируясь только на свою прибыль.

Из (1), (2) и (3):

$$\begin{aligned} P &= \frac{c - Q}{d} = \frac{c - (q_1 + q_2)}{d} \\ TR_1 &= P * q_1 = \frac{c - q_1 - q_2}{d} q_1; \\ MR_1 &= \frac{\partial TR_1}{\partial q_1} = \frac{c - 2q_1 - q_2}{d}. \end{aligned} \quad (4)$$

Аналогично:

$$MR_2 = \frac{\partial TR_1}{\partial q_1} = \frac{c - 2q_2 - q_1}{d}.$$

Воспользуемся правилом максимизации прибыли, составим систему:

$$\begin{cases} MR_1 = MC_1; \\ MR_2 = MC_2; \end{cases} \quad (5)$$

$$\begin{cases} \frac{c - 2q_1 - q_2}{d} = a; \\ \frac{c - 2q_2 - q_1}{d} = b. \end{cases}$$

Найдя функции реакции поставщиков и решив систему, получаем объемы поставок каждого из них и равновесное количество:

$$\begin{cases} q_1 = \frac{c - q_2 - ad}{2}; \\ q_2 = \frac{c - q_1 - bd}{2}; \end{cases}$$

$$\begin{cases} q_1 = \frac{c + d(b - 2a)}{3}; \\ q_2 = \frac{c + d(a - 2b)}{3}; \end{cases} \quad (6)$$

$$Q^* = q_1 + q_2 = \frac{c - d(a + b)}{3}.$$

Отметим, что в условиях одинаковых издержек мы бы получили классическое равновесие модели дуополии Курно [Varian, 2005]. Тогда из (1), (2) и (5) получим равновесную цену на этом рынке:

$$P^* = \frac{c + d(a + b)}{3d}. \quad (7)$$

Найдем прибыль каждого поставщика :

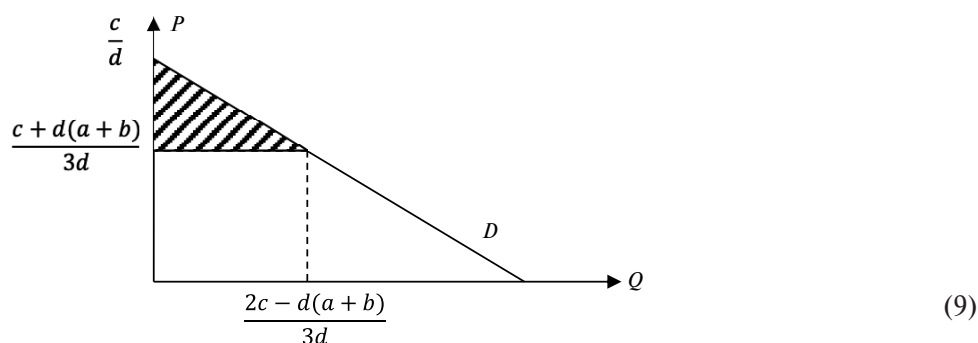
$$\Pi_i = TR_i - TC_i = q_i P - q_i AC_i = q_i (P - AC_i).$$

Из (6) и (7) получаем:

$$\Pi_1 = \frac{\left(\frac{c + d(b - 2a)}{3}\right)^2}{d}; \quad (8)$$

$$\Pi_2 = \frac{\left(\frac{c + d(a - 2b)}{3}\right)^2}{d}.$$

Найдем потребительский излишек (CS). Так как функция спроса линейна, а равновесные количество (6) и цена (7) нам известны, то расчет можно выполнить на базе диаграммы (площадь заштрихованного треугольника):

$$CS = \frac{(P^D(Q = 0) - P^*) * Q^*}{2};$$

$$CS = \frac{\left(\frac{2c - d(a + b)}{3}\right)^2}{2d}.$$

Предположим теперь, что второй игрок может ограничивать доступные первому игроку транспортные мощности, понеся дополнительные издержки ($B \geq 0$). Дополним модель новыми условиями и найдем новое равновесие.

Пусть e — новый объем транспортных мощностей (который меньше объема поставок первого игрока в отсутствие ограничений, иначе такое ограничение не будет влиять на исход):

$$e < q_1 = \frac{c + d(b - 2a)}{3}. \quad (10)$$

Тогда из функции реакции второго игрока (6):

$$q_2 = \frac{c - e - bd}{2}; \quad (11)$$

$$Q^* = q_1 + q_2 = e + \frac{c - e - bd}{2} = \frac{c + e - bd}{2}.$$

Зная новое равновесное количество, найдем новую рыночную цену:

$$P = \frac{c - Q}{d} = \frac{c - e + bd}{2d}. \quad (12)$$

Легко доказать, что новая цена будет выше. Для этого можно из новой цены (12) вычесть предыдущую (7) и с учетом ограничения на e (10) получить положительное число. (13)

Аналогично (8) найдем прибыль каждого из поставщиков:

$$\begin{aligned} \Pi_1 &= e \frac{c - e + d(b - 2a)}{2d}; \\ \Pi_2 &= \frac{\left(\frac{c - e - bd}{2}\right)^2}{d} - B. \end{aligned} \quad (14)$$

Аналогично (9) найдем новый излишек потребителя:

$$CS = \frac{\left(\frac{c - e - bd}{2}\right)^2}{2d}. \quad (15)$$

Легко доказать, что новый излишек потребителя меньше излишка, возникшего до введения ограничения на транспортные мощности первого поставщика. Для этого необходимо вычесть из нового излишка (15) предыдущий (9). С учетом ограничения (10) результат будет отрицательным, то есть введение ограничения на мощности первого поставщика ухудшает положение потребителя. (16)

Также можно доказать, что в условиях ограничения мощностей первого поставщика его прибыль снижается, так как разница между новой прибылью (14) и старой (8) отрицательна. (17)

Выигрыш второго поставщика должен быть неотрицательным (в противном случае ему не следовало предпринимать мер по ограничению поставок первого игрока). Это позволяет оценить B (затраты на ограничение мощностей первого поставщика) как величину, находящуюся в интервале от 0 до размера дополнительной прибыли, то есть выразить из (8) и (14).

Результаты и выводы

Результаты математического моделирования позволяют сделать вывод, что наличие возможности у одного из претендентов ограничить мощности конкурента (например, введение обязательного условия ТРА для магистральных газопроводов или непосредственно торпедирование строительства новых экспортных мощностей) приводит к существенному изменению рыночного равновесия. Это выражается в снижении совокупных объемов поставок и росте цен для потребителя. При этом прибыль первого игрока снижается, а прибыль второго увеличивается. Выигрыш покупателя (потребительский излишек) при этом снижается. Вопрос затрат второго игрока на ограничение поставок первого остается открытым. Это может быть как политическое лоббирование, так и различные виды компенсации потребителю за рост цен. В том случае, если компенсация меньше размера снижения излишка, то это ухудшение условий для потребителя следует рассматривать как его дополнительные издержки на замену одного поставщика другим.

Ограничение транспортных мощностей первого поставщика вторым будет неэффективным в том случае, если оставшаяся мощность будет больше оптимального объема, максимизирующего выгоду первого игрока. Второй игрок будет стараться ограничить объемы поставок первого только в том случае, если это приводит к увеличению

его (второго игрока) прибыли, так как ограничение экспортных возможностей первого поставщика сопряжено с издержками для второго претендента. Таким образом, можно сделать вывод об экономической целесообразности избыточных мощностей для первого игрока: во-первых, это обеспечивает сохранение рыночного доминирования в силу более низких издержек и возможности резко нарастить объемы поставок, а во-вторых, снижает эффективность ограничения существующих и строящихся мощностей.

Результаты моделирования свидетельствуют о влиянии системы издержек на оптимальный выбор участников международных отношений, при этом если у игрока(ов) есть возможность влиять на издержки других, то это может рассматриваться как одна из новых форм конкурентного преимущества. Таким образом, есть основания для формулировки важного следствия теоремы Рональда Коуза [Coase, 1960] для уровня глобальной конкуренции, а именно: распределение результатов экономической деятельности в глобальном масштабе на всех уровнях (индивиды, компании, государства) зависит от международной системы транзакционных издержек. В свою очередь, из этого следует, что субъекты, способные оказывать влияние на систему международных транзакционных издержек, способны также оказывать влияние на распределение результатов экономической деятельности всех экономических акторов.

Еще один вывод, следующий из анализа структуры европейского газового рынка, заключается в наличии предпосылок для ценовой дискриминации: относительно высокая степень дифференциации потребителей как по географическим (место расположения), так и по экономическим (доход, доступные мощности генерации, бюджетирование) показателям создает предпосылки для поставщиков предлагать различные контрактные условия (цены, объемы, сроки, особые условия, например «бери или плати» или сложные формулы ценообразования и привязки к другим товарам). Эта возможность может активно использоваться всеми поставщиками для продуктовой дифференциации и дополнения конкурентных преимуществ.

Таким образом, несмотря на кажущуюся хаотичность в современных международных отношениях, результаты моделирования и анализа европейского газового рынка позволяют сделать вывод, что равновесие возможно даже при условии перманентного политического вмешательства и действий, противоречащих добросовестной конкуренции. Более того, так как каждая из сторон действует в своих интересах, которые попарно противоречат друг другу, существует достаточно сильная взаимосвязь между экономическими факторами и политическими решениями. Это, принимая во внимание выводы из моделирования, позволяет создать эффективный инструментарий экономического прогнозирования и принятия решений в новых условиях. Даже в условиях фиаско международных регулирующих организаций возможно функционирование эффективной экономической системы, основным фундаментом которой будет совокупность как пересекающихся, так и противоречащих друг другу политико-экономических интересов акторов, то есть кооперативное соперничество. При этом возможность оказывать влияние на условия ведения бизнеса в региональном и тем более в глобальном масштабе будет определяющим конкурентным преимуществом.

Список источников

Карпова Н.С. (2016). Вызовы мировой экономики и смена парадигмы развития России // Международная экономика. Т. 3. С. 7–23. Режим доступа: <https://publications.hse.ru/articles/203782980> (дата обращения: 15.03.2022).

Карпова Н.С., Лавров С.Н., Симонов А.Г. (2014). Международные газовые проекты России: европейский альянс и стратегические альтернативы / под общ. ред. С.Н. Лаврова; науч. ред. С.Н. Лавров. М.: ТЕИС.

Лавров С.Н., Симонов А.Г. (2021). Газовый сектор как фактор международной конкурентоспособности // Вестник РУДН. Сер.: Экономика. Т. 29. № 1. С. 164–172. doi:10.22363/2313-2329-2021-29-1-164-172 (на английском языке).

Лавров С.Н., Алексанян А.А. (2017). К вопросу о транснационализации российских компаний нефтегазового сектора // Вестник международных организаций. Т. 12. № 1. С. 209–228. doi:10.17323/1996-7845-2017-01-209

Ларионова М.В. (2016). Новый подход к оценке эффективности международных институтов // Вестник международных организаций. Т. 11. № 1. С. 126–152. doi:10.17323/1996-7845/2016-01-126

Andronova I.V., Osinovskaya I.V. (2017). The role of innovative decisions in the development of oil and gas companies // International Journal of Energy Economics and Policy. Vol. 7 (2). P. 346–351. Режим доступа: <https://www.econjournals.com/index.php/ijeep/article/view/4603> (дата обращения: 15.03.2022).

Arrow K.J., Debreu G. (1954). Existence of an Equilibrium for a Competitive Economy // Econometrica. Vol. 22. No. 3. P. 265. doi:10.2307/1907353

Coase R.H. (1960). The Problem of Social Cost // Journal of Law and Economics. Vol. 3. P. 1–44. Режим доступа: <https://www.jstor.org/stable/724810> (дата обращения: 15.03.2022).

Porter M.E. (1979). How Competitive Forces Shape Strategy // Harvard Business Review. Vol. 57. No. 2. Режим доступа: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-1-349-20317-8_10 (дата обращения: 15.03.2022).

Schumpeter J.A. (1994). Capitalism, Socialism and Democracy. L.: Routledge.

Simonov A.G., Lavrov S.N. (2022). Controlled Energy Transition: Economic War Among Global Stakeholders // Imitation Market Modeling in Digital Economy: Game Theoretic Approaches / E.G. Popkova (ed.). ISC 2020. Lecture Notes in Networks and Systems. Vol. 368. P. 88–97. Springer, Cham. doi:10.1007/978-3-030-93244-2_11

Varian H.R. (2005). Intermediate microeconomics: a modern approach. 7th ed. N.Y.: W. W. Norton & Company.

Cooperative Rivalry – A Prospective Alternative to International Organisations on a Global Energy Market: A Case of Russia – USA European Gas Standoff¹

A. Simonov

Alexander Simonov – PhD, Associate Professor; Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); 6 Miklukho-Maklaya Ulitsa, 117198, Moscow, Russian Federation; simonov_ag@rudn.ru

Abstract

The purpose of this article is to consider the options for settling equilibrium on the world gas market in the absence of international regulating institutions while political instruments of non-market competition are actively being used by European market players. A market analysis from the point view of cost structure and the interests of key suppliers and consumers is undertaken, and an attempt to build a model of market interactions accompanied by sanctions is made. Modelling the internalization of political restrictions is used to ground actors' motives and their strategies in new conditions. The results of this analysis provide for essential conclusions regarding market change in general as well as changes in the positions of separate players. Mathematically sound results inspire optimism that actors can take optimal and efficient decisions despite non-economic competition and de facto failure of international institutions.

Key words: international competitiveness, European gas market, Nord Stream, LNG, price and non-price competition, economic and political rivalry, political economy modeling, sanctions, added value, energy security

For citation: Simonov A. (2022). Cooperative Rivalry – A Prospective Alternative to International Organisations on a Global Energy Market: A Case of Russia – USA European Gas Standoff. *International Organisations Research Journal*, vol. 17, no. 1, pp. 129–141 (In English). doi:10.17323/1996-7845-2022-01-06

References

- Andronova I.V., Osinovskaya I.V. (2017). The Role of Innovative Decisions in the Development of Oil and Gas Companies. *International Journal of Energy Economics and Policy*, vol. 7, no 2, pp. 346–51. Available at: <https://www.econjournals.com/index.php/ijee/article/view/4603> (accessed 15 March 2022).
- Arrow K.J., Debreu G. (1954). Existence of an Equilibrium for a Competitive Economy. *Econometrica*, vol. 22, no 3, pp. 265–90. doi: 10.2307/1907353
- Coase R.H. (1960). The Problem of Social Cost. *Journal of Law and Economics*, vol. 3, pp. 1–44. Available at: <https://www.jstor.org/stable/724810> (accessed 15 March 2022).
- Karpova N.S. (2016). Vyzovy mirovoj jekonomiki i smena paradigmy razvitija Rossii [Challenges of the Global Economy and a Change in the Paradigm of Russia's Development]. *Mezhdunarodnaja jekonomika*, vol. 3, pp. 7–23. (in Russian)
- Karpova N.S., Lavrov S.N., Simonov A.G. (2014). *Mezhdunarodnye gazovye proekty Rossii: evropejskij al'jans i strategicheskie al'ternativy* [Russia's International Gas Projects: European Alliance and Strategic Alternatives] (S.N. Lavrov (ed.)). Moscow: TEIS. (in Russian)

¹ This article was submitted 09.07.2021.

- Larionova M.V. (2016). Assessing Summit Engagement With Other International Organizations in Global Governance. *International Organisations Research Journal*, vol. 11, no 1, pp. 126–52. doi:10.17323/1996-7845/2016-01-126
- Lavrov S., Aleksanyan A. (2017). Case Study: The Transnationalization of Russian Oil and Gas Companies. *International Organisations Research Journal*, vol. 12, no 1, pp. 209–28. doi:10.17323/1996-7845-2017-01-209
- Lavrov S.N., Simonov A.G. (2020). Gas Industry: Factor of International Competitiveness. *RUDN Journal of Economics*, vol. 29, no 1, pp. 164–72. doi:10.22363/2313-2329-2021-29-1-164-172
- Porter M.E. (1979). How Competitive Forces Shape Strategy. *Harvard Business Review*, vol. 57, no 2, pp. 137–45. Available at: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-1-349-20317-8_10 (accessed 15 March 2022).
- Schumpeter J.A. (1994) [1942]. *Capitalism, Socialism and Democracy*. London: Routledge.
- Simonov A.G., Lavrov S.N. (2022). Controlled Energy Transition: Economic War Among Global Stakeholders. *Imitation Market Modeling in Digital Economy: Game Theoretic Approaches* (E.G. Popkova (ed.)). ISC 2020. Lecture Notes in Networks and Systems, vol. 368, pp. 88–97. Springer, Cham. doi:10.1007/978-3-030-93244-2_11
- Varian H.R. (2006). *Intermediate Microeconomics: A Modern Approach*, 7th ed. W. W. Norton & Company.

Имплементация национальной политики реиндустриализации в странах Евразийского экономического союза^{1, 2}

Е.Б. Аймагамбетов, А.А. Таубаев, Г.Н. Амирова, Ю.М. Сайфуллина,
Д.Н. Улыбышев

Аймагамбетов Еркара — д.э.н., профессор кафедры экономической теории и государственного местного управления Карагандинского экономического университета Казпотребсоюза; Республика Казахстан, Караганда, 100000, ул. Академическая, д. 9; aimagambetov5859@ubogazici.in

Таубаев Аяпберген — д.э.н., профессор Центра мониторинга и развития научно-исследовательских работ Карагандинского экономического университета Казпотребсоюза; Республика Казахстан, Караганда, 100000, ул. Академическая, д. 9; факультет управления Южноуральского государственного университета; Российская Федерация, Челябинск, 454080, Ленинский проспект, д. 76; taubayev5859@kpi.com.de

Амирова Галия — соискатель кафедры экономической теории и государственного местного управления Карагандинского экономического университета Казпотребсоюза; Республика Казахстан, Караганда, 100000, ул. Академическая, д. 9; amirova5859@national-university.info

Сайфуллина Юлия — к.э.н., доцент кафедры банковского менеджмента и финансовых рисков Карагандинского экономического университета Казпотребсоюза; Республика Казахстан, Караганда, 100000, ул. Академическая, д. 9; saifullina5859@uoel.uk

Улыбышев Дмитрий — к.э.н., главный эксперт Центра мониторинга и развития научно-исследовательской работы Карагандинского экономического университета Казпотребсоюза; Республика Казахстан, Караганда, 100000, ул. Академическая, д. 9; доцент кафедры теории управления и бизнес-технологий Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова; Российская Федерация, Москва, 117997, Стремянный пер., д. 36; ulybyshev5859@unesp.co.uk

Аннотация

На текущей стадии развития страны Евразийского экономического союза (ЕАЭС) вынуждены проводить политику реиндустриализации, а в некоторых случаях и выстраивать национальную промышленность «с нуля». Данная ситуация сложилась в силу известных политических факторов, под влиянием которых промышленность указанных стран была либо уничтожена, либо существенно отстала в технологическом отношении. Статья посвящена исследованию инновационных факторов, влияющих на процесс реиндустриализации стран ЕАЭС на этапе разработки и реализации планов национального развития. Авторы предположили, что существует зависимость между показателем инновационного развития, с одной стороны, и объемом прямых иностранных инвестиций, затрат на НИОКР и трендами в развитии промышленных технологий, с другой стороны, в совокупности определяющими темпы реиндустриализации экономики. В исследовании был при-

¹ Статья поступила в редакцию 06.08.2021.

² Перевод статьи выполнен А.А. Игнатовым, н.с. Центра исследований международных институтов Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС).

менен метод статистического анализа, при помощи которого проанализирована динамика показателей и факторов инновационного развития изучаемых стран, и метод сравнительного анализа, который необходим для сопоставления показателей инновационного развития стран ЕАЭС, являющихся объектом настоящего исследования. В ходе первого этапа проверки гипотезы выполнен последовательный анализ отобранных индикаторов инновационного развития рассматриваемых стран наряду с факторами, которые, согласно выдвинутой гипотезе, оказывают существенное воздействие на изучаемые процессы, в результате чего появилась возможность выявить основные тенденции в динамике инновационных индикаторов. На втором этапе подготовки исследования определены корреляции между факторами и результатами инновационного развития стран ЕАЭС. В заключительном разделе представлен перечень рекомендаций для повышения эффективности мер государственной поддержки инновационного развития и реиндустриализации.

Ключевые слова: показатели развития, реиндустриализация, государственные и частные инвестиции, региональная интеграция

Благодарности: статья подготовлена при грантовой поддержке Комитета по науке Министерства образования и науки Республики Казахстан АР05134987 «Инновационная восприимчивость национальных экономик стран ЕАЭС: системные характеристики, оценка, механизмы управления».

Для цитирования: Аймагамбетов Е.Б., Таубаев А.А., Амирова Г.Н., Сайфуллина Ю.М., Улыбышев Д.Н. Имплементация национальной политики реиндустриализации в странах Евразийского экономического союза // Вестник международных организаций. 2022. Т. 17. № 1. С. 142–162 (на русском и английском языках). doi:10.17323/1996-7845-2022-01-07

Введение

Мировой опыт показывает, что темп и масштаб экономического роста государств зависят от обширного перечня экологических, институциональных, финансовых, инвестиционных и других факторов. Это подтверждается сравнительно большим количеством публикаций, которые могут быть условно разделены на две группы. Работы первой группы основываются на общих умозаключениях, работы второй группы — на статистических зависимостях между соответствующими индикаторами. Тем самым основные методологические проблемы, с которыми сталкиваются исследователи, заключаются в следующем: с одной стороны, необходимо обосновать выбор тех или иных индикаторов экономического развития, а с другой — определить степень влияния данных факторов, которые могут как ускорять, так и замедлять процессы экономического развития государства, или привести к дестабилизации ситуации.

Зависимость между экономическим развитием и анализируемыми факторами на деле оказывается намного более сложным явлением, чем следует из теоретических заключений. Это обусловлено тем, что, во-первых, степень воздействия факторов определяется соответствием большому количеству условий, связанных с процессом реиндустриализации, в результате чего направление и сущность происходящих процессов могут меняться; во-вторых, среди тех условий, которые чаще всего становятся предметом изучения, важную роль играют существующие в той или иной стране институты [Левин, 2010], а также эффективность проводимой государством экономической политики. Если принять во внимание накопленный опыт, то последнее может существенно повлиять на эффективность достижения целей программ по защите окружающей среды и социальной поддержке. Стратегия дальнейшего социально-экономического развития стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС) напрямую связана с потребностью в реиндустриализации национальных экономик [Бляхман, 2014]. Прежде всего, страны ЕАЭС обладают различным потенциалом и находятся на разных стадиях развития и

реиндустриализации с точки зрения сложившихся эколого-социально-экономических систем. Кроме того, для достижения целей реиндустриализации страны ЕАЭС применяют различные подходы — от восстановления ранее существовавших производств до глубокой модернизации уже существующих, наряду с созданием фундаментально новых отраслей, что требует привлечения значительного объема инвестиций.

Особенностью текущей стадии глобального экономического развития является формирование «новой экономики», не только производящей продукцию на непрерывной основе, но и генерирующей технологические, организационные, социальные, институциональные и другие виды инноваций. В данном контексте сложились два подхода к оценке воздействия реиндустриализации на развитие эколого-социально-экономических систем:

- технократический подход, согласно которому реиндустриализация рассматривается как инструмент повышения ВВП путем наращивания эффективности национальной экономики;
- социально-экономический подход, в рамках которого реиндустриализация оценивается с точки зрения совокупного объема социального, экономического и экологического воздействия на процесс развития государства в целом.

Технократический подход предполагает увязку задач социально-экономического развития национального хозяйства с интересами реального сектора экономики и промышленную эксплуатацию природных ресурсов. Следовательно, промышленное развитие практически всецело зависит от сложившейся системы разделения труда в экономическом пространстве стран ЕАЭС. Второй подход подразумевает формулирование задач экономического развития, включая использование природно-ресурсной базы, с учетом потребности в обеспечении устойчивого экологического и социально-экономического развития страны. Выбор второго направления требует усиления роли государства в качестве центра принятия решений и разрешения проблем, связанных с модернизацией существующих производств, создания новых предприятий, а также эксплуатации природных богатств. Высокая степень неопределенности относительно путей дальнейшего социально-экономического развития стран ЕАЭС обуславливает необходимость выделения набора факторов или пределов их устойчивого развития, под чем подразумевается набор условий, соблюдение которых обеспечивает нормальное жизнеобеспечение, материальное благополучие населения и удовлетворение духовных и культурных потребностей.

Государственное управление последствиями реиндустриализации должно соответствовать критериям динамичности и гибкости. В любом государстве с рыночной экономикой цели, задачи, приоритеты, механизмы и в целом концепция экономического развития должны меняться по мере развития хозяйства. Реиндустриализация невозможна без усиления роли государства в соответствии с продуманной социально-экономической политикой в отношении отдельных отраслей и производственных комплексов. С другой стороны, необходимо принять во внимание тот факт, что социально-экономические последствия реиндустриализации проявляются преимущественно на микроуровне. Создание новых и модернизация существующих предприятий должны основываться на всестороннем анализе экологических, социальных и экономических последствий на всех уровнях как в отдельных регионах, так и в масштабе ЕАЭС в целом.

Обзор литературы

Исследования, посвященные рассматриваемой теме, охватывают основные проблемы реиндустриализации, включая первоочередные задачи, возможности и препятствия,

а также влияние глобальных факторов и рисков на этот процесс. Теоретическая основа для изучения ключевых особенностей реиндустриализации была заложена в работах Эдлая Стивенсона (Adlai E. Stevenson) [Stevenson, 1981] и Роя Ротвелла (R. Rothwell) [Rothwell, 1985], а также исследованиями специализированных организаций [National Research Council, 1981], которые могут служить в качестве путеводителя по используемой терминологии. Статья Р. Ротвелла [Rothwell, 1985] посвящена проблеме сильной зависимости реиндустриализации от научного прогресса и развития технологий; автор утверждает, что в качестве приоритета промышленного развития следует рассматривать внедрение инноваций и переход на новые технологические процессы на базе достижений научного комплекса рассматриваемой страны. По мере развития теории реиндустриализации возникла проблема, связанная с трактовкой используемых терминов и смысловых оттенков, вкладываемых в понятие «реиндустриализация». Она подробно рассмотрена в работе Паскаля Рагги (Pascal Raggi) [Raggi, 2013].

В настоящее время центральное положение занимают не теоретические вопросы реиндустриализации, а проблема оценки готовности, определения приоритетов и наличия соответствующих ресурсов наряду с оценкой воздействия реиндустриализации на конкурентоспособность рассматриваемого государства. В этом контексте особого внимания заслуживают работы Вилли С. Ши (Willy C. Shih) [Shih, 2013] и Лауры Панза (Laura Panza) [Panza, 2014], в которых рассматриваются проблемы реиндустриализации экономики США и стран Ближнего Востока. Проведенные исследования выявили четкую зависимость реиндустриализации от общего уровня развития конкретной страны. В случае развитых стран реиндустриализация способствует переходу на более высокий технологический уровень, тогда как в развивающихся странах некорректно спроектированная и реализованная программа реиндустриализации может привести к деиндустриализации и технологическому упадку.

Следует отметить группу исследований, посвященных странам Восточной Европы и постсоветского пространства. Указанные исследования опираются на накопленный мировой опыт и содержат выводы относительно главных задач и возможностей реиндустриализации данной группы стран на современном этапе. Работа С. Константиновой и А. Конарева [Konstantinova, Konarev, 2015] посвящена рассмотрению особенностей и перспектив реиндустриализации стран бывшего социалистического лагеря с учетом особенностей их экономических моделей. Авторы оценивают роль и значение реиндустриализации для устойчивого развития Болгарии, а также предлагают рекомендации для развития промышленного производства. Работа А.Г. Захарова [Захаров, 2018] освещает ключевые аспекты реиндустриализации мировой экономики на базе сопоставительного анализа стратегий реиндустриализации США, Канады и Австралии. Автор принимает во внимание основной тренд глобального развития — формирование цифровой экономики и процесс реиндустриализации в контексте Четвертой промышленной революции. Примеры развитых государств рассматриваются с точки зрения применимости полученного опыта в российских условиях.

Работа Н.А. Невской и соавторов [Nevskaya et al., 2018] посвящена трансформации системы индикаторов национальной экономической политики в интересах стимулирования развития экономического потенциала с целью повышения конкурентоспособности национальной экономики с ориентацией на реиндустриализацию экономики России. Следует отметить, что в настоящий момент все страны ЕАЭС, включая Россию и Казахстан, заявляют в числе приоритетов промышленного развития реиндустриализацию на базе новейших технологий. Исследовательский интерес представляют не только особенности самого процесса реиндустриализации, но и влияние реиндустриализации на основные экономические и социальные процессы. Множество исследо-

ваний посвящено обозначенным проблемам. В данном контексте мы выделяем работу А.Г. Шеломенцева [Шеломенцев и др., 2017], в которой затрагиваются региональные особенности реиндустриализации в странах ЕАЭС. Данная проблематика рассматривается с точки зрения моделирования динамики развития региональных систем в рамках неразрывной триады «экология — общество — экономика» на разных уровнях реиндустриализации в странах ЕАЭС. Указанная работа также поднимает вопросы о необходимости дальнейшего изучения процесса реиндустриализации стран ЕАЭС в силу длительности данного процесса и потребности в развитых государственных институтах и принятии решений на наднациональном уровне.

Среди авторов из Казахстана мы отмечаем работу Е.Б. Аймагамбетова [Aimagambetov et al., 2016], в которой автор исследовал перспективы реиндустриализации экономики страны с точки зрения повышения ее конкурентоспособности. Авторы статьи произвели оценку факторов конкурентоспособности, отметив, что в процессе реиндустриализации ключевую роль играют меры государственной политики и качество деловой среды. Реиндустриализация непосредственно связана с развитием промышленного производства — данный тезис встречается в том или ином виде во всех упоминаемых работах. Отдельные работы посвящены воздействию реиндустриализации на развитие сельских областей. Исследование Г.В. Ждан [Zhdan et al., 2017] демонстрирует необходимость изучения влияния реиндустриализации на хозяйство сельских районов в текущих условиях. В качестве примера рассматривается Новосибирская область, в которой реализовывалась целевая программа по реиндустриализации. Авторы исследования предлагают ряд решений, направленных на преодоление негативных последствий политики реиндустриализации для развития сельских областей на различных уровнях, основываясь на изученном российском и зарубежном опыте, анализе статистических данных и имеющихся практик, что представляет особый интерес для принимающих решения лиц и экспертов в вопросах реиндустриализации.

С.Д. Бодрунов [Бодрунов, 2015; 2019] представил обзор работ, посвященных реиндустриализации стран ЕАЭС, и сделал вывод о необходимости синхронного разрешения масштабных проблем, связанных с реиндустриализацией, в нескольких взаимосвязанных областях в интересах дальнейшего развития:

- восстановление или модернизация производственных мощностей, которые были утрачены или отстали в технологическом плане в процессе деиндустриализации;
- реализация программ и проектов, нацеленных на внедрение промышленных инноваций;
- выход в течение следующих десятилетий на новую стадию промышленного развития с учетом особенностей и технологических ограничений.

В соответствии с обозначенными рамками авторы определили следующие факторы долгосрочного характера:

- государственные и частные инвестиции, объем которых следует существенно увеличить, а также перенаправить на выполнение задач реиндустриализации;
- инновационное развитие, эффективность которого определяется, помимо прочего, спросом со стороны государства;
- наличие высококвалифицированных кадров, подготовка которых требует дополнительных вложений в развитие человеческого капитала и более активной кадровой политики;
- приоритизация развития технологий машиностроения, что обусловлено наличием прямой зависимости между показателями промышленного производства в целом и развитостью данной отрасли производства;

– создание стимулов для предпринимателей, для чего требуется обеспечить надлежащее качество государственного планирования, создать системы поддержки высокотехнологичных компаний и снизить административные издержки [Davletbayeva et al., 2018].

Важной особенностью реиндустриализации в странах ЕАЭС, ярко проявляющейся на примерах России и Казахстана, является то, что в начале данного процесса основным источником финансирования мер, направленных на реиндустриализацию, являются добывающие отрасли промышленности. Тем не менее это не означает, что страны действительно стремятся сохранить сырьевую ориентированность своих экономик под воздействием так называемого сырьевого проклятия [Полтерович и др., 2007].

Методология и данные

В контексте разговора о влиянии инноваций на реиндустриализацию необходимо дать оценку факторов, которые оказывают влияние на инновационное развитие стран ЕАЭС. Мировой опыт показывает, что темп и масштаб экономического роста государств зависят от обширного перечня экологических, институциональных, финансовых, инвестиционных и других факторов. Этот тезис доказывается в достаточно большом количестве публикаций [Hottenrott, Lawson, 2017; Slabbert, 2010], которые могут быть условно разделены на две группы. Работы первой группы основываются на общих умозаключениях, работы второй группы – на статистических зависимостях между соответствующими индикаторами. Тем самым основные методологические проблемы, с которыми сталкиваются исследователи, заключаются в следующем: с одной стороны, необходимо обосновать выбор тех или иных индикаторов инновационного развития, а с другой – выделить среди них такие, которые помогут составить корректное представление о факторах инновационного развития рассматриваемых стран. Все страны ЕАЭС – Россия, Казахстан, Белоруссия, Киргизия и Армения – выступают в качестве объекта настоящего исследования. Авторы выделили ряд ключевых факторов, данные для анализа которых были собраны и представлены Всемирным банком [World Bank, 2020]: валовая добавленная стоимость промышленности в общем ВВП, прямые иностранные инвестиции, высокотехнологичный экспорт (в тыс. долл. США и доле промышленного экспорта), финансирование затрат на науку и развитие (в % ВВП), количество поданных резидентами заявок на регистрацию патентов. Авторы не берутся утверждать, что охватили весь спектр факторов в силу их значительного количества. Авторы уделили внимание только тем из них, связь которых с инновационным развитием считается очевидной и не нуждающейся в обосновании. Была выдвинута гипотеза, согласно которой существует зависимость между динамикой инновационного развития национальной экономики, с одной стороны, и притоком иностранных инвестиций, расходами на НИОКР, тенденциями развития промышленного производства – с другой, которые в совокупности выступают в качестве показателя реиндустриализации экономики. Мы принимаем во внимание следующие зависимости:

- корреляция между притоком прямых иностранных инвестиций в национальную экономику и показателями ее инновационности, которая оценивается на базе двух индикаторов: объем высокотехнологичного экспорта и количество поданных заявок на патенты;
- финансирование НИОКР со стороны государства и бизнеса, направленное на повышение конкурентоспособности национальной экономики путем ее модернизации и перехода на новые технологические платформы. Анализ показателя фи-

нансирования НИОКР способствует пониманию приоритетов инновационного развития страны.

Для проверки гипотезы были использованы следующие методы: статистический анализ, который позволил осуществить обработку данных, характеризующих динамику инновационного развития изучаемых стран; сравнительный анализ инновационного развития рассматриваемых государств. Статистические данные были получены из базы Всемирного банка по странам ЕАЭС за период с 2010 по 2018 г. [World Bank, 2020]. Анализ тенденций инновационного развития в рамках настоящего исследования имеет следующие ограничения: во-первых, анализируемые индикаторы, относящиеся к различным исследуемым государствам, должны быть подсчитаны с использованием единой методологии; во-вторых, отобранные индикаторы должны быть подсчитаны для всех рассматриваемых стран; в-третьих, количество наблюдений должно быть достаточным для проведения анализа и выдвижения обоснованных выводов. Данные ограничения предопределили выбор в пользу индикаторов Всемирного банка из группы «Наука и технологии», удовлетворяющих всем условиям: высокотехнологичный экспорт, подсчитанный в текущих ценах (долл. США), а также доля высокотехнологичного экспорта в общем объеме экспортируемой продукции обрабатывающей промышленности страны; количество поданных заявок на патентирование. Безусловно, эти индикаторы отражают только некоторые аспекты инновационного развития, но в совокупности они дают наиболее полное представление о динамике развития группы изучаемых стран.

С методологической точки зрения подготовка работы прошла через два этапа. На первом этапе был проведен последовательный анализ изменения отобранных показателей инновационного развития исследуемых стран наряду с факторами, которые оказывают существенное влияние на данный процесс в соответствии с выдвинутой гипотезой, что позволило определить ключевые тренды в динамике инновационных процессов в изучаемых странах. На втором этапе был представлен перечень мер для улучшения качества национальной политики содействия инновациям и реиндустриализации на базе выявленных зависимостей между факторами и достигнутыми результатами инновационного развития стран ЕАЭС.

Полученные результаты и дискуссия

ЕАЭС представляет собой относительно новую международную организацию, которая на современном этапе способствует углублению региональной интеграции между странами с опорой на исторически обусловленные глубокие экономические, политические, идеологические и социокультурные взаимосвязи, а также схожесть текущих задач общественного развития. Лидеры стран ЕАЭС заявляют о переходе к политике реиндустриализации с применением последних технологических достижений, что обуславливает интенсификацию исследований и запуск целевых программ, направленных на перевод национальных экономик на путь инновационного развития [Shelomentsev et al., 2017]. В самом общем виде понятие «реиндустриализация» подразумевает восстановление отраслей национальной промышленности на базе новейших технологий, а также возврат ранее выведенных за рубеж производственных мощностей обратно на территорию страны, сопровождающийся их модернизацией с учетом инноваций и технологических стандартов.

Страны ЕАЭС обладают значительным ресурсным, научным и техническим потенциалом, реализация которого существенно повысит конкурентоспособность транс-

портной отрасли и инфраструктуры, а также внесет вклад в обеспечение устойчивого развития [Андропова, 2016]. Технологические платформы позволяют обеспечить участие в решении ключевых вопросов всех заинтересованных сторон, в частности представителей производящих отраслей, исследовательских институтов, сертификационных компаний и др. Такой инструмент, как технологическая платформа, позволяет создавать эффективные механизмы, которые способны обеспечить надлежащий уровень координации исследовательской деятельности и развития, несмотря на глобальные вызовы и особенности секторальной политики. К настоящему моменту в пространстве ЕАЭС зарегистрировано порядка сорока так называемых обособленных платформ (биоэкономика, энергетика, окружающая среда, информационные и коммуникационные технологии, производство и технологии, транспорт) и три кросс-секторальные платформы: «Nanofutures» (исследования в области нанотехнологий), «Промышленная безопасность» (снижение воздействия промышленных предприятий на окружающую среду, обеспечение безопасности труда, предотвращение техногенных катастроф) и «СопХЕРТ» (производство и продажа инновационных продуктов конечным потребителям, исследование рынка) [Gusakov et al., 2019; Tikhonovich et al., 2020].

В интересах динамичного развития цифровой экономики в ЕАЭС цифровая стратегия имеет определяющее значение. Успешная реализация цифровой повестки и национальных проектов «Цифровая экономика» имеют критическую значимость в контексте усилий, направленных на повышение конкурентоспособности стран ЕАЭС на мировом рынке на фоне растущей конкуренции в инновационной сфере. Сотрудничество евразийских государств в рамках программ ЕАЭС «Цифровая экономика» и «Цифровая Евразия» направлено на обеспечение условий для создания прорывных и перспективных сквозных нейроцифровых технологий и платформ, включая такие области, как технологии беспроводной связи, биометрия, виртуальная и дополненная реальность, искусственный интеллект, электронное правительство, сетевая безопасность, применение которых направлено на реализацию конкурентных преимуществ стран евразийского экономического пространства [Попова, 2020].

Анализ текущего уровня развития России, Казахстана и других стран ЕАЭС показывает, что эти государства вынуждены проводить политику реиндустриализации, а в некоторых случаях и выстраивать национальную промышленность «с нуля». Данная ситуация сложилась в силу известных политических факторов, под влиянием которых промышленность указанных стран была либо уничтожена, либо существенно отстала в технологическом отношении. Реиндустриализация в этом контексте подразумевает планирование и развертывание внутренних производственных и технологических цепочек, которые создают потребительскую стоимость для нужд промышленности и рынка товаров широкого потребления. Именно этот аспект отличает процесс реиндустриализации стран ЕАЭС от реиндустриализации в США, Великобритании и других развитых странах.

Этап 1. Анализ трендов промышленного и инновационного развития стран ЕАЭС

Как было отмечено ранее, ключевым индикатором, характеризующим тенденции промышленного развития, является динамика валовой добавленной стоимости в процентах ВВП стран ЕАЭС. На рис. 1 показано, что доля валовой добавленной стоимости промышленности в процентах ВВП варьируется от 27–40% в 2010 г. до 25–33% в 2018 г. [World Bank, 2020]. Нисходящий тренд доли валовой добавленной стоимости промышленности означает снижение доли промышленной продукции на фоне роста сектора

услуг. Среди стран ЕАЭС следует выделить Казахстан и Белоруссию, где валовая добавленная стоимость промышленности остается в среднем высокой, а также Киргизию и Армению, где аналогичный показатель характеризуется как низкий.

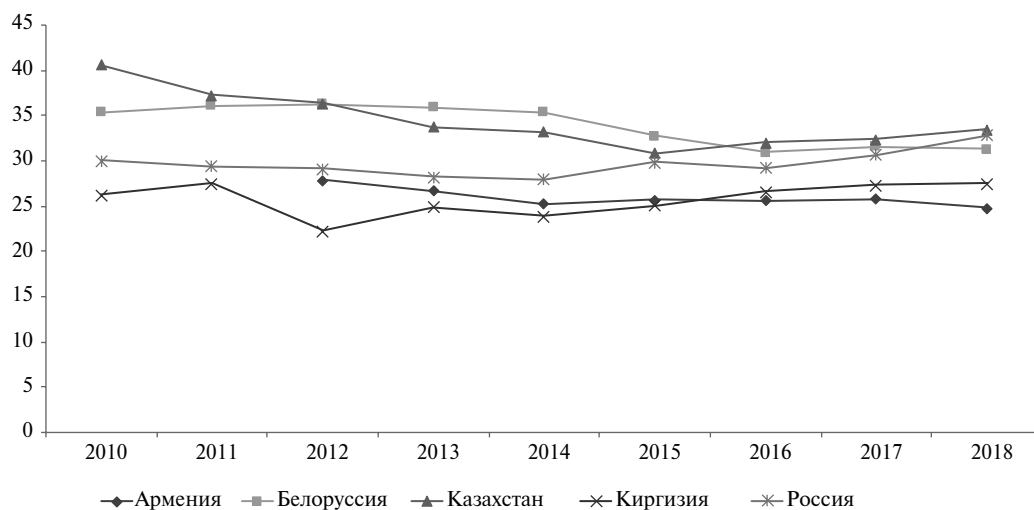

Рис. 1. Динамика валовой добавленной стоимости промышленности (включая строительство) в странах ЕАЭС, % ВВП

Источник: Составлено авторами на основе данных Всемирного банка [World Bank, 2020].

Следующий индикатор, характеризующий уровень промышленного развития страны и ее инвестиционную привлекательность, это объем и динамика прямых иностранных инвестиций. Рисунок 2 показывает, что российская экономика характеризуется значительными объемами иностранных инвестиций, при этом обнаруживается их высокая волатильность [World Bank, 2020]. График также демонстрирует воздействие экономических санкций. Резкое падение наблюдается в 2014–2015 гг. — совокупный показатель снизился с 70 млрд долл. США в 2013 г. до 6,8 млрд долл. США в 2015 г. Более стабильным является показатель объема и волатильность прямых иностранных инвестиций в экономике Казахстана, что говорит об инвестиционной привлекательности экономики данной страны и об экономической активности хозяйственных субъектов. Остальные страны ЕАЭС, за исключением России и Казахстана, характеризуются низким уровнем инвестиционной привлекательности, что доказывает сравнительно низкий объем прямых иностранных инвестиций. Это снижает инвестиционный потенциал в контексте политики реиндустриализации.

Показатель экспорта высокотехнологичной продукции в базах данных Всемирного банка приводится в абсолютных и относительных значениях. В абсолютном выражении (в тыс. долл. США) (рис. 3) показатель российского высокотехнологичного экспорта демонстрирует стабильный рост — по сравнению с уровнем 2010 г. данный показатель вырос более чем в 2 раза [World Bank, 2020]. Показатели остальных стран ЕАЭС характеризуются как стабильные, за исключением Казахстана, чей высокотехнологичный экспорт имеет высокую волатильность — наибольшее значение было достигнуто в 2012 г., когда объем экспорта составил порядка 3,5 млрд долл. США; по итогам 2018 г. объем составил 1,7 млрд долл. США, что означает снижение более чем в 2 раза. В случае Белоруссии объем высокотехнологичного экспорта колеблется около

постоянных значений, тогда как для Армении и Киргизии данный индикатор представляется малозначительным.

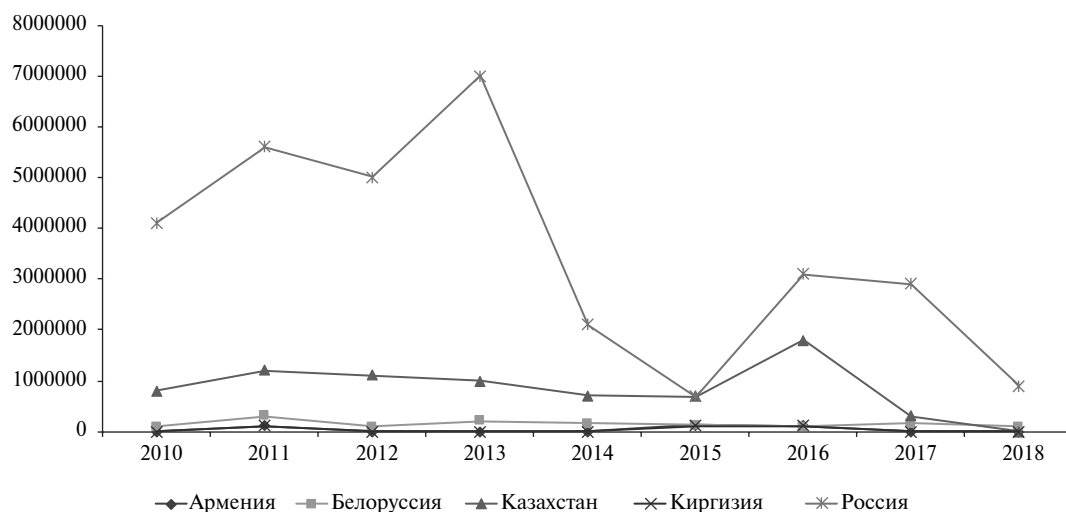

Рис. 2. Динамика прямых иностранных инвестиций в странах ЕАЭС, чистые поступления, млн долл. США

Источник: Составлено авторами на основе данных Всемирного банка [World Bank, 2020].

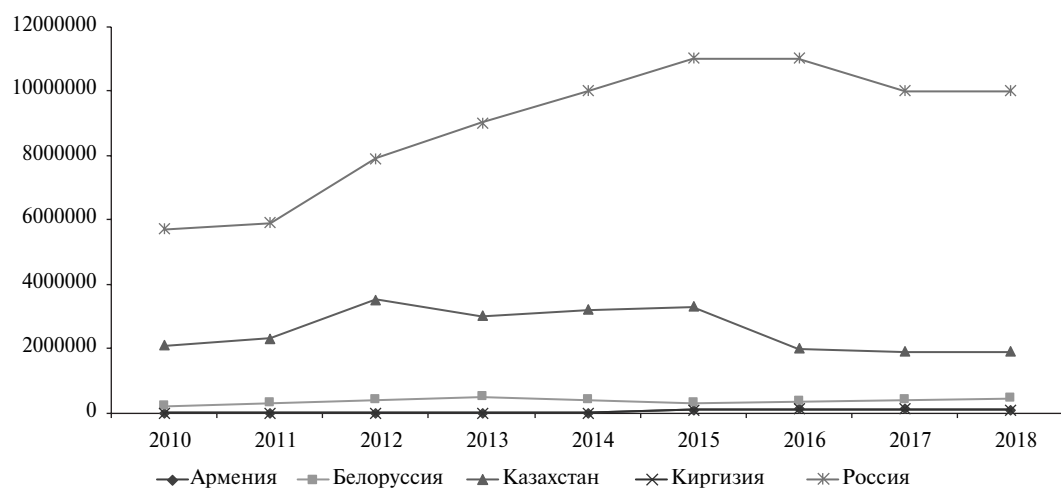

Рис. 3. Динамика высокотехнологичного экспорта стран ЕАЭС, тыс. долл. США

Источник: Составлено авторами на основе данных Всемирного банка [World Bank, 2020].

Существенные флуктуации обнаруживаются в ходе анализа относительных индикаторов экспорта высокотехнологичной продукции стран ЕАЭС (рис. 4). Экспорт данной группы товаров имеет огромное значение для экономики Казахстана, однако по сравнению с 2015 г., когда его доля составила 41,3%, к 2018 г. этот показатель снизился до 22,0%. В остальных странах ЕАЭС, за исключением Киргизии и России, динамика

ка доли высокотехнологичного экспорта характеризуется как достаточно стабильная. В 2014–2016 гг. показатель Киргизии вырос с 2,05 до 19,93%, что означает рост более чем в 9 раз, однако уже к 2018 г. рассматриваемый показатель упал до 8,05%. Аналогичный индикатор, присущий российской экономике, варьируется в диапазоне до 2 раз, но, как правило, остается в коридоре от 10 до 15%. В целом наблюдаемая волатильность характеризует динамику не только высокотехнологичного сектора, но и промышленности в целом, что соответствует не только глобальным тенденциям, но и динамике стоимости национальных валют, которые подверглись в рамках исследуемого периода сильнейшей девальвации [World Bank, 2020].

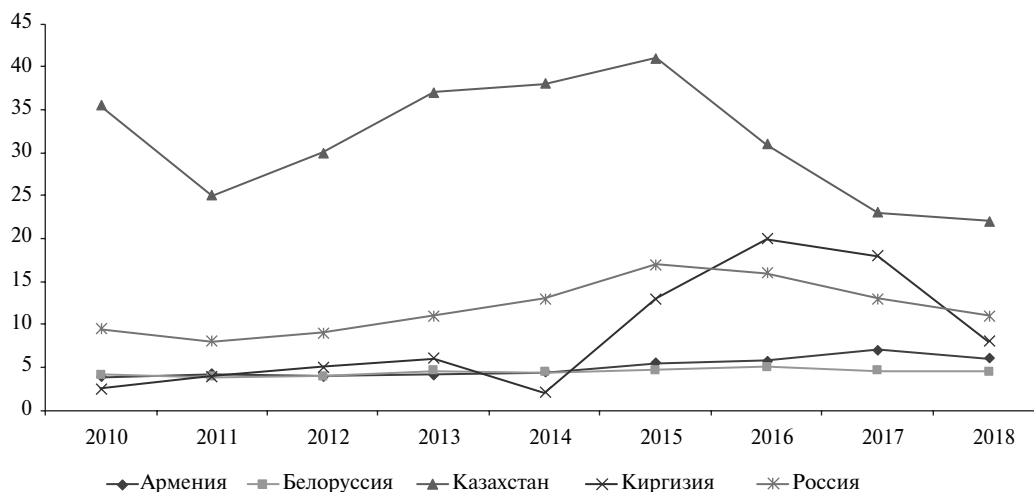

Рис. 4. Динамика высокотехнологичного экспорта стран ЕАЭС, % промышленного экспорта

Источник: Составлено авторами на основе данных Всемирного банка [World Bank, 2020].

Следующий индикатор характеризует основные тренды в развитии науки в странах ЕАЭС. В данном контексте принимается во внимание объем выделяемых на проведение исследований средств, определяемый как доля расходов на НИОКР от показателя ВВП (рис. 5). Данный показатель характеризуется наличием ряда целевых значений, отклонение от которых говорит о наличии проблем в сфере развития науки и инноваций. Согласно рекомендациям ОЭСР [OECD, 1996], в качестве минимального показателя доли расходов на НИОКР относительно ВВП следует рассматривать 1%, в то время как достижение отметки в 3% ВВП свидетельствует о переходе к «экономике знаний». Рисунок 5 показывает, что только в России показатель расходов на НИОКР достигает минимального рекомендуемого значения, тогда как во всех остальных странах ЕАЭС расходы на НИОКР остаются ниже отметки в 1% ВВП. Это говорит о непонимании роли национальной науки и необходимости реализации программ поддержки отечественных инноваций. Показатель Белоруссии, варьирующийся около 0,5–0,6% ВВП, еще может достичь минимального целевого значения; Казахстан, Киргизия и Армения должны увеличить собственные расходы по меньшей мере в 10 раз. Следовательно, ключевой рекомендацией относительно повышения эффективности государственных программ научного развития является наращивание финансирования. Следует отметить, что в течение многих лет данные программы и заявляемые приоритеты носили преимущественно декларативный характер. Если ситуация не претерпит значительных

изменений, научное развитие как фактор реиндустриализации не будет иметь какого-либо значения.

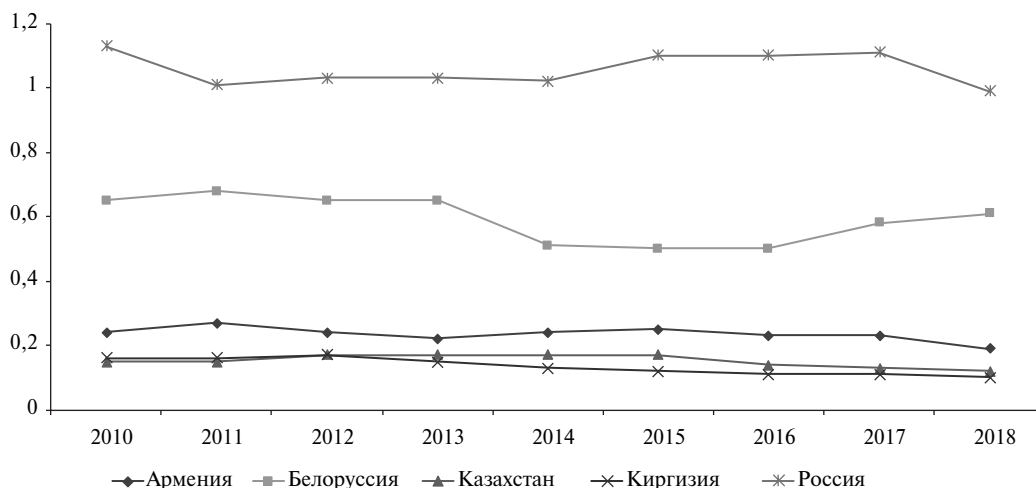

Рис. 5. Динамика доли расходов на НИОКР в странах ЕАЭС, % ВВП

Источник: Составлено авторами на основе данных Всемирного банка [World Bank, 2020].

Последним рассматриваемым показателем является количество заявок на регистрацию патентов резидентами стран ЕАЭС. В течение исследуемого периода данный показатель не претерпел значительных изменений (рис. 6). Россия в данном отношении является несомненным лидером — на ее долю приходится около 94% всего количества поданных в 2018 г. заявок. Второе и третье места с результатами 2,99 и 1,72% занимают, соответственно, Казахстан и Белоруссия. Экономический кризис не оказал какого-либо воздействия на рассматриваемый показатель.

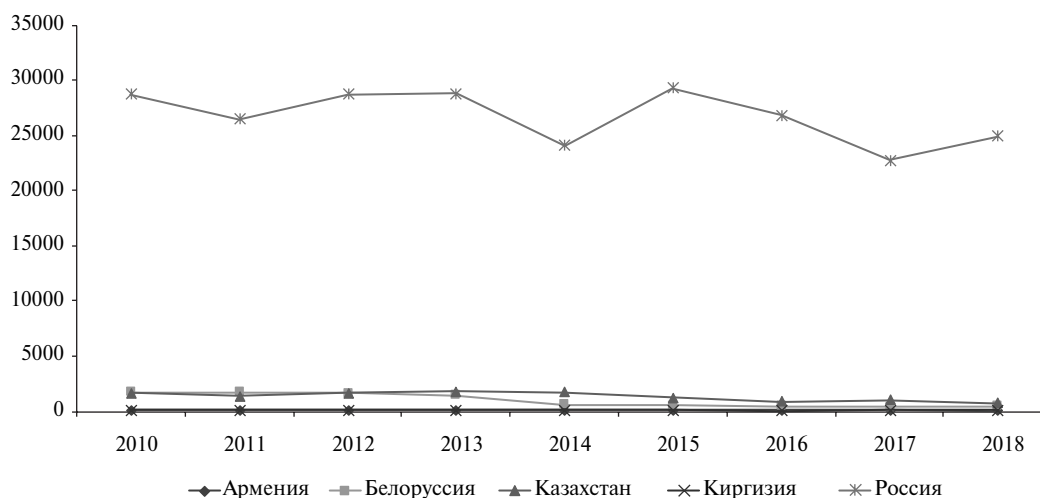

Рис. 6. Динамика количества заявок на регистрацию патентов, поданных резидентами стран ЕАЭС

Источник: Составлено авторами на основе данных Всемирного банка [World Bank, 2020].

Этап 2

На втором этапе были установлены корреляции между факторами и результатами инновационного развития. Далее был предложен ряд рекомендаций для повышения качества государственной политики содействия реиндустриализации. Проведенный анализ изменений показателей инновационного развития государства, к которым относятся прямые иностранные инвестиции, высокотехнологичный экспорт, расходы на НИОКР и количество поданных заявок на регистрацию патентов, позволил сделать следующие выводы.

Связь между уровнем экспорта высокотехнологичной продукции и прямыми иностранными инвестициями не обнаруживается ни в одном из рассмотренных примеров. В то же время наблюдается тесная зависимость показателей высокотехнологичного экспорта и расходов на НИОКР в Республике Армения. Схожие тенденции, наблюдавшиеся в России и Белоруссии, прерываются в 2012–2013 гг. Изучение примера Белоруссии позволило выявить корреляцию показателей высокотехнологичного экспорта и расходов на НИОКР, но в то же время в Республике Казахстан и Армении наблюдалась обратная зависимость, вследствие чего был сделан вывод об отсутствии между этими индикаторами четкой взаимосвязи. Влияние объема прямых иностранных инвестиций на количество подаваемых заявлений на регистрацию патентов резидентами рассматриваемых стран наиболее явно прослеживается на примерах Белоруссии и Армении, в то время как в России подобная связь выражена значительно слабее, а в Киргизии и Казахстане не обнаруживается вовсе. Корреляция показателя поданных патентных заявлений и расходов на НИОКР наблюдается в России, однако в случае Казахстана, Белоруссии и Армении эта связь представляется неочевидной.

Таким образом, в зависимости от рассматриваемого государства набор факторов, определяющих динамику отобранных индикаторов инновационного развития, будет значительно отличаться. Так, в случае Республики Казахстан зависимость между изученными индикаторами практически не наблюдается, что позволяет сделать вывод о влиянии факторов, не вошедших в рассматриваемый набор.

В случае России наиболее обоснованным представляется вывод о корреляции между показателем высокотехнологичного экспорта и прямыми иностранными инвестициями в процентах ВВП, что может быть доказано на примере математической модели (R^2). 0,66: $y = 0,2667x_3 - 1,648x_2 - 0,0478x + 18,322$ (рис. 7).

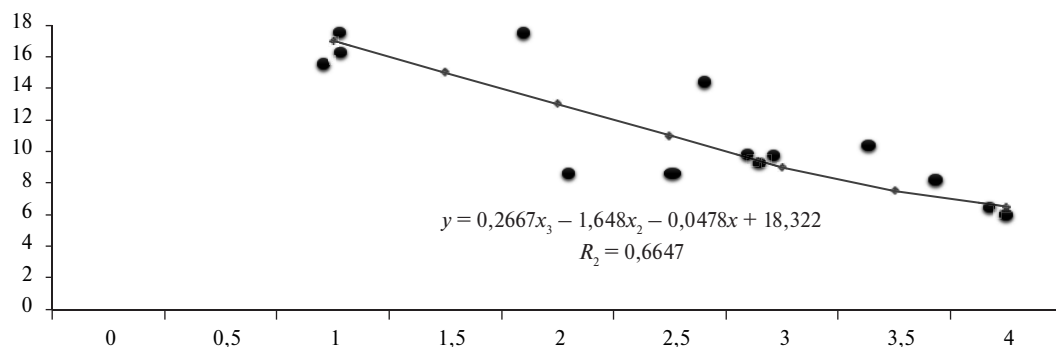

Рис. 7. Зависимость между высокотехнологичным экспортом и объемом прямых иностранных инвестиций в России, % ВВП

Источник: Составлено авторами на основе данных Всемирного банка [World Bank, 2020].

Тем не менее обратная зависимость между анализируемыми показателями свидетельствует о том, что в исследуемый период при неуклонном росте относительных показателей прямых иностранных инвестиций в ВВП, в отличие от других рассматриваемых государств, происходило снижение экспорта высоких технологий, что свидетельствует о «сырьевой» структуре первых и их низкой эффективности для инновационного развития национальной экономики. Следовательно, между индикаторами инновационного развития и расходами на НИОКР наблюдается весьма незначительная корреляция. Этот показатель может быть рассчитан с большой погрешностью и, вероятно, не отражает уровень издержек в рассматриваемой области.

В случае Республики Армения четкая связь между индикаторами инновационного развития экономики не была обнаружена. В соответствии с общими тенденциями было высказано предположение о наличии неявных зависимостей. В течение рассматриваемого периода прослеживается слабая зависимость между расходами на НИОКР, показателем экспорта высокотехнологичной продукции и количеством патентных заявлений.

В случае Белоруссии более четко по сравнению с другими странами просматривается связь между индикаторами инновационного развития. С одной стороны, это может объясняться более высоким уровнем социально-экономического развития в целом по сравнению с другими республиками бывшего СССР; с другой стороны, это объясняется более выраженным воздействием анализируемых факторов. Данное утверждение обосновывается позитивным воздействием этих факторов на показатели производительности, где в некоторых случаях наблюдается достаточно сильная зависимость. Необходимо отметить связь между количеством поданных патентных заявлений и объемом прямых иностранных инвестиций наряду с индикаторами экспорта высокотехнологичной продукции и расходами на реализацию исследовательских проектов. Зависимость может быть представлена в виде уравнения со значением R -квадрата, равным (R^2). – 0,67: $y = -3E-05x^3 + 0,0065x^2 - 0,4909x + 15,23$. Рисунок 8 показывает, что линия тренда становится более гладкой, что говорит о снижении эффективности прямых иностранных инвестиций.

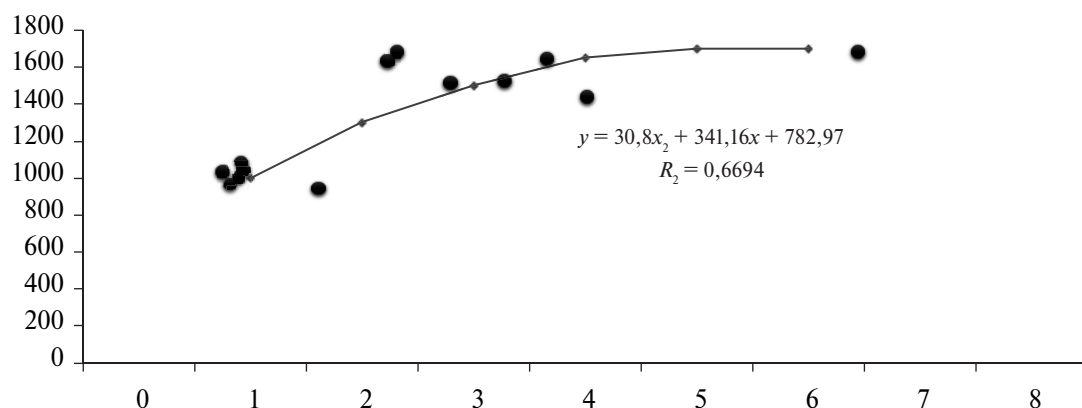

Рис. 8. Зависимость количества поданных заявлений на регистрацию патентов и прямых иностранных инвестиций в Белоруссии

Источник: Составлено авторами на основе данных Всемирного банка [World Bank, 2020].

В соответствии с выявленными зависимостями и набором факторов, определяющих эффективность политики реиндустриализации, авторы предлагают следующие рекомендации для повышения эффективности государственной политики. В целом политика реиндустриализации должна опираться на целостный набор методов и инструментов управления этим процессом. В свою очередь, механизм управления реиндустриализацией является звеном механизма управления народным хозяйством в целом, что обуславливает необходимость согласования методов социально-экономического и экологического управления.

Этот экономический механизм представляет собой сложную структуру, включающую инструменты и методы государственного регулирования, институциональной поддержки и формы функционирования. Авторы выделяют девять основных типов экономических институтов в системе механизма реиндустриализации: стимулирование реиндустриализации на базе инновационного развития, рационального использования природных ресурсов и охраны окружающей среды; внедрение цифровых технологий в промышленное производство; защита конкуренции; обеспечение национальной безопасности; разработка природных ресурсов в интересах дальнейшего использования; содействие развитию инновационного предпринимательства; привлечение частных инвестиций в устойчивое использование природных ресурсов и защиту окружающей среды; обеспечение эффективного расходования бюджетных ресурсов, направляемых на цели реиндустриализации и защиту окружающей среды; борьба с коррупцией.

В странах ЕАЭС указанные экономические институты функционируют с разной степенью интенсивности в зависимости от особенностей регуляторной среды рассматриваемого государства; обеспеченности природными ресурсами и степени их вовлечения в производство; соотношения секторов в экономике данного государства; эффективности деятельности природоохранных институтов. Авторы считают, что необходимо выделить четыре основных группы экономических инструментов (в соответствии с заданными функциями в рамках национального законодательства и иных нормативных документов) национальной политики реиндустриализации:

- стимулирование экономической активности и повышение инвестиционной привлекательности реального сектора экономики;
- поддержание взаимной ответственности государства и бизнеса в отношении решений, принятых вовлеченными сторонами в соответствии с задачами реиндустриализации;
- ограничение воздействия на окружающую среду наряду с расширением производства и включением природных ресурсов в экономический оборот;
- предотвращение негативных социальных, экологических и экономических последствий.

Национальная политика реиндустриализации должна основываться на применении инноваций во всем их многообразии. В соответствии с предложенным подходом к определению реиндустриализации сфера внедрения инноваций обозначена достаточно широко: образование и профессиональная подготовка, производство товаров и услуг в соответствии с современными требованиями; принятие управленческих решений с применением новейших технологий и методик и т.д. Основные объекты применения инноваций определяют ключевые треки политики реиндустриализации, которая включает создание конкурентоспособных отраслей, модернизацию существующих предприятий, закрытие убыточных и неконкурентоспособных предприятий, реализацию природоохранных мер, направленных на снижение воздействия на окружающую среду, утилизацию и повторное использование промышленных отходов, накопленных за прошедшие годы, а также подготовку квалифицированных кадров.

Заключение

Анализ взаимосвязей между индикаторами инновационного развития, с одной стороны, и иностранными инвестициями и расходами на НИОКР, с другой стороны, позволяет сделать следующие выводы. Взаимосвязи между отобранными индикаторами инновационного развития и проанализированными факторами имеют гораздо более сложный характер, чем принято думать. Это обусловлено следующими обстоятельствами. Во-первых, влияние факторов опосредовано одновременным воздействием значительного списка иных детерминант, которые обычно упускают из вида, в то время как они могут коренным образом менять характер рассматриваемых зависимостей. Во-вторых, из списка тех факторов, которые чаще всего становятся предметом изучения, следует выделить институциональную среду в рассматриваемой стране, которая также играет огромную роль наряду с проводимой государством политикой. Принимая во внимание накопленный опыт, нельзя отрицать наличие взаимосвязи между государственной политикой и показателем притока иностранных инвестиций – так, государственное вмешательство может способствовать повышению инвестиционной привлекательности стратегических секторов национальной экономики или подталкивать местный бизнес к увеличению расходов на НИОКР.

Проведенный анализ воздействия институциональной среды и государственной политики объясняет один из выводов исследования о том, что в каждом отдельном случае указанные факторы проявляют себя по-разному. Унифицированный подход показал свою несостоятельность. Опираясь на результаты проведенного анализа, можно утверждать, что оценку воздействия каждого отдельного фактора в случае разных стран невозможно произвести исходя из некой универсальной модели. В одном случае рассматриваемый фактор может оказывать позитивное влияние, в другом – негативное, а в третьем вообще не проявлять себя никаким образом. Авторы предполагают, что ключевыми обстоятельствами в данном контексте являются уровень развитости экономических институтов и качество проводимой государством инновационной политики. В рассматриваемом контексте задача государства заключается в создании таких условий, при которых все факторы одновременно оказывают тонизирующее воздействие на экономику страны, повышая ее конкурентоспособность. Эффективность и результативность инновационной политики определяются способностью руководства решить эту задачу. Следовательно, проблемой является не только привлечение инвестиций в большем объеме, но и создание условий, в которых они окажут большее воздействие на экономику страны, способствуя ее обновлению.

Практический опыт показывает, что реальное воздействие рассмотренных факторов на протяжении периода исследования может значительно меняться, на что указывают синхронные изменения графических моделей. Предпосылками подобных изменений выступают, с одной стороны, глобальные финансовые кризисы 2009–2010 гг. и 2014–2015 гг., под влиянием которых многие привычные закономерности изменили свой характер; с другой стороны, свою роль играет экономическая ситуация в конкретной стране. Стабильность экономики отдельной страны проявляется в стабильности трендов, характеризующих динамику ее развития в отрыве от иных внешних факторов. Анализ показал, что экономика Белоруссии обладает самой высокой устойчивостью к внешнему воздействию, в то время как другие страны ЕАЭС подвержены ему в значительной степени.

Следует отметить, что изученные индикаторы не могут охарактеризовать ситуацию во всей ее полноте. Изученная выборка отражает только небольшую часть обшир-

ной и сложной структуры. Рассмотрев отдельные примеры, авторы попытались показать противоречивость происходящих процессов. Выявленные противоречия требуют более глубокого анализа при разработке конкретных мер государственной политики в области инновационного развития.

Список источников

- Андропова И.В. (2016). Евразийский экономический союз: потенциал и ограничения для регионального и глобального лидерства // Вестник международных организаций. Т. 11. № 2. С. 7–23. doi:10.17323/1996-7845-2016-02-07
- Бляхман Л.С. (2014). Региональные и макрорегиональные основы новой индустриализации // Проблемы современной экономики. Т. 1. № 49. С. 7–18. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnye-i-makroregionalnye-osnovy-novoy-industrializatsii/viewer> (дата обращения: 25.11.2021).
- Бодрунов С.Д. (2015). Реиндустриализация экономики и проблема импортозамещения: роль и задачи информационной индустрии // Вестник РЭУ им. Г.В. Плеханова. Т. 4. № 82. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/reindustrializatsiya-ekonomiki-i-problema-importozamescheniya-rol-i-zadachi-informatsionnoy-industrii> (дата обращения: 22.11.2021).
- Бодрунов С.Д. (2019). Реиндустриализация в условиях новой технологической революции: дорога в будущее // Управленец. Т. 10. № 5. С. 2–8. doi:10.29141/2218-5003-2019-10-5-1
- Захаров А.Н. (2018). Перспективы реиндустриализации развитых стран (США, Канада и Австралия) // Вестник МГИМО-Университета. Т. 1. № 58. С. 213–245. doi:10.24833/2071-8160-2018-1-58-213-245
- Левин С.М. (2010). Альтернативы институционального развития развивающихся и постсоциалистических стран: мифологемы «постиндустриализма» и «глобализма» и реальные тенденции // Журнал институциональных исследований. Т. 2. № 1. С. 6–16. Режим доступа: <https://www.hjournal.ru/journals/journal-of-institutional-studies/2010-god/24-nomer-1.html> (дата обращения: 13.11.2021).
- Полтерович В.М., Попов В.В., Тонис А.С. (2007). Экономическая политика, качество институтов и механизмы «ресурсного проклятия». М.: Изд. дом ГУ ВШЭ. Режим доступа: <https://mpa.ub.uni-tuenchen.de/22454> (дата обращения: 17.03.2022).
- Попова И.М. (2021). Проблемы реализации цифровой повестки ЕАЭС // Вестник международных организаций. Т. 16. № 1. С. 127–144. doi:10.17323/1996-7845-2021-01-06
- Шеломенцев А.Г., Таубаев А.А., Берг Д.Б., Улыбышев Д.Н. (2017). Моделирование сценариев динамичного развития региональных эколого-социо-экономических систем в условиях реиндустриализации стран ЕвразЭС. Караганда: Изд. ТОО «PEGASO». Режим доступа: <https://www.keu.kz/ru/section-table/31-materialy/5053-grant-mon-rk-2015-2017.html#> (дата обращения: 17.03.2022).
- Aimagambetov E., Stefanov D., Kuttybaeva N. (2016). Assessing the Level of Competitiveness of the Republic of Kazakhstan on the Basis of World Rankings Analysis // International Journal of World Ranking Analysis. Vol. 10. No. 3. P. 101–12. Режим доступа: https://www.proquest.com/docview/1964461193?pq-origsite=gsc_holar&fromopenview=true (дата обращения: 17.03.2022).
- Davletbayeva N., Taubayev A., Kuttybai M. (2018). System Problems of Entrepreneurship Development in Kazakhstan Regions in Conditions of Globalization // IDIMT-2018: Strategic Modeling in Management, Economy and Society / D. Petr, C. Gerhard, O Václav (eds). P. 113–118. Режим доступа: https://idimt.org/wp-content/uploads/proceedings/IDIMT_proceedings_2018.pdf (дата обращения: 17.11.2021).
- Gusakov N.P., Andronova I.V., Ganeeva M.V., Dyuzheva N.V. (2019). Common Industrial Policy as a Factor of the Development of Integration Processes in the EAEU // International Journal of Economic Policy in Emerging Economies. Vol. 12. No. 4. P. 318–336. doi:10.1504/IJEPPE.2019.104633
- Hottenrott H., Lawson C. (2017). Fishing for Complementarities: Research Grants and Research Productivity // International Journal of Industrial Organization. Vol. 51. P. 1–38. doi:10.1016/j.ijindorg.2016.12.004

- Konstantinova S., Konarev A. (2015). Reindustrialization and National Economic Models // *Trakia Journal of Sciences*. Vol. 13. Suppl. 1. P. 358–361. doi:10.15547/tjs.2015.s.01.061
- National Research Council (1981). *Reindustrialization or New Industrialization: Minutes of a Symposium*. Washington, DC: The National Academies Press. doi:10.17226/19675
- Nevskaya N.A., Garnov A.P., Brykin A.V., Malakhova E.V. (2018). National Competitiveness as the Object of Indicative Planning in the Context of Re-Industrialization // *European Research Studies Journal*. Vol. 21. Iss.1. P. 148–155. doi:10.35808/ersj/1167
- Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) (1996). *The Knowledge-Based Economy*. Режим доступа: <http://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=OCDE/GD%2896%29102&docLanguage=En> (дата обращения: 18.03.2022).
- Panza L. (2014). De-Industrialization and Re-Industrialization in the Middle East: Reflections on the Cotton Industry in Egypt and in the Izmir Region // *The Economic History Review*. Vol. 67. No. 1. P. 146–169. doi:10.1111/1468-0289.12019
- Raggi P. (2013). Industrialisation, désindustrialisation, ré-industrialisation en Europe: Le cas de la sidérurgie lorraine (1966–2006) [Industrialization, Deindustrialization, Re-Industrialization in Europe: The Case of the Lorraine Steel Industry (1966–2006)] // *Rives Méditerranéennes*. Vol. 46. No. 3. P. 11–28. (in French) doi:10.4000/rives.4478
- Rothwell R. (1985). Reindustrialization and Technology: Towards a National Policy Framework // *Science and Public Policy*. Vol. 12. No. 3. P. 113–130. doi:10.1093/spp/12.3.113
- Shih W.C. (2013). The Re-Industrialization of the United States? // *Wirtschaftspolitische Blätter*. Vol. 60. No. 2. P. 297–312.
- Slabbert N. (2010). Engineers as Visionaries // *ASM: Mechanical Engineering*. Vol. 132. No. 6. P. 24–29. doi:10.1115/1.2010-Jun-1
- Stevenson A.E. (1981). Reindustrialization: Politics and Economics // *Challenge*. Vol. 23. No. 6. P. 39–43. doi:10.1080/05775132.1981.11470659
- Tikhonovich E.A., Zemlyanskaya S.V., Antonenko I.V. (2020). EAEU Economies Integration as a Factor of Their Competitiveness: Assessment of Technological Convergence // *Lecture Notes in Networks and Systems*. Vol. 110. P. 236–246. doi:10.1007/978-3-030-45913-0_27
- World Bank (2020). Режим доступа: <https://data.worldbank.org> (дата обращения: 14.11.2021).
- Zhdan G.V., Shchetinina I.V., Voronov Yu.P. (2017). Reindustrialization of the Economies of Rural Territories (A Case Study of Novosibirsk Oblast) // *Regional Research of Russia*. Vol. 7. No 4. P. 342–351. doi:10.1134/S2079970517040116.

Implementation of the National Reindustrialization Policy in the Countries of the Eurasian Economic Union^{1,2}

Ye. Aimagambetov, A. Taubayev, G. Amirova, Yu. Saifullina, D. Ulybyshev

Yerkara Aimagambetov – Full Doctor in Economics, Professor, Department of Economic Theory and State Local Government, Karaganda Economic University of Kazpotrebsoyuz; 9 Akademicheskaya Ulitsa, Karaganda, 100000, Republic of Kazakhstan; aimagambetov5859@ubogazici.in

Ayapbergen Taubayev – Full Doctor in Economics, Professor, Center for Monitoring and Development of Scientific-Research Works, Karaganda Economic University of Kazpotrebsoyuz; 9 Akademicheskaya Ulitsa, Karaganda, 100000, Republic of Kazakhstan; Department of Management, South Ural State University, 454080, 76 Lenin Prospect, Chelyabinsk, Russian Federation; taubayev5859@kpi.com.de

Galiya Amirova – Doctoral Student, Department of Economic Theory and State Local Government, Karaganda Economic University of Kazpotrebsoyuz; 9 Akademicheskaya Ulitsa, Karaganda, 100000, Republic of Kazakhstan; amirova5859@national-university.info

Yulia Saifullina – PhD in Economics, Associate Professor, Department of Banking Management and Financial Risks, Karaganda Economic University of Kazpotrebsoyuz; 9 Akademicheskaya Ulitsa, Karaganda, 100000, Republic of Kazakhstan; saifullina5859@uoel.uk

Dmitriy Ulybyshev – PhD in Economics, Associate Professor, Karaganda Economic University of Kazpotrebsoyuz; 9 Akademicheskaya Ulitsa, Karaganda, 100000, Republic of Kazakhstan; Department of Management Theory and Business Technologies, Plekhanov Russian University of Economics; 36 Stremyanny pereulok, Moscow, 117997, Russian Federation; ulybyshev5859@unesp.co.uk

Abstract

The current stage of development of Eurasian Economic Union (EAEU). countries indicates that these states are being forced not only to reindustrialize, but to industrialize their economies almost from scratch, since their industries, for known political reasons, were completely destroyed or are technologically obsolete. This article investigates innovative factors in the development of reindustrialization processes in the countries of the EAEU based on the development and implementation of targeted national policy. The study puts forward a hypothesis about the existence of a dependence between the rates of innovative development of countries, on the one hand, and foreign direct investment and research and development (R&D) expenditures, as well as trends in industrial production development, on the other, as a summary indicator of the reindustrialization of the national economy. To confirm the hypothesis, the following methods were used: statistical analysis, which allowed the primary processing of data that describe the dynamics of indicators of innovative development of countries and its factors, and a comparative analysis of the innovative development of the countries of the EAEU, which constitute the object of this study. The first part provides a sequential analysis of changes in specific indicators describing the innovative development of the countries under consideration, as well as factors that, according to the hypothesis, have a significant impact on it, thereby enabling the evaluation of the general trends in the dynamics of innovative processes within the selected object of this study. In the second part, through the establishment of correlations between the factors and results of the innovative development of countries, measures are proposed to improve the national policy of innovative development and reindustrialization.

Key words: development indicators, reindustrialization, government and corporate investment, regional integration

¹ The article was submitted 06.08.2021.

² Translated by A.A. Ignatov, Researcher, Centre for International Institutions Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA).

Acknowledgments: this article was prepared within the grant of the Committee of Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan AP05134987 “Innovative susceptibility of EAEU countries’ national economies: system characteristics, assessment, mechanisms of management”.

For citation: Aimagambetov Ye., Taubayev A., Amirova G., Saifullina Yu., Ulybyshev D. (2022). Implementation of the National Reindustrialization Policy in the Countries of the Eurasian Economic Union. *International Organisations Research Journal*, vol. 17, no 1, pp. 142–162 (In English). doi:10.17323/1996-7845-2022-01-07

References

- Aimagambetov E., Stefanov D., Kuttybaeva N. (2016). Assessing the Level of Competitiveness of the Republic of Kazakhstan on the Basis of World Rankings Analysis. *International Journal of World Ranking Analysis*, vol. 10, no 3, pp. 101–12. Available at: <https://www.proquest.com/docview/1964461193?pq-origsite=gscholar&fromopenview=true> (accessed 17 March 2022).
- Andronova I. (2016). Eurasian Economic Union: Opportunities and Barriers to Regional and Global Leadership. *International Organisations Research Journal*, vol. 11, no 2, pp. 7–23. doi:10.17323/1996-7845-2016-02-07.
- Blyakhman L.S. (2014). Regional’nyye i Makroregional’nyye Osnovy Novoy Industrializatsii. [Regional and Macroregional Foundations of New Industrialization]. *Problemy Sovremennoy Ekonomiki*, vol. 1, no 49, pp. 7–18. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnye-i-makroregionalnye-osnovy-novoy-industrializatsii/viewer> (accessed 25 November 2021). (in Russian)
- Bodrunov S.D. (2015). Reindustrializatsiya Ekonomiki kak Strategicheskii Prioritet Razvitiya Rossii [Reindustrialization Should Become the Basic Idea of Creating a New Russian Economy]. *Vestnik Rossiyskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G.V. Plekhanova*, vol. 4, no 82. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/reindustrializatsiya-ekonomiki-i-problema-importozamescheniya-rol-i-zadachi-informatsionnoy-industrii> (accessed 22 November 2021). (in Russian)
- Bodrunov S.D. (2019). Reindustrializatsiya v Usloviyakh Novoy Tekhnologicheskoy Revolyutsii: Doroga v Budushcheye [Reindustrialization in the Context of a New Technological Revolution: The Road to the Future]. *Upravlenets*, vol. 10, no 5, pp. 2–8. (in Russian). doi:10.29141/2218-5003-2019-10-5-1
- Davletbayeva N., Taubayev A., Kuttybai M. (2018). System Problems of Entrepreneurship Development in Kazakhstan Regions in Conditions of Globalization. *IDIMT-2018: Strategic Modeling in Management, Economy and Society* (D. Petr, C. Gerhard, O Václav (eds)), pp. 113–8. Available at: https://idimt.org/wp-content/uploads/proceedings/IDIMT_proceedings_2018.pdf (accessed 17 November 2021).
- Gusakov N.P., Andronova I.V., Ganeeva M.V., Dyuzheva N.V. (2019). Common Industrial Policy as a Factor of the Development of Integration Processes in the EAEU. *International Journal of Economic Policy in Emerging Economies*, vol. 12, no 4, pp. 318–36. doi: 10.1504/IJEPEE.2019.104633
- Hottenrott H., Lawson C. (2017). Fishing for Complementarities: Research Grants and Research Productivity. *International Journal of Industrial Organization*, vol. 51, pp. 1–38. doi:10.1016/j.ijindorg.2016.12.004
- Konstantinova S., Konarev A. (2015). Reindustrialization and National Economic Models. *Trakia Journal of Sciences*, vol. 13, suppl. 1, pp. 358–61. doi:10.15547/tjs.2015.s.01.061
- Levin S.M. (2010). Al'ternativy Institutsional'nogo Razvitiya Razvivayushchikhsya i Postsotsialisticheskikh Stran: Mifologemy “Postindustrializma” i “Globalizma” i Real'nyye Tendentsii [Alternatives to Institutional Development of Frontier and Post-Socialist Countries: Mythologems of “Post-Industrialism” and “Globalism” and the Real Trends]. *Zhurnal Institutsional'nykh Issledovaniy*, vol. 2, no 1, pp. 6–16. Available at: <https://www.hjournal.ru/journals/journal-of-institutional-studies/2010-god/24-nomer-1.html> (accessed 13 November 2021). (in Russian)
- National Research Council (1981). *Reindustrialization or New Industrialization: Minutes of a Symposium*. Washington, DC: The National Academies Press. doi:10.17226/19675
- Nevskaya N.A., Garnov A.P., Brykin A.V., Malakhova E.V. (2018). National Competitiveness as the Object of Indicative Planning in the Context of Re-Industrialization. *European Research Studies Journal*, vol. 21, iss. 1, pp. 148–55. doi: 10.35808/ersj/1167
- Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) (1996). The Knowledge-Based Economy. Available at: <http://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=OCDE/GD%2896%29102&docLanguage=En> (accessed 17 March 2022).

- Panza L. (2014). De-Industrialization and Re-Industrialization in the Middle East: Reflections on the Cotton Industry in Egypt and in the Izmir Region. *The Economic History Review*, vol. 67, no 1, pp. 146–69. doi:10.1111/1468-0289.12019
- Polterovich V., Popov V., Tonis A. (2007). *Ekonomicheskaya Politika, Kachestvo Institutov i Mekhanizmy "Resursnogo Proklyatiya"* [Economic Policy, the Quality of Institutions and Mechanisms of the "Resource Curse"]. Moskva: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Universiteta "Vysshaya Shkola Ekonomiki". Available at: <https://mpira.ub.uni-muenchen.de/22454/> (accessed 17 March 2022). (in Russian)
- Popova I. (2021). The Challenges of Implementing the EAEU's Digital Agenda. *International Organisations Research Journal*, vol. 16, no 1, pp. 127–44. doi:10.17323/1996-7845-2021-01-06
- Raggi P. (2013). Industrialisation, désindustrialisation, ré-industrialisation en Europe: Le cas de la sidérurgie lorraine (1966–2006) [Industrialization, Deindustrialization, Re-Industrialization in Europe: The Case of the Lorraine Steel Industry (1966–2006)]. *Rives Méditerranéennes*, vol. 46, no 3, pp. 11–28. (in French). doi:10.4000/rives.4478
- Rothwell R. (1985). Reindustrialization and Technology: Towards a National Policy Framework. *Science and Public Policy*, vol. 12, no 3, pp. 113–30. doi:10.1093/spp/12.3.113
- Shelomentsev A.G., Taubaev A.A., Berg D.B., Ulybyshev D.N. (2017). *Modelirovaniye Stsenariyev Dinamichnogo Razvitiya Regional'nykh Ekologo-Sotsial'no-Ekonomicheskikh Sistem v Usloviyakh Reindustrializatsii Stran Yevraziyskogo Ekonomicheskogo Soyuzha* [Modeling of Scenarios for the Dynamic Development of Regional Ecological-Socio-Economic Systems in the Context of Reindustrialization of the Countries of the Eurasian Economic Union]. Karaganda: PEGASO. Available at: <https://www.keu.kz/ru/section-table/31-materialy/5053-grant-mon-rk-2015-2017.html#> (accessed 17 March 2022). (in Russian)
- Shih W.C. (2013). The Re-Industrialization of the United States? *Wirtschaftspolitische Blätter*, vol. 60, no 2, pp. 297–312.
- Slabbert N. (2010). Engineers as Visionaries. *ASM: Mechanical Engineering*, vol. 132, no 6, pp. 24–9. doi:10.1115/1.2010-Jun-1
- Stevenson A.E. (1981). Reindustrialization: Politics and Economics. *Challenge*, vol. 23, no 6, pp. 39–43. doi:10.1080/05775132.1981.11470659
- Tikhonovich E.A., Zemlyanskaya S.V., Antonenko I.V. (2020). EAEU Economies Integration as a Factor of Their Competitiveness: Assessment of Technological Convergence. *Lecture Notes in Networks and Systems*, vol. 110, pp. 236–46. doi:10.1007/978-3-030-45913-0_27
- World Bank (2020). Available at: <https://data.worldbank.org> (accessed 14 November 2021).
- Zakharov A.N. (2018). Perspektivy Reindustrializatsii Razvitykh Stran (SSHA, Kanada i Avstraliya) [Prospects for the Re-Industrialization of Developed Economies (USA, Canada and Australia)]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, vol. 1, no 58, pp. 213–45. (in Russian). doi:10.24833/2071-8160-2018-1-58-213-245
- Zhdan G.V., Shchetinina I.V., Voronov Yu.P. (2017). Reindustrialization of the Economies of Rural Territories (A Case Study of Novosibirsk Oblast). *Regional Research of Russia*, vol. 7, no 4, pp. 342–51. doi:10.1134/S2079970517040116

Дифференциация государств по климатической амбициозности: влияние на мировую политику¹

В.М. Жорнист, А.Д. Несмашный, М.В. Харкевич, И.А. Сафранчук

Жорнист Вера Михайловна — аналитик Центра евроазиатских исследований Института международных исследований (ИМИ) Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (МГИМО МИД России); Российская Федерация, 119454, Москва, просп. Вернадского, д. 76; v.m.zhornist@my.mgimo.ru

Несмашный Александр Дмитриевич — аналитик Центра евроазиатских исследований Института международных исследований (ИМИ) МГИМО МИД России; Российская Федерация, 119454, Москва, просп. Вернадского, д. 76; a.d.nesmachnyj@my.mgimo.ru

Харкевич Максим Владимирович — к.полит.н., доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России; Российская Федерация, 119454, Москва, просп. Вернадского, д. 76; m.kharkevich@inno.mgimo.ru

Сафранчук Иван Алексеевич — к.полит.н., в.н.с. Института международных исследований (ИМИ) МГИМО МИД России; доцент департамента международных отношений Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; Российская Федерация, 119454, Москва, просп. Вернадского, д. 76; i.safranchuk@inno.mgimo.ru

Аннотация

В настоящий момент происходит дифференциация государств внутри климатической подсистемы мировой политики по критерию амбициозности принимаемых обязательств по декарбонизации национальной экономики. Степень амбициозности реформ определяют сами государства, фиксируя их в соответствующих документах «Определяемые на национальном уровне вклады» (ОНУВ) (Nationally Determined Contributions, NDC) и в рамках законодательного процесса внутри страны, а различные климатические НПО в своих аналитических докладах составляют рейтинги государств по амбициозности климатических обязательств.

Основным параметром дифференциации государств по амбициозности климатических обязательств является планируемый год достижения углеродной нейтральности. Под влиянием деятельности Великобритании и «Зеленой сделки» Европейского союза другие показатели, которые противоречили друг другу, были методологически спорными и при этом не ставили западные страны на ведущие позиции, ушли на второй план. В статье представлен обзор различных параметров климатической амбициозности и климатического прогресса.

В рамках новой теории систем Никласа Лумана «углеродная нейтральность» является кодом, с помощью которого климатическая подсистема мировой политики отделяется от других коммуникативных подсистем мировой политики.

¹ Статья поступила в редакцию 22.11.2021.

В данной обзорной статье на основе коммуникационной теории Лумана рассматривается, как сформировавшийся код «углеродной нейтральности» используется государствами и международными организациями для формирования новой иерархии в международных отношениях. Возможные международные последствия политического использования «углеродной нейтральности» фиксируются в статье с обращением к различным конструктивистским и нормативным теориям — от постструктурализма Фуко до историзма и нормативности Английской школы международных отношений. В заключительном разделе авторы рассматривают потенциальную роль иерархизации климатической политики в перераспределении влияния на мировой арене.

Ключевые слова: функциональная дифференциация, амбициозность климатической политики, изменение климата, климатическая адаптация, международная иерархия, углеродная нейтральность, Луман, Грамши, Фуко, Английская школа

Для цитирования: Жорнист В.М., Несмашный А.Д., Харкевич М.В., Сафранчук И.А. Дифференциация государств по климатической амбициозности: влияние на мировую политику // Вестник международных организаций. 2022. Т. 17. № 1. С. 163–182 (на русском языке). doi:10.17323/1996-7845-2022-01-08

Сегодня изменение климата признается одной из главных угроз международной, национальной и человеческой безопасности большинством стран и международных организаций [Oels, 2012; Хлопов, 2021]. При этом большинство политиков и исследователей отмечают, что источником этой угрозы является человеческая деятельность, которая приводит к загрязнению окружающей среды и выбросу в атмосферу парниковых газов. В последние годы все большую популярность набирает вопрос неравных вкладов в борьбу с изменением климата: для достижения углеродной нейтральности в масштабах всей планеты и ограничения повышения температуры до 1,5°C по сравнению с доиндустриальным уровнем необходимо снижение выбросов всеми государствами мира, однако не все страны проявляют готовность брать на себя обязательства по борьбе с изменением климата, а обязательства тех, кто соглашается их на себя взять, различаются. В результате в климатической сфере наблюдается ситуация, при которой одни государства обещают достичь климатической нейтральности к 2050 г., другие — к 2060 г., а третьи вовсе не ставят себе цель достижения углеродной нейтральности в ближайшем будущем [Ланышина, Стоянов, Логинова, 2021]. В сфере климатической политики происходит дифференциация государств по амбициозности добровольно принимаемых на себя обязательств по декарбонизации своей экономики.

Теория социальной дифференциации и интеграции была основополагающей для классической социологии конца XIX — начала XX вв., так как она объясняла разрушение традиционного сословного общества, основанного на стратификационной или ранговой дифференциации, и становление современного классового общества, в основе которого лежала функциональная дифференциация [Spencer, 1966; Comte, 1975]. К логическому завершению теорию социальной дифференциации и интеграции привел Толкотт Парсонс, объединив ее с общей теорией систем [Parsons, 1967]. Никлас Луман, который учился у Парсонса, пересмотрел его теорию на новых онтологических началах и разработал новую теорию систем [Luhmann, 1977]. Дифференциация у Лумана происходит не между социальными субъектами и их социальными ролями, а внутри социальной коммуникации, рассматриваемой в ее актуальном и потенциальном единстве. Одно тематическое направление коммуникации отделяется (дифференцируется) от другого тематического направления. Такие направления коммуникации или подсистемы об-

щей совокупности всех коммуникаций (данную совокупность Луман называл мировым обществом) формируются и отделяются от других подсистем своим уникальным бинарным кодом коммуникации: законный/незаконный для правовой подсистемы, силовой/несиловой — для политической подсистемы и т.д. Благодаря усилиям Маттиаса Альберта, Барри Бузана и Майкла Цюрна новая теория систем Лумана была привнесена и в теорию международных отношений (ТМО) [Albert, 1999; Albert, Buzan, Zürn, 2013]. Указанные авторы предположили, что ТМО может существенно выиграть, если систему международных отношений рассматривать как подсистему мирового общества. Как и любая другая социальная система, система международных отношений проходит три последовательных этапа дифференциации в своем развитии: (1) сегментационная дифференциация (выделение территориального государства в качестве основного элемента/сегмента системы начиная с 1648 г.), (2) стратификационная дифференциация (выделение великих держав начиная с Венского и особенно Берлинского конгресса после наполеоновских войн), (3) функциональная дифференциация (формирование глобального управления на надгосударственном уровне в различных функциональных областях, особенно на уровне международных организаций, начиная с последней трети XX в.).

Выделяются следующие функциональные области: экономическая, правовая, мировое гражданское общество [Buzan, Albert, 2010]. Климатическая политика в данном контексте может рассматриваться как относительно новая функциональная подсистема мировой политики: в ней осуществляется коммуникация по вопросам климатической политики, а дифференцирующий код подсистемы начиная с Парижского соглашения утвердился в форме «углеродной нейтральности», или «углеродного следа».

Иерархия государств (или стратификационная дифференциация) характеризует не только мировую политику в целом, но и отдельные ее функциональные области. Климатическая политика является одной из областей, в которой осуществляется «сложная» гегемония [Сафранчук, Жорнист, Несмашный, 2021]. В формирующейся климатической подсистеме также происходит стратификационная дифференциация государств, основным критерием которой стала амбициозность обязательств по декарбонизации экономики.

Цель данной статьи заключается в выявлении критериев амбициозности климатических обязательств государств с помощью анализа публичных документов (Nationally Determined Contributions, материалы аналитических центров) и объяснения использования кода углеродной нейтральности в политических целях уточнения иерархии в международных отношениях, включения/исключения в различные клубные форматы взаимодействия. Для этой цели были выбраны конструктивистские теории международных отношений, так как в центре климатической политики лежит взаимодействие внутри сообщества государств.

С помощью контент-анализа публичных документов по климатической политике анализируются существующие критерии оценки климатической политики государств, выделяются наиболее используемые критерии, которые составляют основу рейтингов и иерархии государств по оценке амбициозности их климатической политики. В качестве основных критериев амбициозности климатической политики выделяются год достижения углеродной нейтральности и планируемое снижение выбросов в атмосферу.

Проводится обширный анализ литературы по конструктивистским теориям международных отношений с целью объяснения дифференциации по климатической амбициозности и изучения ее влияния на мировую политику. В статье проводится обзор работ Лумана, Альберта, Фуко, Грамши, а также изучаются теоретические подходы Английской школы и критической теории.

В заключительном разделе авторы приводят объяснение появления дифференциации государств по амбициозности климатической политики с точки зрения конструктивистских направлений исследований теорий международных отношений, описывают проявление этой дифференциации в современной мировой политике и выделяют главные параметры амбициозности в климатической политике. Предлагаются результаты анализа влияния появления дифференциации по амбициозности климатической политики на мировую политику в целом.

Обзор параметров дифференциации государств по амбициозности климатических обязательств

В последние годы в научном дискурсе все чаще возникает тема климатической повестки и зеленой политики, причем растет количество научных работ, анализирующих влияние зеленой политики на отношения между государствами и на мировую политику в целом [Jotzo, Depledge, Winkler, 2018; Леонард и др., 2021; Ларионова, 2021; Ланьшина, Стоянов, Логинова, 2021]. По мере роста влияния климатической политики на внешнюю и внутреннюю политику государств в научных работах стали выделять государства, которые обладают большим влиянием в сфере климатической политики, чем другие [Tynkkynen, 2010; Oertel, Tollmann, Tsang, 2020]. Для их описания используются такие термины, как «климатические сверхдержавы», «климатические великие державы». Страны — подписанты Парижского соглашения также дифференцируются по развитости экономики, что напрямую влияет на их обязанности по борьбе с изменением климата [Pauw, Mbeva, Van Asselt, 2019; Степанов, Агикян, Музыченко, 2021]. Растет количество статей, посвященных анализу амбициозности климатической политики [Степанов, Агикян, Музыченко, 2021; Попова, 2021], в которых рассматриваются факторы амбициозности климатической политики и ее практический разрез на примере Европейского союза (ЕС). Все это свидетельствует о дифференциации государств по роли, влиянию и ответственности в климатической политике.

«Зеленый поворот» был запущен ЕС и Великобританией, и со временем за ними последовали развитые страны, позднее — развивающиеся страны, в том числе Китай и Россия. Глобальное изменение климата было сформулировано в качестве политической проблемы только в 1990-е годы [Luterbacher, Sprinz, 2001, p. 24]. До 1990 г. проблема климатических изменений обсуждалась преимущественно в научных кругах, и наибольшим влиянием в данной сфере обладали негосударственные организации. С 1985 по 1988 г. ученые предпринимали попытки привлечь международное внимание к проблеме изменения климата. Они увенчались принятием Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, в которой климатические изменения признавались «общей проблемой человечества» [Luterbacher, Sprinz, 2001, p. 24–27]. В 1990-е годы западные страны пытались договориться об общем подходе к решению климатических проблем, но этому препятствовали существующие разногласия между ними по поводу мер и целей противодействия климатическим изменениям из-за различной роли добычи энергоресурсов в национальной экономике и различающихся приоритетов внутренней политики [Luterbacher, Sprinz, 2001, p. 29–30]. Международный режим регулирования проблемы изменения климата бурно развивался в 1980–1990-е годы, окончательно сформировавшись к концу XX в., когда в 1992 г. была подписана Рамочная конвенция ООН по изменению климата (UNFCCC, United Nations Framework Convention on Climate Change), в 1997 г. был подписан Киотский протокол и в 1998 г. был принят Буэнос-Айресский план действий. На современном этапе ре-

гулирование проблем климата осуществляется согласно Парижскому соглашению, подписанному в 2016 г.

После формирования международного режима регулирования проблем климата новая норма ответственности по борьбе с климатом была принята не сразу и не всеми государствами [Lee, 2020]. С одной стороны, это было связано с выделением множества параметров климатической политики, с другой стороны — с тем, что переход на устойчивое развитие и постановка целей снижения выбросов была более выгодна развитым государствам и менее выгодна развивающимся. Такое понимание появляется из-за ответственности развитых государств за загрязнение планеты и большие объемы выбросов парниковых газов, которые им удалось конвертировать в развитие экономики и наращивание богатства, в то время как развивающиеся государства проходят стадию активного экономического роста позднее и несут меньшую ответственность за глобальное изменение климата [Лихачева, Сергеева, Лукьянов, 2021].

Согласно Парижскому соглашению, государства должны устанавливать обязательства на национальном уровне (NDC) и отчитываться об установленных целях, направляя отчеты в ООН. Некоторые из пунктов отчета имеют стандартизированную форму. В частности, государства обязаны отчитываться о том, на сколько они планируют сократить выбросы к 2030 г. и по сравнению с каким годом (табл. 1).

Однако в этих рамках государства получили широкую свободу: среди крупнейших стран мира² используется три различных вида обязательств: сокращение объема выбросов к базовому году, сокращение углеродной интенсивности (то есть отношения объема выбросов к ВВП), сокращение выбросов по сравнению с ожидаемым объемом бизнесом без учета мер, нацеленных на сокращение выбросов (business as usual — BAU).

Развитые страны (к ним присоединяется и Россия, а также Бразилия, Саудовская Аравия, Пакистан и ЮАР) в основном пользуются самым простым параметром — объемом выбросов, и, соответственно, обязуются сократить выбросы по сравнению с определенным годом на определенный процент. В качестве базового года указывается в основном год, в котором государство достигло пика выбросов в прошлом. Для этих стран одним из способов увеличения своих обязательств является пересмотр выбросов в исходный год в сторону увеличения (таким способом пользуется ЕС).

Развивающиеся страны с растущим населением, такие как Мексика, Нигерия и Турция, а также Северная Корея используют в качестве целевого показателя ожидаемый объем выбросов (BAU). Соответственно, они обязуются сократить выбросы по сравнению с прогнозом. На практике это означает, что абсолютные показатели выбросов могут и вырасти. Отсутствие обязательств по использованию какой-то определенной методологии построения таких прогнозов оставляет значительное пространство для манипуляций. Наконец, крупнейшие развивающиеся экономики мира — Китай и Индия — используют показатель углеродной интенсивности. Эти страны ожидают значительного прироста ВВП в ближайшие годы и, соответственно, прироста абсолютных значений выбросов.

Ряд развивающихся государств также разделяет свои цели на условные и безусловные. Основным условием в таком случае является оказание международной помощи (финансовой, технологической). К примеру, Северная Корея готова сократить выбросы на 52% (а не лишь на 16,5%) по сравнению с BAU при условии получения 30 млрд долл.

² В выборку были включены страны G20, а также важнейшие региональные лидеры. При этом ЕС представлен как региональная организация, поскольку направляет объединенные NDC.

Проблемой дифференциации государств является неоднородность целей и возможность манипуляции статистикой. В результате только на основе NDC фактически невозможно объективно сравнить вклад разных стран в выполнение целей Парижского соглашения. Тем не менее ряд аналитиков предпринимали попытки соединить и сопоставить эти показатели, а также используемое в качестве параметра количество политических мер, нацеленных на снижение выбросов и адаптацию к изменению климата [Berrang-Ford, Ford, Paterson, 2011]. Например, такие исследования выпускали BloombergNEF [Cuming, 2021], ежегодные доклады «индекса климатической производительности» публикует Climate Action Network совместно с Germanwatch [Burk et al., 2021]. Регулярно оценивает климатическую политику 39 стран — участниц Парижского соглашения исследовательская группа Climate Action Tracker, которая разработала оценку политики стран по категориям «критически недостаточные меры», «крайне недостаточные меры», «недостаточные меры», «меры, совместимые с целью не допустить глобального потепления выше 1,5°C» (к последней категории не относится ни одна страна) [Climate Action Tracker, 2021]. Однако такая дифференциация не была очевидной или бесспорной, а методология — понятной. Рейтинги противоречили один другому (см. табл. 1), не вызывали доверия и, как результат, практически не оказывали влияния на процесс принятия решений. Кроме того, они в ряде случаев показывали достаточно скромные результаты для Запада, и западные страны (ключевые антрепренеры в климатической сфере) также их в основном не поддерживали.

В результате принятия ЕС ставших образцовыми норм («Зеленая сделка»), поддержанной ООН кампании “Race to Zero”, а также деятельности “Glasgow Financial Alliance for Net Zero” в 2020–2021 гг. произошла унификация параметров, и год достижения углеродной нейтральности³ стал доминирующим показателем, который применяется уже не только к государствам, но и к разного рода ТНК [Бобылев, Кирюшин, Кошкина, 2021; Сидорович, 2021]. То, что изначально рассматривалось как общая цель для человечества, а также преследовалось отдельными объединениями (например, “Carbon Neutral Cities Alliance”) [Tozer, Klenk, 2018], под воздействием европейской гегемонии в этой функциональной области стало универсальным критерием. Большинство крупных государств уже взяли на себя соответствующие обязательства (см. табл. 1), актуальные данные об этом сообщает британский “Energy and Climate Intelligence Unit” [Net Zero Scorecard, 2021; Net Zero Tracker, 2021], который функционирует благодаря финансовой поддержке крупного западного бизнеса (в отличие от предыдущих НПО, сохраняющих большую степень независимости). Наличие универсального критерия облегчает дифференциацию государств, которую невозможно однозначно определить при наличии большого количества конкурирующих параметров. Примечательно, что, по данным Google Trends, интерес к теме углеродной нейтральности (англ. “carbon neutrality”) с 2019 по 2021 г. вырос примерно в 10 раз при сохранении приблизительно одного уровня интереса к теме изменения климата в целом.

Несмотря на высокую степень изменчивости параметров в данной области, критерием стратификационной дифференциации государств в изучаемой подсистеме остается амбициозность климатической политики. Основным параметром такой дифференциации стал год достижения климатической нейтральности. Лидерами формирующейся иерархии в климатической подсистеме оказались страны Запада: ЕС и Великобритания, США, Япония, Канада и Южная Корея.

³ Углеродная нейтральность понимается как «нулевые выбросы углекислого газа в результате балансирования выбросов и поглощения углекислого газа с целью остановить увеличение его концентрации в атмосфере, которое способствует глобальному потеплению» [Chen, 2021].

Таблица 1. Параметры дифференциации государств по амбициозности климатической политики

Страна	Базовый показатель амбициозности в NDC	Исходный год	Цель (к 2030 г.)	Год достижения углеродной нейтральности	Уровень обязательств по нейтральности	Climate Change Performance Index 2022 (больше – лучше)	Climate Action Tracker
Австралия	Объем выбросов	2005	–35%	2050	Стратегия	30,41 (очень низкий)	Очень недостаточные
Аргентина	Объем выбросов	2007	–19%	2050	Стратегия	47,50 (низкий)	Очень недостаточные
Бразилия	Объем выбросов	2005	–43%	2050	Стратегия	55,17 (средний)	Очень недостаточные
Великобритания	Объем выбросов	1990	–68%	2050	Закон	73,29 (высокий)	Почти достаточный
Египет	Не установлен	Не указан	Не указана	Не установлен	Нет	59,83 (средний)	Нет
ЕС	Объем выбросов	1990	–55%	2050	Закон	59,53 (средний)	Недостаточные
Израиль	Объем выбросов	2015	–26%	2050	Заявления	Нет	Нет
Индия	Углеродная интенсивность	2005	–20... –25%	2070	Стратегия	69,22 (высокий)	Очень недостаточные
Индонезия	Углеродная интенсивность	2030	–29*... –41%**	2060	Стратегия	57,39 (средний)	Очень недостаточные
Иран	Не участвует в Парижском договоре			Не установлен	Нет	26,35 (очень низкий)	Критически недостаточные
Канада	Объем выбросов	2005	–40... –45%	2050	Закон	26,73 (очень низкий)	Очень недостаточные
Китай	Углеродная интенсивность	2005	–65%	2060	Стратегия	52,66 (низкий)	Очень недостаточные
КСА	Объем выбросов	2019	–43%***	2060	Стратегия	24,45 (очень низкий)	Очень недостаточные

Страна	Базовый показатель амбициозности в NDC	Исходный год	Цель (к 2030 г.)	Год достижения углеродной нейтральности	Уровень обязательств по нейтральности	Climate Change Performance Index 2022 (больше – лучше)	Climate Action Tracker
Мексика	Ожидаемый объем выбросов (BAU)	2030	–22*... –36%**	2050	Заявления	56,19 (средний)	Очень недостаточные
Нигерия	Ожидаемый объем выбросов (BAU)	2030	–20*... –45%**	2060	Стратегия	Нет	Почти достаточные
Пакистан	Объем выбросов	2018	–20%	2050	Заявления	Нет	Нет
Россия	Объем выбросов	1990	–30%	2060	Стратегия	35,00 (очень низкий)	Критически недостаточные
Северная Корея	Ожидаемый объем выбросов (BAU)	2030	–16,4*... –52%**	Не установлен	Нет	Нет	Нет
США	Объем выбросов	2005	–50... –52%	2050	Стратегия	37,90 (очень низкий)	Недостаточные
Турция	Ожидаемый объем выбросов (BAU)	2030	–21%	2053	Стратегия	50,75 (низкий)	Критически недостаточные
ЮАР	Объем выбросов	2014****	–22... –35%***	2050	Стратегия	51,56 (низкий)	Недостаточные
Южная Корея	Объем выбросов	2017	–24,4%	2050	Закон	27,28 (очень низкий)	Очень недостаточные
Япония	Объем выбросов	2013	–46%	2050	Закон	48,94 (низкий)	Недостаточные

* Без условий.

** При условии оказания международной поддержки.

*** В NDC указаны только обязательства в абсолютных цифрах, процентный показатель рассчитан авторами.

**** Базовый год не указан в NDC, рассчитано авторами исходя из пиковых значений.

Источник: Составлено авторами на основе данных NDC, сведений Energy and Climate Intelligence Unit и Climate Action Tracker. Актуально по состоянию на 15 ноября 2021 г.

Амбициозность климатической политики является основным критерием дифференциации государств в климатической политике ввиду невозможности одномоментного уменьшения вклада государств в глобальное изменение климата и ориентированности такой политики на будущее. Вероятно, с приближением намеченных дат достижения углеродной нейтральности (в большинстве случаев — 2050 и 2060 гг.) критерий дифференциации государств изменится, и дифференциация будет осуществляться не по ответственности относительно будущей политики, а по степени осуществления принятых ранее обязательств. Параметры дифференциации, в свою очередь, также изменятся.

Механизмы влияния дифференциации государств по климатической амбициозности на мировую политику: обзор конструктивистских исследований

Чтобы приблизиться к пониманию, что для мировой политики означает возникновение нового параметра дифференциации государств, следует обратиться к обзору научных исследований, которые применялись или потенциально применимы к этой проблеме. Большинство рационалистических теорий международных отношений в своем концептуальном аппарате лишены понятий, которые бы могли отражать социальную дифференциацию государств по такому параметру, как климатическая амбициозность. Поэтому необходимо обратиться к тем теориям, которые рассматривают международную реальность через призму «социального» [Reus-Smit, 2002] и в самом широком смысле могут быть названы конструктивистскими [Adler, 2013] (хотя в строгом смысле речь идет о направлениях, тесно связанных между собой, но не всегда сводимых к конструктивизму).

Английская школа международных отношений использует понятия включения (inclusion) и исключения (exclusion) для анализа динамики развития международного общества. Иными словами, речь идет о (не)признании того или иного игрока членом определенного международного общества. Например, Россию и Турцию исключают из европейского общества сами члены этого общества. Это выражается в том, что вопросы обеспечения европейской безопасности решаются фактически без участия этих стран [Webber, 2013, p. 1–26]. Эндрю Линклейтер назвал очевидным универсальный характер включения/исключения в международных отношениях [Linklater, 1992]. Наверное, наиболее известным примером такой динамики был «цивилизационный стандарт», который в XIX в. был основным критерием для включения в международное общество, хотя в действительности за этой «ширмой» скрывалось желание создать повод для исключения других стран [Bull, Watson, p. 421].

В настоящее время динамика включения/исключения изучается применительно к региональным международным обществам: «Европы», «постсоветского пространства», «русского мира» и т.п. [Linsenmaier, 2018]. Возникновение нового параметра дифференциации государств приводит к появлению новых критериев включения/исключения. На практике это, например, выражается в требованиях, выдвигаемых ЕС для кандидатов на вступление. Хотя сформулированные в 1993 г. Копенгагенские критерии не включают ни одного пункта, связанного с климатической повесткой, на практике такого рода требования предъявляются странам, претендующим на вхождение в ЕС [European Commission, 2018, p. 79–80], в рамках одного из 33 пунктов. Если ЕС начнет еще одну волну расширения, что потребует пересмотра критериев членства в европейском международном обществе, зеленая проблематика обязательно приобретет более

весомое значение. Та роль, которую она играет в европейской повестке дня и в формировании европейской идентичности на текущем этапе, согласно данной логике, конвертируется в критерии включения/исключения. Соответственно, европейские страны будут скорее считать «своими» страны, которые ставят амбициозные цели в своей климатической политике. Впрочем, нельзя забывать о существовании и других европейских обществоформирующих ценностей (права человека, социальная солидарность, экономическая свобода и т.д.). Также Английская школа в примере «стандарта цивилизаций» указывает на инструментальный характер таких критериев: соответствующий дискурс может использоваться для маскировки геополитических мотивов, стоящих за решениями о включении/исключении.

Близкая к Английской школе критическая теория рассматривает зеленый переход через призму теории справедливого перехода [Newell, Mulvaney, 2013; McCauley, Heffron, 2018; Le Quesne, 2019], которая имеет четкий нормативный уклон. Данная теория не является государственноцентричной, изучая условия перехода от одного состояния (несправедливого) к другому (справедливому), и в контексте климатической политики рассматривает условия, необходимые для перехода к экономике, не сопряженной с большими выбросами углекислого газа. Однако некоторые ее тезисы применимы и для прогнозирования позиций государств в зависимости от их отношения к зеленой повестке. Так, теория воспроизводит логику теории модернизации и положения марксизма, делая вывод о том, что в конечном итоге «справедливый переход» произойдет. Неограмшианский вариант данной теории, который переосмысливает понятие позиционной войны Антонио Грамши, указывает на ключевую роль коалиций, поддерживающих «справедливый переход» [Winkler, 2020]. Таким образом, согласно логике неограмшистов, те государства, которые примкнули к обреченной на успех коалиции за декарбонизацию, смогут получить из этого те или иные выгоды, а ее противники ослабят свои позиции на международной арене. Функциональная дифференциация влияет на позиции государств в международной иерархии [Nesmarshnyi, Zhornist, Safranchuk, 2022]. Особенно это актуально для средних держав, для которых функциональная специализация является основным способом наращивания влияния [Тео, 2021]. В условиях, когда почти все государства подключаются к процессу перехода и даже возглавляют его, это означает, что государство как институт международного общества закрепит свои доминирующие позиции.

Другая грамшианская интерпретация зеленого перехода — это использование концепции пассивной революции применительно к гегемонии дискурса экономического роста, то есть доминирующих представлений о том, что экономический рост является главной целью развития общества [Schmelzer, 2016]. В этом разрезе оказывается, что гегемонистический дискурс изменяется путем кооптации природоохранной повестки [Spash, 2020]. С некоторыми оговорками (если исходить из того, что гегемония дискурса роста является частью общего гегемонистического проекта западного капитализма) можно выдвинуть тезис о том, что перед акторами появляется окно возможностей для проникновения в капиталистическое «ядро», пользуясь терминологией неомарксизма. Те силы и государства, которые идут в авангарде природоохранной политики, могут быть кооптированы вместе с зелеными идеями, что перекликается с идеями включения Английской школы. Однако это возможно лишь в том случае, если акторы сохраняют определенный контроль над дискурсом, опираются на него в своей самоидентификации и активно себя проявляют. Иначе процесс сводится к производству бесчисленных симулякров при полной смерти «автора».

Школа Фуко, в отличие от грамшианской, изучает в первую очередь не дискурс, а механизмы управления. Последователи Фуко рассматривают климатическую политику

через призму гвернаментальности (фр. *gouvernementalité*)⁴ и биополитики. Если биополитика в сфере климата занимается изучением метановых выбросов крупного рогатого скота [McGregor et al., 2021], то гвернаментальность применяется для изучения механизмов управления. Согласно Фуко, гвернаментальность — это совокупность организационных практик и политических институтов, призванных осуществлять управление населением с помощью формирования определенной «ментальности» [Rose, O'Malley, Valverde, 2006]. Проблема применимости концепции гвернаментальности к международным отношениям заключается в том, что для этого нужно единое сообщество с единой ментальностью, что в настоящее время в масштабах мира не наблюдается. Однако некоторые последователи Фуко видят в регулировании климата предпосылку для формирования глобальной гвернаментальности, так как в данном случае объект применения власти — не население, а конкретная проблемная область (климат) [Methmann, 2013], а другие последователи Фуко считают, что в регулировании климата возможно формирование мультигвернаментальности, а именно — сочетания различных типов гвернаментальности (дисциплинарной, суверенной, либеральной и неолиберальной), понимаемых как различные методы осуществления управления [Fletcher, 2017].

Для изучения поведения государств через призму гвернаментальности нужно еще больше изменить объект управления: в международных отношениях объектом управления становятся государства. Составление различных индексов и рейтингов государств по климатической амбициозности и их обнародование является инструментом гвернаментальности. Выделение «преуспевающих», «средних» и «отстающих» государств в борьбе с климатом и обнародование их сравнения с другими государствами мотивирует их предпринимать действия, чтобы не оказаться в группе «отстающих» (у Фуко применялись термины «хороший», «средний», «плохой» и «порицаемый» [Foucault, 1977, p. 170–187]). С точки зрения Фуко, сила «нормализующего суждения» (*normalizing judgement*) достигается за счет сравнения объектов друг с другом, их дифференциации (то есть разделения по группам), выстраивания в иерархию и исключения некоторых государств (что перекликается с исключением из международного общества Английской школы) из рейтингов, закрепления за ними статуса «ненормальных» и «маргинальных» [Thiel, 2019]. В сфере климата государства вместо субъекта управления становятся его объектом. Более того, государства берут на себя функции по «самогвернаментальности»: добровольно соглашаясь принять на себя обязательства по климатической политике, государства соглашаются осуществлять самопроверку и самоконтроль.

Амбициозность климатической политики и современные тренды мировой политики

Амбициозность климатической политики является критерием дифференциации государств в климатической политике. До Парижского соглашения и «Зеленой сделки» ЕС дифференциация государств по амбициозности климатической политики не была эффективной ввиду неоднородности параметров амбициозности климатической полити-

⁴ Французское понятие “*gouvernementalité*” зачастую переводят на русский язык как «правительственность», что создает ложные ассоциации с «правительством» и «правителем», которые не закладывались в это понятие Мишелем Фуко и его последователями. Одновременно пропадает связь с понятием «ментальность», которое тесно переплетено с важными для Фуко режимами знаний. Аргументы в пользу перевода данного понятия как «гвернаментальность» см. в [Каплун, 2019].

ки. Однако «Зеленая сделка» ЕС унифицировала год достижения углеродной нейтральности как основной параметр амбициозности климатической политики. Вероятно, по мере приближения намеченных дат достижения углеродной нейтральности критерий дифференциации государств по амбициозности климатической политики изменится, как и основной параметр.

В результате установления единого критерия дифференциации начала формироваться иерархия государств по амбициозности климатической политики. Такая иерархия формируется на основе обязательств, которые принимают государства (NDCs), и закрепляется в рейтингах НПО. На современном этапе в этой иерархии лидируют ЕС и Великобритания (хотя позиции ЕС по предыдущим параметрам были хуже).

Теории международных отношений, близкие к конструктивизму (Английская школа, критическая теория, теория справедливого перехода, пассивная революция Грамши, теория дифференциации), в целом похожим образом понимают дифференциацию в климатической политике. Они указывают на то, что государства, которые будут лидировать в этой дифференциации, могут добиться своего включения в различные международные привилегированные сообщества (региональные объединения, «ядро» мирового капитализма). Однако существуют ограничения, связанные с национальными интересами, на которые указывает Английская школа, а также дискурсивной властью, на что обращает внимание неограмшизм. В свое время «стандарт цивилизации» в первую очередь служил не для введения новых стран в цивилизацию, а был оправданием для исключения большей части мира (незападных обществ) из международных отношений. Так и сейчас гораздо проще использовать климатические параметры для отделения, а не для объединения. Только в том случае, когда включение какого-то государства отражает национальные интересы членов привилегированного сообщества, амбициозность климатической повестки служит катализатором процесса вступления. С другой стороны, только тот субъект, который сохраняет дискурсивную власть в климатической повестке, способен обеспечить повышение своих позиций в международной иерархии. Такие «немые» на международной арене государства, как, например, Бутан (который уже достиг климатической нейтральности), едва ли смогут в полной мере использовать свои случайные достижения для повышения международного статуса.

Несколько иное формулирование проблемы и теоретических выводов характерно для традиции Фуко. С помощью составления рейтингов государств по амбициозности климатической политики осуществляется контроль над политикой государств и компаний со стороны НПО (которые в том числе получают финансирование от крупного бизнеса). В данном контексте примечательно, что в области дифференциации государств по климатической политике применяются инструменты гегемональности, однако, в отличие от традиционного определения, государства одновременно выступают объектом и субъектом управления: добровольно принимая на себя обязательства по соблюдению целей по борьбе с изменением климата, государства осуществляют самонаблюдение и самоконтроль. Кроме того, НПО, ООН, отдельные государства и государственные объединения (ЕС) управляют другими государствами с помощью инструментов гегемональности: составления рейтингов, ведения статистики, установления стандартов и оценки климатической политики государств.

Формирующаяся дифференциация государств по амбициозности климатической политики создает новые возможности и ограничения для государств в международной системе. Можно предположить, что по мере приближения «справедливого перехода» государства, не предпринимающие активных усилий по борьбе с изменением климата (не проводящие амбициозную климатическую политику), будут исключаться из раз-

личных сфер взаимодействия в рамках мировой политики под предлогом климатических санкций. Доступ к инструментам гегемональности, а именно к составлению рейтингов и оценке амбициозности климатической политики государств, выступает в качестве механизма управления государствами в сфере климатической политики. По мере роста актуальности климатической повестки роль в климатической иерархии будет оказывать все большее влияние на международные отношения.

Рост международной конкуренции [Сафранчук, Лукьянов, 2021a; 2021b] и размывание основ американоцентричного либерального мирового порядка увеличивают значение относительно новых сфер мировой политики, требующих установления новых правил для их регулирования (климатическая, информационная), а упадок американской гегемонии освобождает пространство для средних держав [Sucu et al., 2021]. Таким образом, из-за того, что иерархия в климатической подсистеме еще только формируется, средние державы, которые будут проводить активную зеленую политику, смогут подняться в климатической иерархии и увеличить свое влияние на международной арене.

Обязательства по борьбе с изменением климата, которые государства добровольно принимают, фиксируются в национальных документах, включая NDC. Деятельность государств в сфере климатической политики регулируется с помощью инструментов гегемональности, а государства выстраиваются в иерархию по критерию амбициозности климатической политики, основным параметром которой является год достижения углеродной нейтральности. По мере роста влияния климатической повестки на международные отношения место в формирующейся иерархии в климатической подсистеме мировой политики будет приобретать все большее значение, открывая возможности для увеличения влияния отдельных государств в мировой системе в целом.

Список источников

- Бобылев С.Н., Кирюшин П.А., Кошкина Н.Р. (2021). Новые приоритеты для экономики и зеленое финансирование // Экономическое возрождение России. Т. 67. № 1. С. 152–166. doi:10.37930/1990-9780-2021-1-67-152-166
- Каплун В. (2019). Перестать мыслить «власть» через «государство»: *Gouvernementalité*, *governmentality studies* и что стало с аналитикой власти Мишеля Фуко в русских переводах // Логос. Т. 29. № 2. С. 179–220. doi:10.22394/0869-5377-2019-2-179-218
- Ланьшина Т.А., Стоянов Д.Е., Логинова А.Д. (2021). Переход крупнейших экономик мира к углеродной нейтральности: сферы потенциального сотрудничества с Россией // Вестник международных организаций. Т. 16. № 4. С. 98–125. doi:10.17323/1996-7845-2021-04-05
- Ларионова М.В. (2021). Механизмы интернационализации Зеленой сделки // Вестник международных организаций. Т. 16. № 3. С. 124–160. doi:10.17323/1996-7845-2021-03-06
- Леонард М., Пизани-Ферри Ж., Шапиро Д., Тальяпиетра С., Вульф Г. (2021). Геополитика «Зеленой сделки» ЕС // Вестник международных организаций. Т. 16. № 2. С. 204–235. doi:10.17323/1996-7845-2021-02-10
- Лихачева В., Сергеева З., Лукьянов Ф. (2021). Кто будет оплачивать счастливое зеленое будущее? // Россия в глобальной политике. Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/articles/zelyonoe-budushhee/> (дата обращения: 10.11.2021).
- Попова И.М. (2021). Анализ законодательных изменений и мер поддержки достижения целей Зеленой сделки // Вестник международных организаций. Т. 16. № 4. С. 30–56. doi:10.17323/1996-7845-2021-04-02

- Сафранчук И.А., Жорнист В.М., Несмашный А.Д. (2021). Гегемония и мировой порядок: обзор концепции «сложной гегемонии» // Вестник международных организаций. Т. 16. № 1. С. 172–183. doi:10.17323/1996-7845-2021-01-09
- Сафранчук И.А., Лукьянов Ф.А. (2021a). Современный мировой порядок: структурные реалии и соперничество великих держав // Полис. Политические исследования. № 3. С. 57–76. doi:10.17976/jpps/2021.03.05
- Сафранчук И.А., Лукьянов Ф.А. (2021b). Современный мировой порядок: адаптация акторов к структурным реалиям // Полис. Политические исследования. № 4. С. 14–25. doi:10.17976/jpps/2021.04.03
- Сидорович В. Пандемия Net Zero // Ведомости. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/opinion/columns/2021/01/31/856114-pandemiya-zero> (дата обращения: 10.11.2021).
- Степанов И., Агикян Н., Музыченко Е. (2021). От чего зависит амбициозность климатической политики разных стран // Вестник международных организаций. Т. 16. № 4. С. 57–79. doi:10.17323/1996-7845-2021-04-03
- Хлопов О.А. (2021). Эволюция дискурса об изменении климата и его влияние на национальную безопасность США // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. Т. 8. № 1. С. 169–177. doi:10.24412/2500-1000-2021-8-1-169-177
- Adler A. (2013). Constructivism in International Relations: Sources, Contributions, and Debates in Walter Carlsnaes // Handbook of International Relations / T. Risse, B.A. Simmons (eds.). L.: Sage. P. 112–144.
- Albert M. (1999). Observing World Politics: Luhmann's Systems Theory of Society and International Relations // Millennium. Vol. 28. No. 2. P. 239–265. doi:10.1177/03058298990280020701
- Albert M., Buzan B., Zürn M. (2013). Bringing Sociology to International Relations: World Politics as Differentiation Theory. N.Y.: Cambridge University Press. doi:10.1017/CBO9781139856041
- Berrang-Ford L., Ford J.D., Paterson J. (2011). Are We Adapting to Climate Change? // Global Environmental Change. Vol. 21. No. 1. P. 25–33. doi:10.1016/j.gloenvcha.2010.09.012
- Bull H., Watson A. (1984). The Expansion of International Society. Oxford: Clarendon Press.
- Burk J., Ulich T., Bals C., Höhne N., Nascimento L. (2021). Climate Change Performance Index 2022 Climate Action Network, Germanwatch, New Climate Institute. Bonn. Режим доступа: https://ccpi.org/wp-content/uploads/CCPI-2022-Results_2021-11-10_A4.pdf (дата обращения: 17.11.2021).
- Buzan B., Albert M. (2010). Differentiation: a Sociological Approach to International Relations Theory // European journal of international relations. Vol. 16. No. 3. P. 315–337. doi:10.1177/1354066109350064
- Chen J.M. (2021). Carbon Neutrality: Toward a Sustainable Future // The Innovation. Vol. 2. No. 3. doi:10.1016/j.xinn.2021.100127
- Climate Action Tracker (2021). Countries. Режим доступа: <https://climateactiontracker.org/countries/> (дата обращения: 17.11.2021).
- Comte A. (1975). The Foundation of Sociology. N.Y.: Wiley.
- Cuming V. (2021). How COP26 Climate Pledges Compare in Run-up to Earth Day. BloombergNEF. April 20, 2021. Режим доступа: <https://assets.bbhub.io/professional/sites/24/BloombergNEF-NDC-comparison-note-2021.pdf>
- European Commission (EC) (2018). The Former Yugoslav Republic of Macedonia Report 2018. Режим доступа: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/former-yugoslav-republic-macedonia-report-2018-0_en (accessed 6 February 2022).
- Fletcher R. (2017). Environmentality unbound: Multiple governmentalities in environmental politics // Geoforum. Vol. 85. P. 311–315. doi:10.1016/j.geoforum.2017.06.009
- Foucault M. (1977). Discipline and Punish: the Birth of the Prison. N.Y.: Vintage Books.
- Jotzo F., Depledge J., Winkler H. (2018). US and international climate policy under President Trump // Climate Policy. Vol. 18. No 7. P. 813–817. doi:10.1080/14693062.2018.1490051
- Le Quesne T. (2019). Petro-hegemony and the matrix of resistance: What can Standing Rock's Water Protectors teach us about organizing for climate justice in the United States? // Environmental Sociology. Vol. 5. No. 2. P. 188–206. doi:10.1080/23251042.2018.1541953

- Lee J. (2020). The Paris Agreement and the Prospects for Socialization into the Climate Norm: Lessons from the US and China // *Asian International Studies Review*. Vol. 21. No. 1. P. 73–97. doi:10.16934/isr.21.1.202006.73
- Linklater A. (1992). The Question of the Next Stage in International Relations Theory: a Critical-Theoretical Point of View // *Millennium*. Vol. 21. No. 1. P. 77–98. doi:10.1177/03058298920210010601
- Linsenmaier T. (2018). World Society as Collective Identity: World Society, International Society, and Inclusion/exclusion from Europe // *International Politics*. Vol. 55. P. 91–107. doi:10.1057/s41311-017-0066-4
- Luhmann N. (1977). Differentiation of society // *Canadian Journal of Sociology/Cahiers canadiens de sociologie*. Vol. 2. No. 1. P. 29–53.
- Luterbacher U., Sprinz D.F. (2001). *International relations and global climate change*. Cambridge, Massachusetts and London: The MIT Press.
- McCauley D., Heffron R. (2018). Just transition: Integrating climate, energy and environmental justice // *Energy Policy*. Vol. 119. P. 1–7. doi: 10.1016/j.enpol.2018.04.014
- McGregor A., Rickards L., Houston D., Goodman M.K., Bojovic M. (2021). The biopolitics of cattle methane emissions reduction: Governing life in a time of climate change // *Antipode*. Vol. 53. No. 4. P. 1161–1185. doi:10.1111/anti.12714
- Methmann C. (2013). The sky is the limit: Global warming as global governmentality // *European Journal of International Relations*. Vol. 19. No 1. P. 69–91. doi:10.1177/1354066111415300
- Nesmarshnyi A.D., Zhornist V.M., Safranchuk I.A. (2022). International Hierarchy and Functional Differentiation of States: Results of an Expert Survey // *MGIMO Review of International Relations*. doi:10.24833/2071-8160-2022-olr2
- Net Zero Scorecard (2021). *Energy&Climate Intelligence Unit*. Режим доступа: <https://eciu.net/netzero-tracker> (дата обращения: 17.11.2021).
- Net Zero Tracker (2021). Режим доступа: <https://zerotracker.net/> (дата обращения: 17.11.2021).
- Newell P., Mulvaney D. (2013). The political economy of the ‘just transition’ // *The Geographical Journal*. Vol. 179. No. 2. P. 132–140. doi:10.1111/geoj.12008
- Oels A. (2012). From ‘securitization’ of Climate Change to ‘climatization’ of the Security Field: Comparing Three Theoretical Perspectives // *Climate change, human security and violent conflict*, Berlin and Heidelberg: Springer. P. 185–205. doi:10.1007/978-3-642-28626-1_9
- Oertel J., Tollmann J., Tsang B. (2020). Climate superpowers: How the EU and China can compete and cooperate for a green future // *Policy Brief*. 3 December, ECFR. Режим доступа: <https://ecfr.eu/publication/climatesuperpowers-how-the-eu-and-china-can-compete-and-cooperate-for-a-green-future/>
- Parsons, T. (1967). *Sociological Theory and Modern Society*. N.Y.: The Free Press.
- Pauw P., Mbeva K., Van Asselt H. (2019). Subtle differentiation of countries’ responsibilities under the Paris Agreement // *Palgrave Communications*. Vol. 5. No. 1. P. 1–7. doi:10.1057/s41599-019-0298-6
- Reus-Smit C. (2002). Imagining society: constructivism and the English School // *The British Journal of Politics & International Relations*. Vol. 4. No. 3. P. 487–509. doi:10.1111/1467-856X.00091
- Rose N., O’Malley P., Valverde M. (2006). Governmentality // *Annual Review of Law and Social Science*. Vol. 2. P. 83–104. Режим доступа: <http://ssrn.com/abstract=1474131>
- Schmelzer M. (2016). *The Hegemony of Growth: The OECD and the Making of the Economic Growth Paradigm*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Spash C.L. (2020). Apologists for growth: passive revolutionaries in a passive revolution // *Globalizations*. Vol. 18. No. 7. P. 1123–1148. doi:10.1080/14747731.2020.1824864
- Spencer H. (1966). *The Principles of Sociology*. Osnabruck: Otto Zeller.
- Sucu A.E., Safranchuk I., Nesmarshnyi A., Iskandarov Q. (2021). Transformation of Middle Powers with the Decline of World Hegemony: The Case of Turkey // *Strategic Analysis*. Vol. 45. No. 4. P. 307–320. doi:10.1080/09700161.2021.1950409
- Teo S. (2021). Toward a differentiation-based framework for middle power behavior // *International Theory*. doi:10.1017/S1752971920000688

Thiel J. (2019). The UK National Student Survey: An amalgam of discipline and neo-liberal governmentality // *British Educational Research Journal*. Vol. 45. No. 3. P. 538–553. doi:10.1002/berj.3512

Tozer L., Klenk N. (2018). Discourses of Carbon Neutrality and Imaginaries of Urban Futures // *Energy Research & Social Science*. Vol. 35. P. 174–181. doi:10.1016/j.erss.2017.10.017

Tynkkynen N. (2010). A Great Ecological Power in Global Climate Policy? Framing Climate Change as a Policy Problem in Russian Public Discussion // *Environmental Politics*. Vol. 19. No. 2. P. 179–195. doi:10.1080/09644010903574459

Webber M. (2013). *Inclusion, Exclusion and the Governance of European Security*. Manchester: Manchester University Press.

Winkler H. (2020). Towards a theory of just transition: A neo-Gramscian understanding of how to shift development pathways to zero poverty and zero carbon // *Energy Research & Social Science*. Vol. 70. doi:10.1016/j.erss.2020.101789

State Differentiation by Climate Ambition: Implications for World Politics¹

V. Zhornist, A. Nesmashnyi, M. Kharkevich, I. Safranchuk

Vera Zhornist — Analyst, MGIMO University; 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russian Federation; ORCID: 0000-0001-7406-3192; v.m.zhornist@my.mgimo.ru

Alexander Nesmashnyi — Analyst, MGIMO University; 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russian Federation; ORCID: 0000-0003-4449-6602; a.d.nesmashnyj@my.mgimo.ru

Maxim Kharkevich — PhD (Political Science), Associate Professor, MGIMO University; 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russian Federation; ORCID: 0000-0001-9476-9694; m.kharkevich@inno.mgimo.ru

Ivan Safranchuk — PhD (Political Science), Senior Research Fellow, MGIMO University; Associate Professor, National Research University Higher School of Economics; 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russian Federation; ORCID: 0000-0003-2214-6628; i.safranchuk@inno.mgimo.ru

Abstract

Climate politics forms a subsystem of world politics. In this subsystem, states are differentiated by their ambitions to decarbonize their economies. These ambitions proceed from national policies and the nationally determined contributions (NDC) submitted by states in accordance with the Paris Agreement. Based on states' climate ambitions, non-governmental organizations (NGOs) produce multiple reports ranking states and evaluating their contributions.

The main parameter of state differentiation by climate ambition is the expected year of achieving carbon neutrality. In 2019–20, the UK and the European Union (EU) promoted this parameter with the Green Deal, and eventually other metrics were overshadowed. The previously used climate parameters and rankings based on them were contradictory and depended heavily on the chosen methodology. Apart from being untrustworthy, they put some western countries in unfavourable positions.

N. Luhmann's new systems theory identifying "carbon neutrality" is taken as the main code of the climate communication subsystem that differentiates the climate subsystem of world politics from other functional subsystems. In this review article, how the emerging code of carbon neutrality is used by states and international organizations to form a new hierarchy in international relations is examined. Various constructivist and normative theories, from Foucault's poststructuralism to the historicism and normativity of the English School, are applied in order to capture the possible implications of the political use of carbon neutrality for international relations. The article concludes with a discussion of the potential prospects of climate politics hierarchization for power redistribution in international relations.

Key words: functional differentiation, climate ambition, climate change, climate adaptation, international hierarchy, carbon neutrality, Luhmann, Gramsci, Foucault, English School

For citation: Zhornist V., Nesmashnyi A., Kharkevich M., Safranchuk I. (2022). State Differentiation by Climate Ambition: Implications for World Politics. *International Organisations Research Journal*, vol. 17, no 1, pp. 163–182 (in Russian). doi:10.17323/1996-7845-2022-01-08

¹ This article was submitted 22.11.2021.

References

- Adler A. (2013). Constructivism in International Relations: Sources, Contributions, and Debates. *Handbook of International Relations* (W. Carlsnaes, T. Risse, B.A. Simmons (eds)). London: SAGE, pp. 112–44.
- Albert M. (1999). Observing World Politics: Luhmann's Systems Theory of Society and International Relations. *Millennium*, vol. 28, iss. 2, pp. 239–65. Available at: <https://doi.org/10.1177/03058298990280020701>.
- Albert M., Buzan B., Zürn M. (eds) (2013). *Bringing Sociology to International Relations: World Politics as Differentiation Theory*. New York: Cambridge University Press. doi:10.1017/CBO9781139856041
- Berrang-Ford L., Ford J.D., Paterson J. (2011). Are We Adapting to Climate Change? *Global Environmental Change*, vol. 21, iss. 1, pp. 25–33. doi:10.1016/j.gloenvcha.2010.09.012.
- Bobylev S.N., Kiryushin P.A., Koshkina N.R. (2021). Novye priority dlja jekonomiki i zelenoe finansirovanie [New Priorities for the Economy and Green Finance]. *Economic Revival of Russia*, no 1 (67), pp. 152–66. (in Russian). doi: 10.37930/1990-9780-2021-1-67-152-166
- Bull H., Watson A. (eds) (1984). *The Expansion of International Society*. Oxford: Clarendon Press.
- Burk J., Ulich T., Bals C., Höhne N., Nascimento L. (2021). Climate Change Performance Index 2022: Background and Methodology. Climate Action Network-Germanwatch-New Climate Institute. Available at: <https://ccpi.org/download/climate-change-performance-index-2022-2/> (accessed 6 February 2022).
- Buzan B., Albert M. (2010). Differentiation: A Sociological Approach to International Relations Theory. *European Journal of International Relations*, vol. 16, iss. 3, pp. 315–37. doi:10.1177/1354066109350064
- Chen J.M. (2021). Carbon Neutrality: Toward a Sustainable Future. *The Innovation*, vol. 2, iss. 3. doi:10.1016/j.xinn.2021.100127
- Climate Action Tracker (2021). Countries. Available at: <https://climateactiontracker.org/countries/> (accessed 17 November 2021).
- Comte A. (1975). *The Foundation of Sociology*. New York: Wiley.
- Cuming V. (2021). How COP26 Climate Pledges Compare in Run-Up to Earth Day. BloombergNEF, 20 April. Available at: <https://assets.bbhub.io/professional/sites/24/BloombergNEF-NDC-comparison-note-2021.pdf> (accessed 6 February 2022).
- European Commission (EC) (2018). The Former Yugoslav Republic of Macedonia Report 2018. Available at: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/former-yugoslav-republic-macedonia-report-2018-0_en (accessed 6 February 2022).
- Fletcher R. (2017). Environmentality Unbound: Multiple Governmentalities in Environmental Politics. *Geoforum*, vol. 85, pp. 311–5. doi: 10.1016/j.geoforum.2017.06.009
- Foucault M. (1977). *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*. New York: Vintage Books.
- Jotzo F., Depledge J., Winkler H. (2018). US and International Climate Policy Under President Trump. *Climate Policy*, vol. 18, iss. 7, pp. 813–7. doi:10.1080/14693062.2018.1490051
- Kaploun V. (2019). Stop Understanding “Power” Through the “State”: Gouvernamentalité, Governmentality Studies, and the Fate of Michel Foucault's Analytics of Power in Russian Translations. *Logos*, vol. 29, no 2, pp. 179–220. doi:10.22394/0869-5377-2019-2-179-218
- Khlopov O.A. (2021). Jevoljucija diskursa ob izmenenii klimata i ego vlijanie na nacional'nuju bezopasnost' SSsA [Evolution of the Discourse on Climate Change and Its Impact on U.S. National Security]. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, vol. 8, no 1, pp. 169–77. (in Russian). doi:10.24412/2500-1000-2021-8-1-169-177
- Lanshina T., Stoyanov D., Loginova A. (2021). Perehod krupnejshih jekonomik mira k uglerodnoj nejtral'nosti: sfery potencial'nogo sotrudnichestva s Rossiej [The Transition of the World's Largest Economies to Carbon Neutrality: Areas of Potential Cooperation With Russia]. *International Organisations Research Journal*, vol. 16, no 4, pp. 98–125. (in Russian). doi:10.17323/1996-7845-2021-04-05
- Larionova M. (2021). Mehanizmy internacionalizacii “Zelenoj sdelki” [The EU's Policies for the Green Deal's Internationalization]. *International Organisations Research Journal*, vol. 16, no 3. (in Russian). doi:10.17323/1996-7845-2021-03-06

- le Quesne T. (2019). Petro-Hegemony and the Matrix of Resistance: What Can Standing Rock's Water Protectors Teach Us About Organizing for Climate Justice in the United States? *Environmental Sociology*, vol. 5, iss. 2, pp. 188–206. doi:10.1080/23251042.2018.1541953
- Lee J. (2020). The Paris Agreement and the Prospects for Socialization Into the Climate Norm: Lessons From the U.S. and China. *Asian International Studies Review*, vol. 21, no 1, pp. 73–97. doi:10.16934/isr.21.1.202006.73
- Leonard M., Pisani-Ferry J., Shapiro J., Tagliapietra S., Wolff G. (2021). The Geopolitics of the European Green Deal. Policy Contribution No. 04/2021, Bruegel. Available at: <https://www.bruegel.org/wp-content/uploads/2021/02/PC-04-GrenDeal-2021-1.pdf> (accessed 6 February 2022).
- Likhacheva V., Sergeeva Z., Lukyanov F. (2021). Kto budet oplachivat' schastlivoe zelyonoe budushhee? [Who Will Pay for the Bright Green Future?] *Russia in Global Politics*. (in Russian). Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/zelyonoe-budushhee/> (accessed 6 February 2022).
- Linklater A. (1992). The Question of the Next Stage in International Relations Theory: A Critical-Theoretical Point of View. *Millennium*, vol. 21, iss. 1, pp. 77–98. doi:10.1177/03058298920210010601
- Linsenmaier T. (2018). World Society as Collective Identity: World Society, International Society, and Inclusion/Exclusion From Europe. *International Politics*, vol. 55, pp. 91–107. doi:10.1057/s41311-017-0066-4
- Luhmann N. (1977). Differentiation of Society. *Canadian Journal of Sociology/Cahiers canadiens de sociologie*, vol. 2, no 1, pp. 29–53. doi:10.2307/3340510
- Luterbacher U., Sprinz D.F. (2001). *International Relations and Global Climate Change*. The MIT Press.
- McCauley D., Heffron R. (2018). Just Transition: Integrating Climate, Energy and Environmental Justice. *Energy Policy*, vol. 119, pp. 1–7. doi: 10.1016/j.enpol.2018.04.014
- McGregor A., Rickards L., Houston D., Goodman M.K., Bojovic M. (2021). The Biopolitics of Cattle Methane Emissions Reduction: Governing Life in a Time of Climate Change. *Antipode*, vol. 53, iss. 4, pp. 1161–85. doi: 10.1111/anti.12714
- Methmann C. (2013). The Sky Is the Limit: Global Warming as Global Governmentality. *European Journal of International Relations*, vol. 19, iss. 1, pp. 69–91. doi:10.1177/1354066111415300
- Nesmarshnyi A.D., Zhornist V.M., Safranchuk I.A. (2022). International Hierarchy and Functional Differentiation of States: Results of an Expert Survey. MGIMO Review of International Relations. doi:10.24833/2071-8160-2022-olf2
- Net Zero Scorecard (2021). Energy & Climate Intelligence Unit. Available at: <https://eciu.net/netzerotracker> (accessed 17 November 2021).
- Net Zero Tracker (2021). Available at: <https://zerotracker.net/> (accessed 17 November 2021).
- Newell P., Mulvaney D. (2013). The Political Economy of the “Just Transition.” *The Geographical Journal*, vol. 179, iss. 2, pp. 132–40. doi:10.1111/geoj.12008
- Oels A. (2012). From “Securitization” of Climate Change to “Climatization” of the Security Field: Comparing Three Theoretical Perspectives. *Climate Change, Human Security and Violent Conflict* (J. Scheffran, M. Brzoska, H.G. Brauch, P.M. Link, J. Schilling (eds)). Berlin and Heidelberg: Springer, pp. 185–205. doi:10.1007/978-3-642-28626-1_9
- Oertel J., Tollmann J., Tsang B. (2020). Climate Superpowers: How the EU and China Can Compete and Cooperate for a Green Future. Policy Brief no 3, European Council on Foreign Relations. Available at: <https://ecfr.eu/publication/climate-superpowers-how-the-eu-and-china-can-compete-and-cooperate-for-a-green-future/> (accessed 6 February 2022).
- Parsons T. (1967). *Sociological Theory and Modern Society*. New York: The Free Press.
- Pauw P., Mbeva K., van Asselt H. (2019). Subtle Differentiation of Countries' Responsibilities Under the Paris Agreement. *Palgrave Communications*, vol. 5, no 86, pp. 1–7. doi:10.1057/s41599-019-0298-6
- Popova I. (2021). Analiz zakonodatel'nyh izmenenij i mer podderzhki dostizhenija celej “Zelenoj sdelki” [Systematization and Classification of the European Union's Policy Instruments for the Implementation of the Green Deal]. *International Organisations Research Journal*, vol. 16, no 4, pp. 30–56. (in Russian). doi:10.17323/1996-7845-2021-04-02

- Reus-Smit C. (2002). Imagining Society: Constructivism and the English School. *The British Journal of Politics and International Relations*, vol. 4, iss. 3, pp. 487–509. doi:10.1111/1467-856X.00091
- Rose N., O'Malley P., Valverde M. (2006). Governmentality. *Annual Review of Law and Social Science*, vol. 2, pp. 83–104. Available at: <http://ssrn.com/abstract=1474131> (accessed 6 February 2022).
- Safranchuk I., Zhornist V., Nesmashny A. (2021). Hegemony and World Order: An Overview of the Concept “Hegemony as Complexity” [Gegemonija i mirovoj porjadok: obzor koncepcii “slozhnoj gegemonii”]. *International Organisations Research Journal*, vol. 16, no 1. (in Russian). doi:10.17323/1996-7845-2021-01-09
- Safranchuk I.A., Lukyanov F.A. (2021a). The Modern World Order: Structural Realities and Great Power Rivalries. *Polis. Political Studies*, no 3, pp. 57–76. doi:10.17976/jpps/2021.03.05
- Safranchuk I.A., Lukyanov F.A. (2021b). The Contemporary World Order: The Adaptation of Actors to Structural Realities. *Polis. Political Studies*, no. 4, pp. 14–25. doi:10.17976/jpps/2021.04.03
- Schmelzer M. (2016). *The Hegemony of Growth: The OECD and the Making of the Economic Growth Paradigm*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Sidorovich V. (2021). Pandemia Net Zero [Net Zero Pandemics]. *Vedomosti*, 31 January. Available at: <https://www.vedomosti.ru/opinion/columns/2021/01/31/856114-pandemiya-zero> (accessed 17 November 2021) (in Russian).
- Spash C.L. (2020). Apologists for Growth: Passive Revolutionaries in a Passive Revolution. *Globalizations*, vol. 18, iss. 7, pp. 1123–48. doi:10.1080/14747731.2020.1824864
- Spencer H. (1966). *The Principles of Sociology*. Osnabruck: Otto Zeller.
- Stepanov I., Agikyan N., Muzychenko E. (2021). Ot chego zavisit ambicioznost' klimaticheskoy politiki raznyh stran? [What Determines the Ambitiousness of Climate Policy in Different Countries?]. *International Organisations Research Journal*, vol. 16, no 4, pp. 57–79. (in Russian). doi:10.17323/1996-7845-2021-04-03
- Sucu A. E., Safranchuk I., Nesmashnyi A., Iskandarov Q. (2021). Transformation of Middle Powers with the Decline of World Hegemony: The Case of Turkey. *Strategic Analysis*, vol. 45, iss. 4, pp. 307–20. doi:10.1080/09700161.2021.1950409
- Teo S. (2021). Toward a Differentiation-Based Framework for Middle Power Behavior. *International Theory*, pp. 1–24. doi:10.1017/S1752971920000688
- Thiel J. (2019). The UK National Student Survey: An Amalgam of Discipline and Neo-Liberal Governmentality. *British Educational Research Journal*, vol. 45, iss. 3, pp. 538–53. doi:10.1002/berj.3512
- Tozer L., Klenk N. (2018). Discourses of Carbon Neutrality and Imaginaries of Urban Futures. *Energy Research & Social Science*, vol. 35, pp. 174–81. doi:10.1016/j.erss.2017.10.017
- Tynkkynen N. (2010). A Great Ecological Power in Global Climate Policy? Framing Climate Change as a Policy Problem in Russian Public Discussion. *Environmental Politics*, vol. 19, iss. 2, pp. 179–95. doi:10.1080/09644010903574459
- Webber M. (2013). *Inclusion, Exclusion and the Governance of European Security*. Manchester: Manchester University Press.
- Winkler H. (2020). Towards a Theory of Just Transition: A Neo-Gramscian Understanding of How to Shift Development Pathways to Zero Poverty and Zero Carbon. *Energy Research & Social Science*, vol. 70. doi:10.1016/j.erss.2020.101789

Особенности цифровой публичной дипломатии международных организаций. Аналитический обзор коллективной монографии «Цифровая дипломатия международных организаций. Автономность, легитимность и конкуренция» под редакцией Р. Зайотти и К. Бйолы¹

М.М. Базлуцкая, Е.С. Зиновьева

Базлуцкая Мария Михайловна — редактор по работе с международными телерадиокомпаниями «ТВ — Новости»; Российская Федерация, 111020, Москва, ул. Боровая, д. 3, корп. 1; m.bazlutskaya@gmail.com

Зиновьева Елена Сергеевна — д.полит.н., профессор департамента международных отношений факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ); Российская Федерация, Москва, 109028, Покровский бульвар, д. 11; профессор кафедры мировых политических процессов Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (МГИМО МИД России); Российская Федерация, 119454, Москва, просп. Вернадского, д. 76; elena.zinovjeva@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена критическому обзору коллективной монографии «Цифровая дипломатия и международные организации» [Zaiotti, Bjola, 2020]. Авторы коллективной монографии отходят от государственно-центричного подхода, характерного для большинства исследований в области цифровой дипломатии, и в качестве субъектов коммуникации рассматривают международные правительственные организации. Монография вносит вклад в исследование роли международных организаций в современных международных отношениях, а также позволяет оценить потенциал цифровой дипломатии в повышении их легитимности и автономности на международной арене. Доказано, что дипломатия позволяет международным организациям компенсировать отсутствие «жесткой силы» на международной арене, повышая потенциал их влияния на мировые политические процессы.

В статье также рассматривается и ряд спорных тем, поднимаемых в монографии, в том числе вопрос о корректности и обоснованности использования терминов «дезинформация» и «фейк-ньюс». На основании проведенного анализа намечены перспективные направления исследования в области цифровой дипломатии, в частности проблемы, связанные с цифровой дипломатией международных организаций, работающих в сфере здравоохранения, что особенно актуально в современных условиях.

Ключевые слова: цифровая дипломатия, международные организации, легитимность, автономия, соперничество, информационно-коммуникационные технологии

¹ Статья поступила в редакцию 13.09.2021.

Благодарности: статья подготовлена в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту № 2020-1902-01-372.

Для цитирования: Базлуцкая М.М., Зиновьева Е.С. Особенности цифровой публичной дипломатии международных организаций. Аналитический обзор коллективной монографии «Цифровая дипломатия международных организаций. Автономность, легитимность и конкуренция» под редакцией Р. Зайотти и К. Бйолы // Вестник международных организаций. 2022. Т. 17. № 1. С. 183–190 (на русском языке). doi:10.17323/1996-7845-2022-01-09

Международные организации в эпоху цифровой дипломатии: как наднациональные структуры справляются с новым видом коммуникационных практик?

Коллективная монография «Цифровая дипломатия и международные организации: автономия, легитимность и соперничество» под редакцией Рубена Зайотти и Корнелиу Бёлы [Zaiotti, Bjola, 2020] посвящена использованию цифровых инструментов, прежде всего социальных сетей, международными правительственными организациями. Авторы монографии — ученые и преподаватели из США и стран Европейского союза (ЕС), одна из глав подготовлена российским исследователем — доцентом НИУ ВШЭ Натальей Гринчевой. Редактор книги Корнелиу Бёла — глава группы исследований цифровой дипломатии Университета Оксфорда, адъюнкт-профессор в области исследований дипломатии. Второй редактор Рубен Зайотти — директор Центра лучших практик ЕС Университета Далуси в Канаде, адъюнкт-профессор департамента политических наук.

Исследование носит междисциплинарный характер. Для анализа опыта адаптации межправительственных организаций к современной цифровой революции авторы используют широкий спектр инструментов теории международных отношений (прежде всего ее неолиберальное направление), теорию медиа, теорию организации, а также привлекают научные исследования в области истории дипломатии. Методики работы с информацией включают в себя контент-анализ, сетевой анализ, мультивариативную регрессию, при этом в качестве эмпирической базы авторы используют аккаунты международных организаций в различных социальных сетях (показательно, что сегодня международные организации представлены на всех основных площадках социальных медиа).

В современных условиях социальные медиа становятся главным инструментом получения и распространения информации, при этом телевидение, радио и печатные СМИ отходят на второй план². Согласно докладу Digital 2020, 49% населения планеты активно используют социальные медиа, при этом время, которое пользователи проводят в Интернете, в среднем по миру составляет 6 часов 43 минуты в день³. В этих условиях неудивительно, что межправительственные организации активно используют социальные медиа для внутренней и внешней коммуникации с целью получить обрат-

² Исследовательский центр компании «Делойт в СНГ». Доклад «Тенденции монетизации контента в Интернете. Медиапотребление в России — 2019». Москва, сентябрь 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/technology-media-telecommunications/russian/mediacconsumption-russia-2019.pdf> (дата обращения: 04.09.2021)

³ Digital 2020. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2020-global-digital-overview> (дата обращения: 04.09.2021).

ную связь, проанализировать отношение широкой международной аудитории к проводимой ими политике и, в случае необходимости, ее модифицировать.

Цифровая дипломатия определяется как публичная дипломатия, ориентированная на взаимодействие с широкой международной аудиторией и опирающаяся на возможности информационных технологий, прежде всего социальных сетей. При этом ее главное отличие от традиционной публичной дипломатии заключается в том, что она позволяет создавать и поддерживать долгосрочные интерактивные отношения с зарубежной аудиторией в режиме реального времени [Bjola, 2015]. Субъектами цифровой дипломатии международных организаций выступают сотрудники секретариатов или иных структурных подразделений, представители делегаций стран-членов, а также сотрудники международных организаций в личном качестве — то есть все те, кто может вести аккаунты в социальных сетях, привлекая внимание широкой аудитории к деятельности соответствующей организации.

Следует отметить, что в исследовательской литературе, российской и зарубежной, написано уже достаточно большое количество работ по проблематике цифровой дипломатии [Лебедева, 2019; Зиновьева, 2013; Bjola, 2015; Manor, 2019], однако авторы преимущественно исследуют практику государств, а деятельность международных организаций в данной области затрагивается лишь вскользь. Рецензируемая работа выходит за пределы анализа цифровой активности государств и обобщает знания о деятельности межправительственных организаций онлайн, исследует эволюцию их внутренней и внешней коммуникации и ее результаты. Авторы монографии исходят из того, что анализ цифровой дипломатии межправительственных организаций ставит целый ряд уникальных теоретических и эмпирических вопросов о роли коммуникаций, технологии и власти в международной политике, которые ранее не были объектом внимательного научного анализа [Bjola, Zaiotti, 2020].

Данная работа вносит свой вклад в современные академические дискуссии об акторности международных организаций в условиях идущих на спад глобализационных процессов [von Borzyskowski, Vabulas, 2019; Барабанов и др., 2020]. Авторы отмечают, что информационные технологии и новые медиа создают для межправительственных организаций уникальные возможности для укрепления своей международной автономии и легитимности. Социальные медиа выступают в роли «усилителей власти», позволяют МПО компенсировать отсутствие «жесткой силы» за счет возможности напрямую взаимодействовать с широкой аудиторией, повышая осведомленность о значимости глобальных или международных проблем, распространять информацию о международных нормах и достигнутых соглашениях, а также публично осуждать те правительства, которые не следуют букве соглашений, заключенных в рамках той или иной международной организации.

Тематически авторские главы в монографии сгруппированы в четыре раздела. Первый раздел посвящен особенностям внедрения технологий в структуру организаций и их повседневную деятельность. Новаторской с точки зрения международных организаций является возможность неформальной коммуникации с внешней аудиторией. Исторически международные организации были вынуждены придерживаться строгого дипломатического этикета, однако в новой цифровой среде неформальная коммуникация оказывается более эффективной и привлекательной формой общения с аудиторией. В цифровой среде международная бюрократия, которая традиционно воспринималась как крайне непрозрачная, стала значительно более открытой миру, что, в свою очередь, существенно улучшает имидж международных организаций [Bjola, Zaiotti, 2020]. Социальные медиа также оказывают влияние на внутреннюю структуру и бюрократические процессы, используются в процессе принятия решений, фор-

мировании повестки дня, а также задействованы в процессах реализации принятых решений и оценки их результатов [Bjola, 2020]. Для осмысления опыта цифровой дипломатии международных организаций предложены авторские аналитические категории — CLOCK и CLOUD структуры [Goheer, 2020]. Данный подход разделяет организации на два типа: CLOCK — Complicated, Linear, Ordered, Closed, and Kinetic⁴ — и CLOUD — Complex, Large, Open, Unpredictable, Dynamic⁵. Первые — это организации, которые действуют в соответствии со сложившимися практиками прошлого столетия, а вторые — это постоянно меняющиеся гибкие структуры, способные внедрять инновации и избавленные от излишней бюрократизированности. В новую цифровую эпоху будущее именно за организациями второго типа, кроме того, использование социальных медиа способствует трансформации организаций первого типа во второй.

Второй раздел изучает влияние социальных сетей на автономию и независимость межправительственных организаций в международных отношениях. Несмотря на то что международные правительственные организации создаются государствами и во многом зависят от них в процессе принятия решений, авторы, опираясь на исследования М. Финнемора и М. Барнета [Barnett, Finnemore, 1999], полагают, что в определенных случаях организации могут принимать самостоятельные решения и обладают свободой действий. Социальные медиа предлагают дополнительные возможности для усиления их влияния и автономии в принятии решений на международной арене. Кроме того, большая часть вызовов, порождаемых развитием цифровых технологий, также носит глобальный характер, что, в свою очередь, обуславливает востребованность межправительственных организаций как площадок для выработки согласованных ответов на вызовы в глобальной информационной сфере.

В третьем разделе коллективной монографии рассматривается влияние социальных медиа на легитимность межправительственных организаций. Сама постановка проблемы о легитимности межправительственных организаций редко является предметом научной дискуссии. В отличие от государственных структур, межправительственные организации не наделяются легитимностью напрямую от граждан в результате голосования (за редкими исключениями, такими, например, как парламент ЕС). Однако межправительственные организации нуждаются в легитимности, которую авторы монографии определяют как «уверенность заинтересованных сторон в том, что МПО должным образом выполняют возложенные на них обязанности» [Bjola, Zaiotti, 2020]. Один из авторов Йенс Стеффек [Steffek, 2015] рассматривает легитимность организаций не столько с точки зрения их внутренней эффективности, сколько с точки зрения успеха в обслуживании общественных интересов на глобальном уровне, таким образом, именно использование ИКТ позволяет межправительственным организациям получить действительно международную легитимность и тем самым упрочить свою автономию на международной арене. Как правило, именно восприятие результатов деятельности МПО как успешных и определяет их легитимность, при этом социальные сети дают возможность влиять на восприятие эффективности и результативности, формируя при помощи скоординированных кампаний или отдельных постов в социальных медиа соответствующий нарратив. При этом двусторонний характер коммуникации в современных интерактивных цифровых медиа позволяет межправительственным организациям корректировать нарратив в зависимости от реакции аудитории.

⁴ В переводе с английского: Запутанные, Линейные, Упорядоченные, Закрытые, Кинетические.

⁵ В переводе с английского: Комплексные, Огромные, Открытые, Непредсказуемые, Динамичные.

Если первые три раздела коллективного труда посвящены анализу возможностей цифровой сферы, то последний выделяет вызовы и угрозы цифрового пространства и реакцию МПО. Среди таких вызовов авторы отмечают онлайн-делигитимацию, дезинформацию и фейк-ньюс. В этом контексте наиболее спорной и политизированной проблемой, к которой обращаются авторы монографии, стала попытка разграничить информацию и дезинформацию. Однако авторы не предложили четкое определение последней, что вызывает сомнения в обоснованности анализа. В рамках анализа активности МИД России Тобиас Лемке и Михаил Хаббегер дважды используют термин «дезинформация»: один раз в сравнительной таблице деятельности российского посольства (при этом категории в таблице определяются исключительно на основании личного опыта исследователей) и один раз в предложении с обвинениями России в распространении фейк-ньюс о событиях на Украине. Однако они не приводят фактов, доказывающих, что посты действительно содержат дезинформацию (например, примеров соответствующих постов в социальных сетях), а также не дают определения последней. Таким образом, обвинения в адрес России не подтверждаются объективными доказательствами.

Авторам не удастся преодолеть западо- и американоцентризм, характерный для большинства исследований в области цифровой дипломатии. Имеющийся в данной монографии подход можно усовершенствовать, дополнив анализ не только изучением западных и универсальных межправительственных организаций, но и включением в список рассматриваемых кейсов примеры из Азии, Африки и Ближнего Востока. Интересно было бы рассмотреть не только политические организации, но и организации из сферы здравоохранения, в частности, на примере Всемирной организации здравоохранения (далее — ВОЗ). Из-за пандемии COVID-19 и усиления влияния цифровых технологий на общественную жизнь деятельность этой организации привлекает все большее внимание общественности. Эволюция же коммуникационных практик ВОЗ отражает резкий поворот организации к гражданскому обществу в попытке разрушить мифы и защитить людей от дезинформации, распространяемой через Интернет.

Спорной является выбранная авторами методология. В качестве основной теоретической рамки используется неолиберальное направление теории международных отношений, которое действительно позволяет оценить потенциал влияния и акторности международных организаций в условиях цифровой реальности. При этом позитивизм, характерный для неолиберального направления ТМО, не позволяет в полной мере осветить роль нарративов, транслируемых межправительственными организациями через социальные сети.

Таким образом, как отмечают и сами авторы коллективной монографии, настоящая работа оставляет место для новых исследований, а также для смещения акцентов и уточнений уже имеющихся результатов — в том числе исследования практики цифровой дипломатии международных неправительственных организаций. Основной заслугой ученых следует назвать выделение проблематики использования новых коммуникационных технологий межправительственных организаций в отдельное направление исследований, что расширяет предметное поле исследований в области цифровой дипломатии.

Список источников

Барабанов О.Н., Бордачёв Т.В., Лисоволик Я.Д., Лукьянов Ф.А., Сушенцов А.А., Тимофеев И.Н. (2020). Не одичать в «осыпающемся мире»: доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». Режим

доступа: https://globalaffairs.ru/wp-content/uploads/2020/05/doklad_ne-odichat-v-osypayushhemsya-mire.pdf.

Зиновьева Е.С. (2013). Воздействие компаний интернет-индустрии на мировую политику // Вестник МГИМО. № 1 (28). С. 43–37. Режим доступа: <https://www.vestnik.mgimo.ru/jour/article/view/1508/1186> (дата обращения: 13.04.2021).

Крутских А.В. (ред.) (2019). Международная информационная безопасность: теория и практика: в 3 т. Т. 1: Учебник для вузов. М.: Аспект Пресс.

Лебедева О.В. (2019). Обеспечение информационной безопасности в системе МИД и загранучреждениях в эпоху цифровой дипломатии в России // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер.: «Гуманитарные науки». № 1. С. 18–21.

Barnett M., Finnemore M. (1999). The politics, power, and pathologies of international organizations // *International organization*. Vol. 53 No. 4. P. 699–732.

Bjola C. (2015). Introduction: Making sense of digital diplomacy // *Digital Diplomacy: Theory and Practice*. Routledge. P. 15–24.

Bjola C., Zaiotti R. (2020). *Digital Diplomacy and International Organisations: Autonomy, Legitimacy and Contestation*. Routledge.

Goheer N. (2020). Clock, Cloud, and Contestation. The digital journey of the Commonwealth Secretariat // *Digital Diplomacy and International Organizations*. Routledge. P. 126–150.

Manor I. (2019). *The digitalization of public diplomacy*. N.Y.: Springer International Publishing.

Steffek J. (2015). The output legitimacy of international organisations and the global public interest // *International Theory*. Vol. 7 (2). P. 263–293.

von Borzyskowski I., Vabulas F. (2019). Credible commitments? Explaining IGO suspensions to sanction political backsliding // *International Studies Quarterly*. Vol. 63 (1). P. 139–152.

Zaiotti Z., Bjola C. (eds) (2020). *Digital Diplomacy and International Organisations Autonomy, Legitimacy and Contestation*. L.: Routledge. Available at: <https://www.routledge.com/Digital-Diplomacy-and-International-Organisations-Autonomy-Legitimacy/Bjola-Zaiotti/p/book/9780367469993>

Characteristics of the Digital Public Diplomacy of International Organizations.

Analytical Review of a Collective Monograph

“Digital Diplomacy and International Organizations. Autonomy, Legitimacy and Contestation,”

edited by R. Zaiotti, C. Bjola¹

M. Bazlutskaya, E. Zinovieva

Maria Bazlutskaya – Editor for International Television and Radio, “TV – News”; 3 bldg. 1 Borovaya Ulitsa, 111020, Moscow, Russian Federation; m.bazlutskaya@gmail.com

Elena Zinovieva – Doctor of Political Science, Professor at the Department of International Relations, Associate Professor, National Research University Higher School of Economics; 11 Pokrovsky boulevard, 109028, Moscow, Russian Federation; Professor at the Department of World Politics, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University); 76 Vernadskogo Prospect, Moscow, 119454, Russian Federation; elena.zinovieva@gmail.com

Abstract

The article provides a critical review of the book “Digital diplomacy and international organizations. Autonomy, Legitimacy and Contestation” [Zaiotti, Bjola (ed.) 2020]. The key feature of the book is the approach to the study of digital diplomacy, according to which international governmental and non-governmental organizations, and not only the foreign political departments of states, are considered as the main actors of communication. The authors highlight the features of the Internet communications of international organizations, look for new approaches to the study of online activity, consider the challenges and threats to the legitimacy and autonomy of international organizations in the context of information confrontation.

The article also examines a number of controversial topics raised by the authors of the work under review, including the issue of the correctness and validity of the use of the terms disinformation and fake news on an unsubstantiated basis.

Key words: digital diplomacy, intergovernmental organisations, communication technologies, legitimacy, autonomy

Acknowledgments: the article was written on the basis of the project “Post-crisis world order: challenges and technologies, competition and cooperation” under grant No. 2020-1902-01-372.

For citation: Bazlutskaya M., Zinovieva E. (2022). Characteristics of the Digital Public Diplomacy of International Organizations. Analytical Review of a Collective Monograph: Digital Diplomacy and International Organizations. Autonomy, Legitimacy and Contestation, edited by R. Zaiotti, C. Bjola. *International Organisations Research Journal*, vol. 17, no 1, pp. 183–190 (in Russian). doi:10.17323/1996-7845-2022-01-09

References

Barabanov O., Bordachjov T., Lisovolik Ja., Luk'janov F., Sushencov A., Timofeev I. (2020). Ne odichat' v “osypajushhemsja mire” [Not to get wild in the crushing world]. *International discussion club “Valdaj”*. Available at: https://globalaffairs.ru/wp-content/uploads/2020/05/doklad_ne-odichat-v-osypayushhemsya-mire.pdf. (in Russian)

¹ This article was submitted 13.09.2021.

- Barnett M., Finnemore M. (1999). The politics, power, and pathologies of international organizations. *International organization*, vol. 53, no 4, pp. 699–732.
- Bjola C. (2015). Introduction: Making sense of digital diplomacy. *Digital Diplomacy: Theory and Practice*. Routledge, pp. 15–24. doi:10.4324/9781315730844
- Bjola C., Zaiotti R. (2020). *Digital Diplomacy and International Organisations: Autonomy, Legitimacy and Contestation*. Routledge. doi:10.4324/9781003032724
- Goheer N. (2020). Clock, Cloud, and Contestation. The digital journey of the Commonwealth Secretariat. *Digital Diplomacy and International Organizations*. London: Routledge, Sage, pp. 126–150. doi:10.4324/9781003032724
- Krutsikh A. (2019). *Mezhdunarodnaya informatsionnaya bezopasnost: Teoria i praktika: v trekh tomakh* [International information security: Theory and practice: In three volumes], vol. 1. Aspect Press. (in Russian)
- Lebedeva O. (2019). Obespecheniye informatsionnoi bezopasnosti v sisteme MID i zagranuchrezhdeniyakh v epokhu tsyfrovoy diplomatii v Rossii [Ministry of Foreign Affairs and Diplomatic Missions Information Security during the era of digital diplomacy in Russia]. *Sovremennaya nauka: aktualniye problemy teorii i praktiki*, Series “Humanitarian science”, no 1, pp. 18–21. (in Russian)
- Manor I. (2019). *The digitalization of public diplomacy*. New York: Springer International Publishing.
- Steffek J. (2015). The output legitimacy of international organisations and the global public interest. *International Theory*, 7 (2), pp. 263–293. doi:10.1017/S1752971915000044
- von Borzyskowski I., Vabulas F. (2019). Credible commitments? Explaining IGO suspensions to sanction political backsliding. *International Studies Quarterly*, 63 (1), pp. 139–152. doi:10.1093/isq/sqy051
- Zaiotti Z., Bjola C. (eds) (2020). *Digital Diplomacy and International Organisations Autonomy, Legitimacy and Contestation*. London: Routledge. Available at: <https://www.routledge.com/Digital-Diplomacy-and-International-Organisations-Autonomy-Legitimacy/Bjola-Zaiotti/p/book/9780367469993>.
- Zinovjeva E. (2013). Vozdeystviye kompaniy internet-industrii na mirovuyu politiku [The Influence of Internet-companies on World Politics]. *Vestnik MGIMO*, vol. 1 (28). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozdeystvie-kompaniy-internet-industrii-na-mirovuyu-politiku> (accessed: 13.04.2021). (in Russian)

Факторы и динамика взаимодействия на евразийском пространстве. Обзор книги «Возвращение Евразии. Преемственность и изменения» под редакцией Г. Дизена и А. Лукина^{1, 2}

С.В. Михневич

Михневич С.В. — к.полит.н., управляющий директор Управления международного многостороннего сотрудничества и интеграции Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП), исполнительный секретарь Делового совета Евразийского экономического союза (ЕАЭС)³; Российская Федерация, 109240, Москва, Котельническая наб., д. 17; szex@yasindex.ru

Аннотация

Настоящий обзор посвящен коллективной монографии «Возвращение Евразии. Преемственность и изменения» под редакцией Г. Дизена и А. Лукина. В книге исследуются интеграционные процессы на евразийском пространстве в исторической перспективе и текущая ситуация в международных отношениях в макро-регионе.

Ключевые слова: Евразия, Большая Евразия, Большое евразийское партнерство, Россия, Китай, США, евразийская интеграция

Для цитирования: Михневич С.В. Факторы и динамика взаимодействия на евразийском пространстве. Обзор книги «Возвращение Евразии. Преемственность и изменения» под редакцией Г. Дизена и А. Лукина // Вестник международных организаций. 2022. Т. 17. № 1. С. 191–199 (на русском языке). doi:10.17323/1996-7845-2022-01-10

Сегодня международные процессы в Евразии оказывают все большее влияние на развитие глобальной системы в целом, поэтому особое значение имеют комплексные исследования динамики отношений в данном макрорегионе. Евразия исторически и

¹ Обзор поступил в редакцию 17.01.2022.

² Diesen G., Lukin A. (eds) (2021). The Return of Eurasia. Continuity and Change. Springer: Palgrave Macmillan. Режим доступа: https://link.springer.com/book/10.1007/978-981-16-2179-6?fbclid=IwAR3N-SJwhPQ9HTTr2mkH05LZp_oIJorn1MemrTC7eUuBrV7EfD4BdIGMYIdts#editorsandaffiliations.

³ Мнение автора не является позицией организаций, которые он представляет.

географически отличается от Европы и Азии, хотя и имеет с ними тесные связи, играя ключевую роль в формировании мегарегиона Большой Евразии.

К сожалению, в англоязычной литературе изучению отношений на евразийском пространстве в течение длительного времени уделялось недостаточное внимание. За пределами России и ряда государств макрорегиона евразийская проблематика зачастую существовала «на периферии» науки о международных отношениях, а интерес к теме не был устойчивым. Разумеется, это не могло не сказаться на количестве и качестве работ, а также понимании особенностей макрорегионального политико-экономического процесса.

В этой связи серьезным событием стала публикация на английском языке коллективной монографии «Возвращение Евразии. Преемственность и изменения», редакторами которой выступили Гленн Дизен и Александр Лукин. Данное издание «проливает свет на наиболее влиятельные подходы к пониманию Евразии, существующие в ключевых евразийских странах и регионах и определяющие развитие целого континента» [р. viii]. Можно с уверенностью утверждать, что работа коллектива авторов книги, объединившего известных ученых-международников со всего мира, была успешной и внесла большой вклад в устранение проблемы информационного разрыва в евразийских исследованиях и повышение осведомленности экспертного и политического сообщества иностранных государств относительно ситуации в макрорегионе.

Для России как одного из ключевых евразийских государств решение данной задачи выступает важным фактором укрепления позиций в макрорегионе за счет выявления возможностей и сложностей в сотрудничестве с государствами Евразии, а также использования перспективных средств для укрепления потенциала конструктивного партнерства. Это требует глубокого понимания исторического опыта, мотивов и интересов всех важнейших участников взаимодействия.

После окончания холодной войны Евразия прошла через период серьезных трансформаций, сопровождавшихся усилением позиций Запада и ослаблением российских позиций, связанным с распадом СССР и «моментом однополярности». Определенному снижению геополитического значения Евразии способствовало и «увлечение» Западом в российской элите, частью которого она хотела стать.

Тем не менее неготовность западных партнеров «принять в свои ряды» нашу страну привела к определенному разочарованию и пересмотру российских внешнеполитических и идеологических приоритетов. Его результатом стало стремление укрепить связи с азиатскими партнерами и «евразийский выбор» во внешней политике. Россия заинтересована в том, чтобы отношения в Евразии не приобрели характер новой «большой игры», которая предполагает высокую конфликтность и неопределенность на фоне эрозии существующего миропорядка.

Еще одним фактором восстановления международной значимости Евразии выступает подъем Азии и укрепление позиций Китая. Немаловажно, что Китай, в отличие Запада, старается учитывать российские интересы в макрорегионе, а не придерживается «игры с нулевой суммой», пытаясь вывести российских соседей из орбиты московского влияния. Во многом благодаря этому активизация политики Китая на текущий момент не привела к российско-китайскому конфликту. Более того, сотрудничество России и Китая в развитии сухопутных транспортных коридоров способствует объединению Евразии и может вдохнуть «новую жизнь» в международную торговлю.

Сегодня «Евразия способствует восстановлению политической субъектности России, Китая и других государств» [р. v]. Авторы монографии полагают, что возвращение

Евразии на передний край мировой политики представляет собой серьезный социально-экономический и политический вызов западноцентричному миропорядку, господствовавшему последние пятьсот лет, способствуя укреплению многополярности.

При этом восстановление международной значимости Евразии вдохнуло «новую жизнь» в различные концепции евразийства, существующие не только в России, но и в Венгрии, Казахстане, Турции, Китае, Индии и ряде других государств. Многие из них проанализированы в рамках рассматриваемого исследования в исторической перспективе, что существенно повышает его ценность за счет целостной и комплексной картины различных течений и взглядов на сущность евразийства, цели и задачи политики. Для одних государств евразийство — возможный идеологический ответ на ключевые вызовы международных отношений. Для других восстановление субъектности Евразии — вызов или фактор, который нужно учитывать в своей политике в макрорегионе. При этом в ходе анализа евразийской картины мира всех рассмотренных акторов значительное внимание уделяется фактору России как ключевой страны в макрорегионе.

При проведении анализа авторы не замыкаются на текущей ситуации во внешней политике соответствующих стран, а дают широкую картину видения Евразии в исторической, философской и географической перспективе с использованием инструментария теорий международных отношений. Это способствует формированию более глубокого понимания комплексных процессов, происходящих в современной Евразии, в противовес поверхностным и абстрактным дискуссиям, нередко имеющим место в современных евразийских исследованиях.

Книга состоит из четырех основных частей: введения (I); анализа ключевых идей евразийства (II); видения Евразии государствами макрорегиона (III); подходов к Евразии в ряде «неевразийских» акторов, вовлеченных в макрорегиональную динамику (IV).

В первой части книги Ричард Саква анализирует тектонический сдвиг в транзите России от Большой Европы к Большой Евразии. Он отмечает, что завершение холодной войны сопровождалась популяризацией идеи, согласно которой падение Берлинской стены означало объединение Европы. Так, идея Михаила Горбачева о создании «общего европейского дома» развилась в проект Большой Европы. Однако последней практически с самого начала была противопоставлена идея «единой и свободной Европы». Она подразумевала распространение существовавшего западноевропейского порядка на весь континент, то есть речь шла о масштабировании атлантической системы.

Ричард Саква отмечает, что «России был предложен не Большой Запад, а членство в Историческом Западе, причем на условиях подчинения» [р. 6]. Москва, которая считала, что во многом именно ее действия положили конец холодной войне, была объективно не готова согласиться с подобным предложением, сделав в дальнейшем ставку на реализацию собственного концепта, связанного с формированием Большой Евразии. Отчасти это было вызвано тем, что инициативы Москвы по строительству Большой Европы воспринимались как прикрытие для создания «Большой России» [р. 13].

Неразрешенные фундаментальные противоречия между атлантической и панконтинентальной версиями международного порядка в регионе «прорвались» в вооруженных конфликтах 2008 г. в Грузии и 2014 г. на Украине. Однако даже эти события не поставили крест на готовности России быть частью Большой Европы. По мнению Ричарда Саквы, Россия «вернулась как международная консервативная сила, но она не является ревизионистской и еще менее того она ставит целью подрыв Запада» [р. 29].

Саква отмечает, что «несмотря на разрыв с Историческим Западом, Россия при Путине сохраняет ряд прежних обязательств <для достижения> панконтинентального единства» [р. 27]. С его точки зрения, Россия придерживается неоревизионистской

стратегии, которая основана на приверженности международным институтам, созданным по итогам Второй мировой войны, и дополняется устойчивым идеализмом, основанным на вере, что Исторический Запад еще может стать Большим Западом с участием России, а панконтинентальные инициативы могли бы сделать Россию полноценным членом Большой Европы.

В основу «российского ответа» на вызовы, связанные с формированием «единого западного фронта» после 2014 г. и существенным усложнением международной обстановки, легли три ключевых «развития»:

- 1) развитие евразийской интеграции;
- 2) развитие российской территории с акцентом на Сибири и Дальнем Востоке;
- 3) развитие отношений с КНР и азиатскими многосторонними институтами, такими как АСЕАН.

Более того, данные подходы реализуются во взаимной увязке. Так, с КНР была достигнута договоренность о сопряжении евразийской экономической интеграции и китайской инициативы «Пояс и путь». Вкупе с укреплением связей с Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и Шанхайской организацией сотрудничества (ШОС) это взаимодействие должно стать основой формирующегося Большого евразийского партнерства (БЕП). Последнее вместе со связанными с ним «отдельными инициативами и проектами является частью более глубокой стратегии суверенного интернационализма» [р. 25]. Вместе с тем, несмотря на стремление России к диверсификации внешней политики, она сохраняет готовность к достижению договоренностей относительно панконтинентального единства Европы, что, в свою очередь, требует движения от конфронтации к дипломатии [р. 31].

Во второй части книги, состоящей из трех разделов, рассматриваются концептуальное и идейное измерение евразийства.

В первом разделе данной части Александр Лукин и Дмитрий Новиков анализируют развитие концепции Большой Евразии: от центра силы к сообществу. «Конструктивное сотрудничество <в Большой Евразии> должно основываться на общих институтах, неформальных рамках для взаимодействия, и ценностях, характеризующих “геоэкономическую и геополитическую консолидацию”, формирующих Сообщество Большой Евразии. При этом особое место в успехе данной инициативы, наряду со стабилизацией международной подсистемы в центральной части Евразии, ускорением экономического роста и обеспечением безопасности, отводится преодолению противоречий между Россией и Китаем, а также между Китаем и другими соседними государствами» [р. 35].

В этой связи в своем анализе авторы уделяют особое внимание российско-китайскому сближению, ключевым предпосылкам и факторам, способствовавшим ему. Особое место среди них занимает конфронтационная политика в отношении и России, и Китая со стороны США, ставящих целью противодействие укреплению независимых центров силы. Но «с геополитической точки зрения политика США на флангах Евразии выглядит в большей степени неадаптированной для сдерживания России и Китая и способствует формированию оптимальных условий для российско-китайского сближения» [р. 43].

Подчеркивая отсутствие между Москвой и Пекином глубоких противоречий на текущий момент, Александр Лукин и Дмитрий Новиков отмечают наличие расхождений по ряду вопросов, что тем не менее не снижает устойчивость российско-китайского сближения [р. 42]. Россия и Китай придерживаются, по мнению авторов, общих подходов к трансформации международного порядка, выражаемых, с одной стороны, в общей идеологии многополярности, а с другой — в стремлении освободиться от огра-

ничений односторонней международной системы, в которой доминируют США и их западные союзники [р. 54]. Однако сходство российской и китайской картин мира не принимает конкретных геополитических форм, что, с одной стороны, вызвано отсутствием стимулов для наращивания активности, а с другой — соответствующих областей, в которых такое сотрудничество могло бы быть использовано [р. 55]. В этой связи конструктивное сотрудничество в рамках Большой Евразии и формирование его Сообщества формируют условия для дальнейшего укрепления международных позиций России и Китая и полноценного утверждения многополярного мира.

В следующих разделах, написанных Дэвидом Шиммельпеннинком ван дер Ойе и Гленном Дизеном, анализируется история развития в России идеологии евразийства.

Первый из авторов анализирует исторические связи России с Азией и Европой до большевистской революции, делая акцент на восприятии их в ходе определения российской идентичности представителями российской интеллектуальной элиты. Так, определение славянофилами русской культурной идентичности, которая во многом была искажена петровскими реформами, осуществлялось через призму европейской идентичности, в которую постепенно инкорпорировались неславянские, восточные элементы [р. 94–95]. Их значимость постепенно усиливалась и нашла отражение в российской внешней политике.

Гленн Дизен, исследуя российский консерватизм, обращает внимание на его развитие в контексте восстановления политической субъектности в Евразии и адаптации к постзападному миру. Евразийство, по его мнению, становится базовой консервативной позицией для объединения фрагментированной российской истории, включая интеграцию во взаимосвязанный нарратив и национальное самосознание различных исторических периодов: Киевской Руси, монгольского ига, культурной революции Петра Великого, политики экономического национализма в Азии в XIX в., турбулентной советской эры, неопетровских реформ Ельцина и современного восхождения постзападного мира [р. 117–118]. При этом восхождение Азии сформировало сильные стимулы для восстановления евразийского консерватизма. Автор отмечает, что «впервые в российской истории органическое развитие может быть возможным в формате Большой Евразии» [р. 100]. А сама инициатива по формированию Большой Евразии выступает в роли геоэкономической стратегии, нацеленной на восстановление политической субъектности Евразии посредством «передислокации» России с двойной периферии Европы и Азии в центр более крупного евразийского конструкта» [р. 113].

Третья часть книги включает пять разделов, посвященных различным взглядам на евразийство с «национальной спецификой» в евразийских государствах Центральной Азии, Китае, Турции, Венгрии и Индии.

Султан Акимбеков представляет комплексную историческую оценку роли Центральной Азии в международных отношениях в Евразии. Несмотря на то что сейчас Центральной Азии часто уделяется недостаточное внимание как не имеющему выходов к морю региону Большой Евразии, его значимость как центра пересечения интересов ведущих евразийских государств сложно переоценить. В течение последних двух столетий регион по крайней мере трижды становился ареной «Большой игры»: между Великобританией и Россией в XIX в., затем между СССР и США в годы холодной войны, после распада СССР — между Китаем, Россией и США. Более того, можно говорить и о современной «адаптации “Большой игры”», в которой участвуют многие региональные державы: Индия, Иран, Саудовская Аравия, Турция и Пакистан [р. 121]. Таким образом, автор подчеркивает, что Центральная Азия — это регион, где решались и будут решаться судьбы «великих империй».

В следующем разделе Фэй Гао и Ли исследуют китайское видение Евразии, находящее отражение в современном проекте «Пояс и путь», а именно Нового Шелкового пути. Авторы уверены, что «для Китая Евразия — не только экономический хаб, соединяющий развитые и развивающиеся страны. Но и краеугольный камень мира и безопасности, для обеспечения региональной стабильности» [р. 157]. Значительные экономические достижения дают Китаю возможность выступать драйвером ключевых экономических инициатив, обеспечивающих интеграцию в Евразии с учетом исторического опыта взаимодействия и идеологии. В целях реализации политики «двойной циркуляции» Китай заинтересован в развивающихся странах Евразии как в источнике энергетических и сырьевых ресурсов и рынках сбыта для своей промышленной продукции. Из развитых стран Китай импортирует ключевые технологии и услуги [р. 172–173]. Одновременно Китай нуждается в создании условий для укрепления долгосрочных позиций в макрорегионе, чему способствует реализация проекта «Пояс и путь», обеспечивающая позитивные экономические эффекты не только для Китая, но и для всех вовлеченных государств. Как полагают исследователи, в ходе строительства «Пояса и пути» «китайская угроза» стала «китайской возможностью» [р. 184].

Гоктюрк Түйсюзюглу и Балаш Аблончи рассматривают идеологию евразийства через призму исторического опыта Турции и Венгрии. Первый из них отмечает возросший интерес к евразийству в стране, вызванный окончанием холодной войны и необходимостью пересмотра внешнеполитической стратегии с учетом новых международных условий и особого географического положения Турции [р. 185–186]. В своем разделе он рассматривает основные параметры классического евразийства и неоевразийства, анализирует евразийский дискурс в Турции, а также оценивает связь евразийской идеологии с практической политикой страны. Автор обращает внимание на тесную связь турецких подходов с российским евразийством. Вместе с тем в Турции рассматривают евразийство в прагматичном ключе, развивая сотрудничество с Россией там, где это возможно, однако не меняя своей стратегической ориентации [р. 223]. Балаш Аблончи исследует возрождение Венгерского туранизма как евразийского концепта, идентифицирующего венгерскую нацию в качестве наследников Гуннов. Он отмечает, что на развитие венгерского евразийства оказала сильное влияние политика России в середине XIX в. и ее роль в войне за независимость 1848–1849 гг., которые в дальнейшем нашли отражение в устойчивой антироссийской позиции в венгерском общественном мнении [р. 228]. Также автор исследует, как недавнее возрождение туранизма, приобретающего «новое дыхание» в современной Венгрии, влияет на ее восприятие своей роли в мире.

П.С. Рагхаван обращает внимание на уникальное положение Индии как ведущей евразийской силы. Исторически Индия была тесно связана с другими частями макрорегиона посредством сухопутных торговых путей. Так, Великий Шелковый путь был не просто торговым коридором из Китая в Европу, но выступал важнейшим каналом «для обмена идеями, религиями, культурой и философией между Индией, Центральной Азией и Китаем» [р. 251–252]. «Индийская “мягкая сила” в континентальной Евразии и морской Азии существенно ослабла в эпоху Британской оккупации Индии и коммунизма в Центральной Азии. Индийская внешнеполитическая стратегия после окончания холодной войны нацелена на восстановление “мягкой силы” и укрепление политических и экономических связей» с Евразией [р. 252]. Возрождение Евразии — серьезный вызов для Индии, которая стремится найти баланс между Большой Евразией и конкурирующим концептом Индо-Тихоокеанского региона (ИТР) и избежать роста напряженности и геополитического противостояния в ИТР [р. 265]. «В результате для Индии, исходя из ее географии, выделяется два основных императива внешней поли-

тики: защита экономических интересов и интересов в области безопасности в ИТР и обеспечение стратегических интересов на севере и западе континента» [р. 270].

Четвертая, заключительная, часть книги состоит из двух разделов, освещающих подходы неевразийских акторов к евразийской интеграции.

Билахари Каусикан делает попытку оценить, в какой степени ЮВА может считаться частью Евразии. С точки зрения географии ЮВА разделена на континентальные и островные государства, экономика которых также носит разделенный характер. При этом продвигаемая Россией концепция Евразии предполагает преимущественно сухопутный характер [р. 279], что существенным образом затрудняет полноценную интеграцию ЮВА в евразийские инициативы. Кроме того, Россия играет ограниченную роль в региональных отношениях, несмотря на определенные успехи в выстраивании сотрудничества с АСЕАН, в том числе по линии ЕАЭС – АСЕАН [р. 280]. Автор констатирует, что «ни Россия, ни АСЕАН не имеют четкого понимания того, какую роль другая сторона может играть в их стратегиях» [р. 280]. Изменению ситуации может способствовать определенная адаптация собственного видения к системам координат партнеров. Так, АСЕАН, разделяя идеологию многополярности, несмотря «на определенный скептицизм или дискомфорт, вызванный определенными политическими действиями Запада, не занимает враждебных позиций <по отношению к нему>» [р. 282].

В заключительном разделе Томас Грэмман анализирует в широкой исторической перспективе центральную и устойчивую роль Евразии во внешней политике США. Соединенные Штаты в течение всей своей истории определяли внешнеполитические интересы в целях обеспечения органического баланса сил в Европе и Азии, что также должно было способствовать формированию благоприятных условий для продвижения американских внешнеэкономических интересов [р. 288]. Так, после поражения Германии и Японии в попытках установить гегемонию в Европе и Азии, которое существенно укрепило позиции СССР как возможного европейского гегемона, США последовательно устанавливали присутствие на евразийском континенте для активного восстановления баланса сил. Исследователь уверен, что причиной для этого была «советская подозрительность, враждебность и жесткое поведение» [р. 298] – предпосылки, с которыми сложно согласиться, особенно если иметь в виду внешнюю политику США в рассматриваемый исторический период.

После окончания холодной войны США столкнулись с рядом новых серьезных задач в Евразии [р. 305]:

- интеграция России в евро-атлантическое сообщество как «свободной рыночной демократии»;
- укрепление суверенитета, независимости и территориальной целостности всех бывших советских государств;
- экспансия ключевых институтов евро-атлантического сообщества в Восточную Европу и стабилизация европейского континента;
- реализация мер контроля над вооружениями для поддержания безопасности арсенала бывшего СССР, сокращение российского и американского ядерных арсеналов, поддержание стратегической стабильности;
- интеграция Китая в ведомый США международный порядок как «ответственного участника»;
- партнерство с Индией и улучшение отношений с партнерами по Восточной Азии;
- изоляция Ирана.

Несмотря на наличие серьезных ресурсов и возможностей «момента однополярности», США очень ограниченно преуспели в решении указанных задач, результатом

чего стал рост глобальной неопределенности и совершенно новое распределение сил в Евразии, к которому США еще только предстоит адаптировать собственную политику.

В заключение необходимо отметить, что несмотря на дискуссионный характер многих идей авторов и недостаточную проработку вопросов институциональной динамики интеграционных процессов на пространстве Евразии, рассмотренное исследование, без сомнения, заслуживает внимания и может быть рекомендовано к тщательному изучению не только специалистам, но и всем интересующимся современными международными отношениями.

Factors and Dynamics of Interaction in Eurasia. Review of “The Return of Eurasia: Continuity and Change,” edited by Glenn Diesen and Alexander Lukin^{1, 2}

S. Mikhnevich

Sergey Mikhnevich — PhD in political science, managing director of the Department for International Multilateral Cooperation and Integration, Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs (RSPP); executive secretary of the Eurasian Economic Union (EAEU) Business Council³; 17 Kotelnicheskaya nab., Moscow, 109240, Russian Federation; sxzex@yasindex.ru

Abstract

In this article, the author reviews The Return of Eurasia: Continuity and Change, edited by Glenn Diesen and Alexander Lukin. The book is dedicated to the research of the concepts, history and current stance of integration processes in Eurasia.

Key words: Eurasia, Greater Eurasia, Greater Eurasian Partnership, Russia, China, the U.S., Eurasian integration

For citation: Mikhnevich S. (2022). Factors and Dynamics of Interaction in Eurasia. Review of “The Return of Eurasia: Continuity and Change”, edited by Glenn Diesen and Alexander Lukin. *International Organisations Research Journal*, vol. 17, no. 1, pp. 191–199 (in Russian). doi:10.17323/1996-7845-2022-01-10

¹ Diesen G., Lukin A. (eds) (2021). The Return of Eurasia: Continuity and Change. Springer: Palgrave Macmillan. Available at: https://link.springer.com/book/10.1007/978-981-16-2179-6?fbclid=IwAR3NSJwhPQ9HTr2mkH05LZp_oIJorn1MemrTC7eUuBrV7EfD4BdIGMYIdts#editorsandaffiliations

² This analytical review was submitted 17.01.2022.

³ The opinions expressed in this publication are those of the author. They do not purport to reflect the opinions or views of organisations he represents.

К сведению авторов

Редакция журнала «Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика» НИУ ВШЭ приглашает к сотрудничеству авторов.

Наше издание открыто для экспертных организаций и исследовательских институтов, в том числе вузов, занимающихся изучением вопросов деятельности международных институтов; развития образования, науки и инноваций в национальном и международном контексте. В числе наших авторов мы будем рады видеть ученых и экспертов в сфере международных отношений и глобального управления; содействия развитию; международного сотрудничества по различным сферам социально-экономической политики. Мы приглашаем к сотрудничеству исследователей и экспертов зарубежных университетов, экспертных институтов и международных организаций и рады возможности познакомить российского читателя с результатами оригинальных исследований зарубежных авторов. Журнал принимает для рассмотрения результаты исследований и публикации учащихся аспирантур российских университетов, вузов стран СНГ, университетов дальнего зарубежья. Аудитория журнала в настоящее время представлена руководителями и специалистами научно-исследовательских организаций, федеральных министерств и ведомств, экспертным и академическим сообществом России, стран СНГ, дальнего зарубежья.

Мы будем рады видеть вас среди наших авторов!

Обращаем внимание:

- Все материалы публикуются бесплатно. Основными требованиями к материалу является его соответствие тематике издания, научность и соблюдение требований к оформлению рукописей.
- Требования к оформлению рукописей сформированы на основании текущих российских требований и **требований международной библиометрической базы Scopus** к оформлению научных публикаций.
- Российские требования и требования международной библиометрической базы Scopus к рукописям размещены на странице журнала по адресу <http://iorj.hse.ru/authors>. **Несоответствие рукописей всем требованиям является одним из оснований для отказа в публикации статьи в журнале.**
- Перед публикацией все присланные материалы проходят процедуру анонимного рецензирования.
- На основании полученного экспертного заключения материалы публикуются, возвращаются авторам на доработку или не допускаются к изданию. Редакция своевременно уведомляет автора в случае отказа в публикации.
- С авторами опубликованных материалов заключается **лицензионный договор**, согласно которому изданию передаются неисключительные права на публикацию материала.
- Все рукописи передаются в редакцию журнала по электронной почте по адресу iorj@hse.ru.

*С уважением,
редакция журнала «Вестник международных организаций»*

Уважаемые читатели!

Редакция журнала «Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» информирует о продолжении своей работы по изданию научного периодического журнала в 2022 г.

Доводим до вашего сведения, что в 2022 г. запланирован выпуск четырех номеров журнала.

Обращаем ваше внимание, что «Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика» распространяется по России и другим странам СНГ через Объединенный каталог «Пресса России». Оформить подписку можно в любом отделении почтовой связи. **Подписной индекс издания 20054.**

По всем вопросам Вы можете обращаться в редакцию журнала «Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика» по телефону +7 495 772-95-90 доб. 23147 или по адресу iorj@hse.ru

*С уважением,
редакция журнала «Вестник международных организаций»*

Формат 60×88 1/8.
Уч.-изд. 17. Тираж 400 экз. Заказ .

Адрес редакции
Россия, 119017, Москва, ул. Малая Ордынка, д. 17, оф. 417
Телефоны: +7 495 772-95-90 *23147 и *23149
E-mail: iorj@hse.ru

Отпечатано ООО «Фотоэксперт»,
109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42

Объединенный каталог
«Пресса России»
Подписной индекс 20054

